РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

В номере:

Дискуссии о природе и судьбе СССР в годы Перестройки

Федерализация России в 1920-е гг.

Национальное строительство на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг.

◇

«Большой чертёж» Московского государства

Строительство архиерейских резиденций в XVII в.

Монастырский приказ в начале XVIII в.

«Русский Афон» в Крыму

Переписи российских городов

Судебные учреждения в Сибири

Народы Востока в русской общественной мысли конца XIX – начала XX в.

Обсуждаем книгу

В.Н. Круглов.
Организация территории России в 1917–2007 гг.:
идеи, практика, результаты

Основан в марте 1957 года

Выходит 6 раз в год

6

ноябрь декабрь 2022

МОСКВА

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева, Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов, В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Р.Г. Пихоя, Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская, П.Г. Гайдуков, В. Дённингхаус, С.В. Журавлев, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев (*зам. главного редактора*)**, Е.А. Мельникова, Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов** (*зам. главного редактора*)**, Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: Артур Шик (1947)

© Российская академия наук, 2022
Редколлегия журнала «Российская история» (составитель), 2022

Перестройка как момент истины: к дискуссиям о природе и судьбе СССР

Сергей Журавлёв

Perestroika as a moment of truth: on discussions about the nature and fate of the USSR

Sergey Zhuravlev
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722060012, **EDN**: MKWEFO

100-летний юбилей образования Советского Союза – удачный повод подвести итоги и наметить перспективы изучения не только собственно событий начала 1920-х гг., но и советского периода нашей истории в целом. Главный тезис, вынесенный в заголовок данной статьи, заключается в том, что ответы на многие ключевые вопросы о природе и судьбе СССР, находящиеся в центре современных дискуссий, следует искать в последнем периоде существования Советского Союза – перестройке (1985–1991). Чем дальше мы отдаляемся от этого исторического этапа и чем весомее становится его историография, тем отчётливее осознаётся его значение, а также присутствие в нём различных развилок и альтернатив.

С высоты сегодняшнего дня мы лучше понимаем всю противоречивость и сложность перестройки, причудливо или, как сказали бы марксисты, диалектически соединившей в себе разнонаправленные импульсы как обновления, так и распада. Этот последний, краткий период существования СССР представляет собой «сгусток» интенсивной реформаторской деятельности, затронувшей практически все сферы жизни и буквально за несколько лет приведшей к столь кардинальным переменам, что многие исследователи не без основания пишут о революционных сдвигах в рамках ещё действовавшего Союза.

При этом по сей день не до конца ясно, какие именно перемены целенаправленно инициировались и проводились в жизнь руководством страны во главе с М.С. Горбачёвым, какие стали неожиданным для власти результатом ошибочных, запоздавших, неверно понятых или просто трансформировавшихся под влиянием объективных и субъективных обстоятельств «сигналов сверху» (черномырдинское «хотели как лучше, а получилось – как всегда» характерно и для перестройки), а какие можно отнести к результатам стихийных, не контролируемых властью процессов.

Кто-то воспринимает главный вектор перестройки как разрыв с наследием сталинизма и возвращение к «ленинским истокам», а кто-то, наоборот, как подрыв самих основ социализма. В любом случае важно посмотреть на этот период не только как на «вещь в себе», но и оценить его в контексте предшествующего развития страны, в том числе имея в виду события 1922 г. В какой

© 2022 г. С.В. Журавлёв

мере перестройка отразила сильные и слабые стороны, характерные черты и противоречия советской системы, включая её национально-государственное устройство, формальный и реальный федерализм, «имперские черты»? В каком состоянии СССР подошёл к началу «горбачёвских» реформ? В какой степени атмосфера перестройки, её идеи и задачи, восприимчивость общества к переменам подготовлены предшествующими десятилетиями? Как на рубеже 1980–1990-х гг. «аукнулось» то, что большевики заложили в фундамент Союза в 1922 г., а что оказалось порождением уже самих реформ? Почему инициированное властью заполнение «белых пятен» прошлого, в том числе периода образования СССР, имело не очищающие, а разрушительные последствия, приведшие к дискредитации основ советской системы в глазах общества? Ответы на эти и многие другие «трудные вопросы» остаются, по большому счёту, открытыми.

Нельзя сказать, что период 1985–1991 гг. обойдён вниманием российских и зарубежных исследователей. Вместе с тем, как представляется, количественное приращение фактов и насыщение информацией по разным сюжетам и аспектам этого времени пока не приводит к синтезу, к качественным прорывам в осмыслении той эпохи. Причина может скрываться в «многослойности» процессов перестройки, когда политические, экономическое, социально-культурные явления активно взаимодействовали и влияли друг на друга. Это ставит в повестку дня необходимость комплексного подхода и междисциплинарных поисков.

Характерны в этой связи выводы В.М. Зубока, который, реконструировав с высоты современного знания события тех лет, обнаружил, что конкретно-исторический материал «сопротивляется» вписыванию в колею сформулированных в историографии основных причин краха СССР. По его мнению, страна к концу 1980-х гг. ещё не исчерпала свой ресурс. Ни внешнее давление и груз гонки вооружений, ни проблемы в экономике или области национально-государственного строительства и межнациональных отношений, ни кризис идеологии ещё не вели к системному кризису «советской империи». Таковой стал возможен лишь по следам фатальных ошибок руководства страны и в условиях разрушительного противостояния союзной и российской власти[1].

СССР и реформы. К числу центральных проблем современных дискуссий относится вопрос: была ли в принципе советская система способна к реформированию? Ответ на него до сих пор зависит не столько от научной аргументации, сколько от политических пристрастий авторов. Характерный пример: в 2021 г. под редакцией Г.Э. Бурбулиса вышла брошюра о ГКЧП под названием «Политический Чернобыль партийно-советской тоталитарной империи». На самом деле к августу 1991 г. СССР как «партийно-советской тоталитарной империи» уже не существовало. Напротив, некоторые историки не без оснований считают 1990–1991 гг. самыми демократичными в отечественной истории.

О том, что советская система постоянно эволюционировала, можно судить, конечно, не только по периоду перестройки. Достаточно вспомнить, что учредителями СССР в 1922 г. стали четыре союзных республики, а к концу советской эпохи их стало уже 15, и это не простая арифметика. После И.В. Сталина на первые роли выдвигались руководители, каждый из которых, включая Горбачёва, на волне критики предшественника непременно стремился про-

[1] *Zubok V.M.* Collapse: the fall of the Soviet Union. Yale, 2021.

явить реформаторские устремления. Это, судя по всему, не случайно. При всём своём идеологическом «консерватизме» советская система всегда нацеливалась на прогресс – развитие экономики, научные и спортивные достижения, совершенствование социальной сферы и культуры, повышение уровня жизни людей, формирование гармонично развитой личности и т.д. Достижение позитивной динамики стало «идеей фикс», доказательством состоятельности власти. На фоне установки, что неуклонный прогресс является характерным признаком и преимуществом социализма, любые трудности и сбои, замедление темпов развития воспринимались советскими руководителями крайне болезненно, считались равносильными провалу.

Одной из проблем современной историографии СССР является то, что она во многом находится в русле трактовок и отчасти стереотипов, сформировавшихся во второй половине 1980-х – 1990-е гг. К примеру, исследователи привычно акцентируют внимание на кризисных явлениях доперестроечного времени. Как известно, термин «застой» введён в политический лексикон Горбачёвым для обоснования необходимости проведения радикальных реформ. Застой (на английский язык этот термин переводился с более сильной негативной коннотацией – как стагнация, загнивание) в дальнейшем получил широкое распространение в историографии как принципиальная характеристика состояния советской системы и общества в 1970-х – начале 1980-х гг., и постепенно превратился в идеологему, рассматриваясь как противоположность оттепели и перестройке.

Однако в последние десятилетия наметилось переосмысление брежневского периода[2]. Исследователи всё чаще отказываются от однозначной оценки его как застойного, ограничивая охват данной характеристики преимущественно состоянием политико-идеологической надстройки. Поставлено под сомнение, в том числе с учётом рассекреченной аналитики западных спецслужб, что экономика СССР к середине 1980-х гг. находилась в состоянии системного кризиса. Теперь чаще более осторожно говорится о замедлении темпов её роста. В зависимости от разных методик подсчёта и использования разных показателей утверждается, что в 1975–1985 гг. ежегодный прирост продукции составлял в среднем 3,8%; по другим, пессимистическим данным, с 1977 по 1985 г. – в среднем 1,6%[3].

Работы, посвящённые изучению «низовых этажей» советского общества 1970-х – начала 1980-х гг. (общественные настроения, повседневные социокультурные и потребительские практики, политические взгляды и досуговые предпочтения людей), тоже рисуют более сложную и противоречивую картину. Выясняется, что для этого времени характерны не только стабильность и уверенность в завтрашнем дне, но и разнообразие мнений и в целом значительная динамика процессов. Не только на кухнях, но и в официальных структурах – первичных партийных и комсомольских организациях, производственных ячейках, получивших широкое распространение творческих объединениях по интересам – активно обсуждались насущные проблемы, люди проявляли ини-

---

[2] См., например: Brezhnev reconsidered / Ed. by E. Bacon, M. Sandle. L., 2002; Reconsidering stagnation in the Brezhnev era. Ideology and exchange / Ed. by D. Feinberg, A. Kalinovsky. Lanham (MD), 2016; *Schattenberg S.* Brezhnev: the making of a statesman. L., 2021.

[3] Brezhnev reconsidered. P. 40; *Trudolyubov M.* Running frantically in place: despite similarities, Putin's Russia is not Brezhnev's // Wilson Center. 2021. May 14 (URL: https://www.wilsoncenter.org/blog-post/running-frantically-place-despite-similarities-putins-russia-not-brezhnevs).

циативу, критически высказывались по поводу недостатков в сфере потребления, не проходили мимо нарушений социальной справедливости[4]. Если это действительно так, то брежневский период выглядит уже не только как время тотального дефицита, «пофигизма» и двойной морали, но и как «инкубатор», в котором вызревали будущие перестроечные лидеры и идеи.

Как известно, реформы конца 1980-х гг. не просто оказались крайне неудачными, но привели к глубокому экономическому кризису и разочарованию в возможностях плановой системы и социализма в целом. Означало ли это, что оказалась негодной сама стратегия преобразований, не были просчитаны их тактика, последовательность и сроки? Или же плохи исполнители? Эти вопросы остаются открытыми.

Значительно более успешными, нежели экономические, следует признать политические реформы Горбачёва. Речь идёт в первую очередь о демократических преобразованиях и гласности. Можно ли в свете этого сделать вывод, что советская система продемонстрировала потенциал для реформирования? Имеет смысл присмотреться к её особенностям, оказавшимся востребованными в период перестройки.

Демократизация Советов. Двумя главными составляющими советской политической модели выступали Советы и Коммунистическая партия. После образования СССР во всех союзных республиках была создана система подотчётных Центру и проводящих единую политику партийных и советских организаций, призванная воплотить модель советского федерализма. Лишь в последнее время в серьёзных исследованиях рассматривается, как на деле выстраивалась система сдержек и противовесов во взаимоотношениях Центра и периферии, как на уровне Союза в целом и РСФСР – наиболее крупной и сложно сконструированной общности со множеством национальных образований – действовали механизм учёта и практики лоббирования общегосударственных, национальных, территориальных, а также ведомственных интересов. Тем не менее уже в первом приближении ясно, что разрушение единой партийно-советской вертикали с неизбежностью вело к разрушению и союзной государственности.

Нижеследующие рассуждения о Советах и партии не являются попыткой их апологии. Они вызваны в первую очередь стремлением обратить внимание на пробелы в современной историографии, в которой данная тематика явно недооценена или сильно политизирована, в том числе в контексте изучения образования СССР и межнациональных отношений.

Итак, во время перестройки обе структуры оказались в центре событий и подверглись реформированию. Что касается Советов, то вряд ли стоит сводить их роль в разные периоды существования СССР лишь к «декоративному» представительству «ничего не решавшей» депутатской массы, которая «штамповала» решения сросшихся с государством партийных органов. Подобные выводы основывались на изучении лишь верхушки правящего слоя – номенклатуры.

Политикой и её законодательным оформлением занимались в основном союзные и республиканские Верховные советы. Однако вряд ли стоит оставлять без внимания Советы в сельской местности и в городах – районные, поселковые, сельские. В 1980-х гг. по всему СССР их насчитывалось свыше 51 тыс., в том числе в РСФСР – более 28 тыс. Конституция СССР 1977 г.

[4] Reconsidering stagnation in the Brezhnev era...

и принятая на её основе Конституция РСФСР, «исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, проживающих на территории данного Совета», включили в их компетенцию хозяйственно-бытовые и социально-культурные вопросы местного значения (ст. 146). В 1977 г. в Советы среднего и низшего уровня были избраны более 2,2 млн депутатов[5]. Известно, что примерно 50% из них составляли женщины и что существовали негласные квоты в отношении возраста, партийности, национальности, образовательного уровня, призванные обеспечить присутствие в Советах разных слоёв населения. Такой подход, по крайней мере формально, делал их ещё и представительными органами власти. Можно по-разному относиться к квотам, но опыт других стран и издержки формирования депутатского корпуса в современной России заставляют более внимательно отнестись к изучению советской практики в данном вопросе.

Школу депутата низового уровня прошли миллионы граждан. В региональных архивах сохранились фонды местных Советов, но они остаются невостребованными. Не припомню и серьёзных научных проектов в русле «устной истории», ставящих целью проанализировать, чем занимались депутаты, какие проблемы решали, какой опыт получили и как с высоты сегодняшнего дня относятся к этому опыту. Любопытно было бы также узнать, насколько эффективно действовали низовые Советы и их органы, как осуществлялось их взаимодействие с хозяйственными и партийными структурами. Все эти вопросы в научном плане плохо изучены или политизированы.

Один из моих тезисов заключается в том, что полноценную историю Советов невозможно изучать вне связки «Советы + депутаты», что требует привлечения методик социальной истории, микроистории и соответствующего комплексного подхода к формированию источниковой базы такого рода исследований. Не обойтись здесь и без биографической составляющей, поскольку специалисты прекрасно знают, как много в советской действительности зависело от «субъективно-личностных факторов», т.е. от конкретного человека. Находившиеся в сходных финансовых, юридических и прочих условиях Советы в зависимости от авторитета, компетентности и иных качеств депутатов могли и функционировать совершенно по-разному.

В годы перестройки одним их главных политических лозунгов стало возвращение полноты власти от партии – Советам и демократизация их деятельности. Советская система в центре и на местах оказалась серьёзно реформирована и к концу 1980-х гг. по многим параметрам отличалась от сталинских и брежневских времён. Однако история реформирования местных Советов в этот период, политическая борьба на местах и деятельность депутатов низового уровня ещё не написаны. За малым исключением (например, история шахтёрского движения) перестройка в российской историографии изучается в основном в русле традиционной политической истории – деятельности центральной власти и борьбы элит, тогда как социально-политические процессы на низовом уровне, особенно «в глубинке» со всей её спецификой, остаются малоизученными. Это может создать ложное впечатление, что перестройка оказалась преимущественно «верхушечным» процессом.

---

[5] О специфике деятельности и реформах в системе Советов см.: *Скуратов Ю.И.* Система социалистического самоуправления советского народа. Проблемы конституционной теории и практики. Свердловск, 1987; *Попов М.В.*, *Казённов А.С.* Советы как форма власти. СПб., 2013.

Какое отношение вышесказанное имеет к теме статьи? Дело в том, что Советы местного уровня, избранные демократическим путём и освобождённые от прежнего влияния партократии – при всех их недостатках – не только воспринимались населением как одно из важных завоеваний перестройки, но и превратились в базу демократических преобразований в стране. Лидеры демократического движения России (в том числе вышеупомянутый Бурбулис, в 1989–1990 гг. являвшийся одним из руководителей комитета Верховного совета СССР по вопросам работы Советов народных депутатов, развития управления и самоуправления) в тех условиях прекрасно понимали роль Советов и приложили немало усилий для их превращения в реальные институты самоуправления.

Эта задача решалась довольно успешно. После отмены 6-й статьи Конституции, а затем и роспуска КПСС Советы оказались единственной властью на местах. Это положение юридически закрепили закон «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» (1990) и закон «О местном самоуправлении в РСФСР» (1991). Однако их полновластие продолжалось всего два года – с осени 1991 по осень 1993 г. К моменту распада СССР и в связи с нарастанием центробежных тенденций внутри России обозначилась потребность в ограничении «стихийной демократии» и в усилении государственной исполнительной власти, которая ассоциировалась в первую очередь с президентской вертикалью власти. К этому добавилась нараставшая критика негативных последствий «шоковой терапии» со стороны не только Верховного совета РСФСР, но и региональных и местных Советов, которые, естественно, отражали настроения своих избирателей. В сложившихся условиях система Советов стала восприниматься сторонниками российского президента Б.Н. Ельцина как главная сила, препятствующая радикальным реформам.

С высоты сегодняшнего дня ясно, что её слом после трагических событий октября 1993 г. объяснялся в первую очередь соображениями текущей политической борьбы, потребностями укрепления президентской власти. Однако это решение имело противоречивые последствия. Ведь на самом деле покончили не со «старыми» Советами – наследием коммунистического режима, а с «новыми» – одним из важных завоеваний перестройки, ассоциировавшимся в глазах рядовых людей с реальной демократией.

Две ипостаси КПСС: аппарат и рядовые партийцы. Второй ключевой составляющей советской политической и государственной системы выступала Коммунистическая партия. Свободная от политической ангажированности научная история КПСС пока ещё не написана. Сохраняет актуальность и изучение деятельности республиканских компартий.

Одна из проблем заключается в том, что многие авторы, следуя стереотипному подходу, отождествляют партию преимущественно с аппаратом ЦК и номенклатурой. На самом деле, как и в случае с системой Советов, правящая партия являлась намного более сложным организмом. Многое значил «фактор партбилета», при котором обычное законодательство дополнялось более строгими морально-этическими «нормами партийной жизни» – негласными правилами поведения на службе и в быту. Даже с учётом всех издержек и исключений (например, фактической неподсудности партийной элиты), в целом этот свод правил, основанных на «Моральном кодексе строителя коммунизма», не только выступал механизмом дисциплинирования почти 19,5 млн ком-

мунистов (1988–1989 гг.), но и, с учётом массового характера партии, фактически участвовал в нормировании повседневности советского общества.

К началу перестройки коммунисты были объединены в примерно 400 тыс. первичных парторганизаций, действовавших в городе и деревне, армии, учреждениях науки, образования и культуры. Из этого числа только 6,4 тыс. ячеек считались крупными, имея в своих рядах более 300 коммунистов, ими руководили освобождённые партийные работники. Остальные 96% ячеек являлись малочисленными, многие насчитывали от 3 до 15 человек и не были связаны с партийной номенклатурой. Это позволяет говорить о двух разных ипостасях, в которых существовала КПСС, причём обе они являлись частями советской общественно-политической системы. Партия в СССР – одновременно и часть государственного механизма, и общественная организация[6]. Повсеместное существование выборных партийных комитетов на производстве, действовавших наряду с администрацией, создавало своего рода систему сдержек и противовесов. Что случилось, когда после роспуска КПСС прекратил действовать этот сдерживающий механизм, остаётся не изученным.

Перестроечные реформы изменили и партию. Обострились противоречия между занявшейся «монетизацией» своих привилегий номенклатурой и рядовыми коммунистами. Последние наравне со всей страной испытывали нараставшие экономические трудности, их реакция на происходящее не отличалась от реакции беспартийных. К началу 1991 г. прежней единой КПСС фактически уже не существовало. В партии появились течения, наметился раскол на, условно, «радикалов», «центристов» и «консерваторов», которые в перспективе могли образовать самостоятельные политические силы. Ситуация осложнялась тем, что ЦК утрачивал контроль за парторганизациями республик и регионов, многие партийные лидеры которых примкнули к набиравшим силу движениям за экономическую и политическую независимость. Остававшийся формально руководителем КПСС Горбачёв после избрания президентом СССР устранился от партийных дел, всё больше дрейфуя в сторону социал-демократических идей.

Следствием происходивших перемен стала радикализация и поляризация настроений в первичных парторганизациях, которые представляли собой наиболее социально активную часть общества. В то время, когда первые объединения демократической направленности только зарождались, многие «первички» уже превратились в дискуссионные площадки и проводники реформистских настроений на местах. Партия выступила главным источником рекрутирования кадров в демократическое движение, вышли из неё едва ли не все его лидеры, начиная с Ельцина. Отчасти благодаря этому в новой России не произошло и настоящей смены политических и культурных элит. Отсюда – знаменитый афоризм о ситуации 1990-х гг. министра газовой промышленности СССР в 1985–1989 гг. В.С. Черномырдина, плавно пересевшего в 1992 г. через руководство «Газпромом» в кресло российского премьера: «Что ни делаем – получается КПСС, либо автомат Калашникова».

Можно поставить вопрос так. Если на рубеже 1980–1990-х гг. в СССР и России и произошла революция, как полагают некоторые специалисты,

[6] Этот вывод фактически подтвердил Конституционный суд РФ. 30 ноября 1992 г. в постановлении по «делу КПСС», признав обоснованность запретительных указов Ельцина в отношении партийного аппарата, он вместе с тем отменил запрет деятельности первичных партийных организаций.

то, несомненно, это революция особого рода. Перемены действительно носили революционный характер, однако многие из них оказались «сглажены» и растянуты во времени рядом обстоятельств, в том числе результатами перестроечных реформ.

«Мягкий» распад сверхдержавы и его тяжёлые последствия. Последние дни Советского Союза оказались будничными. 25 декабря 1991 г. Горбачёв объявил о сложении полномочий президента СССР и передал «ядерный чемоданчик» российскому президенту Ельцину. Смена общественно-политического строя и экономической системы прошла внешне на удивление «мягко», как бы «вписавшись» в уже ставшую привычной кризисную ситуацию. Показательно в этом смысле, что в памяти многих россиян эти события как водораздел между историческими эпохами не отложились. Зато в представлении современников события 1985–1999 гг. – т.е. перестройка и становление новой России, – слились в единую «эпоху перемен».

Следует иметь в виду, что такое видение событий в России отличалось от мнения жителей многих других республик, в том числе миллионов русских, оказавшихся в тот период в центре межнациональных конфликтов. Проблема распада СССР «снизу», через судьбы и оценки рядовых людей на всем его пространстве, их сравнительные характеристики, – тема, ждущая своих исследователей.

Из отечественной и мировой истории известно, что столь масштабные катаклизмы часто имели трагические последствия. Советский Союз с его ядерным арсеналом и воинскими контингентами в Европе и на других континентах мог стать «Титаником», гигантская волна от крушения которого переросла бы в разрушительное цунами, выйдя далеко за границы страны. Однако тогда удалось избежать больших жертв, катастрофического гражданского противостояния внутри многонациональной страны, минимизировать или «заморозить» конфликты на пространстве СССР и не допустить катаклизма в мировом масштабе. Думается, по прошествии трёх десятилетий это особенно ясно.

Тема «всемирно-исторического значения» крушения СССР требует специального рассмотрения, поскольку многие кумулятивные последствия событий 1991 г., имеющие даже более разрушительный характер, проявляются лишь спустя десятилетия. Всё это ставит в повестку дня необходимость специального изучения не только их непосредственных, но и отложенных последствий. Сквозь призму последних стоит посмотреть и на события 2014 и 2022 гг. вокруг Украины. Специальная военная операция по защите населения Донбасса стала точкой отсчёта новой эпохи в геополитике и в позиционировании России на мировой арене. По последствиям события февраля 2022 г. могут превзойти изменения, вызванные исчезновением СССР в декабре 1991 г.

Ситуация 2022 г. одновременно обнажила многие проблемы прошлого. Можно спрогнозировать, что она вызовет переоценку советского и постсоветского периодов отечественной истории, холодной войны, причин и последствий распада СССР. В числе ключевых вопросов, которые, как представляется, в ближайшее время выйдут на первый план в историографии, – переосмысление феномена советского федерализма, формирования национальной государственности в рамках Союза, практика сосуществования тенденций интернационализма и национализма, «русский фактор» в советской национальной политике и др. В связи с современными попытками «отмены» русской культуры на Западе возрастает интерес к феномену советской многонациональ-

ной культуры, наследницей которой является Российская Федерация. Парадоксальность ситуации заключается в том, что, поскольку одним из важных источников дореволюционной российской, советской и постсоветской культуры в нашей стране выступала украинская культура, практика «отмены», по сути дела, затрагивает и её культурные традиции.

Вновь обратимся к вопросу о том, почему в конце 1991 г. распад СССР прошёл сравнительно спокойно. После августовских событий такая развязка ожидалась, граждане были морально подготовлены к тому, что в прежнем виде Союз сохранить не удастся. Даже последняя «соломинка», за которую хватался Горбачёв в попытках спасти страну, предлагая подписать обновлённый Союзный договор, содержала отказ от названия «СССР» и трансформацию федеративного устройства в сторону конфедерации. Однако в тех конкретных условиях она вряд ли могла быть жизнеспособной. Поскольку Горбачёв утратил рычаги власти, спасти находившийся в состоянии полураспада Союз могла только решительная позиция Ельцина, однако он принял иное решение.

«Будничности» отказа от СССР способствовало и то, что многие представители номенклатуры увидели способы «монетизировать» свои привилегии и вписаться в рынок. Налицо была также усталость общества от экономических проблем, которые не удавалось решить в рамках социалистической экономики. На это накладывалось разочарование в Горбачёве и поддержка большинством граждан новой политической элиты во главе с популярным Ельциным, обещавшим решительными мерами быстро улучшить ситуацию. «Мягкий» распад объяснялся и глубоким кризисом руководства СССР и КПСС. История с ГКЧП наглядно продемонстрировала, что режим, с которым когда-то ассоциировался страх перед репрессивным аппаратом и всесилием спецслужб, реформирован настолько, что утратил не только остатки прежней «тоталитарности», но и способность защищать основы государственного устройства. Кстати, одним из «белых пятен» остаётся деятельность в этот период КГБ СССР и его региональных структур. Рассекречивание и введение в оборот документов спецслужб за 1985–1991 гг. способны пролить свет на многие дискуссионные вопросы эпохи.

1991 г. сквозь призму историографических дискуссий. В настоящее время среди специалистов сложился консенсус по поводу того, что исчезновение СССР обусловливалось комплексом объективных и субъективных причин и обстоятельств. Дальше, однако, начинаются споры. Некоторые говорят о «распаде», другие – о «развале», имея в виду подрывные действия внешних и внутренних сил, ошибки советского руководства, безответственные поступки и амбиции политиков, намеренно или неосознанно приведших к ослаблению и дезинтеграции Союза. Нетрудно предсказать, что в связи с каждым новым витком противостояния с Западом версия «развала» будет находить всё больше сторонников. Впрочем, влияние презентизма на оценку событий, связанных с крушением социалистического лагеря и окончанием холодной войны, – к сожалению, не только российский, но и международный феномен.

Разными аспектами темы занимаются историки, политологи, экономисты, социологи, антропологи, культурологи, этнологи, журналисты, представители других гуманитарных профессий. Такое профессиональное разнообразие имеет свои плюсы и минусы. В числе последних – тенденция сегментации исследовательского поля. Постепенно расширяется источниковая база по периоду перестройки, она становится более разнообразной и информационно

насыщенной. Активнее, чем прежде, используются архивные документы, периодическая печать, данные социологических обследований. Вышло огромное количество воспоминаний участников и очевидцев событий, которые историки, откровенно говоря, не успевают проанализировать. К сожалению, историческая наука сильно отстаёт, в первую очередь, в источниковедческом плане. В повестке дня стоит необходимость систематизации, обобщения уже известной информации, а также постановки новых вопросов.

Некоторые из них не просто ставятся, но и исследуются. Так, следует приветствовать смещение интереса от политических событий в Москве в сторону регионов. Это происходит в том числе благодаря богатой литературе, вышедшей в последние десятилетия в национальных республиках России и в бывших республиках СССР. Однако на этом фоне встаёт языковая проблема, серьёзная даже для России, не говоря уже о постсоветском пространстве. Одновременно с литературой на русском языке идёт формирование обособленных национальных историографий (по истории Татарстана многие местные авторы пишут на татарском, Башкортостана – на башкирском, Северного Кавказа – на местных языках и т.д.). Историческая литература в бывших республиках СССР, в том числе по советской истории и периоду перестройки, тоже выходит почти исключительно на языках этих республик, что, к сожалению, делает её недоступной для широкого научного сообщества. Как следствие, необходима специальная программа по переводу наиболее важных работ на русский язык, а также выпуску дайджестов исторической литературы на национальных языках.

В последнее время в центре дискуссий оказался вопрос о роли РСФСР и Украинской ССР в распаде СССР. Не секрет, что политический процесс на Украине (как, впрочем, и в других республиках Союза) в конце 1980-х гг. шёл с оглядкой на Москву и находился в существенной зависимости от противостояния двух центров власти – союзного и российского. Требует специального изучения позиция России – станового хребта СССР – по вопросу о сохранении союзного государства примерно с весны–лета 1990 г., но особенно после ГКЧП. Представляется, что на решающем этапе судьбу Союза определяло именно руководство РСФСР во главе с Ельциным. Политический вес и мера ответственности России в этом вопросе несопоставимы с любой другой советской республикой. На 1991 г. Российская Федерация – это три четверти территории, две трети промышленной продукции, более половины населения СССР.

Другой крайне важный сюжет – дезинтеграционные процессы внутри самой РСФСР. С лета 1990 г. параллельно друг другу стали развиваться сразу два кризиса федерализма – союзный и российский. Однако в связке, как единый процесс, они, по существу, ещё не изучались. В обоих случаях принимались декларации о независимости и разворачивалась «война законов». В некотором смысле Ельцин почувствовал себя «в шкуре Горбачёва»: нарастание кризиса Союза и отказ российского руководства поддержать Горбачёва в его попытках сохранить единое государство подстёгивали сепаратистские настроения в РСФСР, угрожая её целостности. Союзный кризис разрешился Беловежскими соглашениями, после чего российское руководство изменило отношение к независимости своих субъектов и приложило немало усилий, чтобы заключить с ними в марте 1992 г. «Федеративный договор» о разграничении полномочий.

Вклад в формирование исторических представлений вносят современные политические лидеры, а также выступающие в СМИ политологи и эксперты.

Их оценки, в том числе касающиеся событий 1917 г., образования и распада СССР, находятся под заметным влиянием актуальной политической повестки. Одной из ведущих тем является восстановление исторической преемственности всех периодов отечественной истории. В рамках этой линии, особенно в сочетании с двумя другими важными тенденциями – акцентом на ведущую роль СССР в победе над нацизмом и признанием универсальной значимости сильного государственного начала в отечественной традиции, – происходит легитимация советского прошлого. СССР более не рассматривается как «отступление от столбовой дороги цивилизации», как это было в конце перестройки и в 1990-х гг. Напротив, принято утверждать: «СССР – это историческая Россия».

В вопросах преемственности важно, однако, не перегнуть палку. В кризисные времена, к каковым в XX в. в первую очередь относятся события 1917 и 1991 гг. (отправная и конечная точки советской истории), особенно явно прослеживается сосуществование процессов преемственности и прерывности. Поэтому историографическая перспектива видится в изучении именно этого двуединства. Применительно к последнему периоду советской истории это означает исследование противоречивости реформ, анализ альтернатив, рассмотрение событий и явлений в системе координат обновления и разрушения, взаимного влияния экономических и политических преобразований и т.д.

Вряд ли распад СССР был однозначно неизбежен. При чтении подобных утверждений возникают параллели с советской историографией, которая усердно доказывала обречённость Российской империи, Временного правительства, историческую неизбежность социалистической революции и построения коммунизма. Как мы сейчас знаем, история полна альтернатив, и события в России – как в 1917, так и в 1991 г. – могли пойти по другому сценарию. Если мы действительно хотим разобраться в перипетиях советского прошлого и при этом не становиться предметом насмешек «человека с улицы» по поводу того, что «эти историки всегда крепки задним умом», то имеет смысл отказаться от детерминизма такого рода.

Сторонники «обречённости» Советского Союза исходят из того, что его политическая и экономическая система, продержавшаяся 70 лет, была на самом деле «дефектной» и бесперспективной с самого начала в силу её «искусственности», идеологизированности и неспособности к переменам. Соответственно, к 1980-м гг. советский проект исчерпал себя, вступил в пору системного кризиса и закономерно канул в Лету. Такая точка зрения имеет немало «тонких мест». Разве советская система не выдержала испытание Великой Отечественной войной, проявив исключительные мобилизационные качества? Разве период перестройки с его реформаторским запалом и с существенными переменами во всех сферах жизни не доказывает способность советской системы к реформированию?[7]

Те, кто настаивает на исторической обусловленности возрождения распавшейся в 1917 г. Российской империи под флагом СССР, сетуют в основном на то, что в 1922 г. большевики создали не унитарное государство, а федерацию, что в итоге и привело к коллапсу в 1991 г. Между тем в условиях рубежа 1910–1920-х гг. реальной альтернативы федеративному устройству на

[7] См.: Реформы в России с древнейших времён до конца XX века. Т. 4. 1917–1991 / Отв. ред. В.В. Журавлёв. М., 2016.

добровольных началах просто не существовало. Специалисты прекрасно знают, что со временем централистские тенденции и влияние партии в Советском Союзе нарастали, так что среди главных лозунгов перестройки в середине 1980-х гг. оказалось не только возвращение власти от партии к Советам, но и восстановление реального федерализма. В этом вопросе буквально за несколько лет произошли существенные перемены, но затем в условиях ослабления центральной власти процесс пошёл в другую сторону – радикализации национально-сепаратистских движений.

Но вспомним, что унитарный характер Российской империи вовсе не помешал её краху, а после прихода большевиков к власти – началу кровопролитной Гражданской войны с миллионами жертв. Похоже, что именно федеративная форма Союза, заложенная по настоянию В.И. Ленина в 1922 г., объективно способствовала сравнительно «мягкому» сценарию дезинтеграции Советского Союза, позволив в 1991 г. республикам разойтись по «отдельным квартирам», вместо того чтобы оказаться перед опасностью «раздела общей коммуналки». В этом ведь тоже заключается наследие 1922 г., 100-летие которого мы отмечаем.

«РСФСР является центральной страной»: проблемы федерализации России в 1920-е гг.

Дина Аманжолова

«The RSFSR is a central country»: problems of federalization of Russia in the 1920s

Dina Amanzholova
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722060024, **EDN**: MLKKSH

РСФСР, созданная в 1918 г., была фундаментом Советского государства. Но внутреннее устройство самого большого субъекта СССР оказалось сложным. Причина тому – политизация этничности, которая стала частью идеологии, а титульные национальности впервые сознательно и целенаправленно, благодаря колоссальным усилиям власти, приобретали последовательно растущее представительство во всех звеньях и уровнях. Получившаяся иерархия административно-территориальных и национальных единиц требовала особого и постоянного внимания к хозяйственным, финансовым, социально-культурным и иным взаимосвязям и отношениям всех субъектов и объектов управления как по вертикали, так и по горизонтали, внутри и «вне» РСФСР. Поэтому в повестку дня встала стандартизация механизма управления и контроля.

Ключевой оказалась проблема совмещения лозунга самоопределения наций с «общенациональной политикой» и вертикальным управлением страной из единого центра[1]. Как писал в 1942 г. М.И. Калинин, «шли параллельно как бы два противоположных процесса – централизация и развитие автономий», но время показало: именно централизованное государство может успешно помогать отсталым. «Началось... создание такого государства, где бы каждому дышалось легко, где бы каждая национальность чувствовала себя хозяином своей родной земли. Эта задача нелёгкая»[2]. Чётких представлений о том, как именно должно выглядеть федеративное здание СССР и какими средствами его созидать, партия не имела. Не имели их и радетели национального самоопределения бывших окраин Российской империи, трактуя суть федерализма каждый по-своему. Все первичные проекты требовали корректив, согласований, взаимных уступок и динамичной адаптации к реалиям сложносоставного многокультурного общества[3].

Декреты о создании субъектов федерации предусматривали их финансовое и прочее обеспечение за счёт общих средств, что имело решающее значение для нациестроительства[4]. Но самоопределение как идея-фикс порождало не

© 2022 г. Д.А. Аманжолова

[1] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 36. М., 1974. С. 151; Восьмой съезд РКП(б). Стенографический отчёт. М., 1919. С. 48–71.

[2] РГАСПИ, ф. 78, оп. 8, д. 117, л. 24, 29.

[3] Посланец Москвы в Казахстане Вадим (В.Л. Лукашев) признавал в 1919 г.: «У нас нет определённой программы, которая должна проводиться в этих республиках под нашим контролем» (Там же, ф. 17, оп. 86, д. 82, л. 57–57 об.).

[4] См.: *Чеботарёва В.Г.* Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 3–25; *Карпов Ю.Ю.* Национальная политика советского государства на северо-

всегда оправданную критику инициатив центра по оптимизации межрегионального взаимодействия. Национальные лидеры неустанно вели «битву» против «посягательств» на статус и самостоятельность, против «шовинизма» всех этнических цветов, за укрепление своих внутрирегиональных позиций и повышение роли в принятии общесоюзных решений.

Так, определение границ между Татарской и Башкирской АССР обнажило сложности в достижении главных целей: с одной стороны, обеспечения большинства титульного народа на выделенной ему территории, с другой – экономической состоятельности и устойчивости управления автономией[5]. В итоге идеи включения в них экономически развитых районов и административного удобства возобладали, а татары и башкиры, особенно на северо-западе региона, не раз добровольно меняли официально фиксируемую идентичность, сохраняя противоположное самоопределение на бытовом уровне. Термин «татаро-башкиры», предложенный М.Х. Султан-Галиевым в 1920 г., применялся в официальной риторике, отражая как этнокультурную близость народов, так и трудности формализации культурных границ[6].

Показателен конфликт между Чувашской и Марийской АО. 27 октября 1921 г. Президиум ВЦИК принял предложения Административной комиссии ВЦИК и комиссии районирования Госплана РСФСР о передаче левобережной части Чебоксарского уезда Чувашии в состав Марийской АО. Решение аргументировалось не только преобладанием в уезде марийцев, но и хозяйственной увязкой области с более развитыми соседями. Руководство Чувашии доказывало: это претензия «к пересмотру и изменению самих основ федеральной конституции РСФСР» и великодержавие[7]. Как и в других регионах, «интересы коммунистического строя» в рамках хозяйственной специализации и межрегиональных экономических связей противоречили этническому картографированию во имя принципов самоопределения. Местная элита признавала, что Чувашия «по экономической природе не имеет никакого практического значения», но утверждала, что «этнографический принцип разграничения ни в коей мере не должен идти вразрез с основными тенденциями экономики», предупреждая Москву о риске недовольства чувашей. В итоге вопрос завис в бюрократических инстанциях[8].

В ноябре 1921 г. Президиум ВЦИК создал комиссию по районированию РСФСР с целью обеспечить единство замысла и реализации проекта на основе неких общих принципов. Но глава комиссии Калинин считал: «Граница мо-

---

кавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017. С. 99.

[5] См.: *Моргунов К.А.* Исторический опыт государственного регулирования национальных отношений на Южном Урале (1917–1939 гг.). Оренбург, 2005. С. 39–40, 54–61; *Косач Г.* «Государственный город» и национальные автономии: Оренбург в первые советские годы // Вестник Евразии. 2002. № 2. С. 100–116.

[6] См.: *Горенбург Д.* Татары в башкиры и обратно: механизмы изменения национальной принадлежности у татар и башкир Башкортостана // Башкортостан в политическом пространстве России: зарубежная политология о современном развитии республики. Уфа, 2004. С. 107–125; *Шефер Д.И.* Возникновение границы между Татарстаном и Башкортостаном (1920–1922 гг.) // Башкирия/Башкортостан: пространство, политика, механизмы выживания: по страницам зарубежной историографии. Уфа, 2010. С. 109–128.

[7] РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 242, л. 59, 60–61; ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 56.

[8] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 57–58; РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 242, л. 66, 3.

жет быть и здесь, может быть и там. Какая река будет границей или будет какая-нибудь этнографическая граница, это вопрос мест... мы же ставим перед собой принципиальный вопрос. Решению этого вопроса местные интересы должны быть целиком принесены в жертву. Мы должны иметь в виду интересы коммунистического строя»[9]. В апреле 1922 г. Президиум ВЦИК призвал: «Принцип самоопределения должен быть сохранён, и экономическое районирование должно послужить базой для наивысшего расцвета автономных национальных объединений в хозяйственном отношении». Границы автономий сохранялись, а «политические права и компетенция национальных объединений, предусмотренные декретами о них, не подлежат умалению». Экономическое районирование «должно обеспечить мирное сожительство и братское сотрудничество всех национальностей и племён РСФСР, также и договорных дружественных Советских Республик»[10].

Выработка и принятие Конституции СССР и её субъектов, в том числе внутрироссийских, в центре и на местах сопровождалось активными дебатами о распределении управленческих полномочий и оптимизации хозяйственных связей, сложившихся чаще всего задолго до этнического картографирования страны[11]. Одной из самых трудных оказалась проблема иерархии входивших в неё субъектов и связанная с ней организация управления этнокультурным и административным разнообразием. Руководство РСФСР столкнулось с многочисленными попытками лидеров автономий подняться на более высокую ступень в «федеративной матрёшке». Они использовали схожие аргументы: ссылки на слабость, прежде всего экономическую, для получения дополнительной помощи центра; просьбы расширить территорию за счёт соседних «русских» областей и автономий для роста экономики и пролетариата; жалобы на «произвол», давление и «шовинизм» бюрократов из центра и др. Самыми убедительными считались напоминания о декларациях по национальному вопросу, о равенстве и справедливости для ранее угнетавшихся народов, укреплении «советских позиций», а также о необходимости примером успехов в нациестроительстве приближать мировую революцию, особенно на границах. Интересы русского народа как объекта национальной политики практически не обсуждались.

Центр оставался третейским судьёй в межрегиональных конфликтах, вырабатывал стандарты решения сходных проблем на местах и выглядел в глазах этнополитической элиты единственно возможной конечной инстанцией

---

[9] Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 год / Под ред. К.Д. Егорова. М.; Л., 1925. С. 11–26; ГА РФ, ф. 6984, оп. 1, д. 1, л. 17 об.

[10] РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5614, л. 101 об. В 1923 г. XII съезд РКП(б) принял резолюцию «О районировании» (Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчёт. М., 1968. С. 697–698). Она реализовывалась до конца 1920-х гг. с существенной региональной спецификой (см., например: *Сухова О.А., Филенкова О.А.* Национальный вопрос и районирование в РСФСР в 1920-е – начале 1930-х годов: управленческие стратегии и их реализация (по материалам Поволжья) // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 62–77).

[11] Ярким примером того, как управленческая механика пыталась совместить самоопределение с консолидацией наличных сил, служит Горская АССР. Споры вокруг земельных ресурсов и внутриэлитные склоки, в том числе между русской и «туземной» её частями, когда национальные лидеры предпочитали заниматься «национальной политикой», не подразумевая среди её неотъемлемых компонентов хозяйственные и культурные меры в интересах населения. Дотационные автономии тратили бóльшую часть получаемых из центра финансов на содержание аппарата (*Карпов Ю.Ю.* Национальная политика советского государства на северокавказской периферии... С. 71–84).

для проведения заявленных принципов национальной политики, бюджетного и иного спонсирования, разграничения полномочий между разноуровневыми и разноподчинёнными ведомствами и хозяйствующими субъектами. Объективные обстоятельства, как и вынужденный компромисс с этноэлитами, предопределили установившийся на долгое время сложный баланс отношений центра и национальных единиц.

Наиболее важные в этом контексте дискуссии и решения анализируются в недавних трудах[12]; выделю их проблемно-хронологическую канву. Перед провозглашением СССР делегаты X Всероссийского съезда Советов (23–27 декабря 1922 г.) – лидеры Казахской, Башкирской, Татарской и Туркестанской АССР – обратились к руководству страны, призвав положить «в основу конструирования союзного ЦИК и СНК... непосредственное и широкое участие в них не только независимых, но и всех автономных единиц». Особенно беспокоили их «руссофикация» и пониженный статус в сравнении с союзными республиками.

4 февраля 1923 г. при подготовке тезисов к XII съезду РКП(б) о национальных моментах в партийном и государственном строительстве И.В. Сталин в «совершенно секретной» записке в Политбюро заявил: с партийным строительством «всё ясно», а вот проблемы государственного строительства требуют «некоторых существенных изменений» в конституции. Он выделил три ключевых вопроса: вопрос о праве вхождения автономий в состав СССР «как отдельных государств», а не через объединявшие их РСФСР и ЗСФСР, поскольку он «усиленно дебатируется среди восточных националов и отчасти среди грузин»; об общесоюзных органах власти для представительства русских как самого крупного народа; о представительстве в СНК СССР от наркоматов республик. Сталин считал, что «вхождение республик в союзные государства через федеральные образования должно быть оставлено в силе», иначе придётся «создать новую русскую республику, что сопряжено с большой организационной перестройкой», да и нельзя выделить русское население, так как «Башкирия, Киргизия, Татреспублика, Крым рискуют лишиться своих столиц (русские города) и, во всяком случае, вынуждены будут серьёзно перекроить свои территории... тут плюсы явно превышаются минусами, не говоря уже о том, что минусы эти не могут быть оправданы» как опасные прежде всего для судьбы РСФСР. Он также предложил наряду с союзным ЦИКом, представляющим главным образом наиболее многочисленных русских, создать параллельный орган для представительства «всех национальностей союза на началах равенства». Две палаты ЦИК могли уравновесить классовое и этническое начала как основополагающие. Идею ввести в союзный СНК наркомов по социально-культурным сферам москвичам выдвигать не следовало, дабы националы не смогли обвинить их в попытке урезать права республик. Если же националы поставят вопрос – продемонстрировать готовность центра идти навстречу и обеспечить иерархию управленческой вертикали[13].

Между тем 6 марта секретарь ВЦИК и глава малого СНК РСФСР Т.В. Сапронов отметил в обращении к Калинину, что создание двух палат – «трещина в направлении расчленения РСФСР», а непосредственное представительство

---

[12] *Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Костырченко Г.В., Красовицкая Т.Ю.* Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг. М., 2022. С. 487–544.

[13] «Что касается государственного строительства, тут, пожалуй, не всё ещё ясно». Записка И.В. Сталина членам Политбюро ЦК РКП(б). 1923 г. // Исторический архив. 2019. № 6. С. 136–142.

автономий в Союзной палате делает «ненужным существование РСФСР». Да и «паритетное представительство даёт громадный перевес крестьянству над пролетариатом», что явится принципиальной уступкой в классовой политике. Он предлагал усилить права и роль Союзной палаты за счёт промышленно развитых областей, укрепив этим позиции РСФСР[14].

В итоге в тезисах к XII съезду «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» отмечалось, что советский строй дал «ключ к правильному разрешению национального вопроса», названы главные препятствия – пережитки «великорусского шовинизма», «хозяйственное и культурное неравенство национальностей», а также «пережитки национализма в среде целого ряда народов». Последнее препятствие называлось следствием первого[15]. Проявлением «великорусского шовинизма» считались попытки «значительной части советских чиновников» ликвидировать республики, в том числе путём слияния наркоматов. Одобрялось создание специального органа равноправного представительства национальных республик и областей, а союзные комиссариаты рекомендовалось конструировать «на началах, обеспечивающих удовлетворение нужд и потребностей народов Союза»[16].

Но 14 мая глава СНК Татарской АССР К.Г. Мухтаров и представитель автономии при Наркомнаце А.М. Енбаев направили в ЦК партии и Сталину заявление от имени ответственных работников республики. Они обвинили центр в колонизаторстве, экономические органы – в удушении автономий, а в решениях X Всероссийского съезда Советов обнаружили стремление к «неделимости великой России и упразднению автономных республик»[17]. ЦК КП Туркестана тоже выступил за расширение прав в экономике, просвещении и против «капризов Наркомфина», ссылаясь на умение Грузии и Украины получать максимальные выгоды[18].

Уже 19 мая по предложению В.В. Куйбышева Политбюро решило собрать по два представителя окраинных областей, «по возможности антипода», дабы «показать, куда неизбежно заводит логика тайной и направленной против партии работы», изучить «положение коммунистической работы на окраинах» и её руководителей, их сплочение и более тесную связь с ЦК[19]. Активизация региональных партийных кадров в связи с образованием СССР дала Москве повод объявить национализм главной опасностью на пути большевизации.

Она отягощалась внутриэлитными склоками на местах. Замнаркомнаца Г.И. Бройдо подчёркивал общую установку: федерация – переходная форма к полному единству, и выстраивание отношений в РСФСР наподобие СССР явилось бы шагом назад. «РСФСР – исторически уже сложившееся историческое тело», которое «сделало безусловный шаг вперёд в своей внутренней организации (во взаимоотношениях отдельных частей) по пути к полному

---

[14] РГАСПИ, ф. 78, оп. 7, д. 3, л. 1–4.

[15] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 186, 187–189 (съезд проходил 17–25 апреля 1923 г. Тезисы опубликованы в газете «Правда» 14 марта 1923 г.).

[16] Там же. С. 193–194.

[17] РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 269, л. 47 об.

[18] Там же, ф. 17, оп. 85, д. 525, л. 38.

[19] Султан-Галиев в письме руководству партии метко охарактеризовал начальные результаты большевизации руководства автономий: «“Левые” оказались “правыми”, “правые” – “левыми”, “националисты” оказались “русскими колонизаторами”, а “интернационалисты” – “националистами”» (Там же, ф. 82, оп. 2, д. 269, л. 71–72).

единству». Любые предложения, способные нарушить единство республики, он расценивал как проявление «буржуазно-демократического туземного национализма»[20]. IV совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей 12 июня 1923 г. ознаменовало поворот в политике центра и поставило двуединую задачу борьбы с уклонами к русскому и местному национализму.

Для поиска компромисса в ходе дебатов о Конституции СССР возникла идея составить наказ ЦК РКП(б) о взаимоотношениях органов центра и республик, и 5 апреля 1924 г. Секретарит ЦК создал комиссию под началом Калинина. Проект наказа призывал глав союзных органов особенно внимательно относиться к интересам и нуждам национальных республик и областей, но и сугубо внимательно – «к сохранению рамок Союзной Конституции» без умаления прав субъектов и нарушения интересов всей страны[21].

29 октября прошло совещание членов ВЦИК и ЦИК СССР от автономий РСФСР об упрощении госаппарата. Вновь всплыл вопрос о правах: следовало иметь в виду различия между национальными единицами и губернией «в объёме прав» с учётом «индивидуальных черт каждой автономной единицы, её экономики и административного деления». Они классифицировались по числу административно-территориальных единиц: а) несколько губерний – Казахская; б) одна губерния – Татарская, Башкирская, Крымская, Дагестанская и Якутская; в) несколько уездов – Немцев Поволжья, Бурято-Монгольская и Карельская. Автономные области: несколько уездов – Марийская, Чувашская, Вотская, Коми, Чеченская и вновь образуемая Кара-Киргизская; один уезд и менее – Адыгейско-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северо-Осетинская, Ингушская, Калмыцкая и Ойратская[22].

Стремление объединить национальное население в определённых географических границах натыкалось на проблемы согласования хозяйственных вопросов – землепользования, принадлежности базовых для региона предприятий, тяготения жителей того или иного места к включению в административную единицу с преобладанием «своего» населения. От партии «перед угрозой ослабления роли как руководителя масс, перед угрозой отрыва соваппарата»[23] требовались долговременные комплексные меры, значительные организационные усилия, финансовые и прочие вложения, массовое общее образование. Однако слабость наличных сил и господство традиционной культуры сильно корректировали проводимый властью курс[24].

Провокативную роль сыграл пример Чувашской АО, добившейся в апреле 1925 г. перевода в статус автономной республики. Передача ей семи воло-

---

[20] *Бройдо Г.И.* Исходный момент в строительстве СССР // Жизнь национальностей. 1923. № 2. С. 4–5.

[21] РГАСПИ, ф. 78, оп. 7, д. 3–4, 6, 13, 35, 48.

[22] Там же, ф. 17, оп. 68, д. 188, л. 1, 5 об.

[23] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 298–300.

[24] Характерные детали и разнообразные сюжеты на сей счёт см.: *Варнавский П.* Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР) // Ab Imperio. 2004. № 4. С. 239–262; *Горенбург Д.* Татары в башкиры и обратно...; *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. М., 2006; *Антонов Е.П.* Якутское постпредство в контексте взаимоотношений центра и республики в 20-е гг. XX века // Вестник БНЦ СО РАН. 2017. № 3. С. 14–21; *Карпов Ю.Ю.* Национальная политика советского государства на северокавказской периферии...; *Балдано М.Н., Башкуев В.Ю., Варнавский П.К. и др.* Интериоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920–1930-е гг.). Иркутск, 2021; и др.

стей Ульяновской губ. для поддержки промышленности игнорировала «вопрос о правах русского населения в отходящей территории», поневоле терявшего статус титульного[25]. Фетиш национального самоопределения и давление этноактивистов заставляли власть идти на политические и территориальные трансформации. Показательно изменение позиции Сталина по поводу объединения Северной и Южной Осетии в автономную республику (май–июнь 1925 г.) – от включения в состав Грузии с передачей «излишка» осетин в отдельный национальный район до признания рисков создания федерации горских народов как примера для Татарской, Башкирской и Казахской автономий, что заставит примириться «с распадом РСФСР» и поддержать «национальные» стремления казачества[26]. С трудом достигнутое равновесие легко разрушалось в угоду политическому эффекту и поощрению желания руководства автономий «щеголять» более высокими постами.

Выход Сталин увидел в сохранении сложившегося этнического состава и федеративного облика РСФСР. Он предложил «держать курс на укрепление РСФСР и сплочение вокруг неё её национальных областей и республик», укрепив бюджет республики[27]. Интересы наиболее экономически и политически значимого субъекта СССР, приоритет целого над частным, общенациональных (всесоюзных) интересов над этнополитическими продиктовали коррективы в политике самоопределения.

8 сентября комиссия по советскому строительству в национальных областях и республиках при Оргбюро ЦК РКП(б) отметила, что «в нацреспубликах... нет правильного фракционного руководства партийных органов советами, а есть командование», сохраняются внутриэтнические социальные сети и злоупотребления на этой почве[28]. Вдобавок в ЦК фиксировали стремления к выделению новых автономий (тунгусов в Якутии, мордвы в Пензенской губ., корейцев в Приморье), большинства национальных регионов – к расширению границ из-за наличия «родственного» населения и экономической целесообразности, а Чувашии, Вотской АО и Казахской АССР – к повышению статуса. Неразбериху вносило «внутреннее районирование» в некоторых республиках, но дефицит бюджета стимулировал более прагматичный подход[29].

На сессии ВЦИК XII созыва (октябрь 1925 г.) главы автономий попытались расширить свои полномочия при обсуждении проекта годового госбюджета. Главы ЦИК Дагестана Н.П. Самурский (Эфендиев) и СНК автономии Немцев Поволжья В.А. Курц обратились в ЦК партии, его Секретариат и лично к Сталину с просьбой о внесении изменений в Положение о наркоматах РСФСР. Они выступили против расширения полномочий Президиума ВЦИК и СНК РСФСР и за подчинение необъединённых наркоматов исключительно автономиям. Как всегда, арбитром предлагалось выступить ЦК[30]. 31 октября ВЦИК и СНК приняли Общее положение о наркоматах РСФСР, обозначив-

---

[25] РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 997, л. 25, 50–57.

[26] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 283, 286–287.

[27] Там же. С. 297–298. Символическую поддержку этнополитического курса должен был олицетворять националь в качестве одного из заместителей главы СНК РСФСР (в 1926 г. им стал казах Т.Р. Рыскулов).

[28] РГАСПИ, ф. 17, оп. 68, д. 188, л. 17, 23, 26, 30.

[29] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 317–332.

[30] РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 997, л. 37–38; ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 331–332.

шее тенденцию к централизации. 10 и 12 ноября последовали заключения консультантов Президиума ВЦИК, отвергших претензии автономистов ссылками на конституцию РСФСР. История с протестом подтвердила различия в статусе и полномочиях автономий и союзных республик: их отраслевые наркоматы строились по-разному. В РСФСР единую директивную линию вели её верховные органы власти, а для союзных республик это обеспечивали общие органы управления СССР. Секретариат ВЦИК «совершенно секретно» принял заключение по протесту автономий, сославшись на декреты об их образовании и отсутствие в конституции любых оправданий для «бузы»[31]. Это обеспечивало консолидацию и согласованную деятельность управленческих структур в самом большом и «самом федеративном» субъекте СССР.

Однако проблема согласования для многочисленных бюрократических инстанций сохранялась, как и недовольство на местах. В январе 1926 г. секретарь ЦК В.М. Молотов провёл совещание секретарей парторганизаций тюркских республик и автономий России[32]. В феврале Калинин обратился к Сталину с просьбой о защите полномочий РСФСР от посягательств автономий, а весной главы Отдела национальностей ВЦИК С.Д. Асфендиаров и СНК КАССР Н. Нурмаков предложили расширить полномочия ЦИКов и СНК автономий[33]. 12 и 14 ноября по инициативе Отдела национальностей ВЦИК и заместителя председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулова прошло «частное совещание националов – членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин». Они констатировали, что полное проведение в жизнь решений по национальному вопросу «недостаточно обеспечено в повседневной практической работе руководящих госорганов РСФСР». Неурегулированность взаимоотношений центра с национальными окраинами по хозяйственно-финансовым вопросам и слабый учёт нужд и интересов этих окраин, якобы воспринимавшихся в Москве «рвачами», объяснялись отсутствием националов в составе центральных учреждений РСФСР и ничтожным представительством на сессиях ВЦИК. Идея выделения великорусской республики отвергалась, предлагались меры хозяйственного, советского и партийного строительства в национальных регионах[34].

Эти материалы обсуждала Комиссия «Строительство РСФСР, нац[иональных] республик и областных органов в составе РСФСР» во главе с Калининым (22 июня 1926 г. – 11 марта 1927 г.)[35]. Чуть ранее подкомиссия по конституци-

---

[31] *Асфендиаров С.Д.* Вопросы III сессии ВЦИК и национальные автономии // Власть Советов. 1926. № 41. С. 1–3; ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 346–350; РГАСПИ, ф. 78, оп. 7, д. 35, л. 2–18.

[32] См.: «Как вести руководство, на что ориентироваться?». Стенограмма совещания секретарей парторганизаций в ЦК ВКП(б) по вопросу о «большевизации национальных кадров». 1926 г. // Исторический архив. 2015. № 5. С. 100–125.

[33] *Асфендиаров С.Д.* Указ. соч. С. 1–3; ГА РФ, ф. 3316, оп. 3, д. 131, л. 16; РГАСПИ, ф. 17, оп. 69, д. 61, л. 63, 48–72.

[34] Подробнее см.: *Чеботарёва В.Г.* Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008. С. 44–70; *Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Красовицкая Т.Ю., Тихонов В.В.* Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М., 2021. С. 292–296.

[35] Подкомиссии – партийно-организационная, имущественные права РСФСР, финансы и кредит, конституционно-правовая, национальные автономные объединения (республики и области) в составе РСФСР, а также для разработки конкретных директивных постановлений для внесения в ЦК ВКП(б) – готовили предложения и поправки с участием представителей ведомств и автономий (РГАСПИ, ф. 78, оп. 7, д. 61, л. 3; д. 62, л. 2).

онным вопросам выступила за «объединение в один орган всех вопросов регулирования взаимоотношений национальных областей РСФСР (Отдел национальностей, Федкомзем, Комитет Севера и др.)» и установление точных прав автономий. Особое внимание уделялось этнополитической иерархии: «Считать основным признаком автономной области признание официальным языком на данной территории языка данной национальности, наличие отступлений в области суда, системы народного просвещения и школ, с санкции центральной власти. Основными признаками автономной республики считать некоторую совокупность прав верховного суверенитета... Критерием перехода автономной области в республику является определённая степень экономического, культурного и политического состояния данной национальности. Считать целесообразным постепенный переход автономных областей в автономные республики» (каждый раз решением ВЦИК). Подкомиссия по советскому строительству решила «выявить более полно в перспективных хозяйственных планах национальных республик и областей все их естественно-хозяйственные возможности и условия их развития и определить... темп хозяйственно-культурного развития» автономий, «установить более точно экономические коэффициенты удельного веса в общем составе РСФСР автономных республик и областей»[36].

13 декабря Енукидзе в совершенно секретной записке «К вопросу о конституционных взаимоотношениях между центральными органами РСФСР как союзной республики и входящими в её состав автономными республиками» раскритиковал предложения Асфендиарова повысить роль отдела национальностей ВЦИК и жалобы на формальный характер автономий и чрезмерную централизацию советского и хозяйственного строительства. Асфендиаров, по его мнению, неверно истолковал слова Сталина о том, что советская автономия не есть нечто застывшее, так как по мере общих успехов в них будут расти центростремительные, а не центробежные силы. Енукидзе также выступил против идеи поднять статус Казахстана: националы такого вопроса не ставят, нужно не менять основные принципы построения РСФСР, а конкретизировать разграничение компетенций между федерацией и её составными частями, добиваясь «единой формы национальных образований». Правда, возможный, по его мнению, «в ближайшее же время переход автономных областей в автономные республики во всех союзных республиках» вряд ли был реалистичным[37].

27 января 1927 г. в комиссии развернулась показательная дискуссия. К.Г. Мухтаров предложил «рассмотреть вопрос о некоторой нормализации основного подхода при создании той или иной формы национального самоопределения. Чем определяется присвоение того или иного наименования и тех или иных прав данному национальному самоопределению... Оно должно определяться степенью культурного и хозяйственного уровня данной национальности... Туркменистан – более отсталый – имеет больше прав и является союзной республикой, а взять хотя бы Автономную Республику Немцев Поволжья – она более передовая, а имеет меньше прав и является лишь автономной республикой... в прошлом году была преобразована в автономную республику Чуваш-

[36] Решение конституционных вопросов предстояло согласовать в конституционной комиссии А.С. Енукидзе (Там же, д. 62, л. 28, 25).

[37] Он также выступил против создания Совета национальностей в РСФСР, предложив оставить национальные дела в отделе ВЦИК. Асфендиаров вскоре смягчил свои требования (Там же, л. 147–158).

ская область. А рядом лежит такая же область Вотская». От имени националов он ставил вопрос, «может ли быть федерация между национальными территориями и обычными губерниями», а также раскритиковал избрание на съезде советов РСФСР членов Совета национальностей как «русской её части» и выступил против низведения автономий «на положение культурно-национальных».

Рыскулов считал, что Узбекистан и Туркмения пользуются особыми привилегиями, в отличие от «рядом лежащих» Казакстана или Киргизии. Его беспокоили проблемы «плановой увязки отношений автономий с РСФСР», связи аппаратов «при прохождении планов и бюджетов, чтобы не было рвачества». Глава малого СНК РСФСР М.С. Богуславский заметил: «У нас нет Конституции, по которой мы могли работать хотя бы несколько месяцев», на что Енукидзе возразил: «Я самым категорическим образом заявляю, что автономные республики в отношении нажима и неудобства со стороны РСФСР чувствуют гораздо меньше, чем нажим и неудобство, которые терпит РСФСР от Союза». Асфендиаров заявил: «Конституция у нас гибкая и менять её не надо», но поддержал расширение роли и значения органов власти автономий. Признавалась путаница в терминологии: слово «республика» означает государство, а «автономия» – провинцию.

Косиор сформулировал позицию центра: «Товарищ Мухтаров, по-вашему, выходит так, что надо все автономные республики превратить в союзные, а автономные области в автономные республики. На это мы можем вам дать ответ: заседайте сколько хотите, ничего не выйдет из этого, это совершенно безнадёжное дело... ошибка с Чувашской республикой делом не должна повториться. Когда говорят, что болеют конституцией, то говорят это потому, что им кажется, что как союзная республика они ближе придвинутся к союзному сундуку. У РСФСР раньше действительно ничего не было. Только теперь положение улучшается. Много разговоров о том, что Узбекистан получает, а Казакстан смотрит и говорит, надо бы и мне пойти в СССР. Если мы русскую республику выделим, то из этого кроме вреда ничего не выйдет». По его мнению, нельзя сравнивать РСФСР с остальными союзными республиками, потому что она фундамент всего Союза; если Украина выносит местническую резолюцию, хотя бы и неправильно, это ничего не меняет. «Стать на такую линию, как Украина, вы и не думайте».

Дискуссия вывела участников на принципиальные проблемы федеративного строительства, но они соотносили их между собой подчас противоположно, отражая централизаторские и регионалистские (автономистские) интересы, противопоставляя конституционные основы и задачи экономики. По мнению Енукидзе, Конституция РСФСР противоречила сложившимся за 10 лет взаимоотношениям республики и автономий. Так, право свободного выхода из федерации – «глубочайшая и правильная мысль в своё время». Но включать его сейчас «мы не можем», жизнь толкает к централизации[38].

Калинин подвёл итоги работы: «Наша Конституция даёт автономиям такие права, каких во всём мире никому не дают. Если подойти конкретно к Конституции, то её надо сузить, для того чтобы данные права были использованы полностью... протесты, которые сыпятся от Украинской республики, показывают, что наша Конституция может изменяться... Совещание националов по этому вопросу предлагает сделать Казакстан союзной республикой. Но вы же

[38] РГАСПИ, ф. 78, оп. 7, д. 62, л. 40–122.

знаете, что этот вопрос не пройдёт... Главный вопрос... как сделать, чтобы те права, которые имеют республики, они могли бы полностью реализовать, т[ак] к[ак] практически жизнь мешает этому... Являются ли автономные республики государственными или какими-нибудь автономными единицами? Это всё равно, что решать вопрос – был у Адама пуп или нет. Один немец 30 лет думал об этом вопросе и потом решил, что был... Если мы будем развиваться, если революция на Западе будет расти, то зачем нам теперь заниматься философским мудрствованием... А вопрос надо решить практически. Каким же образом? У нас есть формальные взаимодействия между РСФСР как федерацией и республиками. Они должны быть уточнены, и вопрос надо поставить на практическую почву»[39].

Калинина беспокоила проблема роли РСФСР и её автономий в меняющейся федерации: в ЦК от РСФСР только он и А.И. Рыков. «Ведь Казакстан самая лучшая часть нашей республики, а там 90% промышленности местной, в Киргизии 99%, а то и 100% местной промышленности. Вы морочите голову, что у нас 20% государственной промышленности». Украинская промышленность имеет в основе союзное значение – сахарная, угольная, металлическая. «И когда говорят, что нас выпотрошили, это ни на что не похоже. И когда вы говорите анекдоты про яйца, которые покупают для РСФСР, то это смешно... Почему РСФСР занимает худшее положение федерации Союза? Вот коренной вопрос. А вы выступаете в авангарде союзных республик, чтобы потрошить существо Союза, это неправильно. Если бы здесь были украинцы, то они вам бы аплодировали». Его поддержал А.М. Лежава: «Существует мнение, будто в РСФСР сосредоточена бóльшая часть промышленности Союза. Это неверно... Из этой промышленности 66% падает на долю местной промышленности»[40].

3 марта Политбюро решило упростить советский и хозяйственный аппарат национальных республик и областей. Это не означало сокращения их прав. Освободившиеся средства надлежало направить на нужды школ, больниц и местной промышленности. 11 марта комиссия утвердила проект директив для внесения в ЦК ВКП(б). В нём отвергались какие-либо принципиальные изменения в конституционных актах, но предусматривалась модификация работы союзных органов в РСФСР в соответствии с Конституциями СССР и России. При обсуждении деталей вскрылись ведомственные разночтения. Лежава считал: «Центр тяжести следует перенести на упорядочение практики наших взаимоотношений между Союзом, с одной стороны, и автономными республиками, с другой». Член комиссии Н.В. Крыленко и его начальник, нарком юстиции и прокурор РСФСР Д.И. Курский, добивались уточнения прав и полномочий последних. Принципиальным было определить, «составляет ли автономная республика часть федерации, не образуя отдельное государство, или АССР является государством с правом выхода», а затем – связанные с этим их законодательные права и структуру органов управления. Докладывая в Политбюро о работе комиссии, Калинин отмечал: большинство считает, что «прав у нас у всех более чем достаточно», основной же вопрос – в изыскании мер для их практического использования. Нельзя бесконечно сравнивать права разных субъектов РСФСР, а РСФСР – с УССР и другими союзными республиками. «РСФСР является центральной страной, более об-

[39] Там же, л. 34–35.

[40] Там же, л. 34–38, 60, 71.

щей и ведущей линию на изживание в дальнейшем всякой грани между всеми республиками, поэтому требовать оформления РСФСР в партийном отношении... было бы неправильно»[41].

К июлю 1927 г. комиссия сформулировала предложения: свести до минимума персональные объединения руководства органами СССР и РСФСР и внутри республик, оставив их только при политической необходимости; отказ от особого ЦК компартии для РСФСР, но необходимость и целесообразность должности секретаря ЦК по делам РСФСР. Предлагалось ускорить разработку конституций автономных республик с учётом их бытовых национальных особенностей, особое внимание уделить урегулированию взаимоотношений объединённых и необъединённых наркоматов РСФСР и автономных республик[42]. Итак, комиссия пошла навстречу некоторым наиболее принципиальным требованиям автономий. Однако в целом исполнительные власти субъектов федерации, предусмотренные Конституцией РСФСР, в условиях ускоренной индустриализации экономики не получили ожидаемого расширения прав[43]. Поэтому в начале 1928 г. вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О расширении прав автономных социалистических советских республик и областей и упрощении порядка прохождения дел, возбуждаемых ими в высших правительственных органах РСФСР»[44].

РСФСР сохранила особенно сложную структуру, хотя Енукидзе, глава Госплана СССР Г.М. Кржижановский и многие другие признавали: единообразие в районировании сразу упрощает управление[45]. Да и националы выступали за его оптимизацию. Глава СНК Киргизии Ю. Абдрахманов писал Сталину: «Мы являемся составной частью РСФСР», но «очутились в положении тройного “подданства”» – органам РСФСР, Средней Азии и СССР[46]. Комиссия Оргбюро по районированию СССР 31 января 1928 г. также отметила сложную структуру РСФСР, удорожавшую и затруднявшую управление. Требовалась единообразная система для всей страны, но с «особыми взаимоотношениями» регионов и автономий. В том же году Политбюро утвердило условия вхождения автономных республик в состав районированной области (края) на добровольной основе[47]. Если в 1921 г. в составе РСФСР было 13 автономных республик и областей, то в 1930 г. – 26. С принятием Конституции 1936 г. территория РСФСР заметно сократилась: упразднили сразу 7 краёв, появилось 17 АССР[48].

Организация политического пространства СССР изначально подразумевала социально-классовое уравнительство, однако одновременно развивалась в сторону иерархизации на базе политического самоопределения как главного условия национального равенства. Обеспечить его можно было лишь при трансформации административных границ с учётом компактного проживания

---

[41] Там же, д. 83, л. 1–2, 14, 33–35.

[42] Там же, д. 61, л. 5, 17–18.

[43] Подробнее см.: *Чеботарёва В.Г.* Национальная политика Российской Федерации...

[44] ГА РФ, ф. 1235, оп. 122, д. 165, л. 5, 9–22.

[45] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 521, 523–525, 531–534.

[46] В апреле 1930 г. СНК СССР разрешил руководству Киргизской АССР обращаться непосредственно в союзные правительство и СТО (*Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе, 1991. С. 74–75, 77).

[47] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 532–533; РГАСПИ, ф. 17, оп. 25, д. 22, л. 164.

[48] Подробнее см.: *Круглов В.Н.* Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М.; СПб., 2020. С. 145–149, 172–176.

народов. Их численность становилась одним из факторов, влиявших на место автономии в многоступенчатой федерации, что породило почти перманентные трансформации управленческих структур. В тяжбе между центром и автономиями, автономиями и соседними «русскими» регионами всеми активно использовались символические и прагматические соображения и доводы («борьба против шовинизма и национализма», призывы к учёту «индивидуальных черт каждой автономной единицы» и апелляции к обязанности «проявить чувство» советского гражданства, и др.). К концу 1920-х гг. при решающей роли центра удалось обеспечить компромисс и определённый баланс сил, объективно необходимую поддержку модернизационных программ в национальных регионах.

Федеративная иерархия, организационно-правовые механизмы и неформальные сетевые взаимосвязи позволяли обновлявшимся этнополитическим элитам укреплять власть на местах и влиять на принятие решений центра. Версия о перманентно «внешнем» характере советской системы для них вряд ли уместна. Она сознательно создавалась для непосредственного встраивания элит во все социально-политические институты, как и номенклатура, которая не только включала этнобюрократию, но и специально контролировала наличие националов во всех звеньях власти и гражданских сетях. Приоритеты государственного строительства и социально-экономической модернизации в наличной социокультурной среде порождали специфические способы отношений. Персонализация отношений управления и подчинения, динамика развития бюрократического аппарата и его культуры отразили многовекторный характер взаимодействия традиционных обществ и модернизирующих его институтов и персонажей. Утверждения, что Москва действовала по принципу «разделяй и властвуй», а система управления в лице назначенцев центра функционировала лишь как монолитная вертикаль власти только в направлении сверху вниз, являются весьма упрощёнными и не отражают сложность исторической реальности. Этнополитическая элита – непосредственный субъект нациестроительства, неотъемлемый компонент всей политической системы.

Самая большая и многонациональная федерация – РСФСР – была ядром огромной страны, обеспечив масштабные модернизационные преобразования для каждого из её народов[49]. Сложившаяся за века культурная сложность России не вмещалась в иерархию «национальных квартир» вплоть до сельсоветов, но институциональные рамки позволяли власти реализовать в поликультурном пространстве страны практически все формы и инструменты национальной политики. Устойчивость национально-территориального и административного формата РСФСР, пересекающиеся межэтнические взаимосвязи с цементирующей их русской культурой, несмотря на все испытания и встряски, служат важнейшей основой успешного развития России и примером для бывших республик СССР.

[49] От «дара модерности» нельзя отказаться не только в силу монополистической апроприации, как пишет историк: *Ssorin-Chaikov N.* Two Lenins: A brief anthropology of time. Chicago, 2017. P. 95–120. Дар этот объективно значим поныне.

«Периферийный» тип советского национального строительства в 1920–1930-х гг. (по материалам Дона и Северного Кавказа)

Антон Аверьянов

«Peripheral» type of Soviet nation-building in the 1920s–1930s (on the materials of the Don and the North Caucasus)

Anton Averyanov
(Southern Federal University, Rostov on Don, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722060036, **EDN**: MLLKGP

Решение национального вопроса в Советской России тесно увязывалось с социально-экономической модернизацией общества. Ключевой задачей объявлялось преодоление экономической отсталости населявших страну народов при одновременном сохранении и развитии их национальных традиций и культуры. Специфика России, по мнению И.В. Сталина, заключалась в том, что вследствие русификаторской политики самодержавия, «в условиях неликвидированного феодализма, в условиях слабо развитого капитализма» процесс складывания наций в нашей стране начался значительно позже, чем в Европе, и не успел завершиться в полной мере[1]. Создание необходимых условий для их окончательного формирования провозглашалось первостепенной задачей советской национальной политики. Важнейшим механизмом национального строительства объявлялась областная автономия, которая должна была обеспечить быстрое и всестороннее развитие всех сфер жизни народов России и ликвидировать их экономическую и культурную отсталость[2]. Кроме того, предоставление автономий имело целью обеспечить лояльность центру со стороны нерусских народов, скорейшее признание ими советской власти, что было наиболее актуально в период Гражданской войны и сразу же по её окончании.

Национальная политика в стране Советов сопровождалась частыми административными пертурбациями, обусловленными реализацией ключевого постулата большевиков – права наций на самоопределение. Поэтому сразу после окончания Гражданской войны начались административные эксперименты с целью поиска наиболее оптимального баланса между государственными экономическими задачами и национально-культурными интересами отдельных этносов. Привычное деление на губернии (области) и уезды было заменено на более крупные в территориальном отношении края, а также округа и области, в том числе национальные, которые в свою очередь включали в себя районы и сельсоветы. Указанный период характеризовался разработкой идейных основ национальной политики, расширением её теоретического багажа. В политический оборот вводились такие понятия, как «социалистическая нация» и «коренизация», обосновывались постулаты о «вызревании наций в условиях социалистического строя», «форсированном нациестроительстве», «расцвете наций при социализме» и др.

© 2022 г. А.В. Аверьянов

[1] *Сталин И.В.* О национальном вопросе. Сборник статей. М., 2012. С. 16–17.

[2] Там же. С. 60.

Важнейшим элементом национальной политики в 1920-х – начале 1930-х гг. стал курс на коренизацию, призванную обеспечить процесс вызревания наций и расцвет всех форм их жизни. Одобренная и принятая как руководство к действию на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. политика коренизации предполагала переход государственного аппарата управления на национальные языки, а также привлечение на руководящие должности представителей местных народов. Наиболее пристальное внимание в рамках национального строительства отводилось развитию языка, который, как правило, складывался на основе столичного диалекта или диалекта наиболее крупной субэтнической группы. Развитие письменности, первоначально на основе латинской графики, закладывало основу культуры и самосознания обновлённых «социалистических наций».

Несмотря на универсализм советской национальной политики, партийное руководство признавало необходимость её адаптации к региональной специфике[3]. Наиболее показательным представлялся пример Дона и Северного Кавказа, учитывая их полиэтничный характер, а также длительную и кровопролитную Гражданскую войну в регионе. В советской[4] и современной[5] историографии накоплен большой опыт изучения особенностей национальной политики в Северокавказском регионе. В 2000–2010-х гг. исследователи привлекли значительный фактический, прежде всего архивный материал, раскрывающий различные аспекты социальной, политической, экономической, культурной жизни дисперсных этносов[6]. Вместе с тем в современной научной литературе по-прежнему отсутствуют работы обобщающего характера, где определялись бы особенности советской национальной политики на Дону,

---

[3] *Сталин И.В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных речей и статей. М., 1937. С. 77.

[4] *Абулова Е.А.* Партия во главе национально-государственного строительства народов Северного Кавказа, 1917–1937. Ростов н/Д, 1984; *Ансоков М.Г.* Образование и развитие национальной советской государственности народов Кабарды и Балкарии (1917–1936). Нальчик, 1974; *Кониев Ю.И.* Автономия народов Северного Кавказа: о зарождении, становлении и развитии форм советской национальной государственности на Серном Кавказе. Орджоникидзе, 1973; *Летифов А.Л.* Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе в переходный период к социализму. Махачкала, 1972; *Масаев Ш.Г.* Ленинская национальная политика и создание автономии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961; *Эбзеева С.Э.* Становление советской национальной государственности народов Северного Кавказа. М., 1976; и др.

[5] *Бугаев А.М.* Советская автономия Чечни – Чечено-Ингушетии: очерки истории становления и развития. Грозный, 2012; *Бугай Н.Ф.* Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. М., 2014; *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е гг.). Майкоп, 1994; *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа. 1917–1924 г. СПб., 2009; *Карпов Ю.Ю.* Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017; *Орешин С.А.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе, 1917–1921 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015; *Хлынина Т.П.* Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997; *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012; *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф.* История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014; *Шнайдер В.Г.* Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. Армавир, 2007; и др.

[6] *Бугай Н.Ф.* Корейцы Юга России: межэтническое согласие, диалог, доверие. М., 2015; *Иванцов И.Г.* Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924–1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар, 2013; *Игнатова М.Е.* Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20–40-е гг. XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005; и др.

Кубани и Ставрополье как субрегионе, имевшем свою специфику и уникальность. В настоящей статье предпринята попытка выделить особенности советской национальной политики в отношении дисперсных этносов в так называемых русских округах и районах Северо-Кавказского края в 1920–1930-е гг. и определить её тип.

В структуре населения Северного Кавказа преобладали многочисленные этнические, субэтнические, этносоциальные группы, которые сохраняли свои языковые диалекты, самобытную культуру и традиции, различные даже в рамках одного этноса. Нации, которые в представлении большевиков были «воображаемыми сообществами», ещё предстояло построить из весьма «разношёрстного материала то ли племен, то ли уже народностей»[7]. Говорить о нациях в привычном понимании этого слова было сложно не только в отношении национальных меньшинств, но и восточнославянского сообщества, в котором наблюдалось сохранение высокого уровня социальной дифференциации, унаследованной от сословной структуры общества. Свою остроту сохранял казачий вопрос, который стал составной частью национальной и социальной политики большевиков в регионе.

Процесс национального строительства среди крупнейших горских народов протекал в рамках классического варианта – через создание автономий. На Северном Кавказе курс на автономизацию был объявлен после окончательной победы советской власти в регионе. В ноябре 1920 г. было провозглашено создание Горской АССР в составе РСФСР, а в 1921–1922 гг. из её состава выделены Кабардинский, Карачаевский, Чеченский и Балкарский округа, преобразованные в автономные области. В 1922 г. была образована Черкесская (Адыгейская) автономная область. После упразднения Горской АССР в 1924 г. на её территории созданы Северо-Осетинская и Ингушская автономные области, Сунженский казачий округ[8].

Автономизация Северного Кавказа являлась неотъемлемой частью решения национального вопроса в регионе и основным механизмом нациестроительства. В то же время дефицит ресурсной базы северокавказских автономий на фоне взаимных противоречий во время существования и после ликвидации Горской АССР не позволял осуществить полноценную модернизацию своими силами: развивать промышленность и национальный пролетариат. В середине 1920-х гг. советская власть поставила задачу сформировать экономически самодостаточные регионы, что предопределило объединение «русской» Юго-Восточной области, куда вошли территории бывшей Донской и Кубано-Черноморской областей, а также Ставропольской и Терской губерний, с северокавказскими автономиями в Северо-Кавказский край с центром в Ростове-на-Дону[9]. В 1924 г. в его состав из УССР были переданы мощные промышленные центры – Таганрог и Шахты.

Этническая и административная структура Северо-Кавказского края даёт основание говорить о двух субрегионах в его составе – национальных автономных образованиях, которые в течение 1920–1930-х гг. повышали свой статус от округов и областей до автономных республик, а также «русских» округах и районах. Северо-Кавказский край был единственной административной еди-

---

[7] *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф.* История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. С. 107.

[8] *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 65.

[9] Там же.

ницей в РСФСР, где с учётом украинского населения по итогам всесоюзной переписи 1926 г. преобладали национальные меньшинства (табл. 1).

Таблица 1

Крупнейшие народы (свыше 50 тыс.) Северо-Кавказского края по итогам всесоюзной переписи 1926 г.

Национальности	Численность (тыс. человек)
Русские	3 841,1
Украинцы	3 106,8
Чеченцы	296,3
Армяне	162,2
Осетины	155,4
Кабардинцы	139,7
Немцы	93,9
Ингуши	72,0
Черкесы	64,0
Карачаевцы	55,0
Белорусы	51,3

Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года.Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край (URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807).

В пределах национальных очагов в Северо-Кавказском крае были образованы автономии, в которых последовательно проводилась коренизация политико-административного аппарата. Ключевую роль в этом процессе играл Ростов-на-Дону, где к 1924 г., по данным А.И. Микояна, обучались 300 студентов-горцев, в том числе 150 человек на рабфаках и военных курсах[10]. Данная практика, признанная вполне успешной, в дальнейшем получила широкое распространение во многих средне-специальных и высших учебных заведениях Ростова-на-Дону и других городов края.

Расширение производственной сети в ходе индустриализации и коллективизации обусловило необходимость оперативного управления местным хозяйством, что привело к разукрупнению Северо-Кавказского края в 1934 и 1937 гг. С целью расширения ресурсной базы северокавказских автономий между ними разделили территории бывшего Терского округа и повысили их статус до уровня автономных республик (КБАССР, СОАССР, ЧИАССР, ДАССР), что было закреплено в Конституции СССР 1936 г.[11] Неотъемлемой частью советского национального строительства являлось увеличение в структуре населения доли

[10] Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО), ф. 7, оп. 1, д. 856, л. 21.

[11] *Тархов С.А.* Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. // Логос. 2005. № 1. С. 83.

рабочего класса, который должен был составить костяк партийной организации. С этой целью на предприятия Ростова-на-Дону, который стал своеобразной кузницей кадров для северокавказского пролетариата, в массовом порядке зачислялись рабочие из национальных автономий. На II городской конференции националов в декабре 1930 г. отмечалось, что «основная задача перед нами здесь – создать кадры рабочих производственников из националов для промышленности... Только при этом условии, при наличии соответствующих кадров можно развивать промышленность в нацобластях»[12].

К началу 1930-х гг. на 47 ростовских предприятиях, среди которых выделялись Сельмаш, Лензавод, Красный Аксай, Северо-Кавказская обувная фабрика, одновременно трудились более 500 рабочих из Чечни, Ингушетии, Дагестана и других автономий Северного Кавказа. Всего на донских заводах и фабриках предполагалось обучить свыше 4 тыс. северокавказских рабочих[13]. Аналогичная практика реализовывалась в Новороссийске, Краснодаре, Грозном. По мере повышения административного статуса северокавказских автономий в их состав включались крупные промышленные центры, которые ранее входили в подчинение «русских» округов или сохраняли автономию. Так, в 1929 г. в состав Чеченской автономной области был включён Грозный, а в 1936 г. в подчинение Адыгейской автономной области передан Майкоп, ставший его административным центром[14].

Таким образом, в национальных автономиях реализовывался классический тип национального строительства. Его сущность заключалась в формировании этнонаций на базе советской идеологии, хозяйственного, партийного и культурного строительства. Ключевым механизмом стало развитие национальной государственности (в форме автономных округов, областей, республик) со всеми присущими ей политическими атрибутами и символами (декларированный суверенитет, статус титульных (коренных) народов и др.).

Этносоциальная специфика в «русских» округах и районах Северо-Кавказского края, охватывавшая территории Дона, Кубани, Черноморья, Ставрополья и частично Терека, обусловливалась историческими особенностями заселения региона, прежде всего его колонизационным характером. Большую часть населения здесь составляли переселенцы из различных регионов России, а также из-за рубежа. По своей совокупной численности немецкие, армянские, греческие общины превосходили население некоторых северокавказских автономий, но были разбросаны по всей территории Северо-Кавказского края (так называемые дисперсные этносы), а их реальная численность значительно превышала данные переписи 1926 г., неполные из-за неконтролируемой в то время миграции. В регионе также проживали ассирийцы, грузины, туркмены, шапсуги, евреи, цыгане, татары, калмыки, поляки, чехи, молдаване и др. Многие из них сохраняли традиционный уклад и вели замкнутый образ жизни. Уровень владения русским языком был очень низким, особенно у женщин и детей, что препятствовало развитию межэтнических связей. Особое положение занимали украинцы, которые также признавались большевиками в качестве национального меньшинства, хотя их численность в Северо-Кавказском крае была немногим меньше русского населения (табл. 2).

---

[12] Государственный архив Ростовской области (далее – ГА РО), ф. Р-1185, оп. 3, д. 279, л. 13.
[13] Там же, ф. Р-2287, оп. 1, д. 3951, л. 24.
[14] *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа... С. 73.

Таблица 2

Крупнейшие национальные меньшинства в административных округах Дона, Кубани и Ставрополья в 1926 г.

Национальности	Численность (тыс. человек)			
	Дон	Кубань и Черноморье	Ставрополье и Терек*	Итого
Украинцы	1174,5	1419,7	439,8	3034,0
Армяне	46,5	77,8	23,6	147,9
Немцы	29,1	33,0	26,1	88,2
Белорусы	17,2	23,3	2,8	43,3
Евреи	30,4	5,5	3,6	39,5
Греки	1,9	23,2	3,9	29,0
Поляки	5,5	7,4	2,6	15,5
Татары	5,2	3,9	2,7	11,8
Калмыки	0,2	9,5	2,0	11,7
Черкесы	0,1	8,5	1,9	10,5
Молдаване	0,1	9,0	0,15	9,2
Грузины	0,6	5,0	1,9	7,5
Цыгане	2,8	2,7	0,9	6,4
Эстонцы (Эсты)	0,35	3,2	1,3	4,8
Туркмены	–	–	4,5	4,5
Латыши	2,1	1,8	0,4	4,3
Ногайцы	0,1	0,8	2,7	3,6
Чехи и словаки	0,3	3,1	0,1	3,5
Болгары	0,7	1,3	0,2	2,2
Ассирийцы	0,4	0,9	0,1	1,4

Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года...

* Ставропольский и Терский округа.

Этносоциальные отношения на Дону, Кубани и Ставрополье во многом противоречили большевистскому постулату об угнетаемых царизмом нерусских народах. Некоторые старожильческие этнические общины по уровню своего экономического и культурного развития превосходили русское крестьянское и казачье население. Зажиточными были многие армянские общины, прежде всего в Нахичевани-на-Дону, Чалтыре. Большинство немецких колоний в регионе были значительно богаче своих соседей, в том числе русских и казаков. Партийными и советскими органами неоднократно отмечалось, что «к особенностям ведения сельского хозяйства немцами относился их довольно крупный размер, товарный характер, наличие большого количества наёмных работников»[15]. Одной из причин низких темпов кооперации в Донском округе региональные власти признавали «обеспеченность немцев инвентарём, лошадьми, скотом, и вообще их зажиточность (почти в каждом дворе имеется от 1 до 3-х батраков)»[16].

[15] ГА РО, ф. Р-1798, оп. 1, д. 941, л. 89.

[16] Там же, л. 161, 161 об.

За период длительного проживания многих этнических общин на Дону, Кубани, в Черноморье, на Ставрополье и Тереке сформировались уникальные субэтнические группы с устойчивой региональной идентичностью. Дисперсный характер расселения национальных общин значительно затруднял их консолидацию в рамках государственного курса на формирование унифицированных этнонаций. За несколько поколений переселенцев наряду с сохранением этнического самосознания интенсивно формировался региональный тип идентичности. Многие жители вне зависимости от этнической принадлежности идентифицировали себя с территорией проживания. Дисперсные этносы различались по образу жизни (оседлые и кочевые), религии (христиане и мусульмане) и уровню благосостояния. Выделялись богатые и бедные колонии у немцев, зажиточные и нищие поселения армян и греков. Довольно часто имели место случаи внутриэтнической конкуренции. Например, нахичеванские армяне ещё до революции 1917 г. не давали согласия на приобретение земли в местах своего компактного проживания армавирским армянам[17]. Непросто складывались отношения между армянскими беженцами из Турции и Закавказья и донскими армянами, переселившимися из Крыма в конце XVIII в. и сохранившими свою уникальную культуру и язык[18].

Новая волна переселенцев, которые стали массово прибывать на Дон, Кубань и Ставрополье во время Первой мировой войны, а также в 1920-х гг., ещё больше затрудняла процесс национальной унификации. Среди беженцев превалировали греки, армяне, ассирийцы, которые переселялись на юг России из Османской империи. Мигранты имели культурные, языковые, ментальные особенности, отличавшие их от соплеменников-старожилов. Основная масса беженцев прибывала на территорию Кубани, а также Дона, главным образом в Шахтинский, Донской и Сальский округа[19]. Многие из них первоначально оседали в крупных городах Северо-Кавказского края, например, в Ростове-на-Дону, Армавире, Владикавказе, Грозном, и не имели возможности завести собственное хозяйство, маргинализировались[20]. Миграционная волна в ещё большей степени способствовала углублению этнической мозаичности в регионе.

Наконец, важнейшим фактором, препятствовавшим реализации «классической» формулы национального строительства на Дону, Кубани и Ставрополье, было наличие национальных очагов у крупнейших этносов, сложившихся в формате союзных или автономных республик. Так, армяне имели свой национальный очаг в Армянской ССР, входившей в состав ЗСФСР и выделившейся из неё в 1936 г. Непосредственно с Северо-Кавказским краем граничила Украинская ССР, где активно проводилась политика украинизации. Национальным очагом ставропольских туркмен, несмотря на собственную многовековую этническую историю, считалась Туркменская ССР, созданная в октябре 1924 г. Родиной советских немцев была объявлена Автономная Социалистиче-

---

[17] *Геворгян Г.А.* История экономического и социально-культурного становления армянской диаспоры Донской области и Степного Предкавказья (последняя четверть XVIII в. – 1917 г.). Дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2000. С. 67.

[18] *Тикиджьян Р.Г.* Основные этапы формирования и трансформации этносоциального сообщества донских армян в конце XVIII – начале XXI вв. // Армяне юга России: история, культура, общее будущее. Материалы всероссийской научной конференции (30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2012. С. 287–288.

[19] ГА РО, ф. Р-1390, оп. 6, д. 107, л. 9.

[20] Там же, д. 108, л. 76.

ская Советская Республика Немцев Поволжья. Донские калмыки, проживавшие в восточных районах Донецкого округа Северо-Кавказского края, активно мигрировали в Калмыцкую автономную область.

Процессы национального строительства на Дону, Кубани и Ставрополье начались на несколько лет позже автономизации горских народов. В их основу был положен универсальный принцип этнической консолидации и компактного проживания. Результатом стало создание Шапсугского (1924), Туркменского (1925), Армянского (1925), Мясниковского (армянский) (1926), Ванновского (немецкий) (1928), Калмыцкого (1929), Греческого (1930) национальных районов и большого количества национальных сельсоветов[21]. Симптоматично, что Положение о национальных районах, которое регламентировало их деятельность, было принято только в 1926 г., уже после создания некоторых из них.

На низшем административном уровне роль центра этнической консолидации играли национальные сельские советы, созданные на основании письма ВЦИК «О выделении национальных сельских советов» от 29 апреля 1926 г. В нём предписывалось в районах со «смешанным национальным населением, при разукрупнении выделять селения с однородным составом для организации самостоятельных сельсоветов»[22]. В письме Краевого исполнительного комитета всем окружным и областным исполкомам Северо-Кавказского края в 1925 г. подчёркивалось, что «сельские советы являются основною ячейкой советской власти трудящихся и имеют своей задачей привлечение трудящихся масс к непосредственному участию в деле строительства во всех областях культурной и хозяйственной жизни населения»[23]. Краевые власти отмечали необходимость «взять твёрдый курс на выделение отдельных немецких сельсоветов, не останавливаясь перед недостаточным для этой цели населением в том или другом пункте»[24]. Аналогичный курс реализовывался и в отношении других этнических групп (ассирийцев, молдаван, татар, грузин и др.), которые в силу своей малочисленности и дисперсности проживания не могли создать самостоятельных национальных районов.

Ряд исследователей причисляют национальные районы и сельсоветы к «малым автономиям», ставшим своеобразными копиями автономных областей и республик[25]. Данное утверждение является спорным, поскольку национальная автономия имела определённый политико-представительный статус, закреплённый в общесоюзной и республиканской Конституциях и дававший право на избрание депутатов по национальным округам в союзные и республиканские органы, в том числе Совет Национальностей СССР[26]. Кроме того, национальные районы и сельсоветы не обладали атрибутами государственности, их создание носило в значительной степени экспериментальный, конъюнктурный и, как показала история, временный характер. Первостепенную роль, особенно с началом коллективизации, играли экономические показатели.

---

[21] История Северного Кавказа: учебное пособие / Отв. ред. Д.В. Сень, А.Т. Урушадзе. Ростов н/Д, 2017. С. 191–193.

[22] Систематический сборник действующих актов. М.; Л., 1928. С. 32.

[23] ГА РО, ф. Р-3758, оп. 1, д. 471, л. 102 об.

[24] Там же, ф. Р-1798, оп. 1, д. 941, л. 90.

[25] *Иванцов И.Г.* Советские формы «малой автономии»... С. 128.

[26] Конституция СССР 1936 года. Высшие органы государственной власти СССР. Глава III (URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm).

В документах краевых партийных и хозяйственных органов отмечалась необходимость встраивания в хозяйственную систему национальных районов как единиц планирования[27]. Кроме того, необходимо было продемонстрировать успешность решения национального вопроса в СССР, добиться лояльности нацменьшинств и избежать обвинений в ассимиляторской политике, которую большевики приписывали царской России.

Несмотря на попытки этнической консолидации в рамках национальных районов, в том числе путём прирезки территорий с компактным проживанием представителей того или иного этноса, гораздо более значительная доля национальных меньшинств проживала за границами национальных образований. Из более чем 90 тыс. населения Северо-Кавказского края в Ванновском национальном районе проживали не более 6–7 тыс. немцев; из 162 тыс. армян в Мясниковском и Армянском районах – около 30 тыс. человек[28]. Остальные были рассредоточены по территории Северо-Кавказского края.

Этническая чересполосица и полиэтничный состав национальных районов и смешанных сельсоветов в условиях дефицита земли провоцировали взаимное недоверие и рост межнациональных противоречий, в том числе на руководящем уровне. Так, в Калмыцком районе отмечалось нежелание властей заниматься проблемами отсталых калмыцких колхозов, а машинно-тракторных станций – обслуживать их[29]. В Греческом районе на протяжении всего его существования сохранялась взаимная неприязнь между русскими и греческими партийными работниками[30]. Высокий уровень экономической конкуренции провоцировал рост эмиграционных настроений среди значительной части немцев и греков, которые массово выезжали в Германию, Грецию, США и другие страны[31]. Некоторые этнические группы отличались высокой интенсивностью внутренней миграции. К примеру, ассирийцы предпочитали выезжать из сельской местности и селиться в крупных городах Советского Союза[32]. Туркмены, традиционно занимавшиеся кочевым скотоводством, из-за недостатка земли массово мигрировали в соседний Дагестан[33]. Проблема предотвращения миграции туркмен из Ставрополья, проживавших в регионе с XVII в., решалась на краевом и республиканском уровнях[34]. В результате был создан отдельный Туркменский район в Ставропольском округе и оказана значительная материальная помощь туркменским хозяйствам[35].

Ключевое значение в рамках национальной политики в регионе отводилось развитию национальной культуры и бытовых особенностей народов. Общность языка и культуры, признавалась важнейшим признаком нации[36]. Особое внимание уделялось сохранению и развитию культуры малых народов, в том

---

[27] ГА РО, ф. Р-1390, оп. 6, д. 1228, л. 1 об.

[28] Всесоюзная перепись населения 1926 года...; ГА РО, ф. Р-493, оп. 1, д. 52, л. 12; ф. Р-98, оп. 2, д. 98, л. 201; ф. Р-1798, оп. 1, д. 1116, л. 7.

[29] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 171, л. 36; д. 173, л. 162.

[30] Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИ КК), ф. 2662, оп. 1, д. 62, л. 18.

[31] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 209, л. 10; д. 751, л. 39, 91.

[32] *Данилова Е.Н.* Деятельность Всероссийского союза ассирийцев в 20–30-е годы XX века // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 109.

[33] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 655, л. 21, 25.

[34] Там же, л. 22.

[35] Там же, л. 22–23.

[36] *Сталин И.В.* О национальном вопросе. С. 10.

числе проживавших в иноэтничном и инокультурном окружении, ликвидации неграмотности, развитию начального и среднего образования на родном языке, созданию национальных театров, газет, журналов.

Основными направлениями культурной политики в 1920-х гг. было социалистическое воспитание, политическое просвещение и профессиональное образование. В рамках первого направления строились национальные школы, которые должны были выполнять просветительские и воспитательские функции в контексте текущих культурных и идеологических задач. Широко развивалась сеть учреждений политпросвета, которые обеспечивали политическое воспитание масс. Избы-читальни, стенгазеты, ликпункты должны были организовать свою работу в соответствии с актуальными задачами кооперации, коллективизации, индустриализации. Особое внимание уделялось воспитанию национальных образовательных кадров в педагогических учебных заведениях. Уже в начале 1920-х гг. были созданы Северо-Кавказский педагогический институт, Горский институт народного образования во Владикавказе, педагогические техникумы в Дагестане, Северной Осетии, Адыгее, Ингушетии и Чечне, педагогические училища в Черкесске и Карачаевске, Ленинский учебный городок с педтехникумом и педкурсами в Кабардино-Балкарии и др.[37]

Дисперсные народы Дона, Кубани и Ставрополья также были объектом культурной политики краевых властей. С этой целью в городах и сёлах, где проживали национальные меньшинства, открывались пункты ликбезов, избы-читальни, библиотеки, школы. Важным требованием была ликвидация неграмотности на родном языке. В рамках советского варианта нациестроительства в контексте политики культурной и языковой унификации в школах внедрялись литературные варианты национальных языков. Развитием образования среди национальных меньшинств занимался отдел Нацмен Краевого народного образования. Показательно, что в его отчётах за 1924–1925 гг. дисперсные этносы, проживавшие в крае, сознательно отделялись от национальностей, проживавших в собственных автономиях[38].

Чересполосный и дисперсный характер проживания национальных меньшинств значительно затруднял культурное строительство. У ряда этносов отмечался чрезвычайно низкий уровень грамотности (туркмены, калмыки, шапсуги, армяне, ассирийцы и др.)[39]. Процесс сильно тормозился из-за разбросанности населения, отсутствия необходимой инфраструктуры и дефицита национальных кадров. Ситуацию осложняло также наличие многочисленных языковых диалектов, отличных от общепринятых норм литературных языков. Так, донские армяне и многие армянские беженцы разговаривали на западноармянских диалектах, а жители армянского села Эдиссия на Ставрополье – на тюркском наречии, в то время как литературный армянский язык сложился на основе восточноармянских диалектов. Аналогичные сложности наблюдались

---

[37] *Лиджеева К.Ф.* Подготовка педагогических кадров в процессе формирования советской интеллигенции (на материалах национальных автономий Северного Кавказа) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2011. № 6. С. 31.

[38] ГА РО, ф. Р-64, оп. 1, д. 234.

[39] Самый высокий уровень грамотности отмечался у немцев, в том числе среди женщин, которые были «поголовно грамотны». К концу 1920-х гг. школьным образованием было охвачено до 80% немецких детей, что было самым высоким показателем среди нацменьшинств (ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 751, л. 104).

у немцев, значительная часть которых не знала ни русского, ни литературного немецкого языка[40]. Отличались многообразием и греческие диалекты, некоторые этнические группы греков с трудом понимали друг друга[41]. Ликвидация неграмотности на родном языке и его внедрение во все области жизнедеятельности нацменьшинств сталкивались с трудностями не только культурного, но и политического плана. В ряде случаев они приобретали драматический и подчас трагический характер.

Культура и традиции донских, кубанских и ставропольских нацменьшинств значительно отличались от культуры и традиций соплеменников, проживавших на территории национальных автономий и союзных республик, считавшихся эталоном и культурной нормой. Государство способствовало процессам национальной унификации. Характерный пример – дискуссия внутри нахичеванской армянской общины на Дону в 1920-х гг. о выборе варианта армянского языка, который необходимо было внедрить в качестве официального языка делопроизводства Мясниковского района и местной прессы, в частности районной газеты «Мурч-Мангах»[42]. Схожие проблемы фиксировались в Армянском районе на Кубани, чьё население разговаривало на западноармянском диалекте. Местные власти выступали «против преподавания предметов в армянских школах на смешанных языках – на русско-армянском... в результате... дети после 6–7 лет прохождения школы не знают ни по-русски, ни по-армянски, как это имеет место в Чалтырском районе»[43].

Культурная разница между донскими армянами, беженцами из Турции и «ереванскими» руководителями была очень велика. Руководство донской армянской общины во главе с братьями Гадзиевыми выступало против насаждения литературного армянского языка, мотивируя это тем, что подавляющая часть армянского населения не владеет им, разговаривая на местном нахичеванском диалекте[44]. Микоян настаивал на внедрении норм «ереванского» варианта в процесс школьного образования донских армян, что стало одной из причин жёсткого политического конфликта между краевым руководством и лидерами нахичеванской армянской общины, который впоследствии получил название «гадзиевщины». Поражение Гадзиевых привело к внедрению единого стандарта армянского языка в школьный образовательный процесс и вытеснению местного диалекта в неформальное пространство.

В свою очередь руководство края испытывало значительное давление и со стороны руководства Армянской ССР, которое считало важной задачей курирование процесса национального и культурного строительства в регионах с компактным проживанием армянского населения на основе армянского литературного языка. Так, краевые власти подчёркивали, что чрезмерное навязывание русского языка в рамках учебного процесса в донских армянских школах может «дать эмигрантской печати благодатный материал, дискредитирующий национальную политику советской власти; пока же эти явления имели результатом появление заметок на страницах органа ЦК Компартии Советской Арме-

---

[40] ЦДНИ КК, ф. 12, оп. 1, д. 84, л. 40–41.

[41] ГА РО, ф. Р-64, оп. 1, д. 234, л. 64.

[42] *Акопян В.З.* Армянская периодическая печать Юга России в советский период // Вестник Адыгейского государственного университета. 2013. № 1. С. 25.

[43] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 165, л. 9.

[44] ГА РО, ф. Р-64, оп. 3, д. 22, л. 99.

нии, порицающее столь поверхностное отношение к такому важному вопросу как вопрос о языке»[45].

Особое политическое значение имел процесс национального и культурного строительства среди греческого населения. В 1930 г. на Кубани был создан Греческий национальный район. В резолюции греческого съезда советов Черноморского округа в апреле 1930 г. отмечалось, что «единственным отечеством для нас является СССР, для защиты которого от любого покушения врагов мирового пролетариата мы готовы выступить в любой момент»[46]. Среди греческого населения наблюдалось значительное разнообразие диалектов, «вплоть до совершенного незнания некоторыми греками (самсунскими, байтарскими) своего родного языка»[47]. В качестве основного для школьного образования было выбрано «так называемое анатолийское наречие и язык "народный"... на котором говорит по преимуществу население самой Греции в обыденной жизни»[48]. Выбор «народного» греческого языка, несмотря на то что значительная масса греков, прибывшая из Турции, разговаривала на анатолийском наречии, способствовал ведению советской пропаганды среди греков-эмигрантов.

Важной особенностью «периферийного» национального строительства среди дисперсных этносов в регионе был его «крестьянский» характер. Подавляющая часть национальных меньшинств занималась сельским хозяйством. Представители тех этнических групп, которые мигрировали в города, в основном были заняты в сфере услуг. Ассирийцы заняли нишу чистильщиков обуви, армяне имели крепкие позиции в торговле, татары промышляли извозом или нанимались разнорабочими[49]. Доля рабочих, которые в рамках большевистской идеологии представляли передовую часть этноса, оставалась крайне незначительной. Национальные районы, как правило, не имели крупных промышленных центров. Рабочие-нацмены трудились на предприятиях в крупных городах – Ростове-на-Дону, Аксае, Таганроге, Новороссийске и др.[50] Так, на таганрогском заводе «Красный Котельщик» в 1934 г. работали 135 украинцев, 27 немцев, 23 еврея, 18 греков и 17 поляков[51]. На цементном заводе в Новороссийске трудились 115 украинцев, 57 греков, 26 армян, 20 немцев, 11 молдаван, 9 евреев, 8 чехов, 8 татар и др.[52] В отличие от рабочих из северокавказских автономий, они не возвращались в места компактного проживания, довольно быстро оседая в городах. Значительная часть рабочих, особенно немцев, поляков и украинцев, в городских условиях подвергалась быстрой культурной и языковой ассимиляции[53], что делало их непригодными для ведения пропагандистской и организационной работы среди сельского населения.

Главную ставку в национальных районах и сельсоветах приходилось делать на батраков и бедных крестьян. Предполагалось, что именно они составят партийный и советский актив. Так, в отношении немецкого населения предписы-

---

[45] Там же, ф. Р-1798, оп. 1, д. 941, л. 29.

[46] ЦДНИ КК, ф. 2662, оп. 1, д. 5, л. 4.

[47] ГА РО, ф. Р-64, оп. 1, д. 234, л. 64.

[48] Там же.

[49] *Данилова Е.Н.* Деятельность Всероссийского союза ассирийцев... С. 109; ЦДНИ КК, ф. 12, оп. 1, д. 54, л. 3.

[50] ГА РО, ф. Р-1855, оп. 1, д. 274, л. 2, 5, 20, 36, 59, 92.

[51] Там же, л. 114–114 об.

[52] Там же, л. 280.

[53] *Игнатова М.Е.* Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы... С. 190.

валось «поручить окружкомам ВКП(б) принять меры... к увеличению процента бедняков, батраков и женщин в немецких сельсоветах»[54]. К 1929 г. в Ванновском районе при всех сельсоветах и некоторых крестьянских комитетах общественной взаимопомощи было организовано 12 групп бедноты, состоявших из 144 членов[55]. Большое внимание уделялось батракам как сельскому пролетариату. В том же Ванновском районе функционировал батрацкий профсоюз, в который входили 138 из 153 батраков[56]. В результате только за 1931–1932 гг. их численность в районной партийной организации выросла с 30 до 106 человек. Тем не менее крестьян-партийцев по-прежнему было больше – 157 человек[57].

Преобладание крестьян-колхозников наблюдалось и в других национальных районах, в том числе в Греческом, несмотря на относительно высокую долю промышленного производства в структуре его экономики. В местной парторганизации к 1932 г. насчитывалось 52 рабочих, 25 батраков, 161 колхозник, 20 служащих[58]. Однако массовая неграмотность, политическая и социальная пассивность бедняцкого элемента обуславливали низкие темпы партийного и советского строительства[59]. Наиболее тяжёлая ситуация складывалась в национальных и смешанных сельсоветах, где нередко возникал разлом не по классовому, а по национальному признаку. Так, в некоторых колониях Донского и Терского округов немцы-бедняки, консолидировавшись с немцами-середняками и зажиточными немцами-колонистами, отказывались голосовать на выборах в сельсоветы за русских кандидатов из бедноты[60].

В силу нехватки национальных кадров районные и окружные власти допускали возможность нарушения принципа квотирования, и руководящие должности в сельсоветах зачастую занимали русские. Так, председателем крупнейшего в Донском округе Воронцовского немецкого сельсовета был русский по национальности Наконечный[61]. Наиболее часто эта мера применялась в период коллективизации в тех сельсоветах, где преобладали зажиточные национальные хозяйства. Результатом дефицита местных национальных кадров стали низкие темпы коренизации партийного и советского аппарата, руководящих должностей на производстве. Их рост в значительный степени обеспечивался за счёт формального выдвижения на руководящие посты, что зачастую негативно отражалось на качестве их работы, особенно в чрезвычайных условиях. На V партийной конференции Ванновского района в мае 1930 г. подчёркивалось: «Посылаются к нам работники, посылаются все, кто носит нерусскую фамилию, хотя бы он был и не немец. Некоторые говорить по-немецки не умеют, а их присылают к нам»[62].

Дефицитом национального партийного и советского актива на местах объяснялись и низкие темпы коллективизации. Данная проблема в разной мере была характерна для всех национальных меньшинств в регионе, в том чис-

---

[54] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 751, л. 41.
[55] ЦДНИ КК, ф. 493, оп. 1, д. 21, л. 66.
[56] Там же.
[57] Там же, д. 52, л. 20.
[58] Там же, ф. 2662, оп. 1, д. 15, л. 41.
[59] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 751, л. 102.
[60] Государственный архив новейшей истории Ставропольского края, ф. 5938, оп. 1, д. 22, л. 11.
[61] ГА РО, ф. Р-1798, оп. 1, д. 941, л. 84.
[62] ЦДНИ КК, ф. 493, оп. 1, д. 32, л. 5.

ле для немцев, чьи хозяйства считались наиболее успешными, а Ванновский район – самым развитым. VII районная Ванновская партийная конференция в 1932 г. отмечала «плохую постановку работы по выдвижению национального низового актива» и «слабый рост парторганизации – на 9%, особенно слабый процент за счёт женщин и немцев». Такое положение объяснялось «недостаточной работой среди немцев... недостаточной подготовкой кадров низовых партработников-немцев»[63]. Обращалось внимание и на низкие показатели вовлечения в партию украинского населения[64]. Доля немецких и украинских коммунистов не соответствовала национальному составу Ванновского района. За четыре года первой пятилетки, на которые выпали наиболее динамичные процессы национального и культурного строительства, удельный вес немцев-партийцев остался на прежнем уровне (см. табл. 3, 4).

Таблица 3

Национальный состав парторганизации Ванновского района в 1928–1932 гг.

	1.10.1928	1.05.1929	1.02.1931	1.01.1932
Немцы	18 (21,2%)	27 (23,5%)	43 (17,3%)	62 (22,8%)
Русские	42 (49,4%)	57 (49,6%)	126 (50,6%)	139 (51,1%)
Украинцы	17 (20%)	24 (20,1%)	54 (21,7%)	53 (19,5%)
Другие	8	7	26	18
Всего	85	115	249	272

Подсчитано по: ЦДНИ КК, ф. 493, оп. 1, д. 16, л. 20, 22; д. 52, л. 20.

Таблица 4

Динамика национального состава Ванновского района в 1927–1930 гг.

	Немцы	Украинцы	Русские	Другие	Всего
1927	5280	4643	2823	163	12909
1928	5464	4756	3245	172	13637
1929	5012 (32,4%)	5367 (34,7%)	3902 (25,2%)	181	15463
1930	7428* (43%)	5628 (32,6%)	3255 (18,8%)	864	17275

Подсчитано по: ЦДНИ КК, ф. 493, оп. 1, д. 52, л. 12.

* Увеличение немецкого населения произошло за счёт включения в состав Ванновского района отдельных населённых пунктов с немецким населением.

Дефицит местных национальных кадров компенсировался путём вовлечения в партийное и советское строительство выходцев из других регионов страны. В немецкие колонии назначались активисты из крупных городов Северо-Кавказского края, а также из Автономной ССР Немцев Поволжья. Среди донских армян вели работу партийные активисты из Армении. Ростовских

[63] Там же, д. 52, л. 3.

[64] Там же, л. 21.

армян-партийцев присылали для работы среди армян-беженцев в Армянском районе[65]. Однако эти кадры не проявляли заинтересованности в долгосрочном пребывании на новом месте по причине низких заработных плат, отсутствия перспектив продвижения по карьерной лестнице. При первой возможности они уезжали в крупные города, что приводило к большой текучке кадров[66]. Кроме того, незнание местной специфики зачастую порождало конфликты между старожилами и приезжими специалистами.

Несмотря на ряд позитивных достижений, прежде всего в области развития национального самосознания, культуры и образования, существование национальных районов не помогло решить проблему этнической чересполосицы и межэтнических трений, прежде всего из-за дефицита земли, провоцировавшего этнические конфликты. По-прежнему фиксировался высокий уровень социальной и культурной изоляции представителей национальных меньшинств. На Кубани долгое время сохранялась экономическая конкуренция между греками, занимавшимися табаководством, и русскими крестьянами, что вызывало эмигрантские настроения среди греческого населения[67]. Часть греков изначально выступали против создания национального района, опасаясь земельных конфликтов[68].

Внедрение советских форм ведения хозяйства также сталкивалось с рядом трудностей. Темпы коллективизации в Ванновском, Греческом и других национальных районах были существенно ниже, чем в соседних русских. В некоторых национальных колхозах до середины 1930-х гг. значительную экономическую и политическую роль играли кулаки и духовенство, широко использовавшие наёмный труд[69]. Фактор национального сознания значительно превосходил классовую солидарность.

С течением времени всё более очевидной становилась экономическая несостоятельность многих национальных районов, что требовало дополнительного финансирования со стороны краевых властей. Некоторые из них находились в тяжёлом финансово-экономическом положении, например, Шапсугский[70], Калмыцкий[71], Туркменский[72]. К тому же титульное население большинства национальных районов неуклонно сокращалось. Даже в сравнительно благополучном Ванновском районе «размер... бюджета был недостаточен»[73]. К моменту его ликвидации в 1938 г. из 17,8 тыс. жителей немцами были 6,5 тыс. человек; в Греческом районе из 74,5 тыс. греки составляли 10,9 тыс.[74]

Особая ситуация складывалась в армянских районах на Дону и Кубани, где удельный вес армянского населения был очень высок. В то же время уровень их хозяйственного развития значительно разнился. Армянский район на Кубани состоял преимущественно из беженцев, в его социальной структуре преобладали бедняки, «жизненный уровень жителей являлся одним из самых

---

[65] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 165, л. 8.

[66] ЦДНИ КК, ф. 493, оп. 1, д. 21, л. 66.

[67] ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 209, л. 9–10.

[68] *Игнатова М.Е.* Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы... С. 193.

[69] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 45, л. 72.

[70] *Иванцов И.Г.* Становление автономии Шапсугского района // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 4(51). С. 82–83.

[71] ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 29, л. 158–159.

[72] Там же, ф. 7, оп. 1, д. 655, л. 22.

[73] *Игнатова М.Е.* Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы... С. 142.

[74] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2005. С. 333.

низких среди аналогичных районов»[75]. В отчётах советских органов отмечалось, что «Армянский район является хозяйственно и культурно отсталым, ведущим сельское хозяйство в условиях горной полосы с разведением технических культур (табак)»[76]. Решительным мерам по преобразованию района помешала Великая Отечественная война. В 1953 г. он был ликвидирован, а его территория распределена между Туапсинским и Апшеронским районами. При этом населённый армянами Мясниковский район на Дону оставался довольно зажиточным, что стало главным фактором его сохранения в качестве самостоятельной административной единицы. До сих пор он играет важную роль в экономике Ростовской обл.

Во второй половине 1930-х гг. помимо экономической целесообразности важную роль стал играть фактор политической лояльности населения. Принятие Конституции победившего социализма в 1936 г. символизировало успешное завершение процесса национального строительства. На первый план выходили задачи интеграции национальных меньшинств. К этому времени все национальные районы в регионе фактически лишились своего национального статуса, что стало первым шагом к их упразднению. 7 января 1938 г. вышло постановление бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) о ликвидации Греческого и Ванновского районов[77]. В годы Великой Отечественной войны был ликвидирован Калмыцкий, а после её окончания – Шапсугский, Армянский и Туркменский районы[78]. Несмотря на определённые экономические трудности, по уровню своего развития они превосходили многие районы в регионе. Их ликвидация была связана, прежде всего, с опасениями политической неблагонадёжности населения, например немцев и греков, которые в годы войны подверглись насильственному переселению и депортации.

Результаты «периферийного» варианта национального строительства на Дону и Северном Кавказе были противоречивы. С одной стороны, за сравнительно короткий промежуток времени удалось консолидировать многочисленные этнические группы, проживавшие в регионе, повысить уровень их национального самосознания, ликвидировать неграмотность и создать условия для развития национального языка и культуры. С другой стороны, многие этнические сообщества подверглись культурной и языковой унификации, что повлекло за собой утрату уникальных образцов и особенностей местных культур.

---

[75] *Акопян В.З.* Армянский национальный район: образование, статус, политические процессы (URL: https://armeniansite.ru/armyanskie-poseleniya-rossii/308-armyanskij-natsionalnyj-rajon-na-kubani-obrazovanie-status-politicheskie-protsessy.html).

[76] ГА РО, ф. Р-1485, оп. 1, д. 634, л. 254.

[77] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. М., 2009. С. 333–335.

[78] История Северного Кавказа: учебное пособие. С. 191–193.

Попытка включения Ненецкого национального округа в состав Коми АССР в 1957 г.

Владимир Круглов

An attempt to transfer the Nenets National District to Komi ASSR (1957)

Vladimir Kruglov
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722060048, **EDN**: MLMOOU

История административно-территориального деления (АТД) России изучена в целом достаточно подробно. Однако внимание исследователей привлекают по преимуществу нашедшие воплощение идеи и решения, тогда как неосуществившиеся проекты чаще всего остаются в тени. Между тем эти предложения интересны и сами по себе, и как проявление идейно-политических веяний своего времени, и как продолжение (порой неожиданное) дискуссий прошлых лет, и как индикатор скрытых процессов в структурах власти.

Существует в историографии и территориальный перекос. Одни регионы изучены весьма подробно (например, Северный Кавказ или Поволжье), другие – значительно слабее. Это относится в том числе и к Северо-Западу, в рамки которого попадают административно-территориальные единицы (АТЕ), находящиеся в центре внимания данной статьи. Историками рассмотрены перипетии борьбы за установление внутренних границ в регионе в 1920-х гг.[1] В целом это соответствует положению дел в российской историографии АТД, в которой лучше всего освещён именно период 1917 – начала 1930-х гг. (а также конца 1980-х – 1990-е гг.). Прочие же временные отрезки, в том числе «оттепельные» годы, затрагиваются редко. Однако в это время не только осуществлялись изменения карты страны, но и озвучивались многочисленные предложения о преобразованиях как на местном, так и на общесоюзном уровнях. Поступали они буквально отовсюду: от представителей общественности, из сферы науки, а главное, – от местных структур власти и управления.

К последним относится – попытка передачи Ненецкого национального округа (ННО) из подчинения Архангельской обл. в состав Коми АССР в 1957 г. Историки ещё не уделяли этой теме внимания. Однако она интересна не только как самостоятельный сюжет, но и выводит на более широкую проблематику региональной политики, взаимоотношений структур власти разного уровня, межэтнических отношений, иллюстрируя на, казалось бы, локальном, окраинном материале многие важные особенности советского политического режима – как в целом, так и применительно конкретно к «хрущёвскому» его периоду.

© 2022 г. В.Н. Круглов

[1] История Республики Коми: научно-популярные очерки / Сост. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 1996; *Шабаев Ю.П.* Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М., 1998; *Шубин С.И.* Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы. Архангельск, 2000; История Коми с древнейших времён до конца XX в. / Отв. ред. В.И. Турубанов. Изд. 2. Т. 2. Сыктывкар, 2011; *Таскаев М.В.* Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 – первая половина 1930-х гг.). Екатеринбург, 2011; и др.

* * *

Основания для преобразований в сетке АТД в рассматриваемый период создали, как представляется, решения декабрьского пленума ЦК КПСС (1956), посвящённого «вопросам улучшения руководства народным хозяйством». Представители центра и регионов весьма нелестно оценили на нём управленческую практику последних лет. Как следствие, решения пленума обязали партийные структуры всех уровней «добиваться серьёзного улучшения работы предприятий и хозяйственных органов, уделяя особое внимание делу подбора, выдвижения и правильной расстановки кадров, проверке исполнения решений партии и правительства, обеспечению строжайшей дисциплины во всех звеньях аппарата управления хозяйством»[2]. К тому же предполагалось «устранение излишних и параллельно действующих звеньев, имея в виду упрощение и удешевление аппарата управления». В свете этого на региональных руководителей ложилась дополнительная ответственность – но одновременно они приобретали и дополнительный вес, получали определённую свободу рук.

Как следствие, в течение 1957 г. появилось несколько инициатив, затрагивающих политическую карту страны[3]. В их числе 29 мая в Отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР поступила записка Коми обкома о передаче Ненецкого национального округа Архангельской обл. в состав Коми АССР. Можно говорить об уникальном с процедурной точки зрения проекте: намечалось взаимодействие «регулярной» АТЕ – области – и автономной республики, национально-территориального образования высшего уровня, объектом которого являлся национальный округ – национально-территориальное образование низшего уровня. Поэтому в риторике заинтересованных сторон звучали как хозяйственные и социальные, так и этнокультурные мотивы.

Первые в соответствии с негласными правилами, требовавшими делать упор на экономической и управленческой стороне вопроса, объяснялись наиболее подробно. Отмечалось, что «округ... имеет самые тесные экономические связи с Коми АССР. Печорский угольный бассейн, охватывающий северную часть территории Коми республики и южную часть [округа], составляет единое целое... Хозяйственное руководство предприятиями и строительством, расположенными в [округе], осуществляется из Коми республики. В то же время партийные и советские организации Силовского угольного района подчинены соответствующим органам Архангельской области, которая находится на большом расстоянии и не в состоянии оперативно решать возникающие вопросы на месте... Прямая связь также существует между колхозами и совхозами [округа] и районов Крайнего Севера Коми АССР, занимающимися оленеводством... Разделение кормовых угодий Большеземельной и Малоземельной тундры между двумя административными районами отрицательно сказывается на правильном их использовании. Присоединение [округа] позволит значительно увеличить вылов рыбы в озёрах тундры для снабжения населения Печорского угольного бассейна свежей рыбой, имеющей большое значение в условиях Крайнего Севера... Строительство Печорской железной дороги изменило транспортные условия [округа]... такое объединение позволит более правильно использовать природные ресурсы». Вторые затрагивались скорее вскользь, как дань статусу

[2] Постановление Пленума ЦК КПСС «Вопросы улучшения руководства народным хозяйством СССР» // Правда. 1956. 25 декабря.

[3] Подробнее см.: *Круглов В.Н.* Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М.; СПб., 2020. С. 190–193.

передаваемой территории: «О целесообразности объединения... говорит и то, что значительная часть населения этого округа является по национальности коми, и что все ненцы хорошо знают коми язык»[4].

Инициаторами передачи территории, согласно записке, выступили органы власти Архангельской обл. – обком КПСС и облисполком. Относительно Коми республики говорилось, что её органы власти (обком и Совет министров) «поддерживают эти предложения и просят Центральный Комитет положительно решить вопрос»[5]. Выяснение мотивов сторон представляет интерес, поскольку связано с соображениями как практическими, продиктованными конкретной ситуацией, так и «долгоиграющими», причём имеющими стратегический характер.

Яснее всего выглядят мотивы властей области. Ещё 5 января 1957 г. из обкома в Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет министров РСФСР поступило письмо, в котором указывалось, что «на территории... округа расположены и в шестой пятилетке будут осваиваться крупные... месторождения каменного угля»[6]. Данные планы хозяйственного развития создавали удобный предлог для избавления от округа: область становилась более компактной и однородной, а её экономический профиль (рыбная, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность и обеспечивающие их производства) – более определённым. Это облегчало выполнение плановых заданий, не нужно было бы тратить силы и на освоение новой отрасли хозяйства.

Выигрывала и АССР, у которой добыча угля являлась одной из «профильных» экономических характеристик. Под единым управлением оказывался Печорский каменноугольный бассейн, в связи с чем можно было рассчитывать на дополнительные субсидии из центра (в том числе и потому, что на республику ложились заботы о прочих сторонах жизни приобретаемой территории. В письме Архангельского обкома отмечалось, что «в культурно-бытовом обслуживании трудящихся имеют место серьёзные недостатки: ощущается острая нужда в жилье, школах, медицинских, детских и культурно-просветительных учреждениях»[7]).

Прирастала республика и населением. Однако на позицию её руководства влияли, очевидно, далеко не только перспективы хозяйственно-демографического усиления. За ними могли скрываться более амбициозные соображения. Они становятся понятны при изучении истории развития автономии коми.

В период Гражданской войны развернулся процесс национального самоопределения народов бывшей Российской империи. Под влиянием политических установок и тактических намерений РКП(б) он принял форму территориальной автономизации, т.е. образования отдельных АТЕ на основе принципа компактного расселения того или иного этноса: автономных республик, областей, трудовых коммун, национальных округов и районов. Цель данного процесса обозначалась так: «Советская власть... станет властью не только русской, но и междунациональной, родной для крестьян ранее угнетённых национальностей»[8]. Как следствие, в 1921 г. на территориях тогдашних Архангельской

---

[4] РГАНИ, ф. 5, оп. 32, д. 94, л. 43–45.

[5] Там же, л. 45.

[6] Там же, л. 5.

[7] Там же, л. 6.

[8] XII съезд РКП(б), 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчёт. М., 1968. С. 482.

и Северо-Двинской губерний РСФСР появилась автономная область Коми (Зырян). Однако представители местной национальной интеллигенции строили масштабные планы. Её неформальный лидер Д.А. Батиев, занимавший пост заведующего Зырянским отделом Наркомата по делам национальностей РСФСР (т.е. представлявший данный этнос в Москве), выступил с предложением создать самостоятельную Зырянскую ССР[9]. Её пределы он представлял максимально широко. Среди прочего они должны были охватить низовья р. Печора, Приполярную тундру и другие земли, населённые ненцами, которых он считал близкородственным народом, архипелаг Новая Земля и некоторые другие острова Северного Ледовитого океана[10]. Притязания на столь высокий статус нового этнотерриториального образования Батиев обосновывал тем, что «такая республика явится буфером, ограждающим РСФСР от нападения её врагов с Севера»[11], копируя риторику центра, объяснявшую создание прибалтийских и Белорусской ССР ещё в 1918 г.[12]

Центр санкционировал образование лишь автономной области, причём в значительно более узких границах. На севере они, впрочем, охватили земли Нижней Печоры и Большеземельской тундры, предоставив АО выход к «большой воде». Её руководство строило в этой связи далеко идущие планы, в том числе строительства морского порта для последующей организации торговли с другими областями РСФСР и зарубежными странами[13]. Также оно не отказалось ни от стремления к повышению статуса в рамках Федерации, ни от желания расширить подконтрольную территорию. Из-за этого комийские партийцы регулярно вступали в конфликты как с властями сопредельных губерний (Архангельской, Пермской, Вятской), так даже и с центром[14]. Их намерения удивительно совпадали с «концепцией Батиева», несмотря на то, что сам он к середине 1920-х гг. сошёл с политической сцены.

Видя такие активность и непреклонность, в Москве решили укротить территориальные амбиции автономии, действуя методом кнута и пряника. Сначала в ход пошёл кнут. В январе 1929 г. Коми АО оказалась административно подчинена властям в Архангельске путём включения в состав Северного края. В июле того же года территорию края разделили на пять округов, одним из которых стал новообразованный Ненецкий национальный округ, охвативший отторгнутые от АО земли Нижней Печоры и Большеземельской тундры. По поводу этого решения руководство автономии заявило протест, однако смог-

---

[9] *Шубин С.И.* Северный край в истории России... С. 79; *Шабаев Ю.П.*, *Жеребцов И.Л.*, *Мальцев Г.И.* Опыт национального строительства коми-пермяков: историко-социологический анализ // Отечественная история. 2005. № 1. С. 76.

[10] История Республики Коми: научно-популярные очерки. С. 111–112; *Шабаев Ю.П.*, *Жеребцов И.Л.*, *Мальцев Г.И.* Опыт национального строительства коми-пермяков... С. 76–77; История Коми с древнейших времён... Т. 2. С. 274–280, 284–288.

[11] История Коми с древнейших времён... Т. 2. С. 277.

[12] *Хомич С.Н.* Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершённой этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному *status quo*. Минск, 2011. С. 140–141.

[13] История Республики Коми: научно-популярные очерки. С. 113–114; История Коми с древнейших времён... Т. 2. С. 280; *Таскаев М.В.* Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке... С. 514.

[14] *Шубин С.И.* Северный край в истории России... С. 81–95; История Республики Коми: научно-популярные очерки. С. 116–117; *Шабаев Ю.П.* Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми... С. 37–39, 46–48; *Таскаев М.В.* Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке... С. 507–515.

ло «в утешение» приобрести лишь Усть-Цилемский район на северо-западе – часть территории бывшего Печорского уезда Архангельской губ.[15] Учитывая, что ещё в 1925 г. центр санкционировал создание Коми-пермяцкого национального округа в составе Уральской обл., получилось, что к концу десятилетия земли, составлявшие предмет главного интереса АО, оказались для неё потеряны (а с ними, в случае ННО, и выход к морю). Наконец, в начале и середине 1930-х гг., в рамках прокатившейся по стране кампании по борьбе с «буржуазными националистами», комийских «национал-шовинистов» устранили из управленческих структур и общественной жизни[16].

Затем настало время пряника. Согласно Конституции СССР 1936 г., АО преобразовали в республику в составе РСФСР – Коми АССР (чего тамошние активисты безуспешно добивались буквально десятилетием ранее[17]). Это не была особая честь – повышение статуса автономий РСФСР началось ещё с 1932 г., новый Основной закон лишь увенчал это движение[18]. Одновременно все АССР выводились из подчинения краёв и приобретали самостоятельный статус в рамках Федерации. Объяснялось это «расцветом национальной культуры народов СССР, национальной по форме, социалистической по содержанию». Играли свою роль и соображения внешнеполитические – в условиях подъёма националистических настроений в Европе и почти повсеместного торжества выражавших их политических сил требовалось продемонстрировать достижения СССР на ниве интернационализма: «отсутствие эксплуатации, культивирующей взаимное недоверие и разжигающей националистические страсти» и «настоящее братское сотрудничество народов в системе единого союзного государства»[19]. Повышение статуса автономий становилось одной из составляющих идеологической борьбы в международном масштабе.

Впрочем, в отношении Коми это решение можно интерпретировать и как признак внимания центра «в особых обстоятельствах»[20], и как «подарок» на 15-летие автономии (подобные решения несколькими годами ранее уже принимались в отношении Мордовии и Калмыкии), и как своего рода сигнал: получив столь высокий статус, комийские кадры должны были отказаться от амбиций и привыкать к установленным сверху границам. Взамен они могли время от времени рассчитывать на территориальные приращения. Так, осенью 1940 г. в состав республики перевели часть земель ННО, располагавшихся по берегам р. Воркута, где было обнаружено угольное месторождение (часть Печорского бассейна, в основном уже охваченного АССР)[21].

---

[15] *Шубин С.И.* Северный край в истории России... С. 95; История Республики Коми: научно-популярные очерки. С. 116; *Таскаев М.В.* Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке... С. 519.

[16] Подробнее см.: История Республики Коми: научно-популярные очерки. С. 120; *Шубин С.И.* Северный край в истории России... С. 262–266; История Коми с древнейших времён... Т. 2. С. 301–302.

[17] История Коми с древнейших времён... Т. 2. С. 285–288.

[18] *Тархов С.А.* Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. // Логос. 2005. № 1. С. 80–83.

[19] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 126.

[20] Подробнее см.: Историк Михаил Рогачёв: «Коми была местом в СССР с самой высокой концентрацией лагерей и спецпосёлков» // Информационное агентство БНК. 2009. 22 августа. (URL: https://www.bnkomi.ru/data/interview/2892/).

[21] История Коми с древнейших времён... Т. 2. С. 468.

Однако, судя по инициативе 1957 г., идея не просто расширения пределов автономии, а именно выхода к «большой воде», очевидно, пережила все потрясения, чистки и репрессии. Отчасти её живучесть объяснялась вышеуказанным практическим соображением: приобретение НХО усиливало республику экономически и демографически. Но не меньшую, если не бóльшую важность имело то, что это давало АССР выход на государственную границу Союза. Имея такой козырь, в будущем можно было поставить перед руководством страны вопрос о повышении статуса до уровня союзной республики.

Надо отметить, что в советском законодательстве ни критерии повышения или понижения статуса национальных АТЕ, ни тем более процедурная сторона вопроса не определялись (хотя сюжеты эти на протяжении десятилетий обсуждались неоднократно). И лишь однажды были озвучены «признаки, наличие которых даёт основание для перевода автономных республик в разряд союзных республик». Это произошло в ноябре 1936 г. на VIII Всесоюзном съезде Советов, в докладе И.В. Сталина «О проекте Конституции Союза ССР». Отклонив предложение о возможности преобразования автономии в ССР «при достижении соответствующего уровня хозяйственного и культурного развития», «вождь» перечислил основания для такого решения: «Во-первых, необходимо, чтобы республика была окраинной, не окружённой со всех сторон территорией СССР. Почему? Потому что если за Союзной республикой сохраняется право выхода из Союза ССР, то необходимо, чтобы эта республика... имела возможность логически и фактически поставить вопрос об её выходе из СССР... Во-вторых, необходимо, чтобы национальность, давшая советской республике своё имя, представляла... более или менее компактное большинство... В-третьих, необходимо, чтобы республика была не очень маленькой в смысле количества её населения... скажем, не меньше, а больше хотя бы миллиона. Почему? Потому, что было бы неправильным предположить, что маленькая советская республика, имеющая минимальное количество населения и незначительную армию, могла рассчитывать на независимое государственное существование»[22].

Конечно, данные критерии представляли собой явную импровизацию на основании формальных признаков, призванную «поумерить пыл» отдельных автономий (в докладе прямо указывалось на честолюбивые устремления Башкирской, Татарской и Крымской АССР). Такого рода вопросы всегда решались кулуарным способом в аппарате ЦК партии по соображениям «политической целесообразности». Тем не менее за отсутствием законодательно закреплённых правил и правоведам, и работникам советских органов власти, и партаппаратчикам (как в центре, так и на местах) даже после 1956 г. приходилось отталкиваться именно от «сталинского» перечисления (и, в случае наличия соответствующих притязаний, сообразовывать их с ним).

Для Коми выполнение едва ли не самого важного требования – выход на административную границу СССР – как раз и достигалось приобретением территории НХО. Правда, планку в 1 млн жителей взять ещё не получалось (по состоянию на 1959 г. в АССР проживало 806 тыс. человек, а в округе – 46 тыс.[23]), однако шаг в нужном направлении делался, да и высокие темпы миграции в республику давали основание надеяться на выход на этот уровень

[22] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 14. С. 141–142.

[23] Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года. М., 1960. С. 24, 26.

в обозримом будущем. Хуже всего обстояло дело с «национальным вопросом»: вследствие массовых принудительных переселений в предыдущие десятилетия коми к концу 1950-х гг. составляли лишь 30,1% населения «своей» автономии, тогда как русских насчитывалось 48,6%[24] (в последующие годы эта диспропорция только увеличивалась). Причисление к коми «родственных» им ненцев ничего бы не изменило. Однако пример Казахстана, где наблюдалась примерно такая же ситуация, показывает, что это вряд ли стало бы препятствием, возникни у центра желание пополнить Союз новой республикой высшего уровня.

Наконец, наряду с соображениями хозяйственного развития и повышения статуса, можно выделить и ещё одно – более ситуативное и приземлённое. Весной 1957 г. в Коми прибыл новый политический руководитель – первый секретарь обкома А.Г. Дмитрин. Происходил он с Урала, партийную карьеру делал в Челябинской обл., а с 1952 г. работал в Москве, в аппарате ЦК ВКП(б)/КПСС. Как видим, для АССР он оказался человеком чужим. Предположу, что приобретением округа он стремился утвердить свой авторитет среди хозяйственно-управленческого актива автономии, в частности продемонстрировать сохраняющееся влияние в московских коридорах власти. Следует также акцентировать сам факт пребывания «варяга» (причём русского по происхождению) во главе этнической АТЕ. Это ставило его в особое положение. Он не мог замыкаться лишь в кругу хозяйственно-управленческой проблематики, как произошло бы в «обычной» области. Требовалось уделять внимание положению титульного этноса, и назначенец – вне зависимости от собственных устремлений, вкусов и наклонностей – превращался из ставленника и проводника воли центра в посредника между ним и подвластным регионом, а то и принимал на себя роль защитника местных интересов[25]. Тем более что в отношении национальных АТЕ этого прямо требовала идеологическая линия. Прошедший в феврале 1956 г. XX съезд КПСС объявил, что «партия исходила и исходит из ленинского положения о том, что социализм... обеспечивает всестороннее развитие и расцвет экономики и культуры всех наций и народностей. Партия должна и впредь самым внимательным образом учитывать эти особенности во всей своей практической работе»[26]. В случае Коми, правда, имеет смысл говорить об интересах не столько титульного этноса, сколько партийно-хозяйственной номенклатуры.

Каковы бы ни были соображения области и АССР, нужно отметить, что рассматриваемая инициатива прозвучала весьма своевременно: вскоре после декабрьского пленума, в феврале 1957 г., руководство страны приняло решение о реформе управления промышленностью и строительством. Предполагалось упразднение промышленных министерств и ведомств и замена их территориальными органами – советами народного хозяйства. Полномочия таковых распространялись на территории экономических административных районов, которые, как правило, совпадали с существующими АТЕ. Однако во время обсуждения положений реформы неоднократно звучали предложения как о создании «многообластных» районов, так и о внесении изменений в карту страны[27].

---

[24] История Коми с древнейших времён... Т. 2. С. 471.

[25] Подробнее об этом см.: *Hough J.F.* The Soviet prefects: the local party organs in industrial decision-making. Cambridge, 1969; *Khlevniuk O.V.*, *Gorlizki Y.* Substate dictatorship: networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union. L.; New Haven, 2020.

[26] XX съезд КПСС, 14–25 февраля 1956 г. Стенографический отчёт. Т. 2. М., 1956. С. 422.

[27] Подробнее см.: *Круглов В.Н.* Организация территории России... С. 210–213.

Не менее важно то, что с 1953 г. развернулся достаточно активный процесс территориальных реорганизаций. В союзных республиках создавались и упразднялись отдельные области, в некоторых областное деление отменялось вовсе, воссоздавались ранее упразднённые автономии, изменялся статус уже существующих[28]. На этом фоне выдвижение новых инициатив подобного рода являлось ожидаемым и даже могло казаться одобряемым «в верхах».

В свете вышеизложенного неудивительно, что власти АССР с готовностью откликнулись на предложение архангелогородцев. Однако развивались события парадоксально. На записке от 29 мая 1957 г. имеется недатированная рукописная помета о снятии Коми обкомом предложения об объединении[29]. Возможно, инициаторы просто не успели: 1 июня вышло постановление Совета министров РСФСР об экономических административных районах, согласно которому в Архангельский район вошёл и НАО, и в АССР решили не перечить решению центра. Однако 13 декабря того же года в ЦК КПСС поступила докладная записка уже бюро Ненецкого окружкома и окружного исполкома, в которой указывалось: «В начале декабря месяца этого года... стало известно, что Архангельским Обкомом КПСС и Облисполкомом дано согласие на ликвидацию Ненецкого национального округа и передачу его территории... в состав Коми АССР... Предварительное решение вопроса... происходило не в округе, а в Архангельском Обкоме КПСС в связи с приездом представителя Коми АССР – Зам[естителя] Председателя Совета Министров тов. Юркина с проектом письма в ЦК КПСС. В период нахождения в гор[оде] Архангельске [руководители округа] могли высказать только то или иное своё личное мнение, так как предварительно этот вопрос не обсуждался ни в Окружкоме КПСС, ни в Окрисполкоме»[30]. Таким образом, от идеи не отказались, а лишь отложили её до лучших времён. Следует отметить, что осенью 1957 г. были приняты решения об изменениях в АТД РСФСР (а именно, упразднении Балашовской и Каменской областей), что могло быть воспринято как начало очередной кампании и подвигнуть к возобновлению весенней инициативы.

Очевидно, всё это время позиция окружного руководства в переговорах области и республики игнорировалась. Здесь проявились две характерные особенности. Первая – давнее положение ненцев как «младшего брата», объекта, а не субъекта взаимодействия: «В тундрах столкнулось два потока колонизации сурового, но богатого края: русская... и зырянско-ижемская... Коренное население в силу сложившейся административно-территориальной и социально-экономической зависимости нередко становилось жертвой противоречий между Архангельском и Сыктывкаром»[31]. Надо отметить, что жители «северов» в советский период рассматривались как «отсталые национальные меньшинства»[32], «крайне отсталые народности Крайнего Севера»[33], «малочисленные, в прошлом отсталые в хозяйственном и культурном отношении народности»[34]. В свете та-

---

[28] Подробнее см.: *Павловский Р.С.*, *Шафир М.А.* Административно-территориальное устройство СССР. М., 1961. С. 72–74; *Тархов С.А.* Изменение административно-территориального деления России... С. 89–93; *Круглов В.Н.* Организация территории России... С. 156–164.

[29] РГАНИ, ф. 5, оп. 32, д. 94, л. 45.

[30] Там же, л. 85–86.

[31] *Шубин С.И.* Северный край в истории России... С. 102.

[32] Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. М., 1939. С. 398.

[33] *Павловский Р.С.*, *Шафир М.А.* Административно-территориальное устройство СССР. С. 32.

[34] Национальный округ // Большая советская энциклопедия. Изд. 3. Т. 17. М., 1974. С. 372–373.

ких нелестных характеристик они считались нуждающимися в «братской помощи всех народов Советского Союза», а по сути – в опеке и попечительстве.

Вторая особенность касалась положения национальных округов. Бóльшая их часть создавалась в 1920-х гг. как часть фасада «ленинской национальной политики» и своего рода обременение для «русских» АТЕ: «Одно из драгоценнейших прав отсталых наций в Советском Союзе есть их право на активную помощь, и праву этому соответствует обязанность “державной нации” оказать помощь, которая есть только возвращение долга»[35]. Ресурсов для самостоятельного существования округа практически не имели, а их правовой статус и положение не определяли достаточно чётко ни действовавшие в то время конституции СССР (1936) и РСФСР (1937), ни иные нормативные акты. Более того, согласно законодательству, окружные власти подчинялись вышестоящим – областным и краевым, которые могли изменять и отменять их решения. В 1952 г. работники аппарата Верховного совета СССР проинспектировали несколько автономных областей и национальных округов. Их отчёты констатировали практически полное бесправие тамошних органов управления: «Права национального округа настолько ограничены, что он не сохраняет и видимости законной автономии и самостоятельности»[36].

Вышеизложенное показывает, что окружное руководство занимало в неформальной иерархии заведомо подчинённое положение, и его мнение принималось во внимание едва ли не в последнюю очередь. Это в целом подтверждается последующими событиями. Однако рассматриваемая история одновременно и нетипична, поскольку в ННО вовсе не смирились с договором «старших товарищей», решив отстаивать свои статус и уровень подчинённости. Шаг этот выглядит смело, учитывая нравы и правила поведения в партийно-советской среде, однако в целом понятен и оправдан в свете как общесоюзных общественно-политических процессов, так и политики в отношении «северов».

Во-первых, после XX съезда в СССР началась либерализация – конечно, достаточно ограниченная изначально и всячески ограничиваемая в последующие годы, но всё же сильно повлиявшая на настроения в обществе и даже ставшая катализатором брожения в аппарате власти[37]. Во-вторых, в середине 1950-х гг., особенно после XX съезда, в политике центра наметился «региональный поворот», заключавшийся в гораздо большем, нежели ранее, учёте интересов и запросов периферии. Сначала дополнительные полномочия и предметы ведения начали получать государственные органы союзных республик, затем внимание обратили на окраины. Среди прочего 16 марта 1957 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера». В нём осуждалось небрежение центральных ведомств и местных партийно-советских структур в отношении «малых народностей» («слабо осуществляют решения XX съезда КПСС о всестороннем развитии и расцвете экономики и культуры наций и народностей, допускают серьёзные недостатки в руководстве национальными

---

[35] *Гурвич Г.С.* Основы Советской Конституции. Изд. 6. М.; Л., 1929. С. 189.

[36] Подробнее см.: *Мякшев А.П.* Власть и национальный вопрос. Межнациональные отношения и Совет Национальностей Верховного Совета СССР (1945–1991). Саратов, 2004. С. 115–119.

[37] Подробнее см.: *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы. 1945–1964 гг. М., 1993. С. 132–137; *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Т. 1: 1945–1964. М., 2009. С. 286–293, 306–313, 324–340; *Аксютин Ю.В.* Хрущёвская оттепель и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010. С. 247–264.

округами и районами, неудовлетворительно организуют массово-политическую и культурно-просветительную работу среди местного населения, недостаточно учитывают его обычаи и традиции, слабо заботятся о выращивании и правильном использовании кадров национальной интеллигенции») и ставилась задача «решительно устранить допущенные недостатки и коренным образом улучшить руководство хозяйственным и культурным строительством в районах Севера»[38].

В то же время этот правовой акт содержал довольно двусмысленное указание: «Исходя из задач всестороннего и быстрого экономического развития районов Крайнего Севера, Совету Министров РСФСР, крайкомам и обкомам КПСС, крайисполкомам, облисполкомам и Советам Министров АССР изучить назревшие вопросы дальнейшего улучшения хозяйственного и административно-территориального устройства национальных районов и округов, при этом в организации и планировании хозяйства строго руководствоваться ленинским принципом демократического централизма, решительно пресекать всякого рода администрирование, наиболее полно учитывать местные условия. Рассмотреть вопрос об упрощении структуры и улучшении работы аппарата хозяйственных, советских и партийных органов в районах Крайнего Севера и приравненных к ним отдалённых местностях»[39]. Без сомнения, именно от него следует вести начало рассматриваемой истории в части инициативы о переподчинении округа. Однако одновременно этот пункт постановления давал окружным властям основания и аргументы возражать против неё (чем те и не преминули воспользоваться).

Наконец, особый, этнический статус территории предоставлял возможность некоторые вопросы ставить острее и принципиальнее. И контраргументы партийно-советских руководителей ННО крайне интересны. Прежде всего, они отметили: «Мы считаем, что в данном случае при решении вопроса о дальнейшем экономическом и культурном развитии коренного населения нарушается Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 г. ... тщательного изучения особенностей экономического и культурного развития округа не производилось, мнение коренного населения не было выявлено». Далее подробно опровергались «хозяйственные» аргументы за переподчинение ННО: «Существующее административно-территориальное деление не препятствует развитию горно-добывающей промышленности в округе... В ряде других важных вопросов экономика Ненецкого округа тяготеет к Архангельской области... Архангельск является исторически сложившимся экономическим и культурным центром, к которому тяготеет всё побережье Белого, Баренцова и Карского морей. Он имеет наиболее удобные и кратчайшие к округу водные и авиационные пути сообщения, а также быстродействующие средства связи»[40].

Из записки, правда, выясняется, что предполагалось не простое упразднение округа с последующим присоединением его территории к Коми АССР, а изменение наименования республики. Однако в ННО подчеркнули: «Образование Коми-Ненецкой АССР будет чисто формальным актом, так как незначительное количество ненецкого населения в округе по сравнению с коми населением не даёт права на такое наименование, в то же время основная часть Ненецкого населения, проживающего в Ямало-Ненецком и Таймырском

[38] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9. Т. 9: 1956–1960. М., 1986. С. 177.

[39] Там же. С. 179.

[40] РГАНИ, ф. 5, оп. 32, д. 94, л. 86–87.

национальных округах, останется вне пределов Коми-Ненецкой республики»[41]. Действительно, материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. красноречиво свидетельствуют о численной несопоставимости двух этносов[42]. В свете этого почётное двуэтничное наименование выглядело лишь уступкой из вежливости, поскольку ясно, кто играл бы ведущую роль в новом союзе.

А отношение к своей подчинённой роли в ННО сформулировали и вовсе бескомпромиссно: «Нельзя не учитывать то обстоятельство, что в прошлом, до революции, ижемские купцы-коми были основными владельцами оленеводческих стад в Большеземельской и Малоземельской тундрах, которые эксплоатировали ненцев-пастухов, поэтому присоединение [округа] к Коми АССР частью ненцев-оленеводов может быть воспринято отрицательно, так как эта старая неприязнь до сих пор не преодолена»[43]. Данный пассаж текста привлекает, пожалуй, наибольшее внимание. Прежде всего, непривычной для стилистики партийных документов резкостью вкупе с апелляцией к «национальному моменту». Правда, столь смелое, на первый взгляд, обращение к национальным чувствам и откровенное указание на межэтнические противоречия смотрятся органично в канве неожиданно быстро набравших в годы «оттепели» силу настроений пробуждения этнической идентичности. Они охватили буквально весь Советский Союз, вызвав как неуклонный рост интереса к национальным культурам, так и многочисленные межэтнические столкновения, и сильно напугали этим союзный центр[44]. Неслучайно именно в конце 1950-х гг. идеологические структуры начали активно выдвигать лозунги о строительстве коммунистического общества, не знающего национальных противоречий, и складывании новой исторической общности – советского народа[45].

Во-вторых, тем, что фактически воспроизводилась риторика 1920-х гг. Тогда ненцы неоднократно протестовали против планов их подчинения Коми АО. «Представители Ижемской власти не могут отделаться от высокомерия по отношению к самоедам», – говорилось, в частности, на пленуме Комитета содействия народностям северных окраин при ВЦИК в 1929 г. И уже в те годы ненецкие активисты соглашались лишь на два варианта решения своей судьбы – подчиняться либо напрямую центру, либо Архангельску[46].

На этом фоне обращение завершалось хоть и твёрдо, но почти примирительно: «Ликвидация округа, нарушение сложившихся хозяйственных и культурных связей, чрезвычайная затруднённость руководства из г. Сыктывкара отдалёнными национальными районами может отрицательно повлиять на решение многих важных вопросов национального строительства в округе... В настоящий период, когда основные задачи по коренному экономическому

---

[41] Там же, л. 87.

[42] Коми насчитывалась 431 тыс. человек – правда, вместе с коми-пермяками, – а ненцев только 23 тыс. (Уровень образования, национальный состав, возрастная структура... С. 11).

[43] РГАНИ, ф. 5, оп. 32, д. 94, л. 87.

[44] Подробнее см.: *Зубкова Е.Ю.* Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР. 1953–1985 годы // Отечественная история. 2004. № 4. С. 5–32; *Бугай Н.Ф.*, *Зубкова Е.Ю.* Этнополитика в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1960-е годы) // Этнические и религиозные факторы в формировании и эволюции Российского государства. М., 2012. С. 297–329; *Козлов В.А.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти (1953–1985 гг.). М., 2006. С. 126–261.

[45] *Тихонов В.В.* Советский народ (термины) // Научно-образовательный энциклопедический портал «Знания» (URL: https://znaniya.org/c/sovetskii-narod-c3e747).

[46] *Шубин С.И.* Северный край в истории России... С. 103–105.

подъёму исторических сложившихся отраслей хозяйства ненецкого народа... ещё полностью не решены, учитывая наличие сложившихся благоприятных экономических и культурных связей округа в составе Архангельской области – ликвидация Ненецкого округа и передача его территории в состав Коми АССР является преждевременной»[47]. Интересно, что создание ННО в рамках Архангельской губ. проектировалось ещё в 1928 г. именно на основании экономического тяготения, снабжения, «в отношении культурно-санитарном» и т.д.[48]

В Москве, надо полагать, даже не успели разобраться в происходящем, как уже 26 декабря получили принятое днём ранее «во изменение решения... от 13 декабря» новое постановление бюро Ненецких окружкома и окрисполкома. Они заявляли, что «считают целесообразным и просят ЦК КПСС объединить... округ и Коми АССР в единую Коми-Ненецкую АССР»[49]. Можно лишь догадываться, какие средства убеждения применили высокие договаривающиеся стороны (область и республика). Однако меньше чем за две недели у них получилось привлечь строптивое окружное руководство на свою сторону.

Завершает эту историю рукописная пометка на документах из ННО, сделанная 8 января 1958 г. заведующим сектором отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В.И. Васильевым: «Вопрос об объединении Ненецкого национального округа и Коми АССР с обсуждения в ЦК КПСС снят»[50]. Такое решение вполне предсказуемо. Во-первых, большевики практически с самого прихода к власти приложили все усилия, чтобы поставить процесс территориального формотворчества и обретения АТЕ нового статуса под прочный контроль центра, в начале 1920-х гг. самодеятельность в этой сфере и вовсе оказалась криминализирована[51]. Впоследствии все преобразования исходили «из Москвы». В таких условиях инициативы с мест, даже от местных партийно-советских структур, воспринимались как нарушение субординации и не имели шансов на воплощение. Тем более такие идеологически важные (и потенциально конфликтогенные), как перетасовки в долго выстраивавшейся системе этнических АТЕ.

Во-вторых, в Москве прекрасно осознавали последствия одобрительного решения. Усиление территориального и хозяйственного потенциала почти неизбежно актуализировало проблему статуса и полномочий, поднимало планку претензий руководства «выигравшей» АТЕ, а также служило примером для других автономий. Страх «региональной вольницы» (вплоть до сепаратизма) ещё в 1920-х гг. привёл к переформатированию амбициозной программы районирования[52]. А с 1930-х гг. центр планомерно избавлялся от мощных региональных объединений путём их дробления[53]. Причём «административно-

---

[47] РГАНИ, ф. 5, оп. 32, д. 94, л. 87–88.

[48] *Шубин С.И.* Северный край в истории России... С. 88–90.

[49] РГАНИ, ф. 5, оп. 32, д. 94, л. 90.

[50] Там же, л. 88, 91.

[51] См.: *Боков Ю.А.*, *Бокова О.Н.* Ответственность за несанкционированное изменение административно-территориального устройства РСФСР в первые годы Советской власти // Проблемы современного российского законодательства. Материалы II всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 24 октября 2013 г.). Иркутск; М., 2013. С. 14–18.

[52] Подробнее см.: *Круглов В.Н.* Организация территории страны как механизм «Великого перелома»: районирование, его причины и последствия // 1929: «Великий перелом» и его последствия. Материалы XII международной научной конференции (Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г.). М., 2020. С. 676–684.

[53] *Тархов С.А.* Изменение административно-территориального деления России... С. 80–89.

территориальная реформа не свелась только к разделению прежде существовавших областей и краёв, она сопровождалась всевозможными "прирезками" и "урезками" территорий в пределах прежних округов и районов... цель – добиться, чтобы ни одно из этих образований не могло сохранить и тени своего прежнего территориально-экономического могущества. Вновь создаваемые территориальные единицы принципиально не должны были обладать потенциалом для самостоятельного развития, что делало их максимально зависимыми от воли центра»[54]. Как следствие, руководство страны с большей готовностью шло на разделение уже существующих АТЕ, нежели на их пространственное расширение (на это указывает даже противоречивая практика территориального формотворчества в 1950-х гг.).

Без сомнения, сказались и специфические черты «нового царствования». С конца 1950-х гг. проблема территориального устройства, очевидно, считалась решённой, тесно связанный с ней «национальный вопрос» также всячески нивелировался. Это неоднократно подчёркивал Н.С. Хрущёв. В 1959 г. он, к примеру, заявил: «Если вы спросите теперь русского, украинца, белоруса, является ли у них актуальным вопрос об административных границах их республики, думаю, что у большинства людей такой вопрос вызовет недоумение. А почему? Потому что в пределах нашего социалистического государства все нации и народности равноправны. Жизнь строится на единой социалистической основе»[55]. Вскоре этот тезис с минимальным изменением смысла вошёл в новую Программу партии («границы между союзными республиками в пределах СССР всё более теряют своё былое значение, поскольку все нации равноправны, их жизнь строится на единой социалистической основе... все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели – коммунизму»[56]). Лидер СССР тяготел к структурным реформам, на первый план вышли инициативы, связанные с переустройством органов управления экономикой.

Говоря о специфике «оттепели», интересно отметить, что на карьерах руководителей всех трёх затронутых АТЕ рассмотренная история не сказалась. Дмитрин руководил Коми обкомом до 1965 г. Первый секретарь Архангельского обкома С.П. Логинов оставался в должности до своей смерти в 1960 г.; его сменил К.А. Новиков, с весны 1957 г. возглавлявший облисполком. «Усидели» даже строптивые руководители ННО: председатель окрисполкома П.М. Хатанзейский (1950–1961) и первый секретарь окружкома А.Н. Крупин (1955–1959)[57]. Очевидно, такой исход – результат общего смягчения нравов во властных структурах. Несанкционированная активность на местах уже не считалась заведомо предосудительной, не бросала на её участников тень «фракционности» и политической неблагонадёжности и не влекла оргвыводов. Исход дела решали конкретные обстоятельства.

Вскоре Коми АССР всё же удалось добиться территориального приращения за счёт ННО. В 1959 г. ей передали два посёлка – Хальмер-Ю и Цементноза-

---

[54] *Разгон Н.И.* 80 лет со дня образования Западно-Сибирского края // Алтайский край, 2010 г.: календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул, 2009. С. 77.

[55] Пребывание Н.С. Хрущёва в Германской Демократической Республике. 4–12 марта 1959 г. М., 1959. С. 86.

[56] Программа Коммунистической партии Советского Союза // Справочник партийного работника. Вып. 4. М., 1963. С. 115–116.

[57] После перевода Крупина в Архангельский совнархоз округ всё же поставили под политический надзор И.К. Швецова, ранее – первого секретаря одного из райкомов области.

водский, вокруг которых располагалась часть пласта Печорского бассейна (упоминались в письме Архангельского обкома от 5 января 1957 г.). Таким образом хотя бы залежи угля в регионе республика смогла сосредоточить в своих руках. На этом её северная граница стабилизировалась и сохраняется в таком виде по сей день, притязаний на ненецкие земли более не предъявлялось. Даже когда в конце 1980-х – 1990-е гг. в республике оформилось национальное движение, в риторике его активистов господствовали мотивы защиты от угрозы ассимиляции, сохранения самобытности коми, их культуры и языка. Вторую скрипку играли лозунги сотрудничества с близкими этносами, но их вектор был устремлён на юг (мордва, удмурты, марийцы, а прежде всего – как и в 1920-е гг. – коми-пермяки), концептуальные рамки же сообщила идея финно-угорской идентичности[58]. Ненцы в этой картине мира уже не фигурировали.

Парадоксальным образом на их земли стал претендовать Архангельск. Несмотря на то что, согласно конституциям СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г., округ получил новый, более высокий статус автономного, а согласно «Федеративному договору» 1992 г. и Конституции РФ 1993 г. и вовсе стал самостоятельным субъектом Федерации, он по-прежнему входил в состав области, что создавало различные правовые коллизии и неудобства[59]. В 2000-х гг. развернулся процесс укрупнения АТЕ РФ, который в основном и коснулся сложносоставных субъектов. В рамках этого процесса возникла идея объединения округа и области. Она активно обсуждалась в 2007–2008 гг., однако не была воплощена из-за резко отрицательной позиции как руководства, так и населения НАО (звучали даже предложения о выходе округа из подчинения области). В 2020 г. идея вернулась в новостную повестку, главы двух субъектов начали подготовку к объединению. В качестве основных целей такого шага заявлялись ускорение социально-экономического развития Архангельской обл. и НАО, усиление их потенциала и новых конкурентных преимуществ, повышение уровня жизни жителей[60], т.е. снова объяснение сводилось к «народнохозяйственной» мотивации. Однако неожиданно интенсивные протесты населения округа привели к скорому отказу от этой инициативы[61].

Причины такой активности со стороны области на сей раз даже особо и не скрываются. На территории НАО в 1960–1970-х гг. обнаружили обильные залежи нефти, в результате округ по сей день прочно входит в число доноров федерального бюджета. Архангельская обл. не менее стабильно числится среди дотационных субъектов РФ. Это положение вызывает в Архангельске давнее недовольство, неоднократно озвучиваемое тамошними политиками[62].

---

[58] Подробнее см.: *Шабаев Ю.П.* Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми... С. 120–171.

[59] Подробнее см., например: *Сычёв В.В.* Специфика разграничения полномочий между органами государственной власти в «матрёшечных» субъектах РФ // «Chronos». Т. 6. 2021. № 1. С. 81–86.

[60] *Мухаметшина Е.* Архангельская область и Ненецкий округ сольются через год // Ведомости. 2020. 13 мая (URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/05/13/830146-arhangelskaya-oblast-i-nenetskii-okrug).

[61] *Винокуров А.*, *Литвинова М.*, *Кадик Л.* Необъединяемый автономный округ. Как Архангельская область не стала супер-регионом // Коммерсантъ. 2020. 31 мая (URL: https://www.kommersant.ru/doc/4364004).

[62] Например: «Что это за субъект Федерации с населением 40 тысяч человек? Эту нефтяную самостийность обеспечили им жители Архангельской области, вся наша область работала на Ненецкий АО. Если бы этого не было, то никакой нефти там бы никогда не нашли и там бы до сих пор пасли стада оленей» (URL: https://regnum.ru/news/949204.html).

Однако округ, казалось бы, уступающий области по всем прочим параметрам, вновь, как и в советские времена, имеет возможности эффективно отстаивать самостоятельность.

Подводя итоги, в вышеизложенной истории привлекают внимание многие аспекты. Во-первых, это качественное изменение во взаимоотношениях властей соседних АТЕ. На протяжении 1920-х гг. губерния и автономия конфликтовали из-за территории, населяемой ненецким этносом, обмениваясь упрёками в интригах и «великодержавном шовинизме». Во второй половине 1950-х же они продемонстрировали готовность к конструктивному способу достижения желаемого результата. Представляется, что наиболее убедительно эта эволюция объясняется сменой поколений в партийно-хозяйственном аппарате – активистов революционной эпохи заменили чисто советские кадры, склонные не к жарким дискуссиям и борьбе за идеалы, а кулуарному, прагматическому способу решения вопросов. В то же время привлекает внимание то, как сформулированные основателями автономии цели даже спустя десятилетия определяли действия её руководства. В этом отношении представляется перспективным изучение феномена рецепции идей во властных структурах, её путей и способов.

Во-вторых, если ранее обсуждение шло путём апелляции к центру, то теперь именно центр оказался «выключен» из взаимодействия. Согласование шло кулуарно, на уровне руководств АТЕ, а Москву лишь поставили перед фактом уже достигнутого соглашения. Видимо, в первую очередь именно это и помешало его осуществлению. Но сам факт того, что подобного рода договорённости оказывались возможны, говорит о качественных подвижках в статусе региональной партийно-советской номенклатуры, указывает на процессы осознания ею собственных интересов, важности своего положения в кардинально изменившихся после смерти Сталина условиях. Таким образом, вышеизложенное интересно не только как очередной ранее неизвестный проект изменения АТД РСФСР, но и с точки зрения анализа взаимоотношений в советский период по линии «центр–регион(ы)», «регион–регион», «регион–субрегион», их эволюции под влиянием веяний «оттепели».

В.Н. Круглов. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты.

Некоторые темы, казалось бы, дающие широкий простор для научных изысканий, тем не менее, оказываются на периферии исследовательского интереса, будучи, видимо, либо заслонены проблемами и сюжетами более злободневными и дискуссионными, либо представляясь скучными и второстепенными. К таковым, как ни парадоксально, относится тема административно-территориального деления России. Нельзя сказать, что она вовсе обойдена вниманием – историография её достаточно обширна. Более того, дискуссии о пространственном устройстве страны, его основах и формах, предложения о его локальной или глобальной ревизии регулярно появляются в общественно-политической повестке, вызывают споры. На первый взгляд, актуальность темы налицо. Тем не менее исследования, посвящённые ей, появляются нечасто.

Вышедшая в 2020 г. монография кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института российской истории РАН В.Н. Круглова «Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты»[1] освещает насыщенный событиями, противоречивый и увлекательный отрезок истории данной темы, раскрывая контекст, в котором принимались (или не принимались) судьбоносные решения. При этом прослеживается регулярное административно-территориальное устройство, национально-государственное строительство, экономическое районирование, показаны как бюрократические подходы, так и разработки научного сообщества и, конечно, политические идеи, продвигавшиеся как «сверху», из центра, так и «снизу», с периферии. Автор стремился уделить внимание каждому региону России, выявить закономерности преобразований, влияние объективных исторических процессов и личностного фактора, оценить степень реалистичности тех или иных подходов, идей, устремлений.

В обсуждении приняли участие доктора исторических наук Д.А. Аманжолова и А.Б. Коновалов, доктор географических наук С.А. Тархов, кандидаты исторических наук К.А. Болдовский и Н.Ю. Пивоваров, а также А.А. Музафаров.

Материал подготовил И.К. Богомолов

Дина Аманжолова: Ретроспективный анализ сложной проблематики

Dina Amanzholova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): A retrospective analysis of a complex problem

DOI: 10.31857/S086956872206005X, **EDN**: MLPEBR

Круг проблем, которые связаны с организацией территории России, весьма широк. В.Н. Круглов посвятил своё исследование ключевым из них – выра-

[1] *Круглов В.Н.* Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2020. 480 с.

ботке и трансформации идей по поводу административно-территориального устройства страны, их практическому воплощению и результатам последнего, которые имели большое значение для решения важнейших задач управления, социально-экономического развития и др.

Впечатляет выбор хронологии. Автор проанализировал перипетии структурирования пространства РСФСР и РФ за 90 лет в рамках крупных исторических периодов. Несмотря на радикальный отказ от прежней системы управления и организации общества в 1917 и 1991 гг., властям приходилось учитывать исторически сложившуюся социальную и культурную сложность России. В этом отношении представляется вполне оправданной хронологическая структура исследования. Первая часть охватывает 1917–1987 гг., когда эксперименты раннесоветского периода и переход к политической прагматике в середине 1930-х гг. сменились стабилизацией сложившегося административно-территориального деления (АТД). Вторая посвящена 1987–2007 гг. – времени поиска новых способов и типов регионального устройства и обеспечения целостности страны в связи с распадом СССР и политической самоидентификацией Российской Федерации.

Для осмысления сущности и результатов столь масштабных трансформаций исследователю приходится обращаться не только к программам и действиям центральной власти, но и к их отражению в обществе. Эта задача решена посредством выявления позиций региональных руководителей, которым приходилось на деле цементировать системную целостность и устойчивость управления[2], и научного сообщества, в их развитии и взаимном влиянии. Тем более что, как считает автор, «до сих пор не вполне осознана преемственность подходов к решению проблемы вчера и сегодня» (с. 9).

В содержательном плане основное внимание уделено событиям и дискуссиям об организации территории России во второй половине минувшего и начале XXI столетий. Это представляется правомерным, несмотря на преобладающий в изучении советской истории интерес к довоенному периоду, а также в связи с данным обстоятельством. С одной стороны, именно в 1917–1930-х гг. происходили наиболее интенсивные трансформации административно-территориального устройства, до сих пор играющие роль в истории России. Их анализ продолжается, а дискуссии вокруг проектов, управленческих практик и их воплощения в конкретных социально-экономических и этнокультурных локусах отнюдь не завершены. Автор отмечает это в историографическом обзоре и по ходу освещения основных реформ в организации территории страны в данный период. С другой стороны, очевидный хронологический перекос требовал исправления, что представляется одним из самых ценных результатов исследования.

Впрочем, каждый из этапов организации и реорганизации территории СССР и РФ, как можно заключить на основе представленного анализа, отразил комплексный характер задач, решавшихся властью и обществом. Обеспечить целостность, устойчивость и управляемость огромной страны можно было, лишь добившись баланса централизаторских и регионалистских/автономистских/обособляющих тенденций, учёта как исторически сложившейся и формировавшейся в ходе экономической модернизации специализации, так и столь

[2] См.: *Хлевнюк О.В.* Система центр–регионы в 1930–1950-е годы. Предпосылки политизации «номенклатуры» // Cahiers du Monde Russe. Т. 44. 2003. № 2–3. С. 253–268.

же необходимой хозяйственной интеграции, компромисса между представлениями политического центра и носителей власти в национальных образованиях о способах, функциональном наполнении, гражданских и этносоциальных ориентирах государственного строительства.

Советские автономии, по мнению автора, в условиях революции и Гражданской войны большевики создавали под давлением националов, нараставших свои амбиции и инструментарий. Это были тактические союзы, хотя «территориальные конфигурации автономий определялись в центре» (с. 68), к тому же интересы экономики диктовали отличные от принципов самоопределения условия. Справедливо отмечена политическая и управленческая неопытность большевиков (с. 79), правда, то же самое в ещё большей степени относится к их визави – национальным лидерам. Выбор между территориально-хозяйственным и этнополитическим вариантами развития государства был сделан в пользу второго (с. 94–96), но содержание монографии скорее свидетельствует о перманентном и весьма противоречивом соединении двух начал.

Действительно, дебаты вокруг границ регионов, республик и автономий, распределения ресурсов, полномочий, предметов ведения велись на протяжении всего периода, рассмотренного в работе. В 1920–1930-х гг. самыми активными оппонентами центра выступали национальные лидеры. При этом довольно часто отстаивание интересов целого не означало тотального отрицания предложений с мест. К тому же автономии сильно различались по уровню этнической консолидации и экономическому потенциалу, а их лидеры – по политическому опыту, авторитету и связям с представителями высшей бюрократии, по способностям объединить местную элиту в своём видении места субъекта Федерации в государственном политическом пространстве. Поэтому им практически не удавались попытки консолидироваться для отстаивания своих позиций перед центром. Об этом ярко свидетельствует известная история частного совещания националов в 1926 г., как и приведённые в монографии более ранние примеры нациестроительства Украины, Белоруссии, Средней Азии, Казахстана и др. (с. 98–110). Да и в центре лица, по должности обязанные разбираться в проблеме (М.И. Калинин, А.С. Енукидзе, С.Д. Асфендиаров и др.), тоже не без труда вырабатывали единое мнение. Как следствие, даже после принятия Конституции РСФСР, которая закрепила гегемонию центра в решении территориальных вопросов (с. 118), пресечь участие лидеров автономий в решении вопросов государственного строительства оказалось невозможно.

В контексте приведённых в книге примеров важно иметь в виду, что дискуссии между центром и «националами» побуждали все уровни власти к более детальному осмыслению принципов государственного устройства и статусных позиций субъектов федерации. К советскому проекту административного устройства вполне применим вывод А.В. Ремнёва, относящийся к Российской империи: «География власти означает ещё и сложный процесс адаптации российской бюрократии к региональным условиям, создание собственной управленческой среды, на которую влияли как общие имперские установки и методы властвования, так и специфические условия региона»[3]. Опыт административно-территориальных трансформаций и оптимизации взаимоотношений между их акторами в обстановке ускоренной модернизации экономики и социально-

[3] *Ремнёв А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 20.

культурного прогресса негомогенного общества демонстрирует важные примеры не только противостояния центра и этноэлит, но и их взаимной адаптации для обеспечения устойчивости всего государства и работоспособности системы управления.

Неустранимой реальностью при этом оставалась этнокультурная сложность общества. Она не позволяла проводить политику национального равенства лишь административными мерами, а также серьёзно осложняла осуществление предполагавшегося партийной доктриной курса на межэтническую интеграцию. Всеохватные преобразования неизбежно порождали в этой сфере разнообразные коллизии в отношениях между центром, союзными и автономными субъектами, урегулирование которых предполагало учёт специфики столь неоднородного общества (например, присутствие его представителей в составе руководства страны и складывание этнических элит)[4]. Признание государственности тех или иных народов должно было канализировать притягательную силу заявившей о себе в начале XX в. доктрины национализма. Однако на деле это лишь подстёгивало стремление этноэлит к расширению доступа к власти и ресурсам, «настройке» официальных культурных институтов под свои нужды. В этом отношении мы наблюдаем двоякий результат. С одной стороны, именно советский способ институционализации субъектов федерации стал решающим в формировании модерных наций на евразийском пространстве. С другой, когда в конце XX в. дали о себе знать схожие проблемы, мифы автономизма и суверенизации обнаружили свою живучесть, а их реализация возродила амбиции и борьбу элит. Круглов вполне ясно и аргументированно отразил в своей работе эти коллизии. Правда, вряд ли уместно подтверждать вывод об усложнении внутреннего административно-территориального ландшафта страны и пробуждении на этой основе «крайне опасного противника — чувства национальной солидарности» примерами Польши, Венгрии и Германии (с. 120).

Впрочем, чуть ранее он предлагает не преувеличивать опасность поползновений национальных деятелей, поскольку в конечном счёте исход борьбы был предопределён в пользу центра (с. 114). В самом деле, руководители национально-государственных единиц не воспринимали свою активность как непримиримое противостояние. Они ограничивались декларациями о верности принципам самоопределения и легитимными средствами воздействия на Москву в пользу расширения собственных полномочий, перераспределения бюджета и дополнительных ассигнований. Это должно было укрепить их авторитет как подлинных защитников национальных интересов в глазах местных сообществ. В том или ином виде на каждом из этапов территориальных реорганизаций страны негласный компромисс «централизаторов» и регионалов, в том числе национальных, достигался и поддерживался обеими сторонами, что подтверждает и автор (с. 139). Увы, это не согласуется с его алармистским выводом о возможности «геополитической катастрофы» по сценарию СССР (с. 432) на том основании, что Россия сохранила созданную в советский период административно-территориальную структуру.

Региональные партийно-хозяйственные кадры действительно «не были бессловесными проводниками воли Москвы» (с. 169), и этот вывод подтверж-

[4] Подробнее см.: *Аманжолова Д.А.*, *Дроздов К.С.*, *Красовицкая Т.Ю.*, *Тихонов В.В.* Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М., 2021.

дён на примере послевоенных реорганизаций территории РСФСР. Их анализ сопрягается с выводом О.В. Хлевнюка о существенном укреплении позиций ведомственных и региональных руководителей, а также с тем фактом, что во второй половине 1950-х гг. полномочия республик в сфере экономики существенно расширились благодаря решениям центра, а их представители привлекались в центральные органы власти[5]. Но это не исключало применения решительных мер со стороны Москвы, когда требовалось контролировать возникавшие на местах инициативы, могущие угрожать социально-политической стабильности и устойчивости управления. Автор классифицирует такие меры как разрешительные, ограничительные и ситуативные – в зависимости от конкретных ситуаций в разных регионах страны (с. 185–206).

Весьма полезным представляется анализ проблем экономического районирования в 1960-х гг., когда общественная ситуация достаточно стабилизировалась, национально-государственное строительство перестало быть первостепенной задачей, а учёные в рамках отводимой им властью свободы действий получили больше возможностей для участия в рационализации экономической системы управления. По-прежнему создать сбалансированные экономические комплексы не удалось ни в одном регионе России, выступавшем объектом хозяйственной деятельности, тогда как другие союзные республики оказались вполне самостоятельными субъектами (с. 232–234).

К тому времени вполне выявилось объективное разнообразие внутренней организации и самоорганизации страны в её административно-территориальном формате как фундаментальная характеристика сложноорганизованной системы. Возникает вопрос: насколько управленческий класс признал этот факт? Представляется, что в достаточной степени. Видимо, этим обстоятельством объясняется осторожное отношение власти к предложениям экспертов об изменении статуса отдельных автономных или союзных республик в 1970-х гг., призывы центра и руководителей самих республик всесторонне учитывать «всё разнообразие условий развития нашего общества», не допуская искусственной интеграции или тем более слияния наций, что закрепила Конституция СССР 1977 г. (с. 239–246).

По-прежнему в дополнительном изучении нуждается «внесистемный активизм», связанный с попытками создать некие национально-политические структуры для лишённых «своих» республик немцев и крымских татар и изменить внутренние границы северокавказских автономий (с. 251–259). Это тем более важно, что именно неполнота объективной информации порождает новые мифы и символические репрезентации национальных «образцов» борьбы за землю и политическую самостоятельность. Примером служит популярная в Казахстане версия о героическом единоличном противостоянии Н.С. Хрущёву первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Ж. Шаяхметова в связи с освоением целины. Никак не подтверждено утверждение М.К. Козыбаева, что в 1980-х гг. Москва пыталась навязать идею экономического присоединения к России Карашаганакского нефтегазового конденсатного месторождения и образовать укрупнённый экономический район из Гурьевской (ныне Атырауской), Уральской и Оренбургской областей с центром в Оренбурге, что

[5] *Хлевнюк О.В.* Система центр–регионы... С. 265; *Дроздов К.С.*, *Аманжолова Д.А.*, *Трепавлов В.В.* Этнические элиты в союзных республиках СССР // Этнические элиты в национальной политике России. М.; СПб., 2017. С. 309–310.

объяснялось якобы пренебрежительным отношением к нуждам и чаяниям казахского народа[6].

Исследователь указывает на противоречия «национальной» политики в эти годы. С одной стороны, оказались востребованы новые подходы к управлению сложившимся устройством страны, на что повлияли рост национального самосознания и активное участие творческой интеллигенции союзных республик в его формировании и социокультурной манифестации, изменения социальной структуры титульных этносов СССР. С другой, инициативы аналитиков блокировались в условиях доминирования устаревших идеологем, а конфликтный потенциал нового качества этнической идентификации игнорировался. Такая политическая инерция обусловила драматические последствия для судеб страны и её народов. Рациональную реконструкцию советской федерации в конце 1980-х – начале 1990-х гг. осуществить не удалось, инициированные властью дискуссии на сей счёт обнажили разнонаправленные тенденции в регионах СССР. Ослабление авторитета центра вкупе с новым культурным обликом народов и социальных групп советского общества в его модерных характеристиках[7] породило смешение центробежных и центростремительных инициатив (с. 267–303).

В монографии существенное место отведено анализу проблем реорганизации территории РФ и особенностям складывания её современного административно-политического ландшафта. Столь важная трансформация связана с неизбежными (хотя и не всегда осознаваемыми) переживанием и преодолением травмы распада казавшегося незыблемым государства. «Присвоение» и обустройство политического пространства обновлённой России оказалось, судя по описанным дискуссиям и событиям 1990-х – начала 2000-х гг., достаточно сложным и болезненным. Укрупнение регионов в целях бюрократического контроля стало наиболее серьёзной попыткой корректировки внутренней конфигурации федеративного государства за почти 50 лет[8]. Данный процесс, как подробно рассмотрено в монографии, отличался высокой степенью активности новых политических структур, прежде всего партий и региональных элит, а также апробацией референдумов как инструмента формирования гражданского общества и канализации его настроений. По мнению автора, фактическое прекращение административно-территориальных преобразований новейшего времени в 2007 г. связано с экономическим кризисом и политической конъюнктурой электорального цикла. В то же время, видимо, стоит иметь в виду и более глубокие основания, определявшиеся изменением роли и статуса региональных, в том числе этнополитических элит, социально-экономическим потенциалом самих регионов, значимостью испытанных способов межрегионального взаимодействия и сложившейся системы взаимоотношений руководителей центра и субъектов Федерации. В этом контексте сохранение принципиальных оснований структурирования государства, сло-

---

[6] *Козыбаев М.К.* Декабрь 1986 года: факты и размышления. Алматы, 1997. С. 35.

[7] См.: *Дробижева Л.М.* Этничность в общественно-политических процессах СССР последних двух десятилетий // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012. С. 332–379.

[8] Сходную по границам идею разделения России на округа по окончании Гражданской войны планировал А.В. Колчак. См.: «Сам народ тёмен и легко поддаётся агитации». Записка атамана А.И. Дутова о внутриполитической ситуации в Башкирии и на северо-западе Казахстана / Публ. Д.А. Аманжоловой // Источник. Документы русской истории. 2001. № 3. С. 46–51.

жившихся в советское время, вовсе не означает предрешённую губительность наличного формата.

Внушительный труд В.Н. Круглова содержит объёмную ретроспективу важнейших событий в истории территориального устройства России, которые непросто анализировать из-за сложной взаимосвязи проблем управления, экономики, национальной политики, взаимодействия власти и науки, вертикально и горизонтально организованных страт правящей элиты. Именно поэтому данное исследование представляет существенный научный интерес, восполняя ряд лакун и стимулируя новые повороты в изучении такой взаимосвязи и каждого из отдельных направлений, включённых в его контекст.

Сергей Тархов: Новейшее исследование истории административно-территориального деления России – взгляд географа

Sergey Tarkhov (Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow): The latest study of the history of the administrative-territorial division of Russia – a geographer's review

DOI: 10.31857/S0869568722060061, **EDN**: MLZCSP

Книга В.Н. Круглова посвящена историческому анализу причин изменений АТД РСФСР и современной России. По своему содержанию она представляет хороший образец регионально-политологической истории, в которой основное внимание уделено выявлению изменчивости принципов управления территориями на разных этапах трансформации общества. Исследование разбито на две части: первая охватывает советский (70 лет), а вторая – постсоветский (20 лет) периоды. Каждая часть состоит из трёх глав, в которых даётся историческое описание политических, социально-экономических событий, явлений и процессов, характерных для отдельных этапов реструктуризации системы АТД страны и оказавших на них влияние. Подробно рассмотрены концепции и проекты экономического районирования в XIX–XX вв., а также проблема несоответствия сетки экономических районов сетке прежнего деления, их несогласованности. Анализ различных проектов перекройки АТД, мелкие подробности о перипетиях по поводу отдельных административных центров в 1918–1922 гг. очень интересны, многие факты для меня новы.

Понравился ряд выводов и заключений. Например: «Дробление территориальной структуры само по себе оказывалось неизбежным в условиях создания современного бюрократического государства и развития его аппарата, с неизбежным для этого процесса ростом числа различных учреждений и количества чиновников. Наконец, представляется, что в специфических условиях России (огромные неравномерно заселённые и освоенные территории с зачастую невысокого качества коммуникациями) "приближение власти к населению" в принципе отвечает интересам обеих сторон. Вопрос в другом: действует ли власть в интересах жителей (или хотя бы учитывает таковые при принятии решений) или первостепенными для неё оказываются иные мотивы» (с. 26). К этому стоит добавить, что дробление административно-территориальных единиц (АТЕ) также вызывалось значительным увеличением численности населения отдельных территорий, экономическим ростом, превращением ряда прежде небольших и средних городов в крупные индустриальные (Свердловск,

Челябинск, Ижевск, Барнаул, Иваново), административные (Новосибирск, Хабаровск) и искусственно созданные «из ничего» национальные центры (Энгельс, Сыктывкар, Йошкар-Ола).

Интересна мысль о конкуренции в ряде АТЕ между старыми административными и нарождавшимися и быстро растущими промышленными центрами (в виде посадов и промышленных сёл) (с. 29). Когда я был студентом (начало 1970-х гг.), по курсу географии населения каждого из нас обязали изучить материалы переписи населения 1897 г. одной губернии. А потом мы сравнивали состав населения разных губерний на семинаре. И тогда проблемы соотношения промышленного Екатеринбурга и административной Перми (правда, тоже промышленного центра), Ярославля и Иваново-Вознесенска, Новочеркасска и Ростова-на-Дону и других таких пар стали очень хорошо понятны. То же самое касалось Ижевского завода, который по численности населения явно уже тянул на губернский центр, но формально не был даже городом. Таких случаев набралось много, конкуренция была очень распространена (ещё один яркий пример – Херсон и Одесса). Частично это противоречие сняли: Томск уступил Новосибирску, Иваново возвысился над Ярославлем, Екатеринбург отделился от Перми, Челябинск стал административным центром и т.д.

Далее, тезис о том, что многие пролетарские (промышленные) центры, став в начале 1920-х гг. административными региональными центрами, на деле не дотягивали по своему влиянию на окружающую их местность до такого высокого статуса (Рыбинск, Череповец, Брянск) (с. 58). Это одна из главных причин того, что они быстро потеряли его. Другие же города, став временно административными центрами (Великий Устюг, Череповец) или стремясь стать таковым (Елец), явно не имели для этого экономических предпосылок. В более поздние времена в таком же положении оказались Великие Луки, Арзамас, Балашов, Стерлитамак, Чистополь, Каменск-Шахтинский (или его эрзац Шахты), которые никак не тянули на областные центры не только из-за своей небольшой людности и невысокого экономического потенциала, но и из-за невыгодного экономико-географического и транспортно-географического положения (на периферии, в отдалении или при неудобных и неудачных транспортных связях с остальной территорией вновь созданной области).

Интересно указание на проблему «русских» городов внутри ареалов с доминированием «инородцев» (туземцев) (с. 68–69). Она была характерна не только для российских регионов, но и будущих союзных республик – русская Алма-Ата, полурусские Ташкент и Ашхабад, русские города на юге и востоке Украины и т.д. Безусловно верно, что многие проекты создания новых АТЕ (особенно этнически ориентированных) неудалось осуществить из-за слабого развития (а иногда просто отсутствия) сухопутной транспортной сети и большой удалённости центра будущей АТЕ от остальной её территории (пример Киргизской АССР – будущей Казахской ССР – с Оренбургом) (с. 72–73).

Нельзя не согласиться и с тем, что желания местных властей расширять пределы своих новых АТЕ по максимуму наталкивались на основную неразрешимую проблему: существуют естественные пределы пространства, которым можно управлять из основного административного центра (с. 75). Слишком большое разнесение центра и окраин приводит к тому, что управление превращается в свою полную противоположность. Попытки присоединить к себе пространства побольше терпели фиаско уже в первые же месяцы такой аннексии.

С этой проблемой связан ещё один очень важный вывод: «С точки зрения административно-территориального устройства новый курс противоречил “укрупнительной” установке разработчиков идеи районирования на формирование ограниченного числа крупных унифицированных регионов. Территории автономий увеличивали количество единиц регионального управления, к тому же их появление дробило (зачастую искусственно) разработанные учёными единые территориально-хозяйственные комплексы, затрудняя их развитие. По сути, выбирая между укрупнительным и дробным вариантами структурирования российского пространства, руководство страны предпочло второй» (с. 98). Таким образом, будущее раздробление закладывалось в исходном нарушении пропорциональности. Это и есть долгоиграющая «этноориентированная мина» разделения пространства, которая аукается до сих пор и будет напоминать о себе ещё очень долго.

Согласен с оценкой автором результатов районирования 1929–1930 гг. (с. 135). Гора родила мышь. Строительство промышленных предприятий и железных дорог шло по совсем другим принципам, не имевшим почти никакого отношения к новым экономическим районам. Изменение системы АТД (в том числе районирование 1920-х гг.) шло исключительно в зависимости от общеполитической конъюнктуры. Принципы и методы менялись на ходу, первые шаги не координировались со вторыми и третьими. Это можно охарактеризовать как хаос, в котором пространственная логика *de facto* отсутствовала. Яркий пример – изъятие из системы АТД её ключевого элемента: округов (их ликвидировали в 1930 г.) (с. 144–145). Это нарушило гармоничность больших «госплановских» областей и краёв и пропорциональность в иерархии управления ими. Они превратились в колоссов на глиняных ногах: число районов в каждом из них достигало сотни, а управляемость при таком количестве просто невозможна. Поэтому ликвидация округов привела к раздроблению этих гигантов: не сразу, постепенно, но всё-таки достаточно быстро с точки зрения истории. Делалось это, видимо, осмысленно. Позже система стабилизировалась и почти не менялась.

Согласен и с оценкой преобразований 1954 г. (с. 157–158). Белгородская и Липецкая области оказались устойчивыми, поскольку их центры (особенно Липецк; Белгород стал быстро расти в 1960-х гг.) всё-таки оказывали экономическое влияние на окружающую их местность, в то время как Воронеж и Курск находились слишком далеко от этих периферий. А вот остальные новые области (а заодно и Великолукская) оказались эфемерами с очень слабыми областными центрами.

Из книги узнал о стремлении присоединить к Кемеровской обл. Хакасию (с. 167–168). Просто смешно! Там тогда не было ни одной соединяющей их железной дороги, пришлось бы всё возить через Транссиб по кругу. Только в 1959 г. завершили сооружение такой магистрали через горные перевалы от Абакана до Новокузнецка (тогда Сталинска), но по ней нужно было ехать с подъёмами и спусками не менее 10–12 часов. Более того, ничего общего между этими АТЕ не было и нет до сих пор. Хакасия всегда ориентировалась на Енисей и Красноярск; такое тяготение территории сложилось очень давно, ещё в эпоху Енисейской губ., когда никакой Хакасии-то не существовало и Минусинск (самый тогда большой город там) сообщался по реке только с Красноярском. Постройка в 1915–1926 гг. железной дороги Ачинск–Абакан усилила эту транспортную связь.

Я уже давно пришёл к выводу, что местное начальство плохо знает экономическую географию своих соседей (со своей собственной оно худо-бедно знакомо по личному опыту) и плохо представляет себе мотивы жителей соседних областей при их поездках в ближайшие региональные центры. Такие прожекты с точки зрении экономической географии и географии транспорта просто комично утопичны.

Книга рассказывает о планах создания еврейской автономии в Крыму (с. 182–183), проектах Северной области в Сибири, Долгано-Эвенкийской АО, Коми-Ненецкой АССР (с. 189–192), Немецкой АО в Казахстане в 1979 г. (с. 253), идеях деления на макрорегионы конца 1980-х и 1990-х гг. (с. 290–322). Конечно, всё это было сплошной утопией. Их инициаторы плохо знали конкретную территорию (а также её географию и историю), кроили регионы и районы произвольно по мелкомасштабной карте, исходили из каких-то схоластических параметров (численности населения и площади – например, проект Логиновского, с. 316), не понимая и не зная сложности её хозяйственной структуры и особенностей расселения (в том числе неравномерности размещения, особенностей конфигурации сухопутной транспортной сети, наличия природных площадных и линейных барьеров), мозаичности и дисперсности расселения отдельных этносов. Если бы они изучили АТД других стран, в особенности полиэтнических (например, Индии, где ящик Пандоры ещё не до конца открылся), то призадумались бы и, возможно, не лепили свои проекты, как дети лепят из пластилина то, что им взбрело в голову. Но отсутствие профессионального знания полностью перечёркивало реалистичность и жизненность предлагаемого. Даже географические названия придуманных их инициаторами регионов и республик иногда анекдотичны для любого профессионала-географа, да и историка. Ещё веселее читать о безумных проектах объединения в 2000-х гг. (с. 344–366). Тут полное отсутствие профессионализма бьёт в глаза, а логикой просто не пахнет.

Вообще, к кардинальной реструктуризации сетки АТД страны надо относиться крайне настороженно, а то даже и отрицательно. По историческому опыту видно, что такие пертурбации имеют много негативных последствий, которые проявляются не сразу. Можно провести специальные исследования того, каковы были замыслы (идеи), как они осуществлялись, какие ошибки совершены, какие негативные и позитивные последствия наступили через 5–10–15 лет (можно даже подсчитать в условных денежных единицах прямые и косвенные убытки и прибыли, а соотнеся эти суммы – решить, стоило ли городить огород). Поэтому при принятии решения об объединении или дроблении надо сто раз отмерить и всё просчитать. Да и это не гарантирует от отрицательных последствий, о которых мало кто задумывается или догадывается... Больше всего от таких экспериментов страдают жители территорий, так бездушно перекраиваемых где-то в отдалении от них, не спрашивая, что они сами думают об этом. Возможно, не стоило бы описывать все эти дикие предложения и проекты. С другой стороны, их изложение очень полезно, так как обнажает полную научную (под наукой я понимаю выявление нового объективного знания, полученного в ходе исследования – от сбора информации до получения результатов её анализа) несостоятельность и непрофессионализм их авторов.

Любопытен подробный анализ истории объединения бывших автономных округов со своей метрополией (с. 384–421). Нигде так подробно об этом не

читал. С моей точки зрения, ничего кардинального с сеткой АТД в результате не произошло. Да, округа формально потеряли свой статус, но они и так особо ничем не выделялись. Для их жителей почти ничего не изменилось, за исключением сокращения финансирования культурно-этнической составляющей их жизни. Назвать это объединение радикальной реформой (или просто реформой) нельзя, это имитация или квазиреформа (небольшое косметическое изменение). Вот если бы подобные преобразования затронули, к примеру, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий АО, то, возможно, была бы совсем другая история.

Поддерживаю идею о том, что по сути своего устройства страна унитарная, но в федералистской «шинели» (с. 425). Основная проблема гибридности АТД (федералистского унитаризма) заключается в огромных размерах территории (очень большое пространство – проклятие); крайней мозаичности внутренней территориальной структуры (очень большие внутренние различия не только между Европейской и Азиатской частями, но и внутри каждой из них); полиэтничности, закреплённой в 1920-х гг. в виде огосударствлённых форм (это одна из неразрешимых проблем). Другими словами, появление этнических регионов с особым статусом нарушило систему АТД, которую теперь уже трудно вернуть в естественное равновесие. Это своего рода рок этнического детерминизма. Вообще из содержания книги следует, что за весь рассмотренный период остались так и не решены проблема согласованности регулярных (обычных, «русских») и национальных АТЕ (т.е. унитаризма и федерализма) и даже сама проблема взаимоотношений центра и регионов, хотя они до сих пор сохраняют свою остроту.

Отметив положительные стороны монографии, выскажу и некоторые замечания. Так, на мой взгляд, подзаголовок в титуле – «Идеи. Практика. Результаты» – вносит в академическое название книги некоторый элемент журнализма. Мне кажется, что и без этого подзаголовка название самодостаточно. С другой стороны, если автор посвящает монографию именно этим сюжетам, то в тексте (преимущественно в выводах глав) должны чётко артикулироваться все три этих элемента, а в заключении – перечисляться конкретные идеи (как они сменялись со временем; была ли у них какая-то преемственность или нет), типы практик управления (каких именно, дать анализ самих таких практик/методов), полученные результаты. Все три эти элемента должны выявляться в конце каждого периода или в целом за рассматриваемые 90 лет. Однако в оглавлении книги они отсутствуют (правда, порой используется термин «идеи»), нет их и в тексте.

Вызывает вопросы хронология исследования, прежде всего выбор 1987 г. как водораздельного года в системе изменений между советской и постсоветской структурами АТД. Почему именно он? В РСФСР тогда кардинальных перекроек сетки областей не происходило, хотя они имели место в других союзных республиках (Туркмении, Таджикистане, Казахстане). Мне кажется, начать следовало бы с 1990–1992 гг., когда поднялась волна самопровозглашений отдельных национальных республик взамен прежних автономных областей и округов (с выходом из состава краёв и областей), «старые» автономные республики стремились получить бóльшую свободу и независимость, ряд АТЕ – повысить административный статус. В 1992 г. даже рядовые области (например, Свердловская) хотели добиться особого статуса, чтобы меньше зависеть от центра. По-видимому, автор выбрал 1987 г., поскольку именно тогда

возникли некоторые предпосылки этих событий, но данный выбор следовало бы обосновать в самом начале книги.

Схожее замечание касается периодизации изменений АТД, рассматриваемых в первой части: территориальные эксперименты (1917–1933), управленческий прагматизм (1934–1957), стабильность (1958–1987). Интуитивно разбивка этого 70-летнего периода двумя датами (1933–1934 гг. и 1957–1958 гг.) понятна, но вопрос, почему именно эти годы взяты за основу, возникает сразу при просмотре оглавления. Кроме того, внутри каждого из этих трёх периодов возможны более мелкие этапы, однако только первый из них разделён на 1917–1922 и 1923–1933 гг. Возникает вопрос, а были ли такие этапы внутри второго и третьего периодов? Во второй части автор также не выделил отдельных этапов, хотя 1993, 2000, 2003 и 2007 гг. условно могут быть взяты за основу. Правда, разделять 20-летний период на этапы вряд ли имеет смысл. Получается, что первая часть разбита на более затяжные периоды, а во второй они сильно сжимаются во времени. И это немного настораживает. Хотя есть понятие «характерного времени», в соответствии с которым бывают отрезки в несколько лет, насыщенные событиями, а бывают затяжные («полупустые») времена. Вообще, сравнение названий глав обеих частей книги показывает, что периодизация получилась не совсем достаточной и полной: она лучше дана для первого периода и весьма нечёткая для второго. Возможно, что последний вообще является целостным. Разделение на параграфы и главы в каждой из двух частей также проведено по-разному: в первой – по принципам (эксперименты, прагматизм, стабильность), во второй – скорее по политической конъюнктуре. Хотелось бы целостного восприятия (видения) всего процесса, а потому и более целостного, холистического его дробления.

Ещё один вопрос возникает из-за особого статуса РСФСР в 1922–1991 гг. Она *de facto* являлась каркасом СССР, поэтому анализ этого периода должен каким-то образом охватывать и общесоюзные процессы. Например, до 1936 г. в состав России входили Казахстан, Киргизия и Каракалпакия. Те или иные территории передавались другим союзным республикам и наоборот (Таганрогский уезд – в Украинскую ССР, Витебская и Гомельская губернии – из Белорусской ССР в РСФСР, Крым – из РСФСР в Украинскую ССР и т.д.). С другой стороны, может быть, автор и прав, что не затрагивает СССР в целом, поскольку это уже другая тема и другая книга. Однако обратить внимание на это в тексте важно, поскольку общесоюзные процессы затронули РСФСР сильнее, чем какую-либо иную часть Союза.

Некоторые подзаголовки глав и параграфов отдают журналистским сленгом (подтекстом), который для академического издания не представляется приемлемым. Например, «старая форма – новое содержание», «идеологический климат», «внесистемный активизм», «Разрыв с прошлым или сохранение преемственности?». С моей точки зрения, подобные названия должны быть лишены всякой эмоциональности и оценок. Жаргонизм присутствует и в тексте, особенно во введении, а также во второй части (местами очень много). В будущем надо стремиться к избавлению от него, стараться писать академично (просто, без оценок и эмоций, дихотомии «хорошо–плохо»), с минимумом газетных словечек и фраз, слов в кавычках и т.д., используя научный литературный стиль изложения. Очень не хватает логических связок между соседними параграфами, главами и частями.

Много вопросов вызывают карты. Правило при их составлении такое: всё, что нанесено, должно быть отражено в легенде (условных знаках) и в прилагаемом к ней списке АТЕ. Между тем на карте 2 (1923) есть несколько АТЕ без цифр: Украина, БССР, ЗСФСР, Хорезмская ССР и Бухарская ССР. На карте 3 (1937) также необходимо добавить все союзные республики. Это же замечание относится и к картам 4–6, на которых показаны контуры союзных республик, но нет их названий. Все карты должны сопровождаться разъяснительными легендами, однако их нет. Понятно, что для карты 1 цвета выбраны не по какому-то чёткому признаку, а так, чтобы соседние АТЕ были разного цвета (это называется принцип (теорема) четырёх цветов). На мой взгляд (да и по правилам социально-экономической картографии), это неправильно. Цвет Бухарского ханства, Томской и Пензенской губерний один и тот же. Это вводит в заблуждение. Вот если бы Тургайская, Сырдарьинская, Семипалатинская, Якутская, Камчатская и другие области Кавказа и Азиатской России покрасили одним цветом, то это означало бы, что это области, а не губернии. А простые русские губернии – показать другим цветом. На карте 2 цвета вовсе не разъяснены.

Общая оценка книги, несмотря на замечания, безусловно положительная. Впечатляет количество изученных источников, что вызывает большое уважение. Проделана кропотливая работа по сбору информации, её систематизации, генерализации и анализу. Охвачено очень большое количество публикаций, документов, иных материалов. Мне о многом очень полезно было узнать и даже освежить в памяти. Вспоминаю лекции и семинары по истории КПСС, которые велись во время обучения в МГУ (весь первый курс и осенний семестр второго курса). На них обсуждались проблемы национального вопроса тогдашнего СССР, решения РКП(б) и ВКП(б) по нему, разные «уклоны», русско-державный шовинизм и «оголтелый» национализм... Мы должны были знать решения каждого партсъезда по этим вопросам, что было крайне непросто освоить. Я до сих пор помню даже даты проведения всех съездов, начиная с 1925 г. (до этого они проводились так часто, что запомнить их – кроме X-го с нэпом – было невозможно). Потом всё это кануло в Лету – и вот опять всплыло при чтении книги.

Александр Коновалов: О мотивах и механизмах принятия решений по «территориальному вопросу»

Alexander Konovalov (Kemerovo State University, Russia): On the motives and mechanisms of decision-making regarding the «territorial question»

DOI: 10.31857/S0869568722060073, **EDN**: MMBJIP

Фундаментальное исследование В.Н. Круглова раскрывает основные закономерности АТД России как федеративного государства. Автор справедливо замечает, что опыт отечественной пространственной организации остаётся чрезвычайно актуальной проблемой, поскольку позволяет видеть достоинства и недостатки различных подходов – как укрупнения, так и разукрупнения территорий.

Во введении автор заявляет об особом внимании к «невоплощённым в жизнь проектам административно-территориальных новаций» (с. 10). Действительно, в рамках исследования эта тема поднимается неоднократно. Пред-

ставлены многочисленные эпизоды несостоявшихся решений, однако приходится отметить, что далеко не всегда автору удалось постичь обстоятельства отклонения того или иного проекта.

В исследовании с похвальной скрупулёзностью зафиксированы основные административные преобразования, нередко представлены их возможные мотивы, ход и последствия. Однако масштабный замысел, обусловленный хронологическими рамками (1917–2007), не дал возможности всесторонне осветить многие важные вопросы. Причины, ход и последствия реформ в ключевые периоды советской истории остались на уровне широких обобщений. И на этом стоит остановиться подробнее.

В работе есть немало постановочных рассуждений или умолчаний о конкретных причинах и поводах административно-территориальных переустройств. А ведь претворение многих инициатив в жизнь свидетельствовало о весомом влиянии субъективных факторов (прежде всего лоббистских усилий региональных лидеров), своевременности внесения предложений в аппарат ЦК партии, социально-экономической конъюнктуры. Хотелось бы видеть более чёткие выводы по поводу ключевых тенденций в административно-территориальной организации. Например, в результате чего они формировались – объективно обусловленных социально-экономических процессов или политической целесообразности и мнения отдельных партийных функционеров? Ответ на этот вопрос представляется очень важным прежде всего применительно к периодам Великой Отечественной войны и «хрущёвской оттепели». Именно в эти годы возникало немало инициатив с мест, которые запускали процесс разукрупнения и слияния административно-территориальных единиц в составе РСФСР.

Определяя причины активизации «территориального формотворчества» в годы войны, Круглов приводит мнение из статьи А.Г. Кушнира, опубликованной в 1975 г.: необходимость решения специфических задач военного времени – налаживания работы эвакуированных на восток предприятий, снижения управленческой нагрузки на прежние областные центры (с. 154). Бесспорно, это всё так, но остался неясным механизм территориальных изменений. Кто и по каким мотивам их инициировал? В какой момент появляется необходимость в «разгрузке» прежнего областного центра? Какова роль конкретных личностей в принятии подобных решений?

К сожалению, ничего не сказано о неосуществлённых проектах разукрупнения краёв и областей РСФСР в военный период. А в их числе – попытки разделения Чкаловской обл. на Чкаловскую и Бузулукскую в сентябре 1943 г., Красноярского края – на Минусинский край и Красноярскую обл. в октябре 1943 г., Алтайского края – на Барнаульскую и Бийскую области в июле 1944 г., выделения из Алтайского края Рубцовской обл. в июне 1945 г. Как правило, после рассмотрения исходных материалов на имя секретарей ЦК ВКП(б) поступало краткое заключение, подписанное заведующим организационно-инструкторским отделом ЦК М.А. Шамбергом. В нём говорилось о несвоевременности, либо о бесперспективности вносимого предложения («вопрос о разукрупнении в настоящее время рассматриваться не будет»). На сопроводительных документах о разделении Алтайского края значилась ремарка: «Рассмотрение этого вопроса в Политбюро было отложено до окончания основных сельскохозяйственных работ 1944 г.». Но более к проекту не возвращались.

Несколько раз рассматривались в аппарате ЦК вопросы о выделении Тюменской и Томской областей. Такое желание зафиксировано в обращениях первых секретарей обкомов – Омского И.П. Кудинова (3 февраля 1943 г.) и Новосибирского М.В. Кулагина (26 июня 1942 г.). Однако эти решения были отложены на длительные сроки: Томскую обл. выделили из Новосибирской только через два года (13 августа 1944 г.), а Тюменскую – через полтора (14 августа 1944 г.). Подобные факты наблюдались не только по регионам Сибири. Так, обращение руководителей Куйбышевской обл. о необходимости выделения из её состава Ульяновской поступило 1 июня 1942 г., а решение об образовании новой области состоялось 18 января 1943 г.

Как видим, процесс выделения регионов шёл неритмично, хотя запускали его по одному алгоритму – через направление ходатайств с мест, от первых секретарей обкомов и председателей облисполкомов разукрупняемых областей. Адресатами, как правило, являлись председатель СНК СССР И.В. Сталин и секретари ЦК ВКП(б) А.А. Андреев или Г.М. Маленков. Вопрос поручалось проработать функционерам оргинструкторского отдела ЦК, но насколько глубоко они проводили эту работу – сказать сложно. Аргументированных заключений по этому поводу в документах данного отдела не отложилось, зафиксированы только краткие выводы.

Мотивы региональных руководителей, выступавших за разукрупнение вверенных им территорий, вполне объяснимы. Резкий рост промышленного потенциала, увеличение численности населения вследствие эвакуации вели к перегрузке управленческого центра и, как следствие, его стремлению освободиться от части возросшего функционала. Интересно сравнить такое отношение с поведением их будущих преемников в начале XXI в. – те, напротив, выступали за укрупнение территорий, создание макрорегионов. Причина таких различий видится в формах рекрутирования руководителей территорий. Сталинские переброски по методу «из региона в регион» нацеливали первых секретарей прежде всего на выполнение производственных планов. Выдвижение региональных лидеров из местных элит сопровождалось иными установками: рост территории должен был повлечь за собой усиление политической значимости региона, а вместе с ней – авторитета и влияния губернатора.

Привлекает внимание попытка Круглова раскрыть обстоятельства создания в 1943 г. Кемеровской обл. Автор делает акцент на росте промышленного потенциала Кузбасса в военный период. Однако необходимо учитывать, что идея выделения Кузнецкого промышленного района активно обсуждалась уже в конце 1930-х гг., нашла отражение в прессе и архивных документах. В конечном итоге из Новосибирской обл. выделили не территорию угольного бассейна, который ещё до войны оформился в особое экономико-географическое пространство, а совершенно новое образование, с прирезкой к Кузбассу депрессивных территорий «мариинской тайги» (северо-восточные районы Кемеровской обл.). По всей видимости, расширение регионального пространства посчитали необходимым для обеспечения шахт лесом, а шахтёрских городов и посёлков – продовольствием. И здесь вряд ли можно согласиться с утверждением автора, что местные управленцы не удовлетворились выделением области и «давали центру понять, что готовы к территориальному расширению» (с. 166). Партийное руководство области, напротив, вполне довольствовалось имевшимися ресурсами (это был самый высокоурбанизированный регион за Уралом с огромным индустриальным потенциалом).

Другой вопрос – деятельность корпуса директоров, в подчинении которых находились предприятия, требовавшие межрегиональной кооперации. И в случае с проектом образования Кузнецкого края (объединение области и Хакасской автономной обл. Красноярского края) речь шла не об «окне возможностей» (как эту попытку обозначил автор, с. 167), а о политическом решении сугубо производственных задач – рациональном использовании железорудных богатств Хакасии для нужд чёрной металлургии Кузбасса. Показательно, что в данном вопросе инициатива шла от руководителей Кузнецкого металлургического комбината и части руководства Кемеровского совнархоза, курировавшего предприятия этой отрасли. Первый секретарь Кемеровского обкома КПСС С.М. Пилипец идею не поддержал, категорическим противником выступил и первый секретарь Красноярского крайкома КПСС А.А. Кокарев. Можно отчасти согласиться с автором в том, что данная история свидетельствует о наличии у региональных партийно-хозяйственных кадров собственных стремлений и интересов. Очевидно в это время сегментирование руководящего слоя – выделение в нём партийной и хозяйственной элиты. Эти группировки могли с принципиально разных позиций подходить к решению тех или иных вопросов. Играла очень важную роль и система подбора кадров: прибывший в Кузбасс в конце 1955 г. очередной «варяг» Пилипец опасался укрупнения региона из-за большой вероятности переноса его административного центра из Кемерова в Сталинск (Новокузнецк), где находился Кузнецкий металлургический комбинат и уже сложились местные элитные группировки.

В монографии не упоминается о практике выделения городов республиканского подчинения. А между тем речь шла о придании отдельным образованиям статуса самостоятельных административно-хозяйственных центров со своими особыми бюджетами. Записки по данным вопросам направлялись как от региональных руководителей, так и от глав республиканского правительства. Председатель СНК РСФСР А.Н. Косыгин направил 6 августа 1943 г. на имя В.М. Молотова, Г.М. Маленкова и А.А. Андреева письмо, в котором предлагал выделить Челябинск, Молотов, Новосибирск, Куйбышев и Саратов. Решение было одобрено. Наряду с названными такой же статус во второй половине 1940-х гг. имели Москва, Ленинград, Горький, Свердловск, Красноярск, Омск, Ростов-на-Дону, Севастополь, Сочи, Сталинград. По вопросам финансирования и снабжения к этой группе приравнивалась Казань[9].

Такого рода выделение городов свидетельствовало об их экономическом и социально-культурном значении. Однако возникали ситуации, когда идея придания этого статуса обусловливалась перспективами дальнейшего развития или политической конъюнктурой (так, на конференции по изучению производительных сил Кузбасса, которую проводили Академия наук СССР и Госплан СССР в ноябре 1948 г., второй секретарь Кемеровского горкома И.С. Яцкевич предложил наделить Кемерово статусом города республиканского подчинения. В период шахтёрских забастовок 1989 г. лидеры рабочих комитетов настаивали на придании данного статуса Новокузнецку). Впрочем, 3 июня 1958 г. указом Президиума Верховного совета РСФСР абсолютное большинство городов статуса лишилось. «В связи с расширением прав исполнительных комитетов краевых и областных Советов депутатов трудящихся в решении

[9] См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 122, д. 83, л. 141.

вопросов хозяйственного и культурного строительства» Горький, Куйбышев, Новосибирск, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Саратов, Свердловск, Сталинград, Челябинск переводились из республиканского в областное подчинение, а Красноярск и Сочи – в краевое. Почему возникла инициатива по снижению статуса этих городов? Как изменились потенциальные возможности их социально-экономического развития? Это вопросы, на которых стоило бы остановиться в монографии.

Отмеченные пробелы и упущения, тем не менее, не ставят под сомнение уровень исследовательской квалификации автора, его навыки систематизации материала и формулировки основополагающих выводов. Думается, что монография В.Н. Круглова по смелости поставленных задач (с учётом доведения повествования до начала XXI в.) может быть отнесена к важнейшим работам последнего десятилетия по истории АТД России. Этот научный труд представляет бесспорный интерес для историков, регионоведов, экономистов, политологов, а также всех тех, кто интересуется отечественной историей новейшего времени.

Кирилл Болдовский: О перспективах изучения административно-территориального деления России

Kirill Boldovsky (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences): On the prospects of studying the administrative-territorial division of Russia

DOI: 10.31857/S0869568722060085, **EDN**: MMCQUG

Решение проблемы административно-территориального устройства и, как более узкий аспект, АТД является одним из основополагающих принципов организации любого государственного образования. Для России с её огромной территорией и многочисленными народами этот вопрос всегда был и остаётся не просто первоочередным, но и жизненно важным. От его решения зависит и степень управляемости, а следовательно, жизнеспособность страны, и гармоничное развитие народов многонациональной державы.

Исследование вопросов, связанных с АТД советского периода истории России, чрезвычайно важно. С одной стороны, административные преобразования в регионах отчётливо отражали политические и экономические процессы в стране, с другой – региональные особенности часто определяли многие действия центральной власти.

Изучение АТД во всех его аспектах – чрезвычайно сложная задача. Это обусловлено, в первую очередь, многофакторностью его процессов. В создании и преобразовании административно-территориальных единиц играли роль многочисленные и разнообразные соображения: доктринальные (в основном применительно к вопросам национального устройства), политические (достаточно вспомнить образование Еврейской АО, ликвидацию Республики Немцев Поволжья, преобразование Карело-Финской ССР в одноимённую АССР), экономические и даже, как показано в обсуждаемой монографии, лично-карьерные. Кроме того, длительное время в историографии вопросы АТД рассматривались почти исключительно с точки зрения государственного права, причём вне поля зрения авторов оставались вопросы партийного руководства и практики принятия соответствующих решений в центральном партийном аппарате.

Именно поэтому книга В.Н. Круглова, знаменующая переход к всестороннему, основанному на многообразной источниковой базе изучению поставленной задачи, чрезвычайно важна.

Формат обсуждения монографии, в отличие от детальной рецензии, не предполагает скрупулёзного анализа текста с исследованием важнейших выводов автора или указанием на спорные или недостаточно аргументированные утверждения. Стоит, скорее, упомянуть отдельные проблемные вопросы, которые не нашли достаточного освещения в обсуждаемой книге, но могут, тем не менее, оказаться важными для последующих исследований в рамках данной темы.

В начале монографии автор даёт обзор важнейших мероприятий дореволюционной России в области административно-территориального устройства, начиная с реформы 1708 г. Здесь же рассказывается о важнейших работах российских учёных (К.И. Арсеньева, П.П. Семёнова-Тян-Шанского, А.Ф. Фортунатова и др.) в области экономической географии и районирования. Глава в целом чрезвычайно полезна для понимания общих проблем развития территориальной организации страны. В дальнейшем следовало бы более подробно остановиться на влиянии вопросов государственного управления в области АТД на политические процессы в Российской империи. Например, автор, рассказывая о такой форме АТД, как наместничество, пишет, что этот институт был упразднён Павлом I, не упоминая при этом Кавказское (1844–1881 и 1905–1917) и Дальневосточное (1903–1905) наместничества. Между тем образование последнего, как и деятельность возглавлявшего его Е.И. Алексеева, сыграли важную роль в событиях русско-японской войны 1904–1905 гг. Кроме того, некоторые утверждения автора нуждаются, на мой взгляд, в дополнительной аргументации. Так, например, оценивая последствия реформы 1775 г. (введение в действие «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи»), Круглов пишет: «Учитывая, что после 1775 г. в России не случалось массовых крестьянских движений и бунтов, можно констатировать, что реформа удалась» (с. 25–26). Вряд ли можно безоговорочно принять это как главное объяснение уменьшения числа и массовости крестьянских волнений.

Относительно советского периода хотелось бы отметить необходимость более тщательного изучения деятельности партийного аппарата в сфере АТД. Вполне доказанным является утверждение, что во властной конструкции советского государства партаппарат занимал ведущее положение, а многочисленные постановления, пользуясь выражением исследуемого периода, «оформленные в советском порядке», часто выступали лишь прикрытием уже состоявшихся решений. Само образование СССР в 1922 г. во многом предопределили решения VIII съезда партии (1919), в особенности о том, что национально-территориальные партийные организации входят в РКП(б) на правах областных. В дальнейшем при создании и преобразовании АТЕ в первую очередь рассматривался вопрос о парторганизациях. Трудно себе представить государственно-правовое оформление образования нового региона, если до этого не был решён вопрос о деятельности таковой. Вопросы их численности и состава (в первую очередь, «пролетарской прослойки») рассматривались как один из важнейших аргументов при преобразованиях в сфере АТД.

Кроме того, все основные реформы и изменения в этой сфере разрабатывались в аппарате ЦК. Можно, например, упомянуть о том, что именно там, а конкретнее – в Управлении кадров ЦК ВКП(б) – во второй полови-

не 1940-х гг. обсуждались проблемы расширения полномочий и повышения ответственности регионального руководства[10]. Материалы этих обсуждений во многом легли в основу ряда реформ «хрущёвского» периода. Как следствие, именно в аппарате ЦК партии готовились и обсуждались вопросы, связанные с АТД. Например, только за два года на заседаниях Секретариата были рассмотрены записка С.М. Будённого по вопросу об образовании Степновской обл. за счёт выделения степных районов из состава Астраханской, Сталинградской, Ростовской областей и Ставропольского края (20 января 1950 г.); записка Совета министров Дагестанской АССР и Дагестанского обкома по вопросу об образовании в составе республики областей (10 мая 1952 г.); об образовании в составе Хабаровского края Средне-Амурской обл. (24 ноября 1952)[11]. Анализ подготовительных материалов для обсуждения этих и многих других аналогичных вопросов мог бы существенно обогатить рассматриваемое исследование.

Автор совершенно справедливо связывает решения в области АТД в «сталинский период» с политическими вопросами, в частности с общей политикой Сталина по формированию сверхцентрализованной властной конструкции. К безусловным достоинствам работы следует отнести то, что впервые в историографии в книге столь подробно проанализирована практика принятия решений в сфере АТД. Детально рассмотрена судьба предложений по его изменению, исходивших от «низовых» структур: региональных партийных, советских и общественных организаций. До настоящего времени одна из господствующих точек зрения в историографии проблем АТД в СССР сводилась к тому, что большинство решений высших властей в этой области принималось на основе экспертных оценок специалистов по экономическим и национальным проблемам. Круглов убедительно показал, как оформилась и проводилась в жизнь «линия власти на принятие ключевых решений без всяких консультаций с представителями научного сообщества» (с. 105). Доказательное обоснование этого тезиса – его несомненная заслуга.

В то же время ряд утверждений нуждается в более подробном аргументировании, основанном на исторических источниках. Так, автор считает, что «дробление “госплановской” территориальной сетки шло синхронно с Большим террором: уничтожалось руководство всех регионов... а сами регионы планомерно упразднялись. Более того, центр стремился не допускать появления на региональном уровне крупных, влиятельных фигур и, несмотря на весь вред такого подхода для развития страны, отказывался изменить модель взаимоотношений с периферией. Одним из способов добиться этого и стал отказ от обширных краёв и областей в пользу мелких единиц территориального управления» (с. 140). До сих пор неизвестны достоверные источники, подтверждающие существование или даже формирование оппозиции Сталину в середине 1930-х гг. Не слишком убедительным представляется и утверждение о том, что «некоторые (из руководителей регионов. – *К.Б.*) (например, глава Ленинградской парторганизации С.М. Киров) приобретали общесоюзную известность и влияние, представая в глазах оппозиционно настроенных кругов общества альтернативой “вождю”» (с. 139). Тем более сомнительно предположение о том, что для противодействия «региональным лидерам-оппозиционерам» Сталин пошёл на

[10] См., например: *Болдовский К.А.* Планы реформирования ВКП(б) в проекте устава партии 1947 г. // Советский мегаполис: Ленинград в процессе модернизации. Сборник статей. СПб., 2014. С. 46–55.

[11] Выражаю благодарность А.Н. Фёдорову за предоставленную информацию.

отказ от крупных «госплановских» областей. Ещё со времён борьбы с «зиновьевской оппозицией» во второй половине 1920-х гг. партийное руководство выработало действенный механизм кадровых перемещений в рамках партийной номенклатуры должностей. Таким образом, для смены «подозрительных» руководителей регионов совсем не требовалось прибегать к ликвидации самих АТЕ. Достаточно было перевести самого «местного лидера» и работников из его окружения в другие регионы и ведомства.

Анализируя процесс подготовки и принятия решений в сфере АТД, автор иногда делает несколько необоснованные выводы. Следует особо остановиться на изложении сведений о чистках 1949–1951 гг., получивших в историографии название «ленинградского дела». В настоящее время у исследователей отсутствует доступ к ряду источников о событиях, послуживших их причиной. Из-за этого многое приходится исследовать на основе косвенных свидетельств. Поэтому возникают достаточно многочисленные версии, одна из которых заключается в том, что причиной «дела» стала борьба некоторых руководителей страны с «русскими националистами», объединившимися в «ленинградской группе». Круглов частично воспроизводит эту версию: «В кругах партработников, близких к секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову, обсуждалась... идея создания отдельной компартии РСФСР или некоего специального органа управления территорией республики (например, Бюро ЦК по РСФСР). Речь шла лишь о более чётком определении России в рамках СССР. Она не имела многих атрибутов советской государственности, но главное – собственных партструктур. Однако члены “группы Жданова” всё же обратились с данным вопросом к самому Сталину... Такая вольность возмутила “вождя”, поскольку, по его мнению, ЦК российской компартии, в отличие от компартий других союзных республик, мог представлять прямую угрозу авторитету ЦК ВКП(б)» (с. 181–182).

В приведённой цитате содержатся неточности. Сомнительным представляется тезис о существовании некой «группы Жданова» – никакими достоверными свидетельствами это не подтверждается. Далее, председатель Совета министров РСФСР М.И. Родионов действительно несколько раз обращался к различным руководителям страны с предложениями о создании Бюро ЦК по РСФСР (известно, по крайней мере, три: два к Сталину – в сентябре 1947 и январе 1948 г., и одно к Маленкову в сентябре 1948 г.)[12]. Но этот вопрос затрагивал механизм управления и вовсе не был связан с политикой. К тому же в первые послевоенные годы существовали аналогичные бюро по Прибалтике, Средней Азии, Закавказью, рассматривался вопрос о создании Дальневосточного бюро.

Более сложен для исследования вопрос о планах создания Российской коммунистической партии. Одно из более или менее достоверных свидетельств – слова П.С. Попкова в его покаянном выступлении на объединённом пленуме ленинградских горкома и обкома ВКП(б) в феврале 1949 г. о том, что такие разговоры велись в приёмной Жданова. Попков не зря подчеркнул, что разговоры велись именно в приёмной, т.е. носили неофициальный характер. Однако в любом случае эти разговоры – лишь свидетельство определённых настроений небольшой группы, а не реальных планов, которые вряд ли могли быть реали-

[12] *Болдовский К.А.*, *Бранденбергер Д.* Обвинительное заключение «ленинградского дела»: контекст и анализ содержания // Новейшая история России. Т. 9. 2019. № 4. С. 1021.

зованы. У нас нет доказательств распространённости такого рода идей среди руководителей Ленинграда. Более того, есть прямые утверждения, что подобных разговоров об этом в их среде не велось.

В целом вопрос о «националистической угрозе» в «ленинградском деле» – лишь один из недостоверных и недоказанных пунктов обвинения. Делать на этом основании выводы о существовании каких-либо реальных замыслов подобного рода неверно.

Некоторые вопросы АТД в сталинский период решались исключительно из политических соображений, причём экономическая целесообразность во внимание не принималась. Например, в 1940 г. присоединённые районы Финляндии на Карельском перешейке, вопреки очевидности, административно отнесли к Карело-Финской ССР, а не к Ленинградской обл. Образование в 1946 г. Кёнигсбергской обл. и присоединение её к РСФСР привело, как известно, к образованию эксклава со всеми вытекающими из этого экономическими проблемами. И даже во время существования СССР подобное подчинение выглядело неестественным. Хотелось бы пожелать, чтобы в последующих исследованиях Круглов более подробно остановился на изучении этих сюжетов.

Другой немаловажный вопрос – исследование регионалистских и централистских тенденций в советском государстве. Чрезвычайно интересным и важным является описание автором периода 1917–1922 гг. (раздел 1.1), когда АТЕ создавались и преобразовывались часто по инициативе снизу. Не стоит, однако, считать, что после укрепления сталинского режима регионалистские настроения полностью исчезли. Напротив, экономическое и научно-техническое развитие обуславливало усложнение системы управления, что, в свою очередь, диктовало необходимость перехода от жёстко централизованной структуры к режиму большей самостоятельности, ответственности и инициативы на низовых уровнях. Эта тенденция обозначилась в период Великой Отечественной войны (например, региональное управление в блокированном Ленинграде) и продолжала проявляться в послевоенный период. Особенно выразительным процесс формирования региональной политической элиты стал во второй половине «хрущёвского» и в начале «брежневского» периодов. Вопросы возрастания реальных полномочий и степени влияния регионов находили отражение и в процессах АТД.

Нуждается в тщательном рассмотрении проблема влияния на АТД военно-стратегического и военно-промышленного факторов. Образование и функционирование военных округов и других оборонительных структур, вопросы мобилизационного планирования и охраны приграничных территорий несомненно учитывались при преобразованиях[13]. Военно-промышленный комплекс, обладавший многочисленными «закрытыми» территориями, и его взаимодействие с региональными административными структурами оказывали существенное влияние на местные органы власти, а следовательно, и на процессы в сфере АТД (особенно в послевоенный период)[14].

Это также относится к структурам НКВД–МВД. В монографии кратко описана ситуация с реформой Дальстроя, но этого недостаточно для понимания

[13] В качестве примера можно упомянуть о том, что в первые послевоенные годы неоднократно менял статус Кронштадт, переходя из гражданского подчинения (район Ленинграда) в военное (крепость).

[14] См., например: *Кузнецов В.Н.* Закрытые города Урала: исторические очерки. Екатеринбург, 2008.

данной проблемы. По мнению автора, создание Магаданской обл. в декабре 1953 г. обусловливалось «борьбой за власть в руководстве СССР, поскольку едва ли не самой важной целью этого решения стало ослабление влияния структур МВД СССР. Земли, на которых создавалась область, ранее лишь формально входили в состав Хабаровского края. Они управлялись трестом Дальстрой – частью системы НКВД (МВД)... Этот шаг представлялся центру особо важным в ходе чистки МВД от "бериевцев" и укрепления позиций партийных органов в силовых структурах в целом» (с. 156–157). Не оспаривая данное утверждение, следует отметить, что вопрос о создании новой АТЕ в районах деятельности Дальстроя обсуждался не только в 1938 г., когда его отложили после личного вмешательства Сталина (на что указал автор), но и в сентябре 1949 г., когда его рассмотрение возобновилось в Секретариате ЦК ВКП(б) «в связи с просьбой Хабаровского крайкома ВКП(б) и исполкома Хабаровского краевого Совета депутатов трудящихся об образовании в составе Хабаровского края новой Колымо-Чукотской области с центром в г. Магадане»[15]. Можно предположить, что даже в годы правления Сталина отношения местных партийных и советских властей с Дальстроем нельзя характеризовать как полностью стабильные, без признаков межведомственного соперничества.

В качестве ещё одного направления исследований хочу указать вопросы, связанные со статусом «республиканского подчинения» некоторых АТЕ. В монографии упомянуто, что «в качестве исключения из общего правила» статус республиканского подчинения получила Тува после вхождения в состав СССР в 1944 г. Между тем в Конституции РСФСР 1978 г. прямо сказано, что статусом «республиканского подчинения» наделялись Москва и Ленинград[16]. Было бы весьма интересно более подробно изучить вопрос о «республиканском» статусе отдельных территорий, исследовав причины и механизм принятия решений в этих и других аналогичных случаях.

Но всё это – лишь пожелания на будущее. Пока же, подводя итоги, подчеркну, что монография В.Н. Круглова – профессионально подготовленная и талантливо выполненная научная работа. Она, несомненно, станет основой для будущих научных поисков, успеха в которых и следует пожелать автору.

Никита Пивоваров: Как обустраивали Россию – между идеологией и реальностью

Nikita Pivovarov (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow; I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Russia): How the territorial structure of Russia was built – between ideology and reality

DOI: 10.31857/S0869568722060097, **EDN**: MMEJEP

История АТД – одно из классических направлений в историографии, незаслуженно забытое современными исследователями. Исчерпывающих публикаций по данной проблематике не появилось, а имеющиеся работы недостаточно детализированы и хронологически привязаны преимущественно к событиям

[15] РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 462, л. 57.

[16] Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики; Конституции (Основные законы) Автономных Советских Социалистических Республик, входящих в состав РСФСР. М., 1979. С. 22.

1920–1930-х гг. Однако сейчас эта тема как никогда актуальна не только с точки зрения получения нового научного знания, но и в связи с общественно-политическими событиями современности. В этом отношении исследование «Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты» представляет особый интерес, так как посвящено почти 90-летнему опыту территориального строительства в РСФСР и современной России.

Формально книга разделена на две части. В первой описан советский период, во второй – история современного российского государства, начиная с перестройки и заканчивая 2007 г. Задав для своего исследования столь широкие хронологические рамки, В.Н. Круглов использовал разнообразные источники и методы исследования. Так, анализируя новейшее время, автор маневрировал между историческим и политологическим анализом. Вместе с тем, наряду с формально-хронологическим принципом, книга разделена тематически. Отдельным блоком рассмотрены вопросы, связанные с национальными автономиями, и пограничные дискуссии РСФСР с другими союзными республиками. Прослежены изменения в рамках российских губерний, областей и краёв.

Концепция книги строится на «маятниковой» модели принятия решений. Эта модель хорошо известна в историографии и использовалась при описании административно-территориальных преобразований, но автор заметно её расширил, ушёл от узкой формулы «дробление–укрупнение», наполнив её концептуальным содержанием. По мнению Круглова, постоянные «колебания маятника» при принятии решений можно объяснить сменой идеологического подхода на более прагматический (в основном, экономический), а также чередованием интересов центра и регионов. В этом отношении показательны ранние советские годы. Когда в 1918 г. принималась первая Конституция, федерализм имел размытый статус, а формирование территорий происходило главным образом по своеобразию национального состава, а не по хозяйственно-экономическому укладу. В 1920 г. под влиянием плана ГОЭЛРО именно экономические факторы были объявлены главными для образования и развития регионов, но уже с середины 1920-х гг. создание новых территорий вновь стало зависеть от политических и даже кадровых задач, стоявших перед руководством страны. Масштабное переформатирование территорий в конце 1920-х – начале 1930-х гг. объяснялось деполитизированно – необходимостью развития экономики страны в целом и регионов в частности. Таким образом, в первое десятилетие советской власти концептуальные обоснования территориальных преобразований менялись несколько раз.

В последующие годы частота колебаний в принятии решений уменьшилась. Идеологический подход сохранился главным образом в отношении национальных автономий, тогда как административно-территориальные преобразования областей и краёв РСФСР в основном зависели от экономических факторов. Автор показал, что повышение статуса той или иной автономии (из автономной области в автономную советскую социалистическую республику) связывалось как с продолжавшимся вплоть до середины 1930-х гг. процессом коренизации, так и с коммеморативными практиками. Например, Мордовскую и Калмыцкую автономные области преобразовали в АССР в связи с пяти- и пятнадцатилетием со дня их образования (с. 174). Впрочем, даже в отношении национальных автономий решения принимались не всегда последовательно. Показательна судьба «репрессированных народов», лишившихся своих автономий в 1940-х гг. После смерти И.В. Сталина большинство АССР восстановили,

за исключением республики немцев Поволжья и крымских татар (во многом под влиянием экономических факторов).

По мнению Круглова, власть в последний раз использовала идеологию как основу для территориальных преобразований в начале 1960-х гг., при принятии в 1961 г. третьей Программы партии – ключевого политического документа того времени. Одним из её положений стало заявление о том, что все советские нации равноправны. Следовательно, какие-либо границы между союзными республиками должны быть ликвидированы, что на тот момент противоречило господствовавшему экономическому взгляду на развитие территорий. Однако с середины 1960-х гг. и вплоть до перестройки движение «маятника» практически прекратилось, так как основанием для возможных территориальных преобразований стала служить экономическая эффективность, а не идеология.

На протяжении всей книги Круглов довольно подробно рассмотрел и проанализировал инициативные предложения о территориальных изменениях, исходившие от партийных, государственных и общественных структур. В результате он пришёл к новым выводам. Так, в историографии утвердилось мнение о существенном влиянии научного сообщества на принятие политических решений. Достаточно обратиться к уже ставшей классической монографии Ф. Хирш, недавно переведённой на русский язык. В ней говорится, что научное сообщество не только поддерживало и укрепляло советскую власть, но и во многом определяло представления руководства страны о таких категориях, как «народность», «нация», «национальность», что в свою очередь влияло на принятие решений о межевании границ губерний и областей[17].

Выводы Круглова идут вразрез с подобными утверждениями. Он приводит доказательную базу, которая позволяет однозначно утверждать, что уже с середины 1920-х гг. «оформилась линия власти на принятие ключевых решений без всяких консультаций с представителями научного сообщества» (с. 105). В заключении автор ещё раз, и куда более критично пишет на этот счёт: «Власть демонстративно не обращала на них (учёных. – *Н.П.*) внимания, рассматривая науку не как партнёра, экспертное сообщество и интеллектуальную среду, а как обслугу, призванную разъяснять массам “великую мудрость марксизма-ленинизма”» (с. 429). Важно также понимать, что не только власть полностью игнорировала мнение учёных по территориальным вопросам, но и само научное сообщество с конца 1920-х гг. стало транслировать исключительно «телеологическую» точку зрения[18], которая сводилась к тому, чтобы подтверждать правильность целей и задач, обозначенных советским руководством (с. 232). Другое дело, что автор не всегда последователен в доказательстве своего тезиса. Например, при описании инициатив второй половины 1960-х и 1970-х гг. он не обращается к документам партийных и государственных институтов, а опирается только на научную дискуссию по административно-территориальным вопросам, развернувшуюся среди советских экономистов.

Вместе с тем представляется, что описанный механизм принятия решений носит излишне персонифицированный характер. Например, автор пишет, что

---

[17] *Хирш Ф.* Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза. М., 2022. С. 208.

[18] Подробнее о споре так называемых генетиков и телеологов по вопросам территориальных преобразований см.: *Меерович М.Г.* «Генетики» и «телеологи» – дискуссия о районировании СССР // Архитектон: известия вузов. 2012. № 4. С. 63–79.

Белоруссия самим фактом своего существования обязана Сталину (с. 102), он же единолично решил судьбу единой осетинской автономии (с. 116). Резюмируется его роль так: «Утвердившись в роли “вождя”, Сталин определял, как и в каком направлении будет развиваться страна. В частности, именно он являлся “творцом” её новой территориальной структуры» (с. 137). Аналогичным образом оценивается роль Н.С. Хрущёва. Подобная персонификация возможна при описании исторических событий, тем более что традиционно это один из наиболее популярных и востребованных среди исследователей подходов, так как через него проще объяснить сложные проблемы. До российской «архивной революции» вся западная историография советского политического проекта – за минимальной доступностью источников – строилась на персонализированном подходе[19]. Однако уже имеющийся архивный базис (как введённых в научный оборот документов, так и ожидающих своего часа) побуждает отказаться от подобного подхода при анализе таких сложных явлений, как территориальные преобразования.

Автор довольно аргументированно обосновывает свои утверждения. Однако некоторые тезисы вызывают вопросы. Например, мнение о том, что процесс образования новых областей в годы Великой Отечественной войны был связан с усилением вертикали управления для обеспечения контроля над окраинами страны (с. 155). Как представляется, районирование тех лет скорее необходимо рассматривать через призму децентрализации, как проявление слабости руководства страны и переложение ответственности на местные власти. Сомнение вызывает и тезис о том, что «Ленинградское дело» объяснялось во многом борьбой с «русским национализмом» (с. 181). На сегодняшний день в историографии показано, что эта политическая кампания не имела отношения к выдавливанию некоей «русской партии» из высших эшелонов власти[20].

Отдельные проблемы истории советского АТД автор, к сожалению, обошёл вниманием. Например, не прокомментированы тенденции послевоенного времени, связанные с формированием в ряде союзных и автономных республик областей. Остаётся открытым вопрос о том, какую цель преследовали руководители эпохи «позднего сталинизма» и почему фактически сразу после смерти «вождя» такое областное деление оказалось ликвидировано. Лишь в самых общих чертах представлены в книге сюжеты, связанные с инициативами хрущёвского времени – создание совнархозов и разделение обкомов на сельскохозяйственные и промышленные. Главный же пробел – отсутствие анализа процессов низовых территориальных преобразований, того, что в советское время называли районированием. Безусловно, если бы автор также тщательно описывал историю создания и ликвидации волостей, уездов, кантонов и районов, как это было сделано в отношении губерний, областей, краёв и АССР, то объём книги вырос бы в несколько раз. Однако можно было бы описать как отдельные сюжеты районирования (например, проблему территориальных конфликтов), так и показать в самом общем виде динамику формирования, укрупнения и разделения районов в 1930–1970-х гг.

Несмотря на то что книга посвящена казалось бы довольно «скучной» проблематике, повествование получилось интересным и даже захватывающим.

---

[19] *Зеленов М.В.* «Двойная природа» ЦК РКП(б) и его место в политической системе Советской России 1919–1923 гг. // Российская история. 2021. № 6. С. 169.

[20] О разных подходах в изучении «Ленинградского дела» см.: *Болдовский К.А.*, *Бранденбергер Д.*, *Пивоваров Н.Ю.* За что расстреляли руководителей-блокадников? // Родина. 2019. № 6. С. 130–133.

Отдельные сюжеты читаются как настоящий исторический детектив. Во многом это заслуга автора, который мастерски владеет пером и не даёт читателю скучать над страницами своей книги. Впрочем, иногда в ней встречаются выражения неакадемического характера. В ряде мест вместо названия союзной республики «Казахстан» почему-то использовано слово «Казахия» (с. 176, 204), что исторически неверно. Не свободна книга и от непроверенной информации. Например, описываются проекты перекраивания пространства Казахстана в начале 1960-х гг. (с. 203–204) или территориального переустройства всего СССР в начале 1980-х гг. (с. 247–249). В первом случае основанием для исторического мифа послужили публикации журналистов 1990–2000-х гг., а во втором – воспоминания бывшего помощника генсека ЦК КПСС А.И. Вольского. При этом авор и сам отмечает, что обе истории не имеют официального документального основания, поэтому непонятно, насколько необходимо было вводить в научный текст описание явных фальшивок.

В целом же В.Н. Круглов не только убедительно показал, как и почему советские административно-территориальные проекты потерпели крах, но и предложил свой ответ на вопрос А.И. Солженицына о том, как обустроить Россию. Не имея опоры на экспертов, которые могли бы критично оценить проекты формирования территорий, руководство страны оказалось заложником собственных идей, вынужденно находилось в маятниковом движении – то усиливая централизацию, то ослабляя её, то делая ставку на идеологические факторы, то на экономические. Общий посыл книги заключается в том, что власть должна как можно шире привлекать научное сообщество для решения и административно-территориальных, и других вопросов развития страны, общества и государства.

Александр Музафаров: Новый взгляд на незаслуженно недооцениваемую тему

Alexander Muzafarov (Moscow State Institute (University) of Culture, Russia; The Fundation for Historical Outlook, Moscow, Russia): A much-needed look at an undeservedly underestimated topic

DOI: 10.31857/S0869568722060103, **EDN**: MMRDRK

Территориальное устройство страны периодически меняется. Между тем эти изменения почти никогда не находят адекватного описания в школьных учебниках истории и крайне редко – в вузовских. Внимание научно-популярной литературы они тоже практически не привлекают. Некоторым исключением можно назвать ситуацию с передачей Крымской обл. из состава РСФСР в состав Украинской ССР. Крайне редко упоминается изменение статуса Карелии или преобразование Чечено-Ингушской ССР в Грозненскую обл. и обратно. Для студента, изучающего историю Великой Отечественной войны, может быть новостью, что границы Московской обл. в 1941 г. разительно отличались от современных, равно как и от границ одноимённой дореволюционной губернии. При этом процесс губернской реформы Екатерины II подробно описан в учебной и специальной литературе, и учащиеся имеют довольно устойчивое представление о территориальном делении страны до революции. Однако то, что происходило в этой сфере после 1917 г., остаётся неясным.

В этом отношении монография В.Н. Круглова является одним из первых подробных исследований. В ней не только описывается сложный процесс изменения территориального деления страны, но и даётся представление о принципах, на основании которых это деление происходило. Книга представляет собой прекрасный справочник по территориальному устройству РСФСР в рассматриваемый период, сильно облегчающий изучение советского периода истории Отечества.

Кроме того, в ней затронут важный аспект советского государственного строительства. Известно, что Советский Союз создавался как идеологическое государство, основным назначением которого была реализация коммунистической доктрины в общемировом масштабе. Этой главной задаче подчинялось подавляющее большинство решений советской власти в области социального устройства общества и формирования новой советской, коммунистической государственности. Региональное деление страны не могло при таком подходе руководствоваться принципами, действовавшими в Российской империи, которая представляла собой национальное государство русского народа.

Однако советское руководство выдвинуло не одну, а сразу две конфликтующие идеи территориального устройства: на основе национального фактора – создавая национально-государственные структуры, и на основе рационально-экономического подхода (последний, впрочем, был сдобрен идеологией – хотелось иметь пролетарские города в каждой территориальной единице). Оба подхода игнорировали не только друг друга, но и исторически сложившиеся связи между территориями России.

Что интересно – описанная Кругловым история наглядно демонстрирует, как во многих случаях теоретическим и идеологически мотивированным подходам к территориальному делению приходилось отступать перед реальностью. То, что хорошо выглядело на бумаге или в идеологических доктринах, оказывалось нежизнеспособно на практике. Автор, к примеру, показывает, как воздействие реальности на расчёты советских социальных прожектёров во многом привело к восстановлению исторически сложившихся территориальных единиц.

Примечательно (но в свете вышесказанного и ожидаемо), что советское руководство предпочитало жертвовать в первую очередь именно экономически-рациональным подходом, сохраняя национально-государственные образования даже ценой значительных материальных и иных затрат, и не изменило этой практике даже тогда, когда наличие подобных образований стало фактором обострения межнациональных отношений и конфликтов. При этом важно, что симптомы данной проблемы проявились довольно рано, и руководство страны располагало достаточным запасом времени и ресурсов для её решения. Однако по тем или иным причинам оно предпочло «подморозить» ситуацию, что больно сказалось в конце XX в.

Представляет большой интерес описание автором процесса изменения территориального устройства Российской Федерации после 1991 г. Конечно, в силу того, что круг доступных историку источников заметно меньше (особенно источников, проясняющих мотивационную часть принимаемых решений), этот раздел носит скорее описательный характер. В то же время это одно из первых, если не самое первое научное описание данной темы.

Важно отметить, что работа оставляет пространство для дальнейшей разработки вопросов организации территориального устройства РСФСР. Мож-

но отметить перспективные направления, например, сравнение её с другими союзными республиками. Хорошо известно, что в некоторых аспектах статус Российской Федерации отличался от статуса других республик (в отличие от Украинской и Белорусской, она не была представлена в ООН, в ней отсутствовали собственная компартия, ряд республиканских наркоматов/министерств, Академия наук и т.д.). Как эти отличия проявлялись в рассматриваемом аспекте? Интересно сравнить статус (номинальный и реальный) автономных республик в составе РСФСР с положением таких же субъектов в составе других союзных республик (Грузии, Азербайджана, Узбекистана).

Стоит более подробно рассмотреть некоторые территориальные перетасовки и/или смены статусов. Прежде всего привлекает внимание «карельский вопрос». Здесь мы имеем дело с уникальной ситуацией – выделением союзной республики из состава РСФСР и, позднее, обратным включением её в состав федерации. В качестве рекомендации выскажу предложение о том, что, создав обобщающую картину изменений АТД, следовало бы в дальнейшем сосредоточиться на изучении отдельных примеров состоявшихся и по тем или иным причинам неосуществлённых новаций на карте страны.

В советской системе неформальные связи и личные амбиции советских «вождей» играли не меньшую, а порой и бóльшую роль. Поэтому было бы интересно рассмотреть вопрос о личном влиянии видных деятелей советского государства на территориальное устройство страны как на концептуальном, так и на конкретном уровне. Известна личная роль Н.С. Хрущёва в крымском эпизоде, но кто предложил идею решения того же «карельского вопроса»? Автор уделил внимание роли Л.И. Брежнева в поддержании стабильности АТД в 1960–1970-х гг., в том же духе следовало бы исследовать и позиции других «вождей» и лидеров страны.

В целом монография В.Н. Круглова – заметное явление среди новых исследований, посвящённых советскому периоду. Книга весьма полезна как для преподавателей, учащихся и исследователей, так и для любителей отечественной истории, чему способствуют ясность изложения, чувство стиля и хороший литературный язык, которым она написана.

«Большой чертёж»: возвращаясь к проблеме авторства и времени возникновения генеральной карты Московского государства

Вячеслав Пестерев

Bol'shoy chertezh: returning to the problem of authorship and dating of the general map of the Tsardom of Muscovy

Vyacheslav Pesterev
(Kurgan State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722060115, **EDN**: MMRFMW

Одной из важных проблем истории русской картографии является «Большой чертёж» – гипотетическая карта XVI – начала XVII в., на момент создания охватывавшая всю территорию Московского государства. Сама эта карта уже к середине XVII в., по-видимому, была утрачена, оставив единственный материальный след – Книгу Большому чертежу (далее – Книга), позиционируемую как «роспись», т.е. вербальное переложение этого картографического произведения[1]. Проблема Большого чертежа носит комплексный характер, включая вопросы о целях и обстоятельствах его создания, об авторстве и датировке, о возможной форме и особенностях внешнего вида, о степени соответствия ему Книги, о его возможных источниках и причинах исчезновения.

Проблему авторства и времени появления Книги Большому чертежу можно считать в целом решённой. Документы дают основания считать её составителем подьячего Разрядного приказа 1610–1620-х гг. Афанасия Мезенцова (служил в Разрядном приказе в 1610–1620-х гг.). Косвенным указанием на авторство Мезенцова являются многочисленные пояснения по тексту Книги, демонстрирующие особую осведомлённость о территориях, близких к Курску (уроженцем которого он, судя по всему, был) и Белгороду (где он, возможно, какое-то время жил)[2]. Создание Книги, вероятно, относится к осени 1627 г. Сохранились две челобитные Мезенцова от сентября–октября 1627 г. о создании им «болшого чертежа» и о пожаловании кормом на время работы над «росписью всему чертежу... против старого чертежу»[3]. Это хорошо соотносится с информацией, содержащейся в прологе ряда списков Книги о том, что на замену ветхому чертежу разрядные дьяки «велели, примерясь к тому старому чертежу, в тое ж меру зделать новой чертеж всему Московскому государству по

© 2022 г. В.В. Пестерев

[1] Ещё одним картографическим источником Книги Большому чертежу считается несохранившийся «чертёж полю» (который иногда и ассоциируют с Большим чертежом).

[2] *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 327; Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, 2009. С. 185; Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 64–65, 69, 77, 102, 104, 109–110, 114–115.

[3] РГАДА, ф. 210, оп. 14, стб. 80, л. 5, 7; *Урановсов А.А.* К истории составления «Книги Большому чертежу» // Вопросы истории естествознания и техники. 1957. № 4. С. 190; *Кусов В.С.* Московское государство XVI – начала XVIII века. М., 2007. С. 7–8.

все окресные государства». Старый чертёж, как отмечается в заключительной части Книги, «уцелел от пожару»[4]. Предположение К.Н. Сербиной, не знавшей об этих челобитных и опиравшейся лишь на датировку в заглавии, о возникновении Книги в 1627 г. можно считать подтверждённым[5].

Однако вопрос о времени появления «старого чертежа» (ветхой версии Большого чертежа) остаётся открытым. Под влиянием В.Н. Татищева распространилось представление о создании сводной карты всего Московского государства в 1552 г. вследствие указа Ивана IV «землю измерить и чертёж государства сделать»[6]. По предположению Сербиной, именно Татищеву принадлежат дополнения в одном из списков Книги первой половины XVIII в. о создании «Большого чертежа всему Русскому государству... в давних годех» и последующей переписке его и пополнении «при царе Иоанне Васильевиче»[7]. Сходную позицию занял Б.А. Рыбаков, возводивший картографические истоки Большого чертежа (эту карту он датировал 1590-ми гг.) к гипотетическому «старому московскому чертежу 1497 года»[8]. Анализ историко-географических данных, содержащихся в Книге, давал исследователям возможность датировать отдельные части несохранившегося чертежа в широком хронологическом диапазоне – с конца XV до начала 1610-х гг.[9] Если учесть, что информационную основу «старого чертежа», вероятнее всего, составляли дорожники, восходившие к разному времени, то в хронологической «лоскутности» содержания Книги нет ничего странного. Стоит отметить, что использование как датирующего признака времени возникновения (существования) упомянутых в ней тех или иных населённых пунктов, не является методологически безупречным. Например, упоминание в Книге Лозьвинского городка, основанного в 1596 г. и уничтоженного в 1598 г., часто приводимое в качестве хронологической привязки «старого чертежа», всего лишь указывает на возможную датировку дорожника, использовавшегося при создании или актуализации чертежа. Многие из попавших в текст Книги топонимов впервые фиксируются источниками именно в ней. Поэтому верхняя хронологическая граница создания «старого чертежа» (даже если учитывать возможность периодически актуализируемой карты) ограничивается только временем написания самой Книги. Соответственно, существенный временной зазор между «старым чертежом» и его описанием практически исчезает. Любая информация о ведении чертёжных работ в отношении всего Московского государства в первые два десятилетия XVII в. потенциально может быть указанием на создание этой утраченной карты.

Декабрём 1619 г. датирован документ о выплате жалованья «чертещикам, что чертили в Розряде чертежи Московского государства... Офонасью Мезенцову да Федору Наквасину». Это упоминание может являться искомым свидетельством о создании «старого чертежа», однако доводы в пользу этой версии

---

[4] Книга Большому чертежу. С. 49, 174.

[5] Там же. С. 4.

[6] *Татищев В.Н.* История Российская. Кн. 1. Ч. 2. М., 1769. С. 506. Следует отметить, что сам Татищев об этом говорит со ссылкой на слова митрополита Макария и даже замечает, что упомянутый чертёж может являться самой Книгой Большому чертежу.

[7] Книга Большому чертежу. С. 24–25.

[8] *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974. С. 41, 55.

[9] *Резун Д.Я.* Эволюция понятий «город» и «острог» в приказном делопроизводстве XVII века // Вопросы истории. 1979. № 10. С. 172; *Огородников Е.К.* Мурманский и Терский берега по «Книге Большого чертежа». СПб., 1869. С. 664.

весьма скромны. Тем не менее это самый ранний известный факт о ведении в России коллективной картографической работы. Стоит отметить и солидный для такой деятельности размер вознаграждения – по 5 руб. человеку – намного больше близких по хронологии случаев оплаты картографического труда. Посланный в тот же год в Севский острожек «для городового чертежу» знаменщик Пётр Тепловский получил «в приказ» 1 руб.[10] Упоминание в расписке именно «чертежей» может соответствовать «старому чертежу» и каким-то планам дорог и поля, аналогичных «чертежу поля» 1626/27 г., скорее всего не переживших пожар 1626 г. В пользу этого предположения работает и отчётливо прослеживаемая связь Книги, а через неё и «старого чертежа», с Разрядным приказом.

Однако возможных возражений против этой версии гораздо больше. Наиболее серьёзное из них – явное противопоставление в Книге «старого чертежа» («ветхого»), сделанного «давно, при прежних государях», и «нового», выполненного по распоряжению дьяков Разрядного приказа. Однако, как уже отмечалось, часть имевшейся в чертеже информации по всем признакам была не старше четверти столетия. К тому же обозначение этого чертежа как «старого» можно считать лишь идентифицирующим средством для отличия от «нового» 1627 г. и это совсем не обязательно указывает на его возраст. Суждение из вводной части Книги о том, что «зделан был тот чертеж давно, при прежних государях», датирующим потенциалом не обладает, оно лишь показывает отсутствие информации о времени его создания (как в подобных случаях позже писали в Разрядном приказе, «а которого году, того на нем не подписано»)[11]. Нарочитое подчёркивание плачевного состояния «старого чертежа» («и тот старои чертеж ветх, впредь по нем урочищ смотрить не мочно, избился весь и розвалился») находит ничтожно мало подтверждений в самом тексте Книги. При скрупулёзности, с которой Мезенцов подошёл к исполнению своей задачи (порча надписей или их отсутствие на «старом чертеже» всегда сопровождались комментариями автора), на весь текст нашлось единственное указание на невозможность восстановления фрагмента чертежа из-за его дефектности: «А Дуны реки, и городов Болгарских, и около Черного моря берегом описать было не мочно; в старом чертеже испорчено и ветхо». Даже если принимать во внимание фразу пролога, что «против старово чертежу, что в чертеже цело, новои чертеж зделан»[12], и интерпретировать её в том смысле, что все испорченные или неполные фрагменты исключили из новой версии (и, следовательно, из Книги), общий уровень сохранности «старого чертежа» всё равно оказывается удовлетворительным. Бросающиеся в глаза «бреши» в нём отсутствуют. Неравноценность в детальности описания тех или иных его частей можно объяснить разной степенью генерализации описания местности в использованных для создания этой карты дорожниках, а также «разномасштабностью» данных «старого чертежа» и «старой розрядной росписи», положенных в основу Книги.

С другой стороны, если исходить из моего предположения о создании «старого чертежа» в 1619 г., степень его ветхости должна найти объяснение. Может ли им служить факт восьмилетнего хранения и, вероятнее всего, активного использования документа в административной практике? Интересную статистику

---

[10] РГАДА, ф. 210, оп. 14, стб. 2, л. 179, 473–474.

[11] *Гоздаво-Голомбиевский А.А.* Опись чертежей, хранившихся в Разряде во второй половине XVII века // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6. М., 1889. С. 15.

[12] Книга Большому чертежу. С. 49, 50, 95, 96, 113, 156, 159, 161, 169.

в этом отношении дают описи чертежей, хранившихся в Разрядном приказе в 1668 г. Для датированных и получивших характеристику физического состояния документов прямой зависимости степени сохранности от срока их хранения не прослеживается. Отдельные физические дефекты («подран во многих местех», «изодран и мыши поели», «с одного краю отодрано») фиксируются уже у чертежей, хранившихся в приказе всего 16 лет. Общее посредственное состояние («ветох», «весь ветох», «ветох гораздо и изодран», «ветох и во многих местех подран») отмечено для чертежей, хранившихся 24 года и более. Следует иметь в виду невысокую репрезентативность выборки – всего 13 чертежей из 231 (многие другие либо только датированы, либо охарактеризованы физически). Можно предположить, что основным фактором быстрого износа чертежей являлся не возраст, а активность практического использования.

Первыми в описи Разряда указаны два чертежа, которые с осторожностью можно отождествить с «чертежом полю» и «новым чертежом», созданными Мезенцовым в 1627 г. Первый из них датирован: «Зделан в Розряде во 135-м году» и имел подпись: «Чертеж полским городом и полю». Второй обозначен составителем описи как «чертеж Московского государства городов и степи до Азовского моря», не датирован и не подписан. При допущении, что это и есть «новый чертёж», полностью повторяющий «старый», по всей видимости, не имевший заглавия, то так и должно быть. Несмотря на их предположительно одинаковый возраст и схожие условия для физической сохранности (оба чертежа «наклеены на полотне»), составитель описи только для второго указал, что он «ветох». Теоретически это мог быть и сам «старый чертёж», но вероятность этого ничтожна. Таким образом, для активно использующегося документа, к каковым по всем соображениям принадлежал «старый чертёж», можно считать вполне вероятным довольно быстрый износ, тем более что некоторые моменты его «биографии» («уцелел от пожару»)[13] могли оставить свой след на его физическом состоянии.

Ещё одним возражением против версии о создании «старого чертежа» в 1619 г. является отсутствие указаний в тексте Книги как на факт принадлежности обоих чертежей – «старого» и «нового» – одному автору, А. Мезенцову, так и на относительно небольшой хронологический разрыв между ними. Напротив, там прямо говорится, что «сыскан в Розряде старои чертеж всему Московскому государству», который «зделан... давно, при прежних государех»[14]. Основательность этого возражения зависит от точки зрения о составе Книги.

Первой проблемой является невозможность однозначного соотнесения находящегося в заглавии Книги самого Большого чертежа с какой-либо из двух карт, упоминаемых в прологе и заключении «первоначальной, или основной редакции» (по Сербиной). Интересно, что при всём внимании к Книге в историографии, данный вопрос не был даже поставлен. Наиболее ранняя и представительная часть историографической традиции прямо или контекстуально отождествляла Большой чертёж со «старым чертежом всему Московскому государству»[15]. Другие исследователи столь же уверенно ассоциировали его с «чер-

---

[13] В «Переписи делам, вынесенным из Разряда в пожар 1626 года», картографический материал не указан, хотя упоминаются «две росписи дорогам и полю», которые «деланы против чертежей» (*Лихачёв Н.П.* Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. Приложение IV. С. 44).

[14] Книга Большому чертежу. С. 49.

[15] *Татищев В.Н.* Указ. соч. С. 506; *Языков Д.И.* Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в Разряде и списанная в книгу 1627 года. СПб., 1838. С. VII–VIII,

тежом полю»[16]. В единичных случаях историки пытались уйти от данной дилеммы, считая Большой чертёж либо объединённым атласом путевых чертежей[17], либо обозначением пределов Московского государства вне прямой связи с картографической репрезентацией[18].

Если не брать во внимание историографическую разноголосицу в идентификации Большого чертежа, а опираться исключительно на данные источников, картина получается противоречивой. В тексте «первоначальной, или основной редакции» Книги (по Сербиной) словосочетание «большой чертёж» упоминается дважды. Первый раз в общем заглавии («Книга Большому чертежу, что зделан в Розряде новои чертеж всему Московскому государству городом, и полю, и рекам, и всяким полевым именным урочищам 135-го году»), второй – в заключительной части при определении меры вёрстам («А зделан чертеж, примеряясь к верстам, в какову меру версты положены в старом чертеже; положена мера верстам, в которую меру делан чертеж большой»)[19]. В обоих случаях здесь, скорее всего, подразумевается именно «чертёж полю». В заглавии акцент сделан именно на «поле» и «полевых урочищах». К тому же датирование Большого чертежа 7135 (1626/27) г. хорошо согласуется с датировкой хранившегося в Разряде чертежа «полским городом и полю», сделанным «в Розряде во 135-м году» и обозначенным составителем описи 1668 г. как «чертеж болшой»[20]. В заключительной же части Книги явно описываются два чертежа, один из которых («новый чертеж» всему Московскому государству) заимствует меру вёрстам из «старого», а для второго – «большого чертежа» (он же по контексту определяется как «чертеж полю») – определяется новая мера вёрстам, поскольку он создавался не на базе уже имевшейся карты, а на основе «старой розрядной росписи». Таким образом, отождествление Большого чертежа и «чертежа полю» выглядит, на первый взгляд, вполне обоснованным.

Однако есть несколько деталей, плохо вписывающихся в эту картину и дающих основания для иной идентификации. Впервые понятие «Большой чертёж» появилось в челобитной автора новой версии «старого чертежа» и самой Книги А. Мезенцова: «По твоему, государь, указу в нынешнем во 136-м году сентября в 12 день в Разряде я, холоп твой, болшой чертеж зделал и мне, холопу твоему, в Разряде твои государевы дьяки велели чертежем, что я, холоп твой, зделал против старого чертежу морю, и рекам, и городам, зделати роспись и по росписи чертежи справить»[21]. При всей туманности данного пассажа, с его помощью

XIII; Книга, глаголемая Большой чертёж, изданная по поручению Императорского Общества истории и древностей российских действительным членом общества Г.И. Спасским. М., 1846. С. VIII–IX; *Петрунь Ф.Е.* К вопросу об источниках «Большого чертежа» // Журнал научно-исследовательских кафедр в Одессе. 1924. Т. 1 (1923/4). № 7. С. 37–43; *Шибанов Ф.А.* «Большой чертеж», или Первая оригинальная русская карта Московского государства // Вестник ЛГУ. 1947. № 5. С. 99–102; *Лебедев Д.М.* Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. М., 1956. С. 207; *Барандеев А.В.* «Книга Большому чертежу» (к 370-летию памятника) // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 159–160.

[16] Книга Большому чертежу; *Иванов Б.П.* Русский картограф XVII века // Труды географического факультета Харьковского государственного университета имени А.М. Горького. 1958. № 4; *Кусов В.С.* Памятники отечественной картографии. М., 2003. С. 8.

[17] *Полевой Б.П.* Сибирская картография XVII в. и проблема Большого чертежа // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. М., 1976. С. 217–220.

[18] *Пестерев В.В.* К вопросу о степени развития русской картографии в XVI–XVII веках // Вестник Курганского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2006. № 3(7). С. 73–74.

[19] Книга Большому чертежу. С. 49, 174.

[20] *Гоздаво-Голомбиевский А.А.* Указ. соч. С. 15.

[21] РГАДА, ф. 210, оп. 14, стб. 80, л. 5.

можно выявить отчётливую связь Большого чертежа со «старым» всему Московскому государству. И, самое главное, становится понятна точная дата его создания – 12 сентября 1627 г., что никак не совпадает с датировкой «чертежа полю» 1626/27 г. Общее содержание Книги также намекает, что её заглавие имеет отношение именно к территории всего Московского государства, а не к отдельной его части. Особенный интерес в этой связи представляет список № 1330, текст которого, помимо прочих особенностей, имеет отличие от других сохранившихся списков Книги – двойное заглавие, одно из которых предваряет вступительную часть, а другое предшествует основному содержанию («Книга Большому чертежу, что зделан чертеж Московскому государству по все окрестныя государства 136-го году»)[22]. Здесь Большой чертёж явно ассоциируется с «новым чертежом» всему Московскому государству и даётся правильная его датировка. Ещё одним доводом в пользу такой идентификации является то, что все отсылки на внешние источники информации в основном содержании Книги делаются исключительно на «старый чертеж» и «старую роспись», следовательно, сам по себе «чертеж полю» вообще не использовался составителем и едва ли мог претендовать на то, чтобы эта книга была названа в его честь.

Наличие взаимоисключающих противоречий в трактовке Большого чертежа в основном содержании Книги позволяет поставить вопрос о пересмотре представлений о её составе и хронологии появления составляющих её частей.

Текст Книги композиционно разделяется на три раздела – введение, основную часть и заключение. Если основная часть этого произведения довольно стабильна (не считая имеющихся в ряде списков незначительных изменений, изъятий и дополнений, а также стоящего несколько особняком списка № 1330), то вводная и заключительная – в большинстве сохранившихся списков отсутствуют или значительно отличаются друг от друга. Особенно показательно отсутствие введения и наличие усечённого заключения в списках так называемой сокращённой редакции, напрямую связанных с Разрядным приказом и, по-видимому, использовавшихся для «государевой службы посылок». Только магией представления о полноте источника можно объяснить, почему Сербина, вопреки ею же замеченной несогласованности предисловия с текстом (например, в описании границ Московского государства в Сибири), при создании классификации списков Книги именно наличие введения и полного заключения сделала главным критерием близости к протографу[23].

Из проанализированных Сербиной 38 известных списков Книги, 26 самых ранних относятся ко второй половине XVII в. Из последних основная масса приходится на 1670–1680-е гг. Самые старшие датируются первой половиной – серединой 1660-х гг. Столь взрывной характер распространения в списках Книги, созданной ещё в 1627 г., требует объяснения. Предположу, что главной причиной этого послужило композиционное усложнение Книги. Имевший до этого сугубо прикладной и служебный характер, текст её основного содержания, обзаведшись признаками настоящего произведения – вводной и заключительной частями – был выведен в круг читаемой литературы, получив известность и распространение. В качестве контрпримера назову «Поверстную книгу», источник и по времени появления (1630-е гг.), и по назначению (служебная книга Ямского приказа), и по содержанию (перечень расстояний в вёрстах от Москвы до других

[22] Книга Большому чертежу. С. 55.

[23] Там же. С. 4, 7–8.

городов Московского государства, а также соседних городов друг от друга) весьма близкий к Книге[24]. Отсутствие полноценного введения так и не сделало её столь же известной и распространённой, как Книга Большому чертежу. Если она и вызывала интерес, выходящий за рамки узкой служебной функции, то лишь на волне интереса к последней и часто просто в качестве приложения к ней.

Отчётливое представление о месте и времени композиционного усложнения Книги, равно как и о его мотивах, отсутствует. Гипотетически эту метаморфозу можно отнести к середине XVII в. Одним из возможных ориентиров для хронологической привязки вводной части Книги является наличие в первой же её фразе анахроничной формы титула – государь «всеа Росии»[25]. В таком виде он начинает встречаться не ранее начала 1650-х гг.[26] Ни в одном из известных мне случаев титулования царя Михаила Фёдоровича такой формы нет, используется исключительно оборот «всеа Руси(и)»[27]. Более конкретная хронологическая привязка переработки состава Книги невозможна без понимания её мотивов и определения вероятного исполнителя (заказчика).

Источник переработки изначального текста Книги (в рамках моей позиции – это основное её содержание, без вводной и заключительной частей) нужно искать в Разрядном приказе. Общий посыл пролога с упоминанием о нахождении «старого чертежа» именно в Разряде, а также особое подчёркивание роли приказных дьяков, по «велению» которых была проделана столь внушительная работа, должны свидетельствовать об «официальном» характере данного вторжения в композицию Книги. Если рассматривать самую многочисленную и максимально приближённую по характеру к официальным (служебным) группу списков Книги («сокращённой» редакции по Сербиной) в качестве наиболее близкой к её протографу, то любые связанные с Разрядным приказом её редакции с более сложным композиционным построением потенциально могут рассматриваться как начальный этап перерастания служебного текста в служебно-литературный. Из всех выявленных Сербиной редакций наиболее подходящей на эту роль следует считать так называемую Литвиновскую. Со списками «сокращённой» редакции её роднит отсутствие заключения с масштабами чертежей, а отличает наличие заглавия («Книга Московского государства окрестным всем градом описание»)[28] и небольшого пролога с общей характеристикой содержания и хронологической привязкой к 7172 (1663/64) г.[29] По предположению Сербиной, автором её был Богдан Литвинов, подьячий Разрядного приказа в 1626–1664 гг.[30]

«Литвиновскую» редакцию можно считать лишь первой (или одной из первых) известной нам попыткой композиционной переработки текста Кни-

---

[24] *Лаппо-Данилевский А.С.* Повёрстная и Указная книги Ямского приказа. СПб., 1890.

[25] Книга Большому чертежу. С. 49.

[26] *Клосс Б.М.* О происхождении названия «Россия». М., 2012. С. 111–123.

[27] Слово «Росии» не отмечено Сербиной в числе варьирующихся в разных списках Книги, и, по-видимому, является стандартной формой для всех списков, имеющих данный вид пролога (и едва ли данный факт можно объяснить модернизацией титулатуры при создании списков-копий). Впрочем, в фотовоспроизведении первого листа списка № 1330, несмотря на все признаки его позднего происхождения, отчётливо читается «всеа Русии» (Книга Большому чертежу. С. 53; *Старостин И.И.* О рукописи «Книга Большого чертежа» № 1330 // Вопросы географии. Сб. 17. История географических знаний. М., 1950. С. 227–230).

[28] Книга, глаголемая... С. 5.

[29] Там же. С. 6.

[30] Книга Большому чертежу. С. 11.

ги Большому чертежу и, в лучшем случае, лишь образцом для последующих опытов. Интересующий нас более распространённый вид пролога (из «основной» редакции по Сербиной), затрагивающий историю появления самой Книги, появляется, вероятно, примерно в то же время и в стенах того же Разрядного приказа. Его наиболее вероятным автором (или, по крайней мере, заказчиком) может рассматриваться Дементий Минич Башмаков, думный дьяк Разрядного приказа (1664–1669, 1676 гг.)[31]. Согласно А.А. Гоздаво-Голомбиевскому, именно Башмаков стал инициатором масштабной работы по наведению порядка в архиве Разрядного приказа, когда «дела “собирались в розни”, “мелочь и чернота всякая” связывались в связки, разбитые дела переклеивались в столпы», что, видимо, стало образцом для проведения подобных мероприятий и в архивах других приказов[32]. В ходе этой работы были созданы описи хранящихся в Разряде документов, в том числе и чертежей. Именно эта деятельность могла подтолкнуть Башмакова к дополнению служебного текста Книги литературно-археографическим обрамлением в форме пролога и заключительной части.

Опись чертежам Разряда 1668 г. начинается с двух описаний: «Чертеж полским городом и полю; зделан в Розряде во 135-м году» и «Чертеж Московского государства городов и степи до Азовского моря». В историографии они ассоциируются с «чертежом полю» и новой версией «старого чертежа»[33]. Представляется, что в таком же качестве их воспринимал и сам Башмаков. Причём «чертеж полю» на него оказал более сильное впечатление, нежели второй: его описали первым и более подробно, а с точки зрения размера он охарактеризован как «большой». Можно предположить, что эта, оказавшаяся ошибочной установка и повлияла на явный акцент в заглавии и прологе Книги на «чертеже полю», выступившему там, по сути, на правах самого Большого чертежа.

Атрибуция пролога Книги Башмакову даёт возможность прояснить ещё одну загадочную деталь. В его тексте находится подробное описание пределов «старого» (и основанного на нём «нового») чертежа, которое вполне можно было бы счесть рубрикацией к основному содержанию Книги, если бы оно хоть как-то с ним коррелировало. В отличие от хаотичной последовательности разделов Книги, описание «старого чертежа» в прологе следует вполне отчётливому порядку: начинается с крайней северо-западной точки («от Студеного моря з западные стороны, от усть реки Тенуя») на восток («по Енисею реку»); далее происходит возврат в изначальную точку («от верху реки Тенуя») с описанием движения на юг («до Черного моря»); затем возвращение к северо-восточным пределам («от реки Таза и от реки Оби вверх») с последующим движением в южном направлении («Бухарские и Юргенские городы»); далее описываются (уже не столь последовательно) южные территории от «реки Яика» до «Иверской Грузинской земли и до Кизылбаш»[34]. Складывается впечатление, что описание это основано не на тексте самой Книги (здесь наблюдается масса нестыковок), а на считывании информации с реальной карты. Это вполне мог быть тот самый «чертеж Московского государства городов и степи до Азовского моря», принятый Башмаковым за «чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства». Физическое состояние этого чертежа (согласно описи 1668 г., он был уже «ветох») могло в какой-то степени повлиять на подчёркивание неудов-

[31] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 45.

[32] *Гоздаво-Голомбиевский А.А.* Указ. соч. С. 8–9.

[33] Там же. С. 12.

[34] Книга Большому чертежу. С. 50.

летворительного состояния «старого чертежа», что не вполне соответствовало действительному его виду на момент создания новой версии в 1627 г. Впрочем, описывая «старый чертёж», вероятно ещё какое-то время хранившийся в Разряде, Башмаков мог опираться на рассказы старых сотрудников приказа.

Эти два чертежа описи 1668 г., скорее всего, стали источником для написания заключительной части Книги в форме приведения заимствованных из них таблиц масштабов («мер верстам»). Сам по себе текст, никогда не сопровождавшийся картографическим материалом, в масштабах не нуждался, в его составе они выглядят инородно и немотивированно. Мера вёрстам «старого чертежа» вскользь упоминается в основном тексте Книги лишь однажды[35]. Не случайно служебные списки Книги («сокращённой» редакции Сербиной), как правило, не имели ни пролога, ни меры вёрстам. Проникновение расширенного состава Книги (с прологом и полной заключительной частью) в число официальных разрядных списков (это почти все списки «первоначальной», или «основной» редакции Сербиной) только в 1670–1680-х гг. также можно связать с деятельностью Башмакова.

Также обращает на себя внимание, что автор пролога, явно стремившийся прояснить историю создания этого документа, так и не нашёл повода упомянуть о конкретном исполнителе новой версии Большого чертежа, а также «чертёжной росписи» к нему – А. Мезенцове. Скорее всего, Башмаков не знал о нём как о создателе Книги (вообще конкретные обстоятельства создания «нового чертежа», «чертежа полю», равно как и самой Книги во вводной и заключительной её частях выглядят неопределённо; вся присутствующая там конкретная информация либо заимствована из текста самой Книги, либо взята из описания хранившихся в Разрядном приказе чертежей и других доступных Башмакову документов). В описи 1668 г. также никак не оговорено стилевое единство двух упомянутых чертежей, что должно было обратить на себя внимание при допущении, что их создал в одно время один автор. Косвенно это может свидетельствовать либо о том, что второй чертёж («Московского государства городов и степи до Азовского моря») не тождествен новой версии «старого чертежа» 1627 г., либо о том, что авторству Мезенцова не принадлежал «чертёж полю»[36], либо о том и другом одновременно. Таким образом, новый взгляд на состав Книги не позволяет считать обоснованными соображения об отсутствии в её тексте сведений об авторстве и датировке «старого чертежа» как аргументе в пользу его особой древности.

Теоретическая возможность отнесения времени создания «старого чертежа» к 1619 г. мало что говорит о нём самом, его внешнем виде и картографическом первоисточнике. Вопрос о внешних характеристиках «старого чертежа» (он же «Большой чертёж», если рассматривать «старый» и «новый» варианты этой карты в качестве тождественных по форме) до сих пор не решён даже в первом приближении. Диапазон предлагавшихся трактовок широк и простирается от радикально скептической позиции и отрицания картографической природы этого документа[37] до идеи о Большом чертеже как об атласе или «чертёжной

---

[35] Там же. С. 68.

[36] Атрибуция Мезенцову «чертежа полю» хотя и весьма вероятна, но не бесспорна. В основном содержании Книги этот чертёж в числе источников не упоминается. Нет убедительных отсылок к нему и в челобитных Мезенцова.

[37] *Пестерев В.В.* К вопросу о степени... С. 73–74.

книге» – комплексе последовательно связанных маршрутных карт[38]. В обоих случаях волю фантазии дало отсутствие самого чертежа – как в его ветхой ипостаси, так и в новом варианте 1627 г. Представляется, однако, что ситуация не столь безнадёжна, и определённые основания для самых общих соображений относительно внешней формы Большого чертежа всё же имеются.

Представления исследователей о Большом чертеже изначально основывались на предполагаемом его виде как одной большой карты. К этому подталкивали и сложившиеся представления о генеральных картах того периода, и фиксация описью 1668 г. двух чертежей, ассоциирующихся большинством исследователей с упоминаемыми в Книге «чертежом полю» и «чертежом всему Московскому государству». Попытки воссоздать их по данным Книги успехом не увенчались, но сама по себе возможность этого сомнению не подвергалась.

Принципиально новый взгляд на форму «старого чертежа» предложил Б.П. Полевой. Он предположил, что Большой чертёж представлял собой не одну большую настенную карту, а небольшого размера общий сводный план, дополненный серией подробных путевых чертежей-«прилогов», которые оформлены в виде «чертёжной книги». Книга в этом случае отражала не столько малоинформативный сводный чертёж, сколько «содержание дополнительной чертёжной книги, составленной в основном из подробных “чертежей с урочищи”». Главным доводом в пользу данной версии стала аналогия с «Хорографической чертёжной книгой» С.У. Ремезова рубежа XVII–XVIII вв., композиция которой – «общий сводный чертёж + серия подробных путевых чертежей», – по мнению Полевого, характерна не только для сибирской картографии второй половины XVII в., но и в целом для московской картографической традиции предшествующего периода[39]. Были представлены и аргументы, связанные с самой Книгой и историей её появления. Так, «чертеж полским городом и полю» описи 1668 г. трактуется Полевым как сводный чертёж к атласу из двух чертёжных книг. Таблицы масштабов («меры верстам») Книги, приводившие исследователей к выводам о «гигантских» размерах чертежей, по мнению Полевого, никакого отношения к самим сводным чертежам не имели, а всего лишь характеризовали масштаб «чертежей с урочищами» чертёжных книг. Курьёзную ошибку с «Котлиным озером» и текущей в обратном направлении Невой в тексте Книги Полевой склонен объяснять особенностями работы с частными чертежами, не отражающими общих характеристик описываемой территории. Фраза об изготовлении «чертёжной книги» из челобитной Мезенцова, которую в историографии трактовали как указание на создание самой Книги, в версии Полевого стала свидетельством о работе над картографическим атласом[40].

Подкупающая нетривиальностью и внешней убедительностью, данная интерпретация проблемы Большого чертежа едва ли может быть признана обоснованной. Сам по себе принцип создания многолистных картографических произведений, где к общему сводному прилагалась бы книга частных чертежей, не доказан не только для чертежей Сибири П.И. Годунова и Н.Г. Спафария, но и для самой «Хорографической книги» С.У. Ремезова. Теоретически возможная трактовка Большого чертежа в качестве картографического комплекта, состоящего из сводного чертежа и чертёжной книги (атласа), не нашла в построениях

[38] *Полевой Б.П.* Указ. соч. С. 217–220.
[39] Там же. С. 213–217.
[40] Там же. С. 219–220.

Полевого аргументированной поддержки[41]. Самые сильные его доводы либо имеют альтернативные объяснения, либо приводят к ещё большей путанице. Попытка выдать за собрание чертежей «чертежную книгу» из челобитной Мезенцова от октября 1627 г. (якобы «так в старину называли только атласы»)[42] вступает в непреодолимые противоречия с содержанием предыдущей его челобитной от сентября того же года, где он отчитывается об изготовлении им «болшого чертежа» и о повелении разрядных дьяков «зделати роспись» чертежам, созданным «против старого чертежу морю, и рекам, и городам» с последующей задачей эти чертежи по росписи «справить»[43]. По контексту челобитной все основные картографические работы к середине сентября были выполнены (в том числе «болшой чертёж» и некие работы «против старого чертежу»). Дальнейшая задача Мезенцова состояла лишь в создании «росписи» и исправлении по ней созданных им карт. Никакой другой предстоящей масштабной картографической работы эти документы не отражают. Соответственно, и в упомянутой в первой челобитной «росписи всему чертежу» естественнее всего видеть «чертёжную книгу» второй челобитной (скорее всего, какой-то ранний вариант основного содержания Книги).

Не кажется убедительной и трактовка Б.П. Полевым «Чертежа полским городом и полю» 1626/27 г. (по Разрядной описи 1668 г.) как сводного чертежа к предполагаемым чертёжным книгам, содержание которых и отражено в Книге[44]. Ни по заглавию (намекающему на отношение исключительно к территории южной России), ни по датировке («болшой чертёж» из челобитной Мезенцова был закончен только в следующем, 1627/28 г.), ни по размеру (в описи он охарактеризован как «болшой»), эта карта не подходит на роль небольшого сводного чертежа. Ошибка автора Книги в определении части Финского залива как озера и направления течения Невы легко объясняется наличием в этом месте чертёжной рамки или картуша. При работе с большим количеством маршрутных чертежей подобных ошибок могло быть больше.

Не ставя целью всесторонней и полноценной критики концепции Полевого, отмечу, что наблюдения над текстом Книги не позволяют видеть в нём работу с атласом. Росписи отдельных дорог и рек мало сопоставимы друг с другом как по объёму содержащейся в них информации, так и по протяжённости охватываемой территории. Вместе с тем при наличии стандартной сетки масштабов для каждого из атласов (если учитывать идею Полевого о наличии двух разномасштабных чертёжных книг – «полю» и «всему Московскому государству») отдельные чертежи должны были иметь сопоставимые по охватываемой территории объёмы. Если же рассматривать структуру этих гипотетических атласов как более дробную (когда каждая дорога или река разбивалась на многие крупномасштабные «чертежи с урочищи»), текст росписей их неизбежно оставил бы в себе следы постоянных переходов описания с одного листа на другой. Однако признаков такого рода текст Книги не обнаруживает. То, что она описывает не только Московское государство, но и прилегающие соседние государства, является признаком передачи содержания единой карты, где прямоугольный план волей-неволей задавал пределы описываемой территории.

---

[41] Там же. С. 214–217.

[42] Там же. С. 220.

[43] РГАДА, ф. 210, оп. 14, стб. 80, л. 5.

[44] *Полевой Б.П.* Указ. соч. С. 223–224.

По предположению Полевого, таблицы масштабов Книги отражали «меру верстам» не сводных чертежей, а самих атласов. При этом диапазон приводимых в росписи «чертежа Московского государства» расстояний составляет от 5 до 1350 вёрст. Если для примера опираться на «меру верстам» из списка Книги № 1330, то расстояние в 10 вёрст на чертеже должно было занимать длину приблизительно в 7,5 мм, а расстояние в 1350 вёрст — более метра. Гораздо чаще встречающиеся в Книге расстояния в 600—700 вёрст также выходят за пределы обычных форматов использовавшейся тогда бумаги. Кроме того, далеко не всегда указание этих расстояний в тексте Книги кажется мотивированным, так что дополнительная работа по складыванию расстояний, вымеренных на нескольких листах атласа, представляется сомнительным занятием. Создание атласа, пусть даже в виде копирования — очень сложная и длительная работа (С.У. Ремезов потратил на составление своих атласов многие годы). Никакой информации о ней документы Разряда не сохранили. Если «старый чертёж» Книги также представлял собой атлас, то почему столь заметный документ не упомянули при учёте спасённых при пожаре бумаг Разряда? С традиционно представляемым чертежом это могло случиться с большей долей вероятности. Таким образом, ввиду недостаточной аргументированности альтернативных версий о форме Большого чертежа, кажется более обоснованной традиционная историографическая позиция, рассматривающая его как одну большую карту.

Размеры этой карты едва ли могут быть точно реконструированы. Единственная серьёзная зацепка — «меры верстам» Книги — не имеют убедительной связи с интересующими нас чертежами и сильно отличаются друг от друга в разных списках. Даже если основываться на минимально различимом расстоянии (для «старого чертежа» это примерно 5 вёрст) и брать его за точку отсчёта при определении масштаба, более или менее линейно точным будет лишь отображение пространств в рамках отдельно взятой дороги, береговой линии или реки. Не связанные последовательными цепочками расстояний территории междуречий и другие земли, по каким-то причинам выпавшие из рассмотрения «старого чертежа», в площадном отношении неизбежно сильно искажались, что не позволяет вычислить настоящие размеры Большого чертежа.

Особый интерес представляет вопрос об ориентации «старого чертежа». Между тем ответ на него способен пролить свет не только на внешний вид Большого чертежа, но и на источники его происхождения. Одним из возможных путей определения его ориентации может стать анализ его повреждений. Текст Книги фиксирует очень мало дефектных мест, а те, что имелись, располагались довольно специфично. Самым повреждённым оказался юго-западный угол («А Дуны реки, и городов Болгарских, и около Черного моря берегом описать было не мочно; в старом чертеже испорчено и ветхо»), а также близкий к нему западный край карты («А ниже Тубарчи 20 верст в старом чертеже подпись свалилась»). Похожий дефект имелся и на противоположном юго-восточном углу чертежа («А на горе Карабасу город, а подпись тому городу в старом чертеже изпортилась, не знать»)[45]. При этом центральная часть «старого чертежа» таких повреждений не демонстрирует. Это может указывать на то, что хранили его не в сложенном виде (иначе повреждения материала на сгибах неизбежно привели бы к соответствующим дефектам чертёжных подписей), а прибитым на скалу (как и «чертеж полю» 1626/27 г.). И в этом случае повреждения юго-западного

[45] Книга Большому чертежу. С. 95, 113.

и юго-восточного углов чертежа могут быть как следствием естественного износа самого незащищённого нижнего края карты, ориентированной на север, так и результатом неаккуратного снятия со скала карты, ориентированной на юг.

В самом тексте Книги явных привязок к границам карты нет. Обильно используя ориентационную лексику – «ниже», «выше», «под», «над», «сверху», «снизу», «слева», «справа», «на полдень», «на полночь», «к западу», «с востока» – её автору удалось ни разу не выйти за рамки избранной им точки отсчёта – течения реки или выбранного изначально направления в перечислении географических объектов. Тем не менее одну очень важную оговорку автор всё же допустил при описании течения Оби: «Река Обь Великая... течет от Бухарскои земли *с правые стороны* (курсив мой. – *В.П.*)». Любопытно, что это же место в списке № 1330 Книги имеет чтение «с восточнои стороны»[46]. Действительно, истоки Оби и Катуни именно с северо-восточной стороны прилегают к среднеазиатскому региону, но говорить об этом как «с правой стороны» можно только в случае, если карта ориентирована на север. Надёжность этого вывода снижается единичностью аргумента, наличием разночтений в списках, а также стилистической спецификой окружающего этот фрагмент текста. Однако по совокупности доводов предположение о северной ориентации Большого чертежа кажется наиболее вероятным.

Вышеизложенное позволяет найти путь к решению вопроса об источниках Большого чертежа. Если считать А. Мезенцова (пусть и в соавторстве с Ф. Наквасиным) создателем не только Книги, но и «старого чертежа», лёгшего в её основу, придётся допустить малоправдоподобную на первый взгляд картину выполнения беспрецедентной по важности и масштабам картографической работы небольшим количеством неопытных в картографической деятельности людей[47]. Однако косвенным подтверждением самой возможности этого является факт пренебрежения как к самой деятельности по составлению чертежей, так и к ведущим чертёжные работы подьячим. У составителя пролога к Книге явно вызвали трудности определение авторства чертежей и самой Книги. Кажущиеся столь ценными для Разрядного приказа кадры оказались вполне заменимыми – Наквасина перевели в Пушкарский приказ[48], а Мезенцов в начале 1620-х гг. временно покинул Москву и к концу десятилетия уехал в Курск[49]. Всё это может поставить под вопрос версию об атрибуции им «старого чертежа». Однако данное сомнение будет справедливо лишь в том случае, если считать «старый чертёж» оригинальным русским произведением общегосударственного значения, а не перерисовкой с узковедомственными целями уже существующей, и притом иностранной карты.

Вопреки распространённому в историографии мнению, общее состояние отечественной картографии к началу XVII в. не позволяет считать её способной к самостоятельному созданию генеральной карты всего Московского государства. Для этого не было ни подходящего фундамента, ни качественных средств, ни квалифицированных исполнителей. Если рассматривать сохранившиеся опи-

---

[46] Там же. С. 168.

[47] Опись 1668 г. упоминает только чертёж А. Мезенцова, созданный им около 1626 г. (*Гоздаво-Голомбиевский А.А.* Указ. соч. С. 15). Имени Ф. Наквасина в ней нет. В числе сохранившихся и подписанных русских чертежей XVII столетия эти имена не встречаются (Веб-ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» (URL: http://rgada.info/geos2/)).

[48] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 352.

[49] Историки Курского края... С. 185.

си царского архива и архива Посольского приказа как отражение состояния русской картографии последней четверти XVI – начала XVII в. (ввиду отсутствия самих русских карт и крайне редкого упоминания о «чертежах» в письменных источниках), придётся сделать неутешительный вывод, что большинство (если не все) упомянутые в них «чертежи» к собственно русской картографии отношения не имели, будучи почти исключительно чертежами пограничных территорий. Уже одно это делает предположение о русском их происхождении проблематичным. Несмотря на бесспорное наличие среди них иностранных карт, ни один из чертежей не назван «немецким», скорее всего потому, что среди них отсутствовали русские. Крайне низкий уровень исполнения большинства сохранившихся от XVII в. русских чертежей, а также отсутствие унифицированных средств картографической репрезентации пространства, не позволяли надеяться на изготовление высококачественного картографического продукта. Вплоть до начала XVIII в. созданием карт занимались совершенно не подготовленные к этому занятию лица – «писцы и подьячие, стольники и князья, воеводы и рассыльщики, отставные дворяне и полковники, пушкари и стрельцы, казаки и губные старосты, монастырские служки и священнослужители»[50], а наиболее квалифицированными исполнителями чертёжных работ считались «иконники» (иконописцы и знаменщики). Информации о планомерной подготовке «чертёжников» нет.

«Старый чертёж» обладает почти бесспорными признаками картографического произведения, основанного на какой-то иностранной карте. Во-первых, на это намекает его северная ориентация (хотя и не имеющая полноценного подтверждения). Известная по сохранившимся чертежам русская картографическая традиция XVII в. не требует чёткой привязки карт к сторонам света. Ориентация русских чертежей этого периода самая разнообразная, с просматривающейся, однако, предрасположенностью к южному или юго-восточному направлениям. В этой связи ориентация Большого чертежа на север, совпадающая с подавляющим числом картографических произведений западного происхождения, не может быть признана случайной. Реконструируемые из содержания Книги рамки «старого чертежа» точно совпадают с направлением параллелей и меридианов, что также отсылает нас к европейской картографической традиции. Наличие «меры верстам» в «старом чертеже», о чём упоминается в основном тексте Книги, совершенно не характерно для русских чертежей XVII в., однако является почти обязательным атрибутом большинства европейских карт. Степень картографической точности «старого чертежа», позволявшая производить непосредственные замеры расстояний между объектами прямо по карте, совершенно не соответствует всему, что представляют в этом плане сохранившиеся русские чертежи.

Вопрос о том, какая именно европейская карта легла в основу Большого чертежа, пока остаётся открытым. Учитывая неполную сохранность европейского картографического наследия того периода, а также большую вероятность существенного перекраивания границ карты с полным обновлением содержащейся в ней текстовой информации, данный вопрос не может предполагать быстрого решения.

[50] *Кусов В.С.* Московское государство... С. 65–66.

«Ревнители церковного благолепия»: строительство архиерейских резиденций во второй половине XVII в.

Ирина Устинова

«Zealots of church splendor»: the construction of bishops' residences in the second half of the 17th century

Irina Ustinova
(Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences)

DOI: 10.31857/S0869568722060127, **EDN**: MMSXDJ

В 1650–1680-х гг. в Российском государстве шло масштабное церковное строительство. Оно имело разнообразные формы и направления, региональные особенности; в него оказались вовлечены представители разных слоёв общества. Особый размах приобрела строительная деятельность русских архиереев. Во всех русских епархиях того времени велось активное каменное строительство, и одной из его отличительных черт стало обновление старых и создание новых архиерейских дворов, перестройка кафедральных соборных церквей.

Архиерейский дом в XVII в. являлся не только местом проживания архиерея, но и административным средоточием епархии, архитектурной доминантой и символическим центром епархиального города, имел не только утилитарные, но и представительские функции, нёс значительную сакральную нагрузку[1]. Поэтому необходимо рассматривать процесс перестройки архиерейских дворов в России во второй половине XVII в. в тесной связи с развитием церковной реформы, дискуссией о духовной и светской власти, сословным становлением духовенства. Архиерейское строительство второй половины XVII в. ранее не становилось предметом специального исследования. Научный интерес к архитектурным комплексам архиерейских дворов был связан, как правило, с двумя направлениями исследования – региональным и биографическим. В рамках первого направления фокус внимания направлен на изучение архитектурных особенностей отдельных выдающихся ансамблей архиерейских дворов, общих тенденций градостроительства и архитектуры региона в определённый период (Великий Новгород, Ростов, Нижний Новгород, Астрахань, Тобольск). Интересны попытки реконструкции утраченных ансамблей архиерейских домов

© 2022 г. И.А. Устинова

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 20-78-10060.

[1] *Копылова С.В.* Каменное строительство в Сибири. Конец XVII–XVIII веков. Новосибирск, 1979; *Гордиенко Э.А.* Владычная палата Новгородского кремля. Л., 1991; *Гусарова Е.В.* Астраханские находки: история, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. По документам из собраний Петербурга. СПб., 2009; *Воротникова И.А., Неделин В.М.* Кремли, крепости и укреплённые монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости Центральной России. М., 2013; *Мельник А.Г.* Ростовский кремль. М., 2011.

(Москва, Тверь)[2]. Вторым направлением является изучение строительной деятельности отдельных архиереев при написании их биографий (Иона (Сысоевич), патриарх Никон, митрополит Рязанский Иларион)[3]. К сожалению, эти исследования носят разрозненный характер и не дают представления о масштабном процессе создания сети архиерейских дворов в России второй половины XVII в., истоках и значении этого процесса.

В начале 1650-х гг. произошло полное обновление архиерейского корпуса в России, большинство его новых представителей поставил патриарх Никон. Многие из них сочувствовали идеям ревнителей благочестия или были с ними напрямую связаны[4]. Важной чертой церковной деятельности представителей движения боголюбцев являлся их интерес к строительству. Ещё в 1640-х гг. в Нижегородском крае – одном из центров движения – началось активное возведение новых каменных храмов в Печерском и Макариевом Желтоводском монастырях. Одним из инициаторов каменного строительства в Нижнем Новгороде был Иван Неронов, а в Макариевом Желтоводском монастыре в 1650-х гг. – игумен Иларион, будущий рязанский митрополит[5].

На епархиальном уровне одним из первых масштабную строительную деятельность начал митрополит Новгородский и Великолукский Никон (Минин), будущий патриарх: он перестроил митрополичий двор, начал подготовку к обновлению Софийского собора. На средства архиерейской домовой казны в соборе устроили новые царские врата для иконостаса[6]. В 1652 г. Никон стал патриархом и занялся перестройкой Патриаршего двора. В 1652–1654 гг. в Московском кремле заложили новые патриаршие палаты, были построены каменные хлебная, скатерная, казначейская палаты, конюшенный двор. В 1656 г. завершилось строительство Крестовой (Мироварной) палаты патриарха, освящена домовая патриаршая церковь во имя апостола Филиппа. Строительство и украшение новых зданий продолжалось всё время патриаршества Никона[7]. Обветшавшие по-

---

[2] *Тиц А.А.* Новые данные о Патриаршем дворе в Кремле // Архитектурное наследство. Вып. 14. М., 1962. С. 75–88; *Романенко А.И.* Один из этапов строительства Патриарших палат (по архивным материалам) // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 1976. С. 109–115; *Евдокимов Г.С.* О местонахождении на территории Московского Кремля Митрополичьего (Патриаршего) двора в XV–XVII вв. // Sophia. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча. М., 2006. С. 153–179; *Салимов А.М.* Архиерейский двор в Тверском кремле на рубеже XVII–XVIII веков: местоположение, границы, характер застройки // Архитектурное наследство. Вып. 49. М., 2008. С. 106–126.

[3] *Зеленская Г.М.* Патриарх Никон – зодчий святой Руси. М., 2011; *Мельник А.Г.* Ростовский митрополит Иона (1652–1690) как творец сакральных пространств // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 740–753; *Мельник А.Г.* Ростовский архиерейский дом при митрополите Иоасафе (1691–1701) // Кремли России. Материалы и исследования. Вып. 15. М., 2003. С. 358–372.

[4] *Полознев Д.Ф.* Архиерейский корпус при патриархе Никоне и конфликты в нём // Сообщения Ростовского музея. Вып. 10. Ростов, 2000. С. 44–47; *Устинова И.А.* Отношение русских архиереев второй половины XVII в. к церковной реформе и старообрядчеству: церковная политика и личные стратегии // Старообрядчество в истории и культуре России: Проблемы изучения (к 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума). Материалы международной научной конференции. 26–27 октября, Москва. М., 2020. С. 459–468.

[5] *Лавров А.С., Морохин А.В.* Ревнители благочестия: очерки церковной и литературной деятельности. СПб., 2021. С. 60–80.

[6] Новгородский хронограф XVII в. // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 284.

[7] Детальные сведения о стоимости этих работ зафиксированы в расходных книгах Патриаршего Казённого приказа 1652–1658 гг. (РГАДА, ф. 235, оп. 2, д. 34, л. 77–80 об.; д. 36, л. 71–79; д. 38, л. 49–58 об., 401–424; д. 41, л. 88–95; д. 43, л. 81–91 об.).

стройки разобрали, в частности, церковь во имя Соловецких чудотворцев вместе с прилегавшими к ней папертью и переходами, а также, «вероятно, некоторые небольшие сооружения в месте пристройки нового корпуса к ранее существовавшим зданиям». Под патриаршие нужды перестроили парадные и хозяйственные помещения старого двора Бориса Годунова[8]. Строительная деятельность патриарха задала тон активности епархиальных архиереев – ставленников Никона. Сам патриарх, по замечанию Д.Ф. Полознева, подражал строительной деятельности митрополита Филиппа[9].

В Новгороде начинания Никона продолжил митрополит Макарий. По его распоряжению в 1654 г. в Софийском соборе «помост церковный помости плитами великими... И за иконами быша грани у столпов, и те грани повеле взломати и иконы постави местные, и деисусы, и праздники господские, и пророки, и праотцы учини постенно». Однако во время посещения Новгорода Никоном в январе 1655 г. патриарх «повеле... те грани поделати вновь и учинить по-прежнему»[10]. Наибольшего размаха перестройка Новгородского архиерейского дома достигла при митрополите Питириме в 1669–1672 гг.: старое здание Судного архиерейского приказа разобрали, а на его месте выстроили два каменных здания для Судного и Духовного приказов, возле церкви Иоанна Златоуста возвели каменные паперти с большими окнами в стиле московского барокко[11], а под ними – жилые палаты. Также в камне построили квасную поварню, погреб, ледник питейный «с выходы», над которыми «состроена каменная же келия с сенми». Много усилий Питирим приложил к наполнению архиерейской казны облачениями и утварью для всех духовных чинов[12]. Шли работы и по разбору обветшавших построек: надвратную церковь Св. митрополита Петра разобрали «до церковной подошвы», а древние кельи епископа Новгородского Никиты – «до средних сводов», полностью демонтировали ветхую церковь Богоявления Господня на архиерейском дворе (заново выстроена «на вратах»). Митрополит Питирим не ограничился разбором старых построек – их переделали заново. Церковь Св. Петра, например, отстроили «в широту и в высоту перед прежними болши». Перестройка владычного двора Питримом стала окончательной, его преемники (Иоаким и Корнилий) ограничивались разбором старых зданий «уничтожая одну за другой сенные церкви, обходные переходы, кельи, засыпая подвалы, переделывая хозяйственные постройки»[13].

В большинстве епархий европейской части России в 1650–1680-х гг. шли аналогичные процессы. Масштабы и успешность строительных работ в разных епархиях серьёзно отличались, но обращает на себя внимание повсеместность и синхронность подобной деятельности архиереев. Даже коломенский епископ Павел (1652–1654) успел обновить архиерейский дом, расширив трапезную с каменной церковью Покрова Пресвятой Богородицы при ней «для зимнего времени, ибо он (Павел. – *И.У.*) устроил её над кухней и пекарной печью, так

---

[8] *Евдокимов Г.С.* О местонахождении на территории Московского Кремля... С. 167, 170.

[9] *Полознев Д.Ф.* Канонизация митрополита Филиппа в идейной борьбе за упрочение авторитета церкви в середине XVII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 288.

[10] Новгородский хронограф XVII в. С. 300.

[11] *Гордиенко Э.А.* Владычная палата... С. 78.

[12] ПСРЛ. Т. III. СПб., 1879. С. 193.

[13] *Гордиенко Э.А.* Владычная палата... С. 80.

что в неё проникает теплота, и в морозное время она становится, как баня»[14]. Архиерейский двор обнесли каменной стеной[15]. В 1657 г. Коломенскую епархию упразднили, и архиерейское строительство прекратилось.

В Рязани митрополит Мисаил (1651–1655) расширил архиерейский двор за счёт каменной пристройки к старому княжескому дворцу с западной стороны. Там же устроили храм Усекновения главы Иоанна Предтечи. Усилиями Мисаила к архиерейскому дому приписали пустое дворовое место возле соборной церкви, поскольку такое соседство «непригоже и от архиепископьев хором зазорно»[16]. При преемнике Мисаила – Иларионе (1657–1669), получившем при поставлении сан митрополита, началось масштабное каменное строительство на архиерейском дворе, продолжавшееся и при митрополитах Иосифе (1674–1681) и Павле (1681–1686). В 1658 г. были построены Певческий и Консисторский корпуса, помещения архиерейских Духовного и Казённого приказов, двухэтажные амбары, чей задний фасад выполнял роль ограды архиерейского двора[17]. Вторым, а к 1680-м гг. и третьим этажами достроили каменные Мисаиловы палаты. Территорию архиерейского двора расширили за счёт пригороженных монастырских и частновладельческих дворов. В 1680 г. митрополит Павел организовал ремонт крепостных сооружений кремля общей стоимостью 13 500 руб., но постройки быстро обветшали. Композицию Рязанского архиерейского дома завершила возведённая в 1681 г. каменная ограда. Закладка кафедрального Успенского собора в Переяславле-Рязанском в 1684 г. открыла новый этап церковного строительства в епархии[18].

В Вологде первый каменный двухэтажный архиерейский дом «длиною 12,5, шириною 5 и вышиною с небольшим 3 сажен» с кладовыми и погребами построили в 1654–1658 гг. усилиями архиепископа Маркелла (1645–1663)[19]. В 1654–1659 гг. новой кровлей обзавёлся Софийский собор, при нём появилась каменная шатровая колокольня[20]. Попечением архиепископа Симона (1664–1684) в 1667–1675 гг. были возведены каменные стены архиерейского дома и здание богадельни[21].

В Казани расширением и перестройкой архиерейского дома активно занимался митрополит Лаврентий (1657–1672). Раскольник Фёдор Трофимов в показаниях на следствии так описывал каменные и деревянные переходы, построенные Лаврентием от своей резиденции: «Черес святые ворота, вкруг колокольни и... до соборныя церкви к западным дверям». Трофимов обвинял владыку в роскоши, свидетельствуя, что тот выезжал к церкви на «колеснице

---

[14] Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Т. 2. М., 1897. С. 150–151.

[15] *Рогожин Н.М.* Светское и религиозное в формировании и развитии русского центрального епархиального города XVI–XVII в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Т. 28. 2010. № 1. С. 50.

[16] *Иероним, архим.* Рязанские достопамятности. Рязань, 1889. С. 74.

[17] *Ильенко И.В.* Рязанский кремль. М., 1978. С. 13–15; *Питерский С., Панкова М.* Рязанские митрополиты и рязанская митрополия // Рязанский богословский вестник. 2011. № 2(5). С. 19.

[18] *Воротникова И.А., Неделин В.М.* Кремли, крепости и укреплённые монастыри... С. 765–766.

[19] Вологодские епархиальные ведомости. 1865. № 22. Прибавления. С. 863–864.

[20] *Суворов Н.И.* Описание Вологодского кафедрального Софийского собора. М., 1863. С. 99, 127; *Черкасова М.С.* Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв. Исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012. С. 361.

[21] *Башнин Н.В.* Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон // Вопросы истории. 2016. № 5. С. 27.

позлащенной», а «прежние де власти к праздникам на колеснице не езживали, ходили со кресты»[22]. В 1661 г. митрополит Лаврентий построил архиерейское подворье с храмом в честь Рождества Иоанна Предтечи в Свияжске. Владыка отличился и богатством вкладов в казанские церкви. В Успенском соборе хранились пожертвованные им серебряный напрестольный крест с мощами[23] и панагия «из камня фиатиста, в котором вырезан образ Богородицы Печерские, на золотом окладе 6 изумрудов и 175 жемчужных зерен и вверху Нерукотворный образ на лазоревом яхонте и украшенный жемчугом»[24]. В 1665 г. Лаврентий основал в монастырской вотчине селе Горки Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Как показывают археологические исследования, в середине XVII в. Казанский кафедральный собор «был соединён с домом архиепископа крытыми каменными переходами», а в конце века «вместо деревянного Богоявленского собора был построен тёплый Рождественский собор, располагавшийся с северной стороны Благовещенского собора»[25].

Показателен и неудачный опыт обновления церковного пространства, предпринятый суздальским архиепископом Стефаном. Подробности его церковных «переделок» известны из челобитной, поданной священником Никитой Константиновым в 1659 г. В ней сообщалось, что Стефан велел в соборном храме Рождества Богородицы снять украшения, панагии, дорогие оклады и «каменья» с древних образов, аргументируя это тем, что «Богородица в золоте не ходила». По приказу Стефана из соборной церкви вынесли многие иконы, принесённые вкладчиками, демонтировали старый престол и поставили новый – выше прежнего, престолы во многих церквях и монастырях также перенесли на новое место. Никита Константинов жаловался, что все эти действия не только не были каноничными, но и производились в грубой форме. Наиболее значительная перестройка коснулась мест захоронения суздальских князей и епископов. По свидетельству челобитчика, архиепископ велел их «выломать до основания, и с помостом сровнять, и признак на них никаких не учинил, а на иных гроблях велел... себе место учинить на самых главах». Особенное возмущение вызвала у Никиты судьба мощей благоверной княгини Ефросинии Суздальской, дочери великого князя Михаила Черниговского, раку которой в Ризположенском монастыре Стефан «велел досками заметать и престол ее и предел до основания разорил»[26].

Содержание и стилистика сообщений Никиты Константинова вызывают недоумение действиями архиепископа Стефана. В разъяснениях архиерея, данных им собору, логика происходившего становится более внятной. Разбор старинных великокняжеских и епископских гробниц «поневелику» он велел осуществить «для ради пространства и кажения церковнаго пространства»; пе-

---

[22] Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. IV. Ч. I. М., 1878. С. 295.

[23] *Малов Е.А.* Исторические описания церквей г. Казани. Вып. 1. Казань, 1884. С. 91.

[24] *Никанор (Каменский), архиеп.* Казанский сборник статей. Казань, 1909. С. 435.

[25] *Ситдиков А.Г.* Кафедральный Благовещенский собор Казанского кремля: результаты археологических исследований // Православный собеседник: альманах Казанской духовной семинарии. Вып. 2(7). Казань, 2007; *Ситдиков А.Г.* Новые материалы по истории архиерейского двора Казанского кремля // Учёные записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 2–1. С. 63–71.

[26] ОР ГИМ, Син. грам., 1076, стб. 206–211. Мощи св. Евфросинии Суздальской торжественно обретены в 1698 г. по благословению патриарха Адриана (*Флоря Б.Н., Маштафаров А.В.* Евфросиния, прп. Суздальская // Православная энциклопедия. Т. 17. М., 2008. С. 519).

рестройки в соборной церкви объяснял тем, что «по патриаршу благословению престол наделывал мост подымал... и светил малым священием». Основной причиной всех обновлений архиепископ назвал расширение церковного пространства «для ради теснения, а не наругая» и настаивал, что действовал «как святители действуют... а патриарх указал»[27]. Церковный собор не нашёл вины в деяниях владыки по обновлению церковного пространства[28], но дальнейшее развитие его дела привело к фактическому отсутствию архиерея на кафедре вплоть до 1666 г.

Одним из наиболее заметных архитектурных памятников эпохи стал Ростовский архиерейский дом, строительство которого активизировалось после возвращения митрополита Ионы (Сысоевича) (1652–1690) на кафедру по удалении его с поста местоблюстителя патриаршего престола в 1665 г. Попечением Ионы были возведены двухэтажный корпус Судного приказа, митрополичьи палаты, красная (государева) и белая (столовая) палаты, сени, каменные здания, где расположились хозяйственные службы (хлебня, поварня, сушило, пивоварня, амбары). А.Г. Мельник доказал, что именно митрополит Иона стал автором замысла уникального ансамбля архиерейского двора, где нашли буквальное воплощение богословские описания горнего Иерусалима. Архиерейский дом, как и небесный Иерусалим, окружили «большими и высокими стенами» с 12 участками, разделёнными башнями, центром ансамбля стал пруд, символизировавший «реку воды жизни» града небесного[29]. Ростовский архиерейский дом строился в 1660–1680-х гг., став квинтэссенцией процессов в архиерейском строительстве эпохи.

Итак, в 1650-х – начале 1660-х гг. в Новгородской, Коломенской, Рязанской, Суздальской, Вологодской, Казанской, Ростовской епархиях и Патриаршей области одновременно развернулись строительные работы. Были обновлены и перестроены в камне старинные архиерейские дворы и соборные и архиерейские домовые церкви, осуществлён разбор ветхих и устаревших конструкций, возведены каменные хозяйственные комплексы. В короткие сроки этот процесс затронул восемь из тринадцати существовавших в начале 1650-х гг. русских епархий. К началу 1670-х гг. произошла естественная смена архиереев во многих епархиях, вместо бывших ревнителей и никоновских ставленников пришло новое поколение владык, чьё мировоззрение формировалось уже в новой реальности пореформенной Церкви. Строительство архиерейских резиденций в 1670–1680-х гг. приобрело больший размах и стало временем создания масштабных архитектурных ансамблей со сложной семантической программой. Масштабные строительные работы начались в Крутицком, Тобольском, Тверском (капитальная реконструкция после большого пожара) архиерейских домах.

Крутицкий митрополит Павел (1664–1675), заняв кафедру, организовал в своей резиденции место для богословских и философских бесед, где появился сад с фонтанами и беседками[30]. При нём был построен Крутицкий архиерейский дом с Крестовой палатой, парадной лестницей и богатым изразцовым

---

[27] ОР ГИМ, Син. грам., 1080, стб. 62, 66, 70, 73.

[28] Там же, Син. грам., 1082.

[29] *Мельник А.Г.* Ростовский митрополит Иона... С. 471–472; *Мельник А.Г.* К проблеме авторства ансамбля Ростовского кремля // Сообщения Ростовского музея. Вып. 3. Ростов, 1992. С. 80–88.

[30] *Белокуров С.К.* Биографии Павла, митрополита Сарского и Подонского: Слово при погребении Павла // Христианское чтение. 1886. № 3–4. С. 604–605; *Соловьёв Н.* Сарайская и Крутиц-

декором. При митрополите Варсонофии в 1682 г. началось строительство нового Успенского собора на Крутицах (завершено в 1689 г.)[31].

Начало каменного зодчества в Сибири и, в особенности, в епархиальном центре региона – Тобольске, связано с именем митрополита Сибирского Павла (1678–1692). В 1677 и 1680 гг. пожары разоряли Тобольск[32]. Митрополит Павел, прибывший в епархию в 1679 г., уделял церковному строительству значительную часть времени. В первые месяцы это было спешное возведение малых деревянных церквей на месте сгоревших. В 1679–1681 гг. в камне отстроили палаты сибирских архиереев (вместо сгоревших в пожаре 1677 г. деревянных), в 1686 г. возведена ограда вокруг архиерейского двора высотой в две сажени с шестью глухими башнями, каменными святыми воротами и церковью во имя прп. Сергия Радонежского, в 1690 г. – двухэтажный архиерейский дом с церковью Сорока мучеников Севастийских.

Однако замыслы владыки простирались гораздо дальше – он обратился в Москву с инициативой возведения нового кафедрального собора из кирпича. К прошению Павел приложил подробный план строительства, указав на наличие необходимого материала. Он попросил царя разрешить использовать труд черносошных крестьян и прислать из Устюга железо, каменщиков и деньги[33]. Проект получил одобрение: предписывалось строить за счёт казны соборную церковь по образцу храма в кремлёвском Вознесенском девичьем монастыре[34]. Но два больших колокола (300 и 565 пудов) Павел заказал на собственные «домовые казенные» средства[35]. Кафедральный собор Тобольска стал первым каменным храмом Сибири. В летописи отмечено, что это была церковь «своего строения» митрополита Павла. Строительство сопровождалось трудностями. Летом 1684 г. у собора обрушился верх, поскольку «столпы тонкости ради не удержаша великия тягости. А паде в нощное время, а людей Бог милостию своею сохранил». Освящение храма в честь Успения Пресвятой Богородицы состоялось осенью 1686 г., после чего в него торжественно перенесли останки сибирских владык Макария, Герасима и Корнилия[36]. Тобольский архиерейский дом – Тобольский кремль – стал одним из выдающихся памятников каменного зодчества XVII в.

В 1670–1680-х гг. в резиденции астраханских архиереев также велись строительные работы. При митрополите Парфении (1672–1680) в 1677 г. построили митрополичьи палаты. Голландский путешественник Корнилий де Бруин,

---

кая епархия // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1894. Кн. 3. С. 89.

[31] *Куропаткин А.Н.* Историческое описание древней Владычней обители на Крутицах и уцелевших от неё памятников: Успенско-Крутицкого собора, Крестового храма и надвратного Крутицкого терема. М., 1893. С. 37–40; *Воздвиженский Ф., свящ.* Исторический очерк храмов Успенского, на Крутицах и крестового Сарских и Подонских архиереев // Московская церковная старина: Труды комиссии по осмотру и изучению церковной старины Москвы и Московской епархии. Т. 1. М., 1904. С. 1–9.

[32] ПСРЛ. Т. XXXVI. М., 1987. С. 212, 215–217.

[33] *Недосеков А.* Павел I, митрополит Сибирский и Тобольский // Тобольские епархиальные ведомости. 1888. № 13–14. С. 275–276.

[34] *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. С. 190–192; *Недосеков А.* Указ. соч. С. 276.

[35] *Солодкин Я.Г.* Митрополит Тобольский Павел и Сибирское летописание конца XVII в. // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5. С. 46.

[36] ПСРЛ. Т. XXXVI. С. 220, 332, 351.

побывавший в Астрахани в 1703 г., описывал их как «главное здание в городе, чрезвычайно обширное, длинное и всё каменное»[37]. Было построено здание Судного духовного приказа. Возведение кафедрального Успенского собора началось лишь в 1698 г. Некоторое «отставание» астраханских владык в строительстве архиерейского дома объясняется событиями 1670–1671 гг., когда от рук разинцев погиб митрополит Иосиф[38].

Постройка архиерейского дома в Твери стала насущной необходимостью после пожара 1661 г., уничтожившего комплекс его зданий и близлежащие церкви. Архиепископ Иоасаф (1657–1676) начал возведение каменного двухэтажного прямоугольного в плане архиерейского дома с церковью Спаса «на сенях». В 1674 г. на средства архиепископа над главным въездом в кремль построили кирпичную проездную Владимирскую башню «со стрельницей». Стремление Иоасафа укрепить кремль зафиксировал Э. Пальмквист, передавший слух о том, что владыка хотел на свои средства «построить три круглых башни, дабы более расположить царя к укреплению крепости»[39], но этот план остался не реализован. Архиерейский двор достигал «в длину 61 сажен» и включал в себя «владычнен конюшенной двор, житной двор 47 сажен... на владычне же дворе на сенях церковь каменная на старинных подклетах Честнаго Креста Господня... Да на том же владычнем дворе архиерейские кельи и столовая полата, и козначейския братцкия кельи, приказы судной и казенной на жилых подклетах, а хлебня и поварня, погреб и ледник, и над погребы сушила все каменные строения Преосвященного Иоасафа Тверского и Кашинского»[40]. Архиерейский двор обнесли оградой. В 1680–1690-х гг. в Твери велось строительство кафедрального Спасо-Преображенского собора по образцу Успенского собора в Москве.

Отдельно следует упомянуть о строительстве архиерейских домов в новых епархиях, открытых во второй половине XVII в. – Вятской и Великопермской (1657), Белгородской и Обоянской (1667), Нижегородской и Алатырской (1672), Великоустюжской и Тотемской, Холмогорской и Важской, Воронежской и Елецкой, Тамбовской и Козловской (1682). Основное церковное строительство здесь пришлось на последнюю треть XVII в. Каменный архиерейский дом в Вятке возвели при втором вятском епископе Ионе (1674–1699), для нужд этого строительства пригласили мастеров из Москвы и построили кирпичный завод[41]. Пограничное положение Белгородской епархии задерживало строительную деятельность местных архиереев. Наиболее крупный памятник епархиального значения – Успенско-Николаевский собор – построили в 1692–1703 гг.[42]

---

[37] Цит. по: *Малиновский К.* Кремль Астраханский (Свод некоторых данных о начале Астраханского кремля, краткий очерк его истории и современного состояния) // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань, 1892. С. 14.

[38] *Гусарова Е.В.* Астраханские находки...; *Васильев Д.В.* Рассуждения о деревянном Астраханском кремле, местоположении башни Раскат на основе данных археологии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 4(53). С. 11–18.

[39] *Воротникова И.А., Неделин В.М.* Кремли, крепости и укреплённые монастыри... С. 695–696.

[40] Цит. по: *Салимов А.М.* Архиерейский двор... С. 116.

[41] *Шамин С.М.* Иона, архиепископ Вятский и Великопермский // Православная энциклопедия. Т. 25. М., 2011. С. 473.

[42] *Колесникова Л.И., Цветкова Ю.П.* Древний белгородский памятник архитектуры «Успенско-Николаевский собор», 1692–1703 годов – первой половины XIX века // Белгородская черта. Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. 2018. № 3. С. 43–55.

В 1672 г. митрополит Филарет (1672–1686) начал строительство каменной резиденции в Нижнем Новгороде. Полностью ансамбль сложился к концу века и описан в 1702 г. Корнелием де Бруином: «Большой каменный, отлично сооружённый дворец митрополита, в середине которого изящная небольшая церковь с колокольнею, а за тем ещё две церкви, одна деревянная, другая каменная»[43].

Во вновь основанных епархиях нередко отсутствовали помещения, пригодные для длительного пребывания архиерея. Архиепископ Холмогорский Афанасий (Любимов) (1682–1702) первое время жил на бывшем подворье новгородского митрополита в весьма аскетичной обстановке. В 1680-х гг. Афанасий организовал строительство каменного кафедрального Спасо-Преображенского собора, архиерейского дома с церковью и ряда деревянных построек. Финансирование работ велось большей частью из архиерейской казны[44]. К 1688 г. каменные архиерейские кельи достроили, и владыка переехал в них. На подворье рязанского архиерея первое время жил и новопоставленный епископ Тамбовский Леонтий (1682–1684). Строительство первого каменного архиерейского дома в пять комнат рядом с соборной церковью в Тамбове началось позже, под руководством епископа Питирима (1685–1697)[45]. Воронежскому владыке Митрофану (1682–1703) и вовсе пришлось первое время жить на постоялом дворе, но почти сразу во вновь открытой епархии началось строительство кафедрального собора во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, а вокруг него – зданий архиерейского двора (1685–1690)[46]. Работа по постройке архиерейского дома в Великом Устюге закипела сразу по поставлении архиепископа Геласия (1682–1684), но здания возводились из дерева и земли («мшили мохом столовую избу и келью святительскую», «волочили землю» на потолки)[47].

В 1650–1680-х гг. практически во всех русских епархиях прошли масштабные строительные работы: перестраивались, обновлялись или отстраивались заново каменные архиерейские подворья с комплексами жилых, административных, хозяйственных зданий и домовых церквей. В старинных епархиальных центрах прошли работы по обновлению кафедральных соборов. В 1680-х гг. во многих епархиях началось строительство новых кафедральных соборов, завершившееся к концу XVII в. Важной особенностью рассматриваемого процесса являлась большая личная вовлечённость, инициативность епархиальных архиереев, не только распоряжавшихся работами, но и лично продумывавших детали композиции и декора. Многие владыки использовали для строительства личные средства, заказывали драгоценные предметы церковной утвари и вкладывали их в церкви и монастыри.

Хотя ансамбли архиерейских дворов различались по масштабам задумки и воплощения, они имели общую композиционную основу, восходящую, ве-

---

[43] Путешествие через Московию Корнелия де Бруина. М., 1873. С. 160; *Филатов Н.Ф.* Нижегородское зодчество XVII – начала XX века. Горький, 1980. С. 17.

[44] *Фруменкова Т.Г.* Хозяйство и быт архиерея переходной эпохи (к портрету Афанасия Холмогорского) // Феодальная Россия. Новые исследования. Сборник научных статей. СПб., 1993. С. 53–56.

[45] *Мизис Ю.А.* Первые тамбовские «архиереи» // Церковь и её деятели в истории России. Сборник статей. Воронеж, 1993. С. 67–68.

[46] Духовное завещание святого Митрофана. Сергиев Посад, 1897. С. 12, 14–17.

[47] Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. XII. СПб., 1890. Стб. 568–612; Т. XIV. СПб., 1894. Стб. 1008–1152.

роятно, к каменному «палатному» архиерейскому строительству на Руси XIV–XV вв.[48] Помимо соборной церкви, являвшейся композиционным центром архиерейского двора, доминантой выступал и каменный архиерейский дом (обычно двухэтажный) с домовым храмом (в Ростове в пару ему отстроили государевы палаты), вокруг которого группировался комплекс административных зданий для размещения архиерейских приказов, многочисленные «службы» (поварня, сушило, конюшня, в Москве – Мироварная палата). Одним из обязательных элементов в композиции архиерейского двора была каменная ограда – высокие крепостные стены с башнями и надвратными церквями. В рассматриваемый период каменная ограда в большинстве случаев уже не имела оборонной функции и являлась символической сакральной преградой, отмечавшей место пребывания местного духовного владыки – архиерея, подчёркивая его статус, напоминая об ином мире, горнем Иерусалиме, также окружённом стенами и башнями. В ряде случаев стены выполняли утилитарную функцию, являясь переходами между зданиями, связующим звеном между ними[49]. Некоторые ансамбли архиерейских дворов украшались дополнительными элементами – садами, прудами, фонтанами, беседками, наделёнными самостоятельной функциональной и сакральной нагрузкой (Крутицы, Ростов).

Масштабное строительство требовало больших финансовых ресурсов и финансировалось из разных источников – лично государями, за счёт дотаций из государственной казны или передачи части региональных сборов на строительные нужды, из келейной казны архиереев. Несмотря на преодоление к середине XVII в. наиболее разрушительных последствий Смуты, излишка денег в государственной казне не было, напротив, «средств, поступавших в государеву казну через приказы, уже не хватало на удовлетворение возросших под влиянием обострившейся внешнеполитической ситуации нужд государства»[50]. В последующие десятилетия государственные расходы ещё более возросли. В этой связи нет оснований объяснять активное церковное строительство в России середины – второй половины XVII в. наличием невостребованных финансовых ресурсов, кроме того, даже избыток средств сам по себе не объяснил бы единство хронологии, направления и форм церковного строительства рассматриваемого периода, массового обновления архиерейских домов (активное строительство церквей в епархиях остаётся за рамками предметного поля настоящей статьи). Причины подъёма архиерейского строительства в середине XVII в. следует искать в сфере духовной, социальной, идеологической. Этот процесс представляется своеобразным выражением изменений в Церкви второй половины XVII в., связанных с развитием церковной реформы и поиском новых форм репрезентации духовной власти, размышлением над её природой и местом высших иерархов в обществе. Остановимся на этом тезисе подробнее.

Одним из основных инструментов проведения церковной реформы стало печатное слово. В тот период увидели свет важные «программные» издания – «Книга о вере», «Кормчая», позднее – «Увет духовный», корректировавшие

---

[48] *Гордиенко Э.А.* Владычная палата... С. 30–31; *Варганов А.А.* Суздаль. М., 1982. С. 12.

[49] *Воротникова И.А., Неделин В.М.* Кремли, крепости и укреплённые монастыри... С. 427.

[50] *Лисейцев Д.В.* Государственный бюджет Московского царства рубежа 1630–1640-х гг.: Опыт реконструкции // Российская история. 2015. № 5. С. 26.

и дополнявшие представления о Церкви[51]. В контексте рассматриваемой тематики наибольшее значение имеет издание в 1656 г. книги «Скрижаль»[52]. Её текст прислал патриарху Никону в 1653 г. константинопольский патриарх Паисий. В «Скрижали» разъяснялись вопросы перстосложения, формы креста, имени Христа, Символ веры, таинства. В контексте рассматриваемого сюжета важно отметить, что «Скрижаль» стала «самым полным и систематическим изложением символики храма, богослужебных предметов и одежд, бытовавших в Древней Руси»[53]. «Скрижаль» читали и переписывали, «черпая оттуда церковные представления о смысле храмовой архитектуры»[54]. В ней прямо говорилось о роли архиереев в украшении церкви: «Церковь есть небо земное, в ней же пренебесный Бог вселяется... от патриархов есть прообразованна, от апостолов основанна, в ней же очищение и святая святых. От пророков пророчествованна, от иерархов украшена и от мучеников совершенна. Зане мощами сих святых есть сопрестолствована»[55].

По справедливому замечанию Ю.С. Белянкина, сборник «в силу сложности своего содержания... был ориентирован на просвещённое духовенство»[56]. Исследователь обобщил данные о распространении 989 экземпляров «Скрижали» из тиража в 1 200 книг. Часть тиража традиционно раздали «безденежно» (царю, патриарху, справщикам, в приказ Большого дворца «для рассылки в церкви и монастыри по именным челобитным»). Основной объём распродали. Представители духовенства, монастыри и церкви приобрели 562 экземпляра (80,7% от числа проданных)[57], книгу получили библиотеки 11 крупнейших монастырей России. Большинство русских иерархов купили на нужды епархии по несколько десятков экземпляров: митрополиты Ростовский Иона (Сысоевич), Казанский Лаврентий, Новгородский Макарий, Крутицкий Питирим; архиепископы Суздальский Филарет, Рязанский Иларион, Вологодский Маркелл, Тверской Лаврентий, а также епископ Коломенский Александр. Эти владыки принимали участие и в заседании церковного собора, выпустившего «Скрижаль» в печать.

«Скрижаль» с рекомендациями по строительству и украшению церквей, имевшаяся в библиотеках большинства владык, стала практическим руководством к действию наряду с традиционными богословскими текстами. По мнению С.К. Севастьяновой, в изразцовом убранстве, изобразительных приёмах, архитектурных формах и символике Ново-Иерусалимского монастыря патриарх Никон «воплотил представления о сокровенной красоте Иерусалима

---

[51] *Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб., 2017.

[52] Готовый сборник рассмотрел и рекомендовал к печати церковный собор 2 июня 1656 г. (*Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. Кн. 7. М., 1996. С. 105).

[53] *Заграевский С.В.* Методологические проблемы изучения канона, символики пропорций в православной храмовой архитектуре. Символические толкования // Культурология. 2018. № 4(87). С. 108.

[54] *Бусева-Давыдова И.А.* Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М., 2008. С. 158.

[55] Скрижаль. М., 1656. Л. 11–12; *Бусева-Давыдова И.А.* Культура и искусство в эпоху перемен... С. 175.

[56] *Белянкин Ю.С.* Документы архивов московских приказов об издании и распространении антистарообрядческих книг Печатного двора во второй половине XVII в. // Отечественные архивы. 2011. № 4. С. 49.

[57] Там же. С. 46–47.

горнего и отразил впечатления от земной красоты Иерусалима дольнего»[58]. По мнению А.Г. Мельника, ростовский митрополит Иона при создании ансамбля Ростовского кремля вдохновлялся описанием горнего Иерусалима в Апокалипсисе[59]. В завещании новгородского митрополита Корнилия 1692 г. упоминается о тщании владыки к украшению Троицкого Зеленецкого монастыря: «Всегда тое пустыню в душы и во уме воображену имех, и яко выну пред очима зрех недостатки же всяких церковных вещей елико довлеет святыми иконами, и ризами, и книгами, и всякою утварию, и колоколами исполнися нашего смирения келейною казною и любящих *благолепие* (курсив мой. – *И.У.*) святынь христолюбивых людей поданием, создася же церкви, и трапеза, и колоколница, и кельи, и ограда каменныя»[60]. Подобные примеры можно продолжать, ведь русские архиереи второй половины XVII в. были ревнителями не только церковного «благочестия», но и церковного «благолепия».

Интерес к украшению церквей и архиерейских домов имел не только эстетические причины. В центре общественного внимания во второй половине XVII в. стоял вопрос о власти духовной и светской. Вторая половина XVII в. стала временем активной разработки представлений о роли и месте патриарха и архиереев в системе «симфонии двух властей». Много внимания уделялось вопросам внешней репрезентации духовной власти. Отправной точкой стало невиданное повышение престижа патриарха в первые годы правления Никона – получение им титула «великий государь», строительство на старом дворе Бориса Годунова, новые облачения по греческому образцу – всё преследовало цель подчеркнуть сакральное значение и роль патриарха, его харизму. Усиление внешней репрезентации патриаршей власти достигалось путём изготовления новых инсигний в пару царским: для него изготовили знаменитую митру-корону и посох, представлявшие «единый комплекс» с короной и посохом царя Алексея Михайловича, сделанными в то же время. По мнению К.А. Щедриной, изготовление этих инсигний находится «в контексте церковной реформы, обусловленной сменой политической ситуации и идеологии, в которой «русский царь прославлялся как “Новый Константин”, а Русская Церковь должна была встать на место отпавшего от пятерицы вселенских первоиерархов римского престола»[61]. При Никоне изменился порядок следования во время «шествия на осляти»: с Лобного места в Успенский собор. Как указал Б.А. Успенский, это подчёркивало «восприятие Кремля – и вообще Москвы – как Нового Иерусалима», а первосвятителя – как олицетворения Христа, входящего в Иерусалим. Хотя Никон считал этот обряд достойным лишь царя и патриарха, в 1650–1660-х гг. «шествие на осляти» проводилось и епархи-

---

[58] *Севастьянова С.К.* Символико-аллегорические определения и метафорические образы церкви в новонайденном сочинении конца XVII в. о патриархе Никоне // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 4(59). С. 145.

[59] *Мельник А.Г.* Ростовский митрополит Иона... С. 741.

[60] Писание Корнилия, митрополита Новгородского и Великолукского, к будущим его преемникам по митрополии о поддержании Троицкого Зеленецкого монастыря, 1692, 1 октября // Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Т. II. СПб., 1864. № 238. Стб. 734–736.

[61] *Щедрина К.А.* Регалии царя Алексея Михайловича и облачения патриарха Никона. Репрезентация власти в искусстве середины XVII в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета. Сер. 5. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2014. № 1(13). С. 51.

альными архиереями. Лишь в 1667 г. церковный собор ограничил проведение обряда только митрополитами по особому благословению патриарха, а собор 1678 г. постановил, что шествие может совершаться исключительно в Москве с участием царя и патриарха[62].

Если в период патриаршества Никона основное внимание сосредоточивалось на фигуре первосвятителя, то после оставления им кафедры фокус сместился на епископат. На церковных соборах 1660–1670-х гг. разбирали вопросы архиерейского богослужения, облачений, статуса архиереев. Результаты решений соборов опубликованы. Важнейшим изданием стал «Чиновник архиерейского служения» (1677)[63], где, по наблюдению А.В. Вознесенского, «центральное место... заняло изложение правил служения архиереем литургии, которое пришло на смену чинопоследованиям “действ”, постепенно выходивших из употребления»[64]. Помимо сугубо богослужебных и символических аспектов, в деятельности высших русских иерархов второй половины XVII в. исследователи отмечают усиление епископской власти и администрирования на местах[65]. Б.Н. Флоря обратил внимание на процесс осознания высшим духовенством, начиная со времени Никона, своих особых корпоративных интересов, чьей реализации им во многом удалось достичь на соборах 1667, 1675 и 1681–1682 гг. В 1670–1690-х гг. духовное сословие стало «близким к превращению в автономную корпоративную структуру»[66]. Активная позиция епископата, его сопротивление светской власти заставили правительство согласиться на компромиссную формулу соотношения двух властей – о преимуществе царя в делах гражданских, а патриарха – в церковных[67]. По мнению Г. Михельса, жёсткость и всевластие епископов на местах провоцировали рост народного недовольства представителями высшей церковной власти[68].

Повсеместное строительство каменных, обнесённых высокой оградой архиерейских домов, создавших новый облик епархиального города, решало задачи внешней репрезентации духовной власти на местах и в этом смысле было напрямую связано с ходом церковной реформы, общественных дискуссий о духовной власти, процессом формирования сословной корпоративности русских архиереев, разработкой новых представлений о роли патриарха и епископата, их особом статусе. С известной долей условности эти явления можно уподобить процессу *inecclesiamento* – административному и территориальному оформлению вокруг соборов и епископских кафедр в Европе XII в. В ходе

---

[62] *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и её русское переосмысление). М., 1996. С. 445, 447–448.

[63] Чиновник архиерейского служения. М., 1677; *Амвросий (Орнатский), еп.* История российской иерархии. М., 1807. С. 321–351.

[64] *Вознесенский А.В.* К вопросу об издании в дониконовское время в Москве Чиновника архиерейского священнослужения // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2011. Т. 10. № 8. С. 120.

[65] *Черкасова М.С.* Великоустюжский архиерейский дом: открытие и начальный этап деятельности (1672–1700) // Вестник церковной истории. 2017. № 1/2(45/46). С. 193–271.

[66] *Флоря Б.Н.* Государственная власть и формирование духовного сословия в средневековой России // Сословная и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Международная конференция – Чтения памяти академика Л.В. Черепнина: Тезисы докладов. Ч. II. М., 1994. С. 161–163.

[67] *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2. Сергиев Посад, 1912. С. 244–245.

[68] *Michels G.B.* Ruling without mercy: seventeenth-Century Russian Bishops and their Officials // Kritika: explorations in Russian and Eurasian History. 2003. № 4(3). P. 515–542.

этого процесса «город претерпел существенную эволюцию от центра округи... до места, где находится епископская резиденция... *епископ приумножал святость города, накапливая в нём реликвии святых, обустраивая церкви, часовни, странноприимные дома, заботясь о своей постоянной резиденции – епископском дворце* (курсив мой. – *И.У.*). Некоторая двойственность положения епископа в XII–XIII вв. заключалась в том, что, несмотря на богатое строительство в городах, епископы неуклонно теряли господство над городским пространством. В итоге епископы и каноники превращали в центр своего влияния не город вообще, а в первую очередь собор... Парадоксальным образом это укрепляло связь епископа с остальной территорией диоцеза»[69]. В рамках настоящей статьи рассмотрен лишь один аспект церковного строительства второй половины XVII в., связанный с оформлением статуса высших церковных иерархов. Между тем это явление имело более разнообразные формы и включало церковную работу по прославлению и переносу мощей, чудотворных икон, устроению крестных ходов, массовому строительству церквей. Подобные мероприятия повышали и статус епархиальных центров как места резиденции архиерея.

[69] *Уваров П.Ю.* Территория как проблема: inecclesiamento и/или incastellamento в современной французской медиевистике // Средние века. Т. 79. 2018. № 3. С. 69.

Структура и механизмы функционирования Монастырского приказа в период его формирования (1701–1703)

Ирина Шамина

Structure and mechanisms of functioning of the Monastery Prikaz during its formation (1701–1703)

Irina Shamina
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722060139, **EDN**: MMSYCE

Первый этап церковной реформы Петра I (1701–1705) был тесно связан с деятельностью Монастырского приказа – государственного учреждения, взявшего на себя функции по управлению Церковью. Формальным поводом к началу реформы стала кончина в октябре 1700 г. патриарха Адриана. Вместо него местоблюстителем патриаршего престола был назначен рязанский митрополит Стефан (Яворский), из ведения которого изъяли хозяйственные вопросы и судебную власть. 16 декабря 1700 г. царь упразднил Патриарший разряд, а дела, которые в нём рассматривались, передали в приказы, ведавшие мирскими людьми. Церкви в лице местоблюстителя остались лишь духовные дела по расколу, «противностям» и ересям.

Монастырский приказ был восстановлен именным указом Петра I от 24 января 1701 г. Во главе его встал боярин И.А. Мусин-Пушкин. В компетенцию этого учреждения помимо управления церковным имуществом перешло ведение уголовных, гражданских, семейных, имущественных дел церковных (монастырских) крестьян, священно- и церковнослужителей. В нём же следовало рассматривать дела, связанные с преступлениями против веры.

История Монастырского приказа традиционно рассматривалась в рамках изучения реформ Петра I. Его функционированию в 1701–1720 гг. посвятил главу своего исследования М.И. Горчаков. Он рассмотрел положение приказа в системе государственного управления и коснулся вопросов организации его работы, привёл данные о приказных служащих и пришёл к выводу, что «по предметам своего ведомства» он «отличался... разнообразием, разнохарактерностью, сложностью и множеством дел»[1]. По мнению И.К. Смолича, в течение 20 лет существования Монастырский приказ «не приобрёл никакой определённой структуры», не получил точных указаний о пределах своей компетенции, и его задачи сводились к контролю за сбором доходов, которые он должен был использовать по указаниям царя[2]. А. Дмитрёв рассмотрел возникновение Монастырского приказа как одно из звеньев процесса секуляризации церковных земель[3]. И.А. Булыгин в статье о церковной реформе Петра I попытался проанализировать функции приказа и определить его роль в перестройке

© 2022 г. И.Н. Шамина

[1] *Горчаков М.* Монастырский приказ (1649–1725 гг.). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. С. 136.

[2] *Смолич И.К.* Русское монашество: 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1997. С. 269–270.

[3] *Дмитрёв А.* Пётр I и церковь. М.; Л., 1931. С. 38–40.

церковной системы государства. В его работах деятельность этого учреждения воспринимается как самостоятельный этап реформирования Церкви[4].

Уделяется внимание изучению Монастырского приказа и в наши дни. И.В. Амосова в диссертационном исследовании рассмотрела его функционирование со второй половины XVII в. до 1720-х гг. Она пришла к выводу, что в первой четверти XVIII в. основными функциями приказа оставались судебная и финансовая. Приказ действовал самостоятельно и отчитывался только перед царём. Главная же задача, стоявшая перед ним, заключалась в контроле над церковным землевладением и распределением доходов с вотчин на военные и гражданские нужды[5]. Рассматривались и отдельные стороны деятельности приказа. О.Г. Печникова изучила его роль в становлении системы охраны материнства и детства[6]; характеристику ему как государственному учреждению дала И.А. Устинова[7]. Хотя исследователями в изучении Монастырского приказа петровского времени уже проведена большая работа, остаются не вполне решёнными вопросы, связанные с организацией его деятельности и компетенцией в первые годы после возрождения (1701–1703). В настоящем исследовании я попытаюсь на них ответить.

Основными источниками исследования являются делопроизводственные документы Монастырского приказа, а также материалы переписи церковных владений 1701–1703 гг., в ходе которой выстраивалась его структура. Изначально работа приказа была организована в Москве. Все наиболее важные вопросы по поручению царя единолично решал его глава – боярин Мусин-Пушкин, возглавлявший учреждение до 1715 г.[8] При нём находились несколько дьяков. Булыгин назвал имена Ефима Зотова, Ивана Шапкина и Герасима Потапиева[9]. К ним следует добавить также Ивана Иванова и Гавриила Окунькова. Эти дьяки фигурируют и в расходной книге Монастырского приказа[10], и в переписных книгах монастырей и архиерейских домов 1701–1703 гг.

Дьяк Ефим Зотов нёс службу в приказе с момента его образования и, как минимум, до конца 1702 г. Его имя названо в указе Петра I от 24 января 1701 г.: «У тех дел быть дьяку Ефиму Зотову»[11]. Очевидно, изначально предполагалось, что в новом учреждении достаточно будет одного дьяка. Примерно с февраля 1701 г. к работе подключился и Герасим Потапиев. Оба этих дьяка являлись уже опытными управляющими. Во второй половине 1690-х гг. они служили в приказе Большого дворца[12] – ведомстве, которое занималось вопросами управления монастырями. Из него в соответствии с указом от 24 января в Мо-

---

[4] *Булыгин И.А.* Церковная реформа Петра I // Вопросы истории. 1974. № 5. С. 79–95; *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977.

[5] *Амосова И.В.* Центральное государственное управление России во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: Монастырский приказ. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

[6] *Печникова О.Г.* Правовое регулирование охраны материнства и детства в царствование Петра I // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1(31). С. 67–73.

[7] *Устинова И.А.* Монастырский приказ // Православная энциклопедия. Т. 46. М., 2017. С. 545–546.

[8] *Амосова И.В.* Центральное государственное управление... С. 102.

[9] *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне... С. 81.

[10] РГАДА, ф. 237 (Монастырский приказ), оп. 1, ч. 1, д. 26.

[11] ПСЗ-I. Т. 4. № 1829. С. 133.

[12] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 17, л. 336; *Матисон А.В.* «Писано в сих книгах ниже сего имянно по статьям»: Опись архива Тверского архиерейского дома стольника Михаила Фёдоровича Пушкина. 1701–1702 гг. // Исторический архив. 2019. № 3. С. 156, 157.

настырский приказ перешли «монастырские» дела. Возможно, дьяки переводились из одного приказа в другой вместе с передачей их функций. Очевидно, в возрождённый Монастырский приказ были перенесены и особенности работы приказа Большого дворца.

Ещё одним дьяком, появившимся в приказе в первые месяцы его функционирования, стал Иван Шапкин. Правда, в расходной книге 1701–1702 гг. он упоминается лишь трижды – в марте и апреле 1701 г., но на листах этого документа оставлены его скрепы за весь 1701 г. Это даёт основания полагать, что Шапкин являлся сотрудником приказа как минимум до конца 1701 г. В августе 1701 г. в штате учреждения появился дьяк Иван Иванов[13], служивший здесь по меньшей мере до 1707 г.[14] Ему, судя по скрепам, было доверено ведение расходной книги в 1702 г. Имя пятого дьяка – Гавриила Окунькова – в числе других указано в преамбуле ко второму разделу расходной книги – на 1702 г.[15] Амосова предположила, что он сменил Ивана Шапкина[16]. Последние упоминания о Гаврииле Окунькове в источнике относятся к апрелю 1702 г., однако он снова фигурирует как дьяк Монастырского приказа в расходной книге 1706–1707 гг.[17] и, как установила Амосова, служил здесь до образования приказной канцелярии Сената в 1715 г.[18] Очевидно, как наиболее опытные дьяки Гавриил Окуньков и Иван Иванов в 1706–1707 гг. были ответственными за составление расходной книги: на листах за 1706 г. стоят скрепы Окунькова, а за 1707 г. – Иванова[19].

Функции главы приказа Мусина-Пушкина и дьяков, судя по всему, не имели чёткого разграничения, в документах они чаще всего обозначались как «боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин с товарищи». В расходных записях упоминаются в разных случаях глава приказа или тот или иной дьяк. Однако иногда фигурируют и глава, и дьяк, например: «По указу великого государя и по приказу боярина Ивана Алексеевича Мусина Пушкина с товарыщи и по помете на указе дьяка Ефима Зотова»[20].

Ни боярин, ни дьяки жалованья в Монастырском приказе не получали. Во всяком случае, упоминаний об этом в расходной книге нет. К такому же выводу пришёл и Горчаков, отметивший, что они «довольствовались от архиерейских домов и монастырей почестными дачами»[21]. Правда, Мусину-Пушкину в 1703 г. пожаловали из вотчин суздальского Евфимиева монастыря с. Образцово «по то время, пока ведать будет Монастырский приказ, а доходы с той вотчины брать на себя»[22].

Большой штат служащих Монастырского приказа составляли подьячие, занимавшиеся основной частью делопроизводства. Горчаков оценил их число как «значительное», указав, что при Мусине-Пушкине их насчитывалось

---

[13] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 26.
[14] Там же, д. 67.
[15] Там же, д. 26, л. 15.
[16] *Амосова И.В.* Центральное государственное управление... С. 104.
[17] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 67.
[18] *Амосова И.В.* Центральное государственное управление... С. 104.
[19] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 67.
[20] Там же, д. 26, л. 28.
[21] *Горчаков М.* Монастырский приказ... С. 133.
[22] Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. 3. СПб., 1878. Приложение XXVII. С. XCVI.

99 человек, в том числе «старых подьячих было 20, средних 8, молодых 71»[23]. В расходной книге 1701–1702 гг. приведены списки этих служащих[24], причём категория «средних» подьячих в источнике не выделена, вероятно, они перечислены в составе «молодых». Подьячие каждой из этих групп в расходной книге делятся на подгруппы в соответствии с получаемым жалованьем. Самым высокооплачиваемым среди «старых» подьячих являлся Семён Бурлаков, получавший 25 руб. в год. По оценке Амосовой, это был наиболее опытный служащий, находившийся в приказе на особом положении, через него до 1705 г. проходили «все расходы»[25]. Однако в расходной книге фигурирует ещё один подьячий, наряду с Бурлаковым контролировавший финансы, – Яков Корницкий, оклад которого составлял 20 руб. В 1702 г. подавляющее большинство выплат проходили именно через него.

«Старые» подьячие в Монастырском приказе возглавляли повытья – структурные подразделения, в основе которых лежало количество находившихся под их управлением крестьянских дворов. В 1701 г. насчитывалось 16 повытий. Их состав, а также имена подьячих, их возглавлявших, привёл в своей работе Горчаков[26]. Логично было бы предположить, что в каждом из повытий решались дела, связанные с той территорией, которая за ними закреплена. М.С. Черкасова привела фразу, написанную на оборотных сторонах «отписок» вотчинных приказчиков ряда вологодских монастырей о собранных государственных налогах за 1702 г.: «Записать в повытье, а деньги написать в приход». По мнению исследовательницы, здесь имелось в виду 12-е повытье Монастырского приказа, управлявшее делами Вологодского уезда и епархии[27]. Однако правило это не соблюдалось жёстко. В расходной книге 1701–1702 гг. есть запись, позволяющая предположить, что в повытьях могли рассматриваться вопросы, касающиеся и других территорий: в январе 1702 г. было дано жалованье «патриарша дому дворянину Данилу меншому Новикову», направленному в Нижний Новгород продавать рыбу. Выписка же об этом осталась в повытье Ивана Баутина, где ведалась Суздальская епархия[28].

Ещё один список «старых» подьячих приведён в указе Мусина-Пушкина об ускорении переписи архиерейских и монастырских вотчин от 6 мая 1702 г.[29] Сопоставление этого списка и списка Горчакова позволяет прийти к выводу, что состав «старых подьячих» за почти полтора года функционирования Монастырского приказа изменился. Сменились подьячие, возглавлявшие 11-е (владимирский Рождественский, можайский Лужецкий, Иосифо-Волоколамский и другие монастыри Патриаршей области, Коломенская епархия), 13-е (Вознесенский девичий, костромские и галичские монастыри Патриаршей области, Устюжская епархия) и 15-е (Горицкий и другие переславские монастыри Патриаршей области, Холмогорская епархия) повытья.

Следует заметить, что в расходной книге 1701–1702 гг. упоминаются по меньшей мере шесть подьячих Монастырского приказа, направленных для раз-

---

[23] *Горчаков М.* Монастырский приказ... С. 131.

[24] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 26, л. 25 об.–27 об., 28–32 об., 34–36 об.

[25] *Амосова И.В.* Центральное государственное управление... С. 105.

[26] *Горчаков М.* Монастырский приказ... С. 131–132.

[27] *Черкасова М.С.* Вологда и Устюг в эпоху Петра I (краеведческие очерки). Вологда, 2021. С. 87.

[28] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 26, л. 38 об.

[29] Там же, оп. 1, ч. 3, д. 6524, л. 1–2; *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне... С. 35.

ных дел в уезды, однако их нет в списках на получение жалованья. Вместо жалованья им выдавались «прогонные» и в ряде случаев, очевидно, кормовые деньги на местах, куда они приезжали. Один из таких подьячих, Герасим Лушнев, 10 апреля 1701 г. отправился в Великий Устюг со стольником Андреем Вешняковым «для взятия казны»[30]. Известно, что Андрей Вешняков в 1701–1702 гг. описывал монастыри Устюжского уезда[31] и в апреле 1701 г., скорей всего, был направлен в Устюг именно с этой целью, а денежную казну ему следовало забрать в ходе описания. О подьячих, сопровождавших переписчиков во время переписных работ, есть информация и в других источниках. При стольнике В.И. Кошелеве, описывавшем Вологодский уезд, их было даже несколько[32].

В то же время из «грамот с прочетом», выданных в Монастырском приказе отъезжающим в уезды переписчикам, следует, что подьячих они должны были взять на местах: «Да ему ж, перепищику, велели давать для писма монастырских подьячих и для розсылок служек»[33]. В штате сравнительно крупных монастырей подьячие действительно имелись, как, например, в вологодском Спасо-Каменном монастыре. В переписных книгах вотчин последнего назван также «Кирилова монастыря Вологоцкой службы подьячей Иван Кроленцов», который подал материалы переписи в Монастырский приказ[34]. Подьячие имелись и в архиерейских домах, в то время как в небольших обителях, составлявших подавляющее большинство в Российском государстве того времени, найти человека, владеющего грамотой на должном уровне, было непросто.

Почерки же, которыми написаны переписные книги, явно принадлежат людям, специально для этого обученным. Очевидно, зная, что на местах могут возникнуть сложности с поиском подьячих, переписчики везли их с собой из Москвы, как, в частности, красноречиво свидетельствует упомянутая выше запись об устюжском стольнике Андрее Вешнякове. О том, что подьячие прибывали вместе с переписчиками, следует и из записи о выплате кормовых денег стольнику Кошелеву: «*Подьячим иво* (курсив мой. – *И.Ш.*) десять алтын»[35]. В пользу этого предположения могут свидетельствовать и переписные книги вотчин кашинских Троице-Рябова и Капшина, а также части вотчины Благовещенского Ширинского монастырей[36]. Ревизию всех трёх обителей проводил переписчик Михаил Деревнин, а записывал данные в книгу, судя по характерному почерку и специфическим элементам оформления, один и тот же человек. Скорее всего, это был подьячий Монастырского приказа, приехавший вместе с Деревниным.

Возможно, для составления одного описания могли использоваться и несколько человек. Об этом, в частности, свидетельствует наличие в изучаемых

---

[30] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 26, л. 3.

[31] См., например, переписную книгу Симоно-Воломского монастыря Устюжского уезда (*Говорова А.Н.* Житие преподобномученика Симона Воломского // Вестник церковной истории. 2008. № 4(12). С. 53–57, примеч. 6).

[32] *Башнин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв.: исследование и тексты. М.; СПб., 2016. С. 1074.

[33] ОР РНБ, ф. 531, оп. 2, д. 5222.

[34] Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / Изд. подгот. О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин, М.С. Черкасова при участии А.П. Анишиной, Н.А. Бараевой, Е.А. Виноградовой, А.Н. Красикова, С.Н. Смольникова, И.Н. Шаминой. Вологда, 2011. С. 155, 157.

[35] *Башнин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь... С. 1074.

[36] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 57, л. 20 об.–40 об., 57–73 об., 106–112 об.

материалах объектов нескольких разных почерков. На данный вопрос уже обращали внимание исследователи при издании переписных книг вологодских монастырей, отметившие, что опись Спасо-Каменного монастыря 1701 г. «писана множеством разных почерков... иногда даже несколькими почерками на одном листе»[37]. Учитывая это, можно сказать, что подьячих в Монастырском приказе было значительно больше, чем 99 человек, о которых писал Горчаков, имея в виду лишь штатных сотрудников. Установить даже приблизительную численность таких подьячих на данном этапе исследования невозможно.

Среди служащих Монастырского приказа значились также приставы. На начало осени 1702 г. их насчитывалось 25 человек[38]. В штате были и шесть сторожей. В августе 1701 г. они получили «впредь в зачет на 1701-й год по два рубли по шеснатцати алтын по четыре денги человеку»[39]. Амосова отметила, что в штат приказа входили также драгуны, появление которых она связала с формированием драгунского полка боярина Мусина-Пушкина. Полк появился в 1704 г.[40], поэтому в рассматриваемый период драгун в приказных штатах не выявлено.

Главным делом, порученным Монастырскому приказу в первые годы его функционирования в начале XVIII в., стала перепись архиерейских домов и монастырей. Проведение переписных мероприятий предписывалось уже в указе от 31 января 1701 г.: «Дому Святейшаго патриарха приказным и дворянам и всякаго чину домовым людям и домовым монастырям, и всем вотчинам Святейшаго патриарха и монастырей, и всех архиереов домам их и вотчинам, и всего Московскаго государства всем мужским и девичьим монастырям, слугам и вотчинам их, судом и расправою и всякими сборы ведать и переписать в Монастырском приказе... А для переписки... послать из царедворцов людей добрых»[41].

В марте 1701 г. в приказе подготовили программу предстоящего описания. Об этом можно судить по тексту обнаруженного в Государственном архиве Вологодской области наказа переписчику – своеобразной инструкции по организации переписи[42]. В документе регламентировалось описание монастырей и архиерейских домов, их вотчин, содержался пересказ царских указов об обустройстве монашеской жизни, который переписчикам следовало прочесть на местах, а также освещалась техническая сторона процесса: что и как следовало делать архиерейским и монастырским властям, чтобы обеспечить работу составителей описаний.

В том же месяце первые переписчики получили распоряжение о начале переписи. Это следует, в частности, из преамбул к описаниям московских девичьих Никитского и Ивановского монастырей: «1701-го марта в 8 де[нь] по указу великого государя... и по наказу из приказу Монастырских дел... стол-

---

[37] *Башнин Н.В., Черкасова М.С.* Историко-археографическое введение: Вологодские монастыри и их переписные книги // Переписные книги вологодских монастырей... С. 16.

[38] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 26, л. 46 об. – 48 об.

[39] Там же, л. 6–6 об.

[40] *Амосова И.В.* Центральное государственное управление... С. 105; *Рабинович М.Д.* Полки петровской армии 1698–1725. Краткий справочник. М., 1977 (Труды Государственного исторического музея; Вып. 48). С. 567.

[41] ПСЗ-I. Т. 4. № 1834. С. 139.

[42] Государственный архив Вологодской области (далее – ГА ВО), ф. 1260 (Коллекция столбцов), оп. 1, д. 12075.

нику Ивану Андреевичу Вельяминову Зернову велено на Москве в Никицком девичье монастыре переписать приходные и росходные книги з 203-го (1694/95. – *И.Ш.*) году и в церквах Божиих святые окладные и неокладные иконы и церковные сосуды, и книги»[43]. Аналогичные данные содержит преамбула к описанию приписных обителей Троице-Сергиева монастыря, составлявшихся без участия представителей Монастырского приказа, силами строителей и слуг приписных монастырей[44]. В приказе переписчики получали три вида документов: наказ, составленный на основании правительственных указов, «память по наказу» с перечислением всего, что нужно описать, и «грамоту с прочетом», подтверждавшую их полномочия[45].

Эти документы выдавали и подписывали дьяки Монастырского приказа. Так, имя Ефима Зотова значится в преамбулах к переписным книгам Спасо-Преображенского и других монастырей Коломны[46]. Наказы с его «приписью» получили также стольники, составлявшие описания Суздальского архиерейского дома и монастырей Суздальского уезда, а также обителей Владимирского и Кашинского уездов[47]. В преамбулах переписных книг фигурирует также имя Ивана Шапкина, подписавшего наказы по описанию монастырей Орловского, Кромского, Белёвского, Серпейского, Болховского, Воротынского и других юго-западных уездов страны[48]. Наказы стольникам, направленным в обители Вологодского и Нижегородского уездов, подписал дьяк Герасим Потапиев[49]. Известны случаи, когда наказы подписывали сразу два дьяка[50].

11–12 апреля 1701 г. в Монастырском приказе были составлены две грамоты, предназначенные для разных переписчиков[51]. Грамоты посвящены организации описания на местах и имеют абсолютно идентичное содержание, однако под одним документом стоит «припись» дьяка Ивана Шапкина, а под вторым – Герасима Потапиева. «Грамоты с прочетом» выдавались переписчикам одновременно с «наказами» и заверялись одним и тем же человеком. Дьяки Монастырского приказа оставляли свои скрепы и при получении уже

---

[43] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 17, л. 1.

[44] Там же, д. 40, л. 1; Алатырский Троицкий мужской монастырь: документы 1612–1703 годов / Сост. В.Д. Кочетков, А.А. Чибис. Ульяновск, 2015. С. 231; *Шамина И.Н.* Переписная книга Троицкого Белопесоцкого монастыря 1701 г. // Источники по истории русского Средневековья и Нового времени. Вып. 1. М., 2022. С. 187.

[45] *Шамина И.Н.* Практическая реализация первого этапа церковной реформы Петра I (1701–1703) // Российская история. 2021. № 4. С. 60–73.

[46] *Шамина И.Н.* Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренёва и Брусенского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4(47/48). С. 105, 124, 132, 195, 213; РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 58, л. 419, 579, 714.

[47] *Давыдов М.И.* Переписные книги Суздальской соборной церкви и архиерейского дома 1701 г. // Вестник церковной истории. 2022. № 1/2(65/66). С. 178; РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 21, л. 359, 371; д. 57, л. 75.

[48] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 21, л. 1, 10, 75, 79, 83.

[49] Там же, д. 17, л. 1; д. 54, л. 72; *Шамина И.Н.* Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 годов // Вестник церковной истории. 2010. № 1/2(17/18). С. 22, 47; Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв... С. 137, 157, 248; *Башнин Н.В.* Опись имущества и строений Дионисиева Глушицкого монастыря 1701 г. и переписные книги вотчины Дионисиева Глушицкого монастыря 1702 г. // Вестник церковной истории. 2013. № 3/4(31/32). С. 144; *Шамина И.Н.* Переписная книга вологодского Спасо-Нуромского монастыря и его вотчины 1701–1702 гг. // Вестник церковной истории. 2020. № 1/2(57/58). С. 15, 29.

[50] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 21, л. 391, 444; д. 17, л. 351, 363.

[51] ОР РНБ, ф. 531, оп. 2, д. 5222; ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 12076.

составленных описаний. Чаще всего это были Герасим Потапиев, Иван Иванов и Гавриил Окуньков[52].

Несмотря на масштабность мероприятия, в расходной книге Монастырского приказа 1701–1702 гг. о нём упоминается лишь косвенно. Там есть сведения о многократных покупках бумаги (книжной и «пищей») и чернил. В декабре 1701 г. купили «сундук с нутряным замком, в которой класть переписные книги». Подобный же сундук «на переписные книги и на всякие приказные дела» приобрели и в мае 1702 г. Тогда же в Печатном приказе уплатили пошлины «с наказу, которой дан стольнику Степану Митусову, и велено переписывать в Нижегородцком уезде в Закудемском стану да в Свияжску и в Свияжском уезде монастыри и патриарши, и архиерейские, и монастырские вотчины»[53].

Молчание расходной книги о проводимой переписи объясняется спецификой источника. Финансирование мероприятия не шло непосредственно из казны Монастырского приказа. Об этом прямо говорится в упомянутых выше «грамотах с прочетом». Переписчикам и подьячим полагалось брать на местах подённый корм «по десяти алтын на день»[54]. О получении ими вознаграждения в качестве кормовых денег свидетельствуют и записи в некоторых переписных книгах. Так, в описи Благовещенского Ширинского монастыря Кашинского уезда отмечено, что за время работы там в октябре 1701 г. стольник Я.П. Никифоров взял «кормовых денег... на двенатцеть дней по десяти алтын на день... Да подьячему на те же числа по десяти денег на день»[55]. Такие же суммы взяли и стольник Кошелев с подьячими, описывавшие среди прочих вологодский Дионисиев Глушицкий монастырь[56]. Судя по всему, размеры кормовых выплат были одинаковыми для всех переписчиков. Впрочем, позднее, распоряжением главы приказа от 6 июня 1702 г. по причине слишком «мешкотного» описания было указано «перепищиком в монастырех и в вотчинах кормовых денег по наказом ничево не давать»[57].

Принято считать, что задача переписчиков, отправленных из Монастырского приказа в 1701–1703 гг. для описания церковных владений, сводилась только к составлению переписных книг. Однако, как показывают материалы описаний, этим их обязанности не ограничивались. Переписчики фактически вступали в управление монастырями, являясь своего рода управляющими приказа на местах. Подобные свидетельства содержит опись Благовещенского Ширинского монастыря. Стольник Никифоров, приехавший в обитель, потребовал предъявить приходо-расходные и переписные книги за последние пять лет. Расходных книг за 1697/98 г. найти не смогли, а расходные книги 1700 г. оказались «черны и не за рукою». Стольник начал расследование и со слов казначея выяснил, что «бывшей игумен Иосиф без указу Преосвященного Сергия, архиепископа Тверскаго и Кашинского, отнял у него, казначея Иосифа, насильно деньги казенные, которые были в приеме два рубли пять денег; и приходные, и росходные книги отнял же и держит у себя; и росход чинил

[52] *Шамина И.Н.* Описание Коломенской епархии 1701–1702 гг. по данным рукоприкладств, помет и скреп в переписных книгах // Известия Саратовского университета. 2022. Т. 22. Сер. История. Международные отношения. Вып. 2. С. 144–151.

[53] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 26, л. 11 об., 38 об., 39.

[54] ОР РНБ, ф. 531, оп. 2, д. 5222; ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 12076.

[55] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 57, л. 94.

[56] *Башнин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь... С. 1074.

[57] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 3, д. 6524, л. 1.

денежной напрасно; и монастырской хлеб продавал. И видя свою вину, в тех книгах многое чернил». В результате игумена Иосифа выслали из монастыря, а в качестве возмещения убытка он отдал «книгу свою “О вере Христове” да платья: рясу суконную зеленую да кожан лосиной»[58]. С особым вниманием стольник отнёсся к описанию монастырского имущества, тщательно сверяя содержимое ризницы и казны с предыдущей описью, составленной в январе 1701 г. при смене игумена. Если каких-то вещей не обнаруживалось, о том, куда они пропали, казначей обязан был предоставить «скаску». В ходе переписи в соответствии с положением петровского указа от 11 марта 1701 г. о запрете проживания в монастырях лицам, не принадлежащим к монашеству, стольник Никифоров «выслал вон» белых диакона, дьячка и пономаря[59]. Подобным образом поступал, например, стольник Кошелев. При описании вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря в октябре 1702 г. он в памяти архимандриту Иосифу и келарю Гедеону потребовал выслать «всех келейников и посторонних лиц, опричь престарелых», а приехав в Спасо-Каменный монастырь, организовал своего рода политический сыск, когда из окна монастырской тюремной кельи один из заключённых выкрикнул государево «слово и дело»[60].

О том, что монастыри и их имущество, включая крестьян, попадали в прямое подчинение к стольникам, напрямую свидетельствует челобитная монахов Благовещенского Ширинского монастыря 1702 г.: «А что было за тем нашим монастырем малое число крестьян, и тех крестьян ныне ведает стольник Петр Иванов сын Травин. А без твоего государева указу он... теми крестьяны владеть нам не дает. Да и сами без твоего государева указу владеть не смеем»[61].

В расходной книге Монастырского приказа 1701–1702 гг. назначения стольников для управления монастырскими и архиерейскими владениями отмечаются неоднократно. В мае 1702 г. ведать монастыри Белгородской епархии направили Ивана Григорьева сына Волкова; «епархии Святейшего патриарха» в Костроме, Галиче и Кинешме Василия Сабурова; управлять Смоленской епархией следовало Ивану Леонтьеву сыну Нелидову, а Нижним Новгородом – князю Ивану Борятинскому[62]. Указом от 24 июня 1702 г. стольникам как представителям Монастырского приказа поручили управлять монастырскими вотчинами, минуя воевод: «а воеводам тех монастырских крестьян ведать не велено»[63]. В Вологде и Кириллове (Вологодская епархия) в 1701–1704 гг. действовали также съезжие дворы монастырских дел, где имелся свой штат подьячих и сторожей[64]. Были ли такие учреждения в других епархиях, к настоящему моменту установить не удалось. И.А. Булыгин отметил, что особое место занимали владения патриарших монастырей, которые остались в управлении Патриаршего дворцового приказа, в то время как местные стольники не имели права ими распоряжаться. Даже местоблюстителю Патриаршего престола Стефану (Яворскому) для въезда в патриаршие владения необходимо было получить специальное разрешение царя[65].

---

[58] Там же, оп. 1, ч. 1, д. 57, л. 75 об. – 76.

[59] ПСЗ-I. Т. 4. № 1839. С. 159–160; РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 57, л. 95 об.

[60] *Черкасова М.С.* Вологда и Устюг... С. 82, 88.

[61] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 2, д. 225, л. 1 об.

[62] Там же, оп. 1, ч. 1, д. 26, л. 40, 41 об., 50 об.

[63] ПСЗ-I. Т. 4. № 1914. С. 197.

[64] *Черкасова М.С.* Вологда и Устюг... С. 76.

[65] *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне... С. 84–85.

Описание владений Церкви, попадающих в ведение Монастырского приказа, сопровождалось и контролем над архиерейскими и монастырскими доходами. По распоряжению правительства, зафиксированному в наказах составителям переписных книг и нашедшему отражение в некоторых материалах описания, монастыри не имели права самостоятельно расходовать деньги. Например, в переписной книге кашинского Троице-Рябова монастыря об этом говориться следующим образом: «И что взято будет с вотчины по окладу оброчных денег... и они б тех денег ни на какие росходы без указу великого государя из Монастырского приказу не держали и взаимы никому не давали, и сами ни у кого ни на какие монастырские росходы денег и иного ничего не заимывали. А на какие росходы денги понадобятца, и они б о том били челом в Монастырском приказе»[66]. Монастырской администрации следовало сообщать в приказ, «что в котором месяце и числе ис которых вотчин во взятье будет... и хлебныя доходы выбрать не мотчав»[67]. При описании Преображенского монастыря в Белёве в монастырской казне обнаружили «наличных денег сорок семь рублев адиннатцать алтын», которые следовало запечатать и отдать казначею – «до указу великого государя беречь»[68].

Из Монастырского приказа, в свою очередь, неоднократно направлялись служащие для сбора денег или финансовой документации. В июле 1701 г. подьячий Пётр Попов поехал в Свято-Троицкий Макариев Желтоводский монастырь «для взятья ведомости, что у них в зборе о Макарьевской ярмонке пошлин». В июле 1701 г. в Данилов монастырь Переславля-Залесского направился подьячий Иван Казаринов «для переписки монаха Ефрема Борятинского после иво смерти, денег и животов»[69]. Монах Ефрем – не кто иной, как известный в XVII в. государственный деятель кн. Иван Петрович Барятинский (1615–1701), боярин, окольничий, воевода, стольник и ктитор переславского Данилова монастыря, многократно делавший туда вклады и принявший там постриг в 1697 г.[70]

Одной из задач стольников как управляющих Монастырского приказа являлась выплата жалованья насельникам монастырей, находившихся в их ведении. Штатное содержание монахам было установлено именным указом от 30 декабря 1701 г.: «по 10 рублев денег, по 10 четвертей хлеба и дрова в довольность их». В бедные монастыри, не имевшие вотчин, предполагалась выплата денежного и хлебного жалованья, «без чего по самой нужде быть невозможно»[71]. Записи о выплатах жалованья есть в расходной книге Монастырского приказа 1701–1702 гг. 11 января 1702 г. его получили «Осташкова города Ниловы пустыни игумен Илинарх з братьею на нынешней 1702 год по окладу сорок три рубли», а в июне того же года – насельники Яблоновой пустыни Лебедянского уезда: «на всякие монастырские росходы двести рублев ис тех денег, которые взяты в Монастырской приказ в нынешнем 1702-м году за ярмонку»[72]. Подобное жалованье получали и служащие архиерейских домов. В марте

[66] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 57, л. 16 об.

[67] Там же, д. 58, л. 546.

[68] Там же, д. 21, л. 26 об.

[69] Там же, д. 26, л. 4, 5 об.

[70] *Свирелин А.И.* Князь Иван Петрович Барятинский // Чтения в Императорского обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1859. Кн. 2. С. 25–30.

[71] ПЗС-I. Т. 4. № 1886. С. 181–182.

[72] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 26, л. 16–16 об., 42 об.

1702 г. стольник Кошелев «вологоцкого Софейского собору протопопу Ивану Григорьеву з братьею против челобитья их выдал из домовой Преосвященного архиепископа казны денежное жалованье и за хлеб денгами на прошлой 1701-й и на нынешней 1702-й годы по окладом их»[73].

Управляющие Монастырского приказа на местах не всегда добросовестно выплачивали причитающиеся монахам и архиерейским служащим деньги. 30 мая 1702 г. получил распоряжение давать монахам «годовое денежное и хлебное жалованье» стольник П.И. Травин, управлявший монастырскими владениями в Бежецком верхе, Устюжне Железопольской и Кашине[74]. 30 июня 1702 г. ему направили грамоту о выплате жалованья монастырским слугам, служебниками и прочим монастырским работникам «по окладу шеснатцеть рублев шеснатцеть алтын четыре денги»[75]. Уже в июле 1702 г. в Монастырский приказ поступила челобитная от монахов Ширинского Благовещенского монастыря в Кашинском уезде о том, что они не получили жалованья ни за 1701, ни за 1702 г.: «А ныне у нас стало оскудение свеч, и ладону, и вина церковного нет и взять негде». Травину велели «денежное и хлебное жалованье на прошлой 1701-й и на нынешней 1702-й годы выдать сполна»[76]. На стольника И.М. Кологривова 12 августа 1703 г. жаловался архимандрит владимирского Рождественского монастыря Боголеп: в выдаче жалованья «чинитца... государеву указу ослушен» и жалованья монахам не выдал[77].

Как показала М.С. Черкасова на примере вологодского стольника Л.Н. Кологривова, приказные служащие также давали указания по вопросам содержания ссыльных[78]. В приходо-расходной книге Вологодского архиерейского дома 1702–1703 гг. отмечены такие траты: в апреле 1702 г. стольник выдал «Успенского Горнего девичья монастыря ссыльным бабкам, и бабам, и девкам великого государя жалованье из домовой Преосвященного архиепископа казны на нынешней 1702-й год... всего девяти человеком по два рубли по пяти алтын по пяти денег на год человеку»[79].

Через стольников-управляющих шёл сбор налогов. 4 мая 1702 г. вышел именной указ Петра I о сборе денег «на починку кораблей и на покупку всяких корабельных запасов, и на дачю мастеровым людям жалованья» с крестьян и бобылей архиерейских и монастырских вотчин «по четыре алтына з денгою з двора»[80]. Уже 11 июня из приказа Адмиралтейских дел в Монастырский приказ последовала жалоба о том, что архиерейские и монастырские крестьяне этих денег не платят, поскольку ими ведают стольники, а кто именно, в приказе Адмиралтейских дел не знают. В ответ на это в Монастырском приказе «учинили» указ стольникам о сборе необходимых денег, но на местах это распоряжение встречало сопротивление. В июле 1702 г. чухломской воевода сообщал, что этому указу «чюхломские монастырские прикащики, старосты и крестьяне чинятца непослушны». В итоге собрать деньги приказали стольнику Василию

---

[73] Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии XVII – начала XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2018. С. 234.

[74] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 26, л. 39 об.

[75] Там же, л. 43–43 об.

[76] Там же, оп. 1, ч. 2, д. 225, л. 1 об., 4.

[77] *Горчаков М.* Монастырский приказ... Приложение № 16. С. 15.

[78] *Черкасова М.С.* Вологда и Устюг... С. 87.

[79] Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома... С. 251, 261, 405–406.

[80] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 2, д. 264, л. 1.

Сабурову, «а на ослушниках... доправить безо всякого мотчания»[81]. Как видим, стольники по отношению к местным воеводам выступали параллельной властной структурой.

По-видимому, низшую ступень управления Монастырского приказа занимали приказчики. Уже в именном указе от 11 марта 1701 г. шла речь о том, что «в патриарших, и архиерейских, и монастырских вотчинах посельским старцам впредь не быть, а быть приказчиком»[82]. 26 марта 1701 г. последовало и распоряжение А.И. Мусина-Пушкина и дворецкого М.Г. Баскакова, возглавлявшего Патриарший дворцовый приказ, о том, чтобы «посельских старцев... сослать долой и впредь посельским старцом не быть, а быть одним приказщиком»[83].

В своей деятельности приказчики опирались на целовальников, которые, судя по всему, выбирались крестьянской общиной[84]. Они наделялись широкими полномочиями, надзирая над всеми видами хозяйственных работ в монастырских вотчинах. Так, например, целовальник из сельца Заречья вотчины вологодского Николо-Озерского монастыря по приказу монастырских властей подал «скаску», где указал, сколько на гумне «всякого умолотного хлеба», сколько его принято «налицо в таможенную меру», и «спущено... по зимному пути на Троецкую мелницу про монастырские яденные росходы». Выборные управляющие контролировали и действия приказчиков. Целовальник из Заречья жаловался, что уличённый «в бездельном вымысле» приказчик увёз из монастырских сёл «хомутину новую», «хмелю десять фунтов» и «тчан капусты». Всё это он сделал «*без ведома целовальников* (курсив мой. – *И.Ш.*)»[85].

Несмотря на указ 11 марта 1701 г., перепись во многих монастырях зафиксировала и посельских старцев[86]. В 1703 г. в том же Николо-Озерском монастыре посельские монахи, судя по всему, действовали вместе с приказчиками: в описи имущества игумена Левкия указаны и те и другие[87].

Таким образом, в 1701–1703 гг. Монастырский приказ представлял собой сложное учреждение. Обычная для XVII в. структура, когда во главе приказа стоял судья, его ближайшими сотрудниками являлись дьяки и для осуществления делопроизводства имелся широкий штат подьячих, в 1701 г. дополнилась институтом отправленных «на места» управляющих (в основном стольников) и сопровождающих их в поездках подьячих. Стольники не только осуществили ревизию патриарших, архиерейских и монастырских владений, но и взяли в свои руки управление монастырями и архиерейскими домами. Контролируемые ими земли исключались из-под власти воевод. С точки зрения населения, стольники выступали их новыми владельцами. Главной опорой стольников в подведомственных вотчинах являлись приказчики, назначенные из числа монастырских слуг, а также целовальники, представлявшие интересы крестьянских миров. Пример Вологодской епархии показывает, что в отдельных случаях могли создаваться промежуточные управленческие структуры в виде монастырских съезжих изб.

---

[81] Там же, л. 4.

[82] ПСЗ-I. Т. 4. № 1839. С. 159.

[83] *Горчаков М.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988–1738 гг.). Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871. Приложение № 50. С. 130.

[84] *Черкасова М.С.* Вологда и Устюг... С. 86

[85] ГА ВО, ф. 496 (Вологодская духовная консистория), д. 55, л. 7, 10.

[86] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 21, л. 28, 191; д. 17, л. 163.

[87] ГА ВО, ф. 496, д. 55.

В результате в 1701–1703 гг. была создана гигантская разветвлённая управленческая структура, охватившая значительную часть государства. Подлинный масштаб этой структуры оценить сложно, поскольку её финансирование осуществлялось из разных источников. Служащие, работавшие непосредственно в столице, получали жалованье из приказной казны, а представители местной власти – из средств, собранных в управляемых вотчинах, что не отразилось в приказных расходных книгах. Соответственно и общее число людей, вовлечённых в управленческую деятельность, оценить сложно. Приводимые в историографии цифры – лишь «вершина айсберга»: они не учитывают работающих на местах подьячих, приказчиков и проч.

Структура управления на местах фактически начинала создаваться после того, как переписчики приезжали в монастыри и одновременно с переписными мероприятиями вступали в управление ими. Это выразилось, в частности, в указах, касавшихся монастырского быта, зафиксированных в ряде переписных книг[88]. Анализ документов, связанных с деятельностью Монастырского приказа, показывает, что некоторые распоряжения властей оказывалось сложно или невозможно реализовать, поэтому в них вносились коррективы: переписчикам приходилось брать из Москвы подьячих; от старой монастырской администрации, несмотря на запрет, оставались посельские старцы и др.

С течением времени управляющими Монастырского приказа на местах становились не только стольники. В Вологде на съезжем дворе монастырских дел в 1704 г. действовал Семён Герасимович Брянчанинов, который стольником в источниках не называется, хотя выполнял, по сути, те же обязанности[89]. В 1706 г. управляющий делами архиерейского дома и монастырей в Коломне И.Д. Щепотев именовался «стольником и воеводой»[90]. Очевидно, созданные в 1701–1703 гг. институты управления оказались неустойчивыми и продолжали эволюционировать.

[88] См.: *Шамина И.Н.* Практическая реализация... С. 68–70.

[89] *Башнин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь... С. 1014–1016.

[90] РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 68, л. 1.

«Русский Афон» в Крыму архиепископа Иннокентия (Борисова): проблемы изучения

Любовь Мельникова

«Russian Athos» in the Crimea by Archbishop Innokenty (Borisov): problems of studying

Liubov Melnikova
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722060140, **EDN**: MMTKYL

Святая Гора Афон на северном побережье Эгейского моря, как известно, с давних пор играет выдающуюся роль в духовно-религиозной жизни православного мира. Она является одной из величайших святынь и почитается как земной удел Пресвятой Богородицы – священная земля, находящаяся под особенным покровительством Божией Матери. Ещё во времена Византии там сложилось крупнейшее средоточие мужских монастырей, получившее, согласно первому уставу Святой Горы Афон (972), режим самоуправления. Строгий устав и хранимые с древних времён на Афоне формы пустынножительства сделали Святую Гору практически эталоном жизни православного монашества. С XI в. многие русские монахи стремились совершить сюда паломничество и нередко оставались здесь жить. К середине XIX в. основным местом пребывания русских иноков на Святой Горе стал Свято-Пантелеимонов монастырь, входящий в число 20 привилегированных афонских монастырей, имеющих своих представителей в Протате (центральном соборном органе управления Святой Горы). Этот монастырь на протяжении практически всего периода своего существования именовался Русским (или Руссиком), хотя национальный состав его насельников не был однородным: значительную часть братии составляли греки и сербы, что неоднократно приводило к межнациональным столкновениям и конфликтам[1].

Особое духовно-религиозное значение Афона для православного монашества и непростое положение русских иноков на Святой Горе привели во второй половине XIX в. к появлению на юге Российской империи двух крупных духовных центров, имевших в своём наименовании термин «Афон». Это Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, основанный на Кавказе (в Абхазии) в 1870-х гг. как «отрасль» (филиал) Руссика и так же, как и последний, находившийся в церковной юрисдикции Константинопольского патриархата, и так называемый Русский Афон в Крыму – отечественный центр пустынножительства, сложившийся в 1850-х гг. и представлявший собой иноческое братство Бахчисарайского Успенского скита и ряда приписанных к нему киновий, придерживавшееся устава, который был разработан по Афонскому образцу.

«Русский Афон» в Крыму, несмотря на свою уникальность и многогранность, не избалован вниманием исследователей и вообще мало знаком широкой общественности. В дореволюционной историографии тема рассматри-

© 2022 г. Л.В. Мельникова

[1] См., например: *Мельникова Л.В.* Конфликт на Афоне: «греко-русский Пантелеимоновский процесс» первой половины 1870-х гг. и основание Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря // Россия XXI. 2021. № 5–6. С. 10–27.

валась лишь крымскими краеведами в ряде статей и брошюр, посвящённых деятельности в Крыму архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова) или содержавших научно-популярное, предназначенное для путешественников описание крымских храмов и обителей[2]. Среди немногочисленных современных историков, обращавшихся к изучению Русского, или Крымского, Афона, следует выделить В.В. Калиновского, выполнившего серьёзное исследование деятельности православного духовенства в области изучения и охраны памятников Крыма в XIX – начале XX в.[3], А.В. Попова, опубликовавшего книгу о Бахчисарайском Успенском монастыре, где обобщён накопленный в исторической литературе материал и содержатся некоторые «собственные изыскания автора»[4], и Т.А. Богданову, занимающуюся изучением и публикацией переписки архиепископа Иннокентия (Борисова), отложившейся в фонде святителя в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки[5].

Несмотря на постепенно возрождающийся интерес к рассматриваемой проблеме и очевидные научные достижения, в исследовании темы существует целый ряд лакун: в частности, до сих пор практически не затрагивался вопрос о наличии (или отсутствии) прямых контактов между крымскими обителями (или их епархиальным руководством) и Афонским Свято-Пантелеимоновым монастырём; не обнаружен и не проанализирован первый устав крымского иноческого братства; недостаточно изучена и полна досадных мифов история «Русского Афона» в Крыму периода Крымской войны 1853–1856 гг.; наконец, основное внимание уделяется главным образом Бахчисарайскому Успенскому скиту в ущерб приписанным к нему киновиям, более того – первым семи годам его существования (1850–1857). История Крымского духовного центра после кончины в 1857 г. архиепископа Иннокентия, как правило, не рассматривается, что создаёт ложное ощущение незавершённости церковно-государственного проекта владыки. В данной статье делается попытка хотя бы частично осветить поставленные вопросы.

Возникновение в Крыму «Русского Афона» неразрывно связано с именем архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова) – одного из лучших представителей русского учёного монашества. Иннокентий (Иван Алексеевич Борисов) родился 15 декабря 1800 г. в г. Елец Орловской губ. в семье священника. В 1810 г. он поступил в Воронежское епархиальное училище, однако, заболев оспой, вынужден был оставить его. В 1819 г. окончил Орловскую духовную семинарию, в 1823 г. – Киевскую духовную академию, после чего был назначен инспектором и профессором церковной истории и греческого язы-

---

[2] *Ливанов Ф.В.* Бахчисарайский Успенский скит в Крыму: историческое описание. М., 1874; *Ливанов Ф.В.* Херсонес (древний Корсунь) в Крыму с открытым в нём ныне первоклассным монастырём Святого Владимира: историческое описание. М., 1874; *Ливанов Ф.В.* Инкерман и «Инкерманская киновия» в Крыму (что близ г. Севастополя). М., 1874; *Маркевич А.* Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Симферополь, 1901; и др.

[3] *Калиновский В.В.* «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»: церковное крымоведение (1837–1920). Киев; Симферополь, 2012.

[4] *Попов А.В.* Успенский Бахчисарайский монастырь. История, архитектура, святыни. Симферополь, 2016.

[5] *Богданова Т.А.* Святитель Иннокентий (Борисов) и его проект: «Русский Афон» в Крыму (по письмам 1849–1857 гг.) // Светская и духовная словесность в России XVIII–XIX веков / Отв. ред. М.И. Щербакова. М., 2018. С. 216–247; *Богданова Т.А.* Из крымской переписки Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // Светская и духовная... С. 305–360.

ка Санкт-Петербургской духовной семинарии, а также ректором Александро-Невского духовного училища. 10 декабря 1823 г. Иван Борисов был пострижен в монашество с именем Иннокентий и посвящён в сан иеродиакона, а 29 декабря того же года — иеромонаха, через год переведён в Санкт-Петербургскую духовную академию бакалавром богословских наук. В последующие годы о. Иннокентий являлся инспектором, членом Правления и Конференции той же академии, в 1826 г. возведён в звание экстраординарного профессора и в сан архимандрита. В сентябре 1829 г. за ряд богословских сочинений («Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа», «Жизнь святого апостола Павла» и «Жизнь святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского»)[6] ему присудили степень доктора православного богословия. В августе 1830 г. он был назначен ректором и профессором богословских наук Киевской духовной академии и одновременно — настоятелем Киево-Братского монастыря. В течение десяти лет своего ректорства архимандрит (с 1836 г. епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии) Иннокентий написал десятки научных работ, опубликовал пять сборников проповедей и провёл в академии ряд реформ, среди которых наиболее значительной стала отмена преподавания на латинском языке. 1 марта 1840 г. он возглавил самостоятельную епископскую кафедру в Вологде, а 31 декабря того же года — в Харькове. За обширные труды по управлению Харьковской епархией 15 апреля 1845 г. он был возведён в сан архиепископа.

К моменту назначения на Херсонскую кафедру (24 февраля 1848 г.) владыка Иннокентий приобрёл широкую известность как талантливый богослов, церковный историк, проповедник и администратор. Увлекаясь историей и церковной археологией, он придавал большое значение раскопкам и восстановлению древних христианских обителей (как национального, так и вселенского масштаба), живо интересовался состоянием церковных дел на Православном Востоке, поддерживал постоянные контакты с членами Русской духовной миссии в Иерусалиме, настоятелями посольских церквей в Константинополе и Афинах, некоторыми восточными иерархами и русскими дипломатами, вносил свой вклад в укрепление связей между Поместными церквами и в усиление русского влияния на Ближнем Востоке. Большой опыт и несомненный авторитет позволили ему направить основные усилия на восстановление в Крыму древних христианских обителей с введением в них пустынножительства по уставу, разработанному по Афонскому образцу. Его проект «Русский Афон» в Крыму, как и «Русская Палестина» архимандрита Антонина (Капустина), отвечал веяниям времени и был вызван отчасти сходными с ней мотивами.

Крым, тесно связанный с ранней историей христианства и крещением князя Владимира, имел для Российской империи большое государственное и духовно-религиозное значение. Между тем к моменту его включения в состав России в 1783 г. многие христианские святыни были разрушены или пребывали в запустении. На полуострове действовал лишь один православный монастырь — Балаклавский Георгиевский — и около 15 православных церквей[7].

---

[6] Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 5. СПб., 1908. С. 3—560.

[7] *Лебединцев А., прот.* О Феодосийской (викарной) епархии // Херсонские епархиальные ведомости. 1861. Ч. II. Прибавления. С. 49; *Родионов М., прот.* Статистико-хронологическо-историческое описание Таврической епархии: Общий и частный обзор. Симферополь, 1872. С. 92.

Екатеринославские архиепископы, управлявшие огромной территорией, уделяли недостаточное внимание церковным проблемам Крыма. Положение изменилось в лучшую сторону с созданием 9 мая 1837 г. новой церковно-административной единицы – Херсонской и Таврической епархии (включившей в себя две одноимённые губернии) с центром в Одессе. Уже первый архиепископ Херсонский и Таврический Гавриил (Розанов) проявил интерес к Крыму, написав работу «Остатки христианских древностей в Крыму, в Феодосийском уезде»[8]. Для архиепископа Иннокентия, ставшего вторым главой епархии, Крымский полуостров, названный им вместе с Новороссией «аванпостом духовным России перед Востоком»[9], стал объектом особого внимания и попечения.

По признанию самого Иннокентия, уже во время своей первой пастырской поездки в Крым летом 1848 г. он обратил внимание на «вековые горы Тавриды с её дивными удолиями», «неестественность положения господствующей религии среди преобладающего магометанства», «духовные нужды православных» и «памятники священных древностей, лежащие в развалинах»[10]. На плачевное состояние крымских древних христианских святынь указывали владыке и священнослужители его епархии. Так, например, 22 июня 1848 г. херсонский протоиерей Максим Перепелицын писал ему: «Вашему Высокопреосвященству небезызвестно, что в Крымском полуострове, особенно в южной полосе его, с незапамятных времён было много христианских монастырей... Судя по народам или разным племенам, там живущим, здесь монастыри быть необходимы. Остатки Успенского монастыря, что близ Бахчисарая (именуемого только монастырём), где была явлена чудотворная икона Божией Матери, перенесённая греками в г. Мариуполь, сами и притом трогательно вызывают на возобновление или, лучше, на существенное основание его»[11]. Вскоре у архиепископа созрело решение о возрождении обителей, существовавших на полуострове в эпоху Средневековья.

По поручению Иннокентия в августе 1849 г. протоиерей симферопольского Александро-Невского собора Михаил Родионов составил от имени жителей Симферополя, Бахчисарая, Алушты и «прочих соседних городов и селений» прошение о «постепенном восстановлении в приличном виде» основных крымских духовных центров. В списке подлежавших восстановлению святынь главное место отводилось учреждению «центрального скита монастырского» в Бахчисарайской Успенской скале, что объяснялось как особой значимостью обители для православных жителей Крыма, так и неплохой её сохранностью: «Успенская скала обращает на себя преимущественное внимание 1) потому, что она была последним под владычеством татар местопребыванием продолжившейся от времён Апостольских иерархии Херсонесо-Таврической, из коего последний митрополит Готфейский Игнатий, как известно, в 1778 г. перешёл с немалым числом греков в Мариуполь; 2) потому, что в сей скале кроме гото-

---

[8] *Гавриил (Розанов), архиеп.* Остатки христианских древностей в Крыму, в Феодосийском уезде // *Гавриил (Розанов), архиеп.* Полн. собр. соч. Ч. 2. М., 1854.

[9] *Титов А.* Письма архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия к Гавриилу, архиепископу Рязанскому, 1829–1857 // Записки Одесского общества истории и древностей (далее – ЗООИД). 1888. Т. 14. С. 760.

[10] *Востоков Н.М.* Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. 1800–1857 гг. Биографический очерк // Русская старина. 1879. Т. 24. № 1–4. С. 675.

[11] ОР РНБ, ф. 313, д. 39, л. 16 об.–17.

вой церкви, не скудной вещами к богослужению, находятся уже и готовые келии, могущие вместить нужное для богослужения число лиц монашествующих; 3) потому, что к сему месту доселе продолжается особенное усердие народа православного по всему Крыму, что доказывается ежегодным многочисленным стечением народа к храмовому празднику Успения, продолжающимся не менее восьми дней; 4) потому, что из доходов от богомольцев будущий скит Успенский может иметь значительное пособие к своему содержанию»[12]. Упомянутый список продолжили ещё десять наименований «главнейших мест, ознаменованных древней святыней»: древние церкви Св. Анастасии в имении помещика Хвитского на р. Каче и в Инкерманской скале близ Севастополя, урочище с источником Св. Иоанна Предтечи близ греческой деревни Камара, источник Савлух-Су святых бессребреников Космы и Дамиана на р. Альме у подошвы Чатыр-Дага, а также церкви Св. пророка Илии в Козской долине, Св. апостола Матфея в Судакской долине, Св. Параскевы в урочище Топлу в Феодосии, Св. Георгия близ Старого Крыма у подошвы горы Агармыш, Св. Иоанна Предтечи с источником у горы Кизилташ, Св. Георгия с источником в урочище Катерлез в пяти верстах от Керчи. «В сих местах, – говорилось в документе, – могли бы... устроиться небольшие киновии в зависимости от скита Успенского, дабы таким образом, сообразно природному свойству здешних мест, похожему на известную во всём мире христианском гору Афонскую, на горах Крымских мог составиться со временем наш *русский Афон*, в пристанище многим душам, кои, ища безмолвия, оставляют отечество и текут в монастыри Афонские»[13]. В заключение высказывалась твёрдая уверенность в том, что на «сие благое дело» крымские жители охотно принесут «посильные приношения», и что восстановление древних христианских святынь окажет благотворное действие даже на «крымских татар магометанского исповедания», многие из которых нередко «приходят на некоторые из вышесказанных урочищ, ища в водах святых источников исцеления от болезней себе и детям своим»[14]. Прошение подписали около 250 человек.

В историографии уже обращалось внимание на то, что именно в процитированном документе впервые применительно к восстановлению крымских святынь появляется словосочетание «Русский Афон», давшее название проекту[15].

В специальной «Записке о восстановлении древних святых мест по горам Крымским», предназначенной как для духовных, так и для светских властей, архиепископ Иннокентий развил идеи и мысли, выраженные в полученном им прошении. Прежде всего он подчеркнул религиозно-нравственное и церковно-политическое значение предлагаемого проекта, реализация которого позволила бы поддержать, «особенно в глазах иноверцев, честь веры христианской и самого правительства»; сохранить «от конечного разрушения места, по многим причинам сто́ящие внимания всякого просвещённого человека»; создать «неприметно средоточия» благотворного воздействия христианской веры на окрестное татарское население и, возможно, подготовить «постепенное сближение» крымских мусульман с христианством; наконец, предоставить возмож-

---

[12] Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря / Публ. А. Гроздова // Известия Таврической учёной архивной комиссии (далее – ИТУАК). 1888. Т. 5. С. 81–82.

[13] Там же. С. 82–83.

[14] Там же. С. 83.

[15] *Калиновский В.В.* «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»... С. 75.

ность путешественникам по Крымским горам «вместо мёртвых и безгласных развалин, наводящих грусть и уныние», находить «пристанища священные, где бы вместе с телом мог опочить и дух»[16].

Иннокентий перечислил подлежавшие первоочередному восстановлению святыни Крыма, подчеркнув при этом, что приоритет отдаётся местам, наиболее уважаемым народом, а также не требующим особенных издержек для быстрого возобновления. Сравнивая перечень святых мест в записке Иннокентия со списком таковых в рассмотренном выше прошении, нетрудно заметить, что они разнятся. В записке Иннокентия отсутствуют церкви Св. пророка Илии в Козской долине, Св. Параскевы в урочище Топлу и Св. Георгия с источником в урочище Катерлез, но при этом указаны «основания церкви между развалинами Херсонеса», где предлагается построить «от лица всей России» храм в память крещения св. князя Владимира[17].

Первое место в списке Иннокентия также занимает Успенская скала вблизи Бахчисарая. Отметив хорошую сохранность обители и особенное почитание этого места народом, архиепископ подчеркнул, что «скала Успенская требует не столько восстановления, ибо она довольно оправлена, а надлежащего... употребления»[18].

В перечисленных местах в силу их труднодоступности и малонаселённости непросто было водворить белое духовенство или создать крупные иноческие обители по чину российских монастырей. Поэтому Иннокентий предложил учредить там немногочисленные пустынножительства в соответствии с образом монашеской жизни, распространённым в древности, в том числе и в России, и «доселе хранимым во всей силе» на Святой Горе Афон, где при каждом из монастырей находятся скиты или киновии, в которых живёт по несколько иноков (большей частью старцев). «Строгое пустынное житие», по словам Иннокентия, находит «пребольшое и преживое сочувствие» в среде русских монашествующих, многие из которых, «не удовлетворяясь отечественными формами монашества», ежегодно ищут возможность уехать на Святую Гору, однако «элемент греческий, там господствующий, неудобно слагается с элементом русским», поэтому нередко из-за притеснений со стороны турок и греков иноки «возвращаются назад, распространяя по России, не к пользе веры и православия, невыгодные молвы об Афоне».

В связи с этим создание на Крымском полуострове отечественного центра пустынножительства приобретало большое значение. «Восстановить сей образ подвижничества иноческого в России, – писал архиепископ, – было бы одною из немаловажных услуг церкви, даже, можно сказать, и государству. Ибо Россия сильна и держится преимущественно верою и чувством набожности, а набожность в народе нашем, сообразно нравам его, питается наиболее обителями иноческими». По мнению Иннокентия, Крым схож с греческим Афоном природными условиями и не уступает ему по части «святых воспоминаний», поэтому вполне может составить пристанище «многим душам», ищущим безмолвия за пределами родины. Несмотря на отрицание «соперничества» между Таврией и Святой Горой, ибо таковому, по справедливому замечанию владыки, «в сём святом деле не может быть места», в записке чувствуются стремление

[16] Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря. С. 88.
[17] Там же. С. 89–92.
[18] Там же. С. 89.

и надежда создать со временем на Юге России мощный духовный центр, способный составить здоровую конкуренцию греческому Афону.

Организовать Русский, или Крымский, Афон владыка предлагал следующим образом: «Не заводив никакого монастыря, а придержась формы пустынножительства Афонского, учредить из всех священных мест Крыма одно иноческое братство, коего средоточием будет скала Успенская, под именем Успенского скита; прочие же священные урочища с их церквами и часовнями будут почитаться его отраслями, под названием киновий»[19]. Занятия пустынников должны были включать собирание исторических преданий и описание древностей, писание икон, сбор целебных трав и оказание помощи больным, разведение винограда и проч.[20]

Заручившись поддержкой Новороссийского генерал-губернатора кн. М.С. Воронцова, архиепископ Иннокентий направил соответствующее ходатайство в Святейший Синод. В своём представлении, к которому прилагались вышеупомянутые прошение и записка, он ограничил число подлежавших восстановлению мест пятью (Успенская скала вблизи Бахчисарая, церковь Св. Анастасии, источник Космы и Дамиана, церкви на развалинах Херсонеса и в Инкерманской скале). Владыка изложил положения, на которых предлагал учредить там немногочисленные монашеские обители: первым основать скит в Успенской скале, остальные открывать постепенно, по мере представляющихся возможностей; ввести в них общежительный образ жизни по примеру пустынножительства горы Афонской, составив для этого особенный, применительно к местности устав; в Успенском скиту как главном месте пустынножительства иметь настоятеля в звании игумена или архимандрита, в прочих местах – киновиях – назначать начальниками старших из монахов; число монашествующих следовало ограничить: в Успенском скиту – семью (кроме настоятеля), в прочих местах – одним иеромонахом и двумя–тремя послушниками; все церковные учреждения должны были содержаться своими трудами и приношениями богомольцев, без издержек из казны[21].

Определением от 20 марта/11 апреля 1850 г. Святейший Синод одобрил представление архиепископа Иннокентия, 15 апреля император Николай I поставил резолюцию «Исполнить» на соответствующем докладе обер-прокурора Синода гр. Н.А. Протасова, а 4 мая 1850 г. вышел указ императора об утверждении проекта[22].

Инициативу Херсонского архиепископа с большим интересом восприняли и в русских общественных кругах. Так, 10 июля 1850 г. гр. А.П. Толстой[23] в письме Иннокентию отметил, что его проект крайне важен в масштабах не только региона или даже страны, но и всего православного мира: «Я твёрдо уверен, что предпринятое Вами дело будет вскоре иметь самые благотворнейшие последствия. Когда величественное и многовековое здание христианства подверглось сильным внешним нападениям и колебанию внутреннему, Промысел указал христианству обширную беспредельную Россию. Кто знает, что

[19] Там же. С. 93–95.

[20] Там же. С. 96–97.

[21] РГИА, ф. 797, оп. 20, д. 44614, л. 1–4; Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря. С. 83–86.

[22] РГИА, ф. 797, оп. 20, д. 44614, л. 1–4; Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря. С. 83–86.

[23] С 20 сентября 1856 г. А.П. Толстой – обер-прокурор Святейшего Синода.

ещё произойдет на Востоке и удержится ли старинный Афон? Новый – необходим, и необходимо было указать ему место на южных горах России, чтобы он светил единоверцам – и восточным, и западным»[24].

Через три с половиной месяца после утверждения проекта Иннокентия, 15 августа 1850 г., в праздник Успения Божией Матери, при стечении многочисленного народа состоялось открытие Бахчисарайского Успенского скита. Чин освящения провели архиепископ Иннокентий и настоятель Балаклавского Георгиевского монастыря греческий митрополит Агафангел (Типальдо). Торжества начались с литургии в Бахчисарайском соборе Свт. Николая Чудотворца и крестного хода оттуда к Успенской скале[25]. Иннокентий обратился к собравшимся с проникновенной проповедью, в которой обратил внимание на святость Успенской скалы, которую сама Богоматерь «в дивной иконе своей от лет древних избрала в жилище себе», усердие крымчан, никогда не забывавших про это святое место, а также провёл параллель между воссоздаваемой обителью Крыма и Святой Горой Афон: «Отныне... вы, посещая место сие, будете находить в нём не только молитву и богослужение, но и образ жития иноческого по чину Святой Горы Афонской. Кто из вас не слыхал о сей дивной горе, где тысячи добрых иноков и смиренных отшельников день и ночь воссылают к Господу тёплые молитвы о мире всего мира. И вот отныне в пределах собственного отечества, среди наших гор, мы будем иметь утешение зреть подобие древнего Афона!»[26].

О состоянии на тот момент Успенской скалы следует сказать подробнее. Дело в том, что христиане при переселении из Крыма в Приазовье в 1778 г. взяли с собой чудотворную икону Божией Матери, на месте явления которой, по преданию, была основана обитель, а также другие иконы и утварь; пещерная церковь Успения Божией Матери оказалась заброшенной, три вырубленные в скале монашеские келии опустели. В 1781 г. по настоянию крымского хана Шагин-Гирея, занявшего престол благодаря поддержке российского правительства, греческий священник Константин Спиранди возобновил в заброшенном Успенском монастыре богослужения для расквартированных в Бахчисарае русских солдат. После присоединения Крыма к России в 1783 г. в окрестностях бывшей ханской столицы начали селиться греки, для которых пещерная Успенская церковь, являвшаяся единственным православным культовым сооружением в округе, стала приходским храмом. Усилиями местных меценатов пещерная церковь и прилегающая к ней территория были благоустроены: бахчисарайский комендант полковник Тотович принёс в дар иконостас, к которому на средства военного губернатора Каховского изготовили царские врата; церковный староста С. Калига позаботился о расширении не вмещавшего всех желающих помещения (что, по справедливому замечанию современного исследователя В.Г. Тура, «нанесло непоправимый ущерб храму как историко-архитектурному памятнику», однако увеличило его площадь почти вдвое), построил балкон перед храмом и расширил ведущую в него лестницу; симферопольский купец Е. Савопуло устроил фонтан[27].

---

[24] Цит. по: *Калиновский В.В.* «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»... С. 78.

[25] РГИА, ф. 797, оп. 20, д. 44614, л. 9–9 об.

[26] *Иннокентий (Борисов), архиеп.* Слово при открытии скита в Бахчисарайской пустыне // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 2. СПб., 1908. С. 311–313.

[27] *Тур В.Г.* Православные монастыри Крыма в XIX – начале XX вв. Киев, 2006. С. 122.

В 1799 г. приход Успенской церкви составлял уже 482 человека[28]. Однако в 1800 г. с освящением в Бахчисарае собора Свт. Николая Чудотворца пещерная церковь Успения Божией Матери утратила статус приходского храма, была обращена в кладбищенскую и приписана к собору. В Никольский храм перешёл священник Константин Спиранди, туда же из пещерной церкви перенесли богослужебную утварь и ризницу. Для Успенской обители вновь наступил период запустения, который продолжался до 1850 г., когда стараниями архиепископа Иннокентия был учреждён Бахчисарайский Успенский скит – основа «Русского Афона» в Крыму. Братию скита в те годы составили семь иноков, включая настоятеля, которым был назначен архимандрит Поликарп (Радкевич), уроженец Подольской губ., выпускник Киевской духовной академии, в течение семи лет (1843–1850) служивший настоятелем российской посольской церкви в Афинах и хорошо знавший традиции греческого Афона.

Сначала открытый Успенский скит, состоявший, по выражению архиепископа Иннокентия, «только из пещерной храмины и голых камней», нуждался буквально во всём: «от потира и облачений до фимиама и свечи»[29]. По представлению епархиального начальства Святейший Синод снабдил его богослужебными книгами и творениями святых отцов, храмы Херсонской и Таврической епархии – церковной утварью и облачениями. Уже к началу 1852 г. на средства благотворителей для пещерной Успенской церкви был изготовлен новый иконостас и два колокола весом 12 и 58 пудов. В это же время возвели ряд жилых и хозяйственных построек и сооружений: у подножия скалы устроили 16 келий, «весьма удобных к помещению братии и вполне соответствующих характеру пустынного жития», в нижней части горного склона было выстроено каменное здание «для братской трапезы и поварни», вся принадлежавшая скиту территория огорожена каменной стеной, расширена дорога от Бахчисарая до Успенской скалы, устроена лестница по утёсу из высеченных ступеней[30]. В 1851 г. таврический губернский архитектор К.И. Гоняев по указанию архиерея разработал план будущей застройки Успенского скита, согласно которому, в частности, предполагалось «оправить» пещерную Успенскую церковь, сделав её, насколько возможно, более вместительной, снаружи скалы место явления чудотворной иконы, прикрытое кровлей балкона, «обнаружить совершенно и облаголепить»; воздвигнуть на верху скалы небольшой храм в честь Воскресения Христова; устроить в трёх древних пещерных келиях небольшую церковь во имя всех святых Афонских; построить трапезную и поварню, келии для насельников, дом для настоятеля, келии с мезонином и домовой церковью для приезда в скит архиерея, две гостиницы для приезжающих богомольцев; устроить четыре пруда, трое монастырских ворот, фонтан возле Успенской церкви; соорудить две часовни[31]. В процессе реализации этот план претерпел существенные изменения.

19 декабря 1850 г. о. Иннокентий писал архиепископу Рязанскому Гавриилу (Городкову): «Крым наш, слава Богу, начинает оттаивать от льда магометанского. Новый скит Бахчисарайский, видимо, обращает на себя дружелюбное – что всего лучше – внимание татар... Всё это ободряет нас на труды для нового свя-

---

[28] *Лебединцев А., прот.* Столетие церковной жизни Крыма. 1783–1883 гг. // ЗООИД. 1883. Т. 13. С. 211.

[29] *[Иннокентий (Борисов), архиеп.]* Новооткрытый Успенский Бахчисарайский скит. Одесса, 1852. С. 12, 14.

[30] Там же. С. 14, 16.

[31] Там же. С. 15–16; ОР РНБ, ф. 313, д. 37, л. 20–21 об.

того места. А труды, надобно признаться, немалые»[32]. 27 декабря 1852 г. херсонский архиерей сообщал Гавриилу: «Скиты наши в Крыму, слава Богу, выходят из земли и принимают вид, подобающий святым местам. Но это дело не годовое, а многих десятилетий. Главные недостатки в людях, способных понести тягость первоначального, не устроенного ещё бытия скитского»[33].

Немалая заслуга в преодолении тягот «первоначального скитского бытия» принадлежала архимандриту Поликарпу (Радкевичу), каждый день подававшему своим подопечным пример подвижничества. Владыка Иннокентий неоднократно давал настоятелю Успенского скита самую высокую оценку. В письмах архиепископу Гавриилу от 3 апреля 1851 г. и 13 апреля 1853 г. он писал об о. Поликарпе: «Мы воистину богаты сим человеком: Господь послал его нам!»[34]; «Человек предобрый и предостойный»[35]. Те же мысли выразил архиепископ Иннокентий и в письме директору канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода К.С. Сербиновичу от 18 декабря 1850 г.: «Господь сам послал нам о. архимандрита Поликарпа; он живёт доселе в каменной холодной скале, мужается сам, воодушевляет других и устрояет ограждение месту, в чём настояла первее всего нужда»[36]. При этом, по словам архиерея, о. Поликарп был всем доволен и не думал «ни о чём, кроме спасения своего и ближних»[37].

Не все первые насельники Успенского скита безропотно переносили трудности и быстро привыкли к новой жизни. Например, недоволен был о. Иеремия, который, по свидетельству священника московской Богоявленской церкви Петра Козмина, состоявшего с ним в переписке, «сначала с унынием отзывался о своём новом месте». В частности, он сетовал на тесноту и строгие правила («нас осталось зимовать пять человек в одной малой двуокошечной келии»; молодым послушникам нужно «угождать», а иначе «ссора будет»; «ловлю время, чтобы к Вам письмо написать, но всё нельзя», «ночью запрещают, говоря, что напрасно свечи жечь»)[38]. Однако менее чем через полгода Иеремия «успокоился». 18 декабря 1850 г. о. Пётр сообщал о нём архиепископу Иннокентию: «Чувствую, – пишет он мне в последнем письме, – что Вы не оставляете меня в молитвах, ибо я понемногу привыкаю к здешнему месту. Меня приглашают в другие монастыри, кои не в нашей епархии, но я их не хочу слушать, а хотя трудно, но буду жить до тех пор, пока не вышлют». Московский священник старался «утвердить его» в этом стремлении, считая устройство в Крыму «Русского Афона» «высокой мыслью и великим подвигом» херсонского архиепископа. О первых обитателях Успенского скита он писал владыке: «И так вот малое стадо, которое Бог благоволил избрать. Оно мало, немощно, скудно средствами плотскими. Но, если Господь устами Вашими речёт ему: “Не бойся, малое стадо!”, оно будет велико и славно. Не так ли было и с основанием самого христианства?»[39].

Возвращаясь к архимандриту Поликарпу, отметим, что, судя по его письмам архиепископу Иннокентию, первый настоятель Бахчисарайского Успен-

---

[32] *Титов А.* Указ. соч. С. 764.
[33] Там же. С. 766.
[34] Там же. С. 765.
[35] Там же. С. 767.
[36] Цит. по: *Востоков Н.М.* Указ. соч. С. 685.
[37] *Титов А.* Указ. соч. С. 765.
[38] ОР РНБ, ф. 313, д. 39, л. 99–100.
[39] Там же.

ского скита вникал во все нюансы строительства обители и обустройства жизни иноков. Непосредственное участие он принимал и в разработке устава крымского иноческого братства. Так, 1 октября 1851 г. Поликарп писал архиерею: «Я собрал на бумагу мысли свои касательно устройства будущих наших скитов. Будет ли что годиться или нет, поверяю всё на архипастырское Ваше благоусмотрение. Писать многое, что было писано и повторяемо в других уставах, я счёл за бесполезный перенос из одной бумаги на другую. Поэтому я ограничился только главными правилами и тем, что может составлять особенности скитов. Вначале я изложил и своё понятие о ските. Простите, если оно не совсем верно или недостаточно. Лучшего не мог составить, ибо нигде не случалось пожить в ските, чтобы видеть особенности скита»[40]. К сожалению, упомянутая «бумага с мыслями» архимандрита Поликарпа в архивном деле отсутствует. Не удалось пока обнаружить и первый устав Бахчисарайского Успенского скита. С большой вероятностью можно предположить, что при его составлении использовались несколько текстов: Афонский устав, Скитский устав и типовой устав общежительных российских монастырей, изложенный в «Прибавлении» к «Духовному регламенту». В отмеченных «особенностях», часто имеющих место в уставах отдельных монастырей, могли отразиться принципы и убеждения архимандрита Поликарпа и самого архиепископа Иннокентия.

Поликарп (Радкевич) являлся настоятелем Бахчисарайского Успенского скита в течение трёх лет. 5 июля 1853 г. он был хиротонисан в епископа Одесского, викария Херсонской и Таврической епархии, и переехал жить в Херсон. Хиротонию совершил архиепископ Иннокентий в Одессе. Владыка сам выбрал себе помощника. В августе 1852 г., узнав о намерении Синода учредить викарное епископство для Херсонской епархии, он обратился к обер-прокурору Н.А. Протасову с просьбой, «дабы при избрании кандидатов на новое епископство благоволено было... обратить... внимание на... архимандрита Поликарпа как человека, особенно способного к занятию места херсонского викария, и по предшествующей немаловременной службе его, всюду и всегда проходимой им с полным соответствием желаниям начальства, и по его примерной нравственности, доказанной между прочим во время пребывания его в Крыму редким самоотвержением истинно монашеским, и по отличному знанию разговорного языка греческого, что очень полезно в здешнем краю, где столько всякого рода греков, и, наконец, по всеобщему уважению к его лицу за его назидательный образ мыслей и доброту истинно христианскую»[41].

Наряду с Успенским скитом обустраивались и другие обители. В 1851 г. была основана Анастасиевская киновия[42], в 1852–1853 гг. после проведения части запланированных работ открылись ещё две киновии – Инкерманская Св. Климента и Херсонесская Св. Владимира. В Херсонесе к тому времени был обнесён каменной стеной земельный участок, переданный по ходатайству архиепископа Иннокентия Главным управлением Черноморского флота Херсонскому епархиальному начальству, устроены две келии и небольшая деревянная церковь во имя св. кн. Владимира (освящена в марте 1853 г. архимандритом Поликарпом). В ближайшие годы там планировалось «восстановить на

[40] Там же, д. 37, л. 2–2 об.

[41] Там же, л. 275–275 об.

[42] *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. М., 1908. С. 789.

древнем фундаменте и в первобытном, сколько возможно, виде» церковь на предполагаемом месте крещения кн. Владимира, устроить монашеские келии на 12 человек и небольшую гостиницу для посетителей, на территории разбить сад и восстановить древнюю цистерну[43]. В Инкерманской киновии предполагалось обновить обе пещерные церкви, посвящённые священномученикам Клименту и Мартину, построить над источником небольшую часовню, устроить келии для восьми иноков, разбить сад[44]. К моменту открытия Инкерманской киновии часть этих работ успели выполнить: возобновили одну церковь (во имя Св. Климента) и отремонтировали несколько келий. 17 марта 1853 г. благочинный церквей Севастопольского округа протоиерей Арсений Лебединцев писал архиепископу Иннокентию: «В новоосвящённых церквах – Херсонесской и Инкерманской – не без богомольцев всегда, а в воскресные дни бывает их и довольно, особенно в Херсонесе. Радуется отец Василий; не скорбит и отец Арсений Инкерманский, более расположенный к уединению и безмолвию»[45].

Особое значение архиепископ Иннокентий придавал строительству храма-памятника на месте крещения кн. Владимира. Эту идею впервые высказал командующий Черноморским флотом, военный губернатор Севастополя вице-адмирал А.С. Грейг ещё в 1825 г. и тогда же она получила одобрение императора Александра I. В 1827 г. Грейг с целью поиска места крещения кн. Владимира организовал в Херсонесе первые археологические раскопки под руководством мичмана Н.М. Крузе, в ходе которых удалось обнаружить остатки трёх христианских церквей. Раскопки вскоре пришлось прервать, а в 1842 г., по ходатайству нового командующего Черноморским флотом адмирала М.П. Лазарева, обеспокоенного недостаточным количеством православных храмов в Севастополе, было принято решение о строительстве собора Св. Владимира не на развалинах Херсонеса, а в центре города. Этот храм владыка Иннокентий заложил 15 июля 1854 г. Двумя годами ранее, летом 1852 г., Одесское общество истории и древностей возобновило раскопки в Херсонесе, и учёный секретарь общества археолог Н.Н. Мурзакевич выдвинул предположение, что местом крещения русского князя могут быть остатки крупной базилики в центральной части городища. По указанию того же учёного одесский архитектор Л.С. Оттон составил проект храма-памятника «в точном духе и характере» церквей V–XI вв.[46] В марте 1853 г. архиепископ Иннокентий подал в Синод ходатайство о разрешении восстановить среди развалин древнего Херсонеса «в первобытном виде» церковь, «в которой совершено крещение над великим князем Владимиром», представив сразу два проекта: Л.С. Оттона и петербургского архитектора А.С. Кудинова. К ходатайству прилагалась пояснительная записка с обоснованием выбора искомого места[47]. Предположение, что речь идёт о той самой церкви, в которой произошло крещение кн. Владимира, основывалось на сравнении местности Херсонеса с текстом «Повести временных лет»: «Крести же ся в церкви святого Василия, и есть церковь та стоящи в Корсуне граде, на месте посреди града, иде же торг деют корсуняне; палата

[43] РГИА, ф. 797, оп. 20, д. 44614, л. 13–15 об.; Историческая записка о Херсонисском Св. Равноапостольного великого князя Владимира монастыре // ИТУАК. 1888. Т. 5. С. 76–77; Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря. С. 97–98.

[44] РГИА, ф. 797, оп. 20, д. 44614, л. 16–18.

[45] ОР РНБ, ф. 313, д. 37, л. 430.

[46] Там же, л. 179–180, 210–211.

[47] РГИА, ф. 218, оп. 4, д. 2488, л. 1–25; ф. 797, оп. 23, отд. 2, ст. 2, д. 60, л. 1–2.

же Володимера с края церкви стоит и до сего дне, а царицына палата – за алтарем»[48]. Из четырёх раскрытых в то время фундаментов христианских храмов предполагаемая к восстановлению церковь «принадлежала к самым древним» и больше всего подходила под это описание: лишь она стояла почти посредине города, на торговой площади, и рядом с ней были обнаружены фундаменты многокомнатных зданий, которые приняли за упомянутые в летописи палаты[49].

Документы были переданы в Главное управление путей сообщения и публичных зданий, и 7 апреля 1853 г. главноуправляющий этим учреждением генерал-адъютант граф П.А. Клейнмихель сообщил обер-прокурору Синода Н.А. Протасову, что император Николай I, выслушав соответствующий доклад, повелел «истребовать документ, на котором основано предположение, что предназначенный к восстановлению храм есть именно тот, в котором восприял святое крещение великий князь Владимир»[50]. Уже через четыре дня, 11 апреля 1853 г., архиепископ Иннокентий представил краткую записку с ответом на поставленный вопрос. Однако, не имея точных доказательств, он был вынужден лишь более кратко и чётко повторить уже изложенные им прежде аргументы, добавив: «Конечно, в сём мнении нет математической непреложности, но в подобных предметах самый взыскательный археолог по необходимости довольствуется историко-географическою вероятностью»[51]. Императора вновь не удовлетворила аргументация архиепископа: 31 мая 1853 г. Клейнмихель сообщил Протасову, что государь «высочайше повелеть соизволил, дабы преосвященный доставил записку со всеми подробностями и доказательствами, на фактах основанными»[52]. 9 декабря 1853 г. архиерей ответил, что «требуемая записка о сём храме может и должна быть составлена не прежде, как по окончании новых земляных разведок местности». Более того, владыка сообщил о раскопках графа А.С. Уварова, который «в продолжение всей прошедшей осени на развалинах Херсонеса занимался открытием развалин другого древнего храма». «Хотя, – писал он, – по мнению здешних археологов и моему, храм, им раскрываемый, нисколько не изменяет предположения о нашем храме, но для основательности в суждениях и для избежания всяких археологических недоумений и споров не бесполезно будет подождать окончательного результата его трудов и выводов»[53].

К сожалению, начало военных действий в Крыму помешало Уварову продолжить раскопки, не вернулся он к ним и после войны. 10 февраля 1858 г. новый император Александр II разрешил постройку храма Св. Владимира в Херсонесе на предполагаемом (Н.Н. Мурзакевичем) месте крещения князя в центральной части городища, 2 июня 1859 г. утвердил представленный ему новый проект архитектора Д. Гримма и 23 августа 1861 г. собственноручно совершил закладку храма[54]. Строительство собора затянулось на долгие 15 лет (1861–1876) и окончательно завершилось лишь к 1894 г. При этом нельзя не отметить, что в 1876 г., когда храм уже был построен, возобновились раскопки «Уваровской базилики», в ходе которых удалось обнаружить баптистерий (крещальню) при ней. В начале 1890-х гг. А.Л. Бертье-Делагард идентифициро-

[48] ПСРЛ. Т. 1. СПб., 1846. С. 47.
[49] РГИА, ф. 218, оп. 4, д. 2488, л. 3–12.
[50] Там же, л. 29–29 об.; ф. 797, оп. 23, отд. 2, ст. 2, д. 60, л. 3–3 об.
[51] Там же, ф. 218, оп. 4, д. 2488, л. 31–33 об.
[52] Там же, л. 34–34 об.; ф. 797, оп. 23, отд. 2, ст. 2, д. 60, л. 7–7 об.
[53] Там же, ф. 797, оп. 23, отд. 2, ст. 2, д. 60, л. 13–14 об.; ф. 218, оп. 4, д. 2488, л. 38–39.
[54] Там же, ф. 796, оп. 139, д. 427а, л. 3, 25, 60–60 об.

вал «Уваровскую базилику» и крещальню как кафедральный собор Херсонеса, в котором состоялось крещение кн. Владимира[55]. Эту версию развил и практически доказал в 1988 г. С.А. Беляев (основные аргументы: это единственный баптистерий в древнем Херсонесе, «Уваровская базилика» – кафедральный храм, а термин «посреде», на который опирались археологи XIX в., мог означать как «посреди», так и «внутри» города)[56].

Устройство «Русского Афона» в Крыму вызвало интерес на Святой Горе. Ещё перед открытием Бахчисарайского Успенского скита из Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря в новую обитель были присланы иконы и трёхсоставный (сделанный из трёх пород дерева: кипариса, сосны и кедра) крест с надписью на оборотной стороне: «Прислан со-Русскому Афону на благословение в день открытия 1850 года»[57]. Архиепископ Иннокентий состоял в переписке с иеромонахом Руссика Серафимом, который прежде некоторое время жил в Одессе. Последний сообщал владыке новости с Востока (в частности по греко-болгарскому вопросу), советовался с ним по проблеме русского перевода «Патерика Афонского» (следует ли переводить дословно или можно «дать переводу лёгкость и красоту русского языка, а главное – ясность и простоту»)[58]. Афонский инок изъявлял горячее желание «побывать в Крыму, на Успенской скале» и проявлял неподдельный интерес к Крымскому Афону, акцентируя, в частности, внимание на важном и довольно щекотливом вопросе допуска в обитель женщин: «В “Одесском вестнике” я читал историю Вашего прекрасного Афона Крымского... Одного только недосказано в ней: будут ли допускаемы в Крымский Афон жёны (женщины. – *Л.М.*) для богомолья? Это одно из существенных условий к совершенному безмолвию и ко всем удобствам пустынной жизни. Опыты доказали и доказывают, что сколько доставляют жёны пользы обителям, богомольчески посещая их, столько напротив, если не в тысячу раз более, и неприязненных следствий их набожности для... иноков. Если у Вас не будет этого условия, наш Афон восточный всё-таки в этом отношении останется навсегда единственным и неоценимым»[59].

В 1852 г. иеромонах Афонского Свято-Ильинского скита Пахомий обратился к архиепископу Иннокентию с прошением о принятии его «во вновь открытые Российско-Афонские скиты». Преосвященный подал соответствующее ходатайство в Святейший Синод, однако рассмотрение этого вопроса затянулось. 20 марта 1853 г. Пахомий вновь направил херсонскому архиерею письмо с той же просьбой[60]. Установить, как решился этот вопрос, пока не удалось. Принятию Пахомия в какую-либо обитель Крымского Афона могла помешать начавшаяся Крымская война. Однако известно, что в дальнейшем случаи перехода афонских иноков в Крым имели место, правда, не всегда они заканчивались благополучно для обеих сторон. Так, например, в 1907 г. епископ Таврический и Симферопольский Алексий (Молчанов) отказался принять в один из крымских монастырей монаха Иннокентия, оставившего Афон «вследствие

---

[55] *Бертье-Делагард А.Л.* Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России, издаваемые Императорскою Археологическою комиссиею. № 12: Древности Южной России. СПб., 1893.

[56] *Беляев С.А.* Находка в Херсонесе // Журнал Московской Патриархии. 1988. № 6. С. 32–35.

[57] *[Иннокентий (Борисов), архиеп.]* Новооткрытый Успенский Бахчисарайский скит. С. 15; *Богданова Т.А.* Святитель Иннокентий (Борисов) и его проект: «Русский Афон» в Крыму... С. 225.

[58] ОР РНБ, ф. 313, д. 37, л. 109–109 об., 279–280 об.

[59] Там же, л. 109–110.

[60] Там же, л. 411–411 об.

всегдашней распри и споров и притеснений со стороны греков». Свой отказ епископ объяснил ссылкой на предшествующий опыт: «Усерднейше и покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство, – писал он обер-прокурору Синода П.П. Извольскому, – освободить вверенные мне таврические обители от афонских монахов. Горький опыт показал, что эти монахи представляют из себя весьма и весьма нежелательный элемент вообще для наших русских монастырей. Один из таковых монахов, будучи определён в одну из обителей вверенной мне епархии, произвёл там смуту, нарушившую внутренний мир обители»[61]. Думаем, что епископ Алексий сильно погорячился, сделав столь категоричное обобщение. Далеко не все афонские монахи были в России «нежелательным элементом», о чём свидетельствует, в частности, основание ими на Кавказе упоминавшегося выше Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря, который вскоре превратился в жемчужину Черноморского побережья, крупный духовный и миссионерский центр Российской империи.

Архиепископ Иннокентий в течение многих лет стремился совершить паломничество на Восток (на Синай, в Палестину и на Афон), неоднократно подавал в Синод соответствующие прошения. Разрешение он получил лишь в 1853 г., однако начавшаяся Крымская война помешала его поездке.

Война временно приостановила и дальнейшее устройство «Русского Афона» в Крыму. В ходе военных действий пострадали киновии в Херсонесе и Инкермане. Первая была занята неприятельскими войсками и полностью разрушена (по выражению протоиерея Арсения Лебединцева, «от церкви и двух зданий монастырских остались одни следы»[62]), вторая подверглась обстрелу, в ходе которого пострадала пещерная церковь Св. Климента[63]. Церковное имущество обеих киновий удалось заблаговременно вывезти в Бахчисарайский Успенский скит, куда затем перешла и их братия[64].

Успенский скит по причине своей удалённости от театра военных действий не был разорён, однако бушевавшая на Крымском полуострове война внесла в жизнь его иноков серьёзные коррективы. В современной историографии встречается ошибочная информация, что на территории скита во время Крымской войны действовал госпиталь русской армии, в котором, по голословному утверждению А.В. Попова, «пребывало до одной тысячи раненых»[65]. В подтверждение своих слов исследователь не приводит никаких документов, а ссылается на книгу Н.Ф. Дубровина, где речь идёт, однако, совсем о другом: «Князь Меншиков принуждён был сделать распоряжение, чтобы до 1 000 человек легко раненых были отправлены в Карасубазар и Бахчисарай, с тем чтобы они помещались там в казармах и продовольствовались наравне со здоровыми»[66]. По поводу Бахчисарая, в котором действительно были устроены лазареты (но именно в городе – в основном в ханском дворце, а не в скиту), учёный пишет: «Несмотря на недостаток в помещении, главная масса больных

---

[61] Цит. по: *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999. С. 253–254.

[62] РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 113.

[63] Там же, л. 113 об.

[64] Там же, л. 74.

[65] *Попов А.В.* Успенский Бахчисарайский монастырь... С. 112; см. также: *Тур В.Г.* Православные монастыри Крыма... С. 131; *Герцен А.Г., Махнева О.А.* Пещерные города Крыма. Симферополь, 1989. С. 25.

[66] *Дубровин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 2. СПб., 1900. С. 344.

всё-таки направлялась в Симферополь, так как размещение их в Бахчисарае представляло ещё более затруднений. Город этот был отстроен настолько дурно, что лишь один древний ханский дворец по своей обширности мог служить для помещения больных, но и тот не имел печей. При таких условиях положение больных и раненых было весьма жалкое»[67]. О наличии госпиталя в Бахчисарайском Успенском скиту Дубровин не упоминает, что неудивительно, ибо в обители в то время просто не имелось условий, необходимых для размещения больных и раненых; все основные здания, включая гостиницу для паломников, были построены уже после окончания Крымской войны.

Предположения современных исследователей (А.В. Попова, В.Г. Тура и др.) о существовании в скиту госпиталя, подаваемые ими как якобы исторический факт, опираются, по всей вероятности, в основном на наличие на территории обители кладбища, несколько захоронений которого относятся к событиям Крымской войны. Однако все эти люди (во всяком случае, те, имена которых сохранились на надгробиях) отнюдь не умерли от ран в стенах обители, а погибли на поле брани. Например, генерал-адъютант барон П.А. Вревский и генерал-майор П.В. Веймарн были убиты в сражении на Чёрной речке 4 августа 1855 г. Об устройстве во время войны в Успенском скиту именно кладбища, но никак не госпиталя, сообщил и сам архиепископ Иннокентий в рапорте Святейшему Синоду от 11 марта 1857 г., предложив построить около него малую церковь[68]. Если бы госпиталь действительно имел место, владыка непременно отметил бы это. Существование указанного кладбища (несмотря на полное отсутствие документов о госпитале) послужило основанием и для установки в недавнее время на территории обители памятного знака, первая часть надписи на котором, к сожалению, не соответствует исторической действительности: «На территории Свято-Успенского монастыря в 1854–1856 гг. располагался госпиталь русской армии. Здесь, на монастырском кладбище, покоятся воины, павшие в героических сражениях Крымской войны».

В некоторое заблуждение могли ввести исследователей и письма настоятеля Бахчисарайского Успенского скита игумена Николая архиепископу Иннокентию, где упоминается «госпиталь» или «госпитали», в которых иноки обители занимались духовным окормлением раненых и больных воинов. Однако внимательное изучение этих писем и сопоставление их с другими документами ясно показывает, что речь идёт о госпитале, располагавшемся в ханском дворце, а также о других военных госпиталях Бахчисарая. Дело в том, что в ноябре 1854 г. архиепископ Иннокентий, узнав о нехватке военного духовенства для оказания духовной помощи раненым, предписал священнослужителям епархиального ведомства посещать воинов в лазаретах и при перевозе их туда с мест сражений. Более того, «из-за небольшого числа в Крыму белого духовенства» архиепископ вменил в обязанность «настоятелю Крымских скитов, оставив кого-либо для охранения своего места, всех иеромонашествующих выслать немедля на те пункты, где находятся раненые воины, – как в лазареты, так и на самое поле брани»[69]. Так иеромонахи Успенского скита в ноябре 1854 г. были прикомандированы к военным госпиталям, расположенным в Бахчисарае и его окрестностях, для исполнения духовных треб. Тогда же владыка Иннокентий, следуя отношению

---

[67] Там же. С. 340.

[68] См.: *Калиновский В.В.* «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»... С. 98.

[69] РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 30–30 об.

обер-прокурора Синода Н.А. Протасова, по желанию великой княгини Елены Павловны назначил игумена Николая и иеромонаха Успенского скита Ефрема духовниками Крестовоздвиженской общины сестёр попечения о раненых в Бахчисарае (всего для этой цели им были назначены 12 духовных лиц в семи городах: Севастополе, Симферополе, Бахчисарае, Карасубазаре, Феодосии, Перекопе и Херсоне)[70]. Именно о госпиталях Бахчисарая и идёт речь в письмах игумена Николая архиепископу Иннокентию. Ни в одном из этих писем не говорится прямо о том, что госпиталь расположен в каком-то помещении Успенского скита, зато есть масса указаний на город и ханский дворец. Так, 15 января 1855 г. игумен Николай жаловался архиерею на «страшные неисправности» в «Бахчисарайских госпиталях» (грязь, холод, переполненность палат и «заразительный воздух» в них), а также на неспособность городских властей их исправить[71]. В марте 1855 г. он сообщает: «*Дворец* отведён уже под госпиталь и устраивается уже, к 1 апреля всё будет кончено, жаль только, что церковь для раненых и больных, предположенная в молельне Софии Потоцкой, будет устроена на дворе в палатке»[72]. Именно в ханском дворце как наиболее обширном здании Бахчисарая находились одновременно по несколько сотен раненых и больных воинов. Так, 11 июня 1855 г. игумен Николай сообщал архиепископу Иннокентию: «Сию седмицу занимал по госпиталю отец Макарий с иеродиаконом Евфимием. Раненых на этой неделе поступило в госпиталь до 700 душ... Посоветовавшись с комендантом и главным доктором, я в воскресенье, отслуживши литургию в греческой церкви и освятивши *во дворце* воду, окроплю все палаты, наполненные ранеными и больными, есть довольно без ног или без рук»[73].

По вопросу о самой возможности и фактическом расположении госпиталей в подведомственных Иннокентию монастырских зданиях заметим, что, согласно документам архива Святейшего Синода, из всех обителей Херсонской и Таврической епархии под госпиталь архиепископ распорядился отвести лишь один монастырь – Корсунский Богородицкий «как ближайшее место к Крымскому полуострову» (монастырь располагался в Днепровском уезде Таврической губ.)[74]. Что касается непосредственно крымских обителей, то Балаклавский Георгиевский монастырь был оккупирован англо-французскими войсками, а остальные обители, как показано выше, находились тогда ещё в начальной стадии возобновления и потому в любом случае не имели возможности разместить раненых.

При этом посильную помощь раненым воинам иноки Успенского скита оказали ещё в самом начале военных действий в Крыму, до устройства в Бахчисарае какого-либо госпиталя. Как сообщил архиепископу Иннокентию игумен Николай, 9 сентября 1854 г., на следующий день после неудачного для русской армии сражения при реке Альме, он, узнав, что «бедные раненые наши по степи и балкам лежат без всякой помощи», а городские подводы, занятые «под войска», ещё не вернулись, предоставил принадлежавших скиту лошадей и повозку для привоза раненых в Бахчисарай. В течение дня на скитской подводе в го-

---

[70] Там же, д. 34, л. 20–21. О Крестовоздвиженской общине подробнее см.: *Мельникова Л.В.* Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых как прообраз Красного Креста // Российская история. 2009. № 5. С. 119–134; *Мельникова Л.В.* Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012.

[71] ОР РНБ, ф. 313, д. 36, л. 353–354 об.

[72] Там же, л. 466 об.

[73] Там же, д. 39, л. 237.

[74] РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 31–31 об.

род были доставлены около 60 человек. Там их накормили, оказали некоторую медицинскую помощь («помощи им дать нельзя по неимению медикаментов... впрочем, здешний врач вынул пуль до десяти») и в тот же вечер на отыскавшихся больших подводах отправили в Симферополь[75].

Будучи прикомандированы к военным госпиталям, иноки «Русского Афона» в Крыму добросовестно выполняли свои обязанности, чему личным свидетелем был сам преосвященный при двукратном посещении Крымского полуострова[76]. Так, 2 июля 1855 г. он писал исполняющему обязанности обер-прокурора Святейшего Синода А.И. Карасевскому: «В посещённых мною госпиталях как в Севастополе, так в Бахчисарае и Симферополе, по духовной части, благодарение Богу, недостатков не замечено. В сём отношении должно отдать особую справедливость иеромонахам крымских скитов, кои все показали неутомимое усердие в духовном призрении раненых воинов, вследствие чего все переболели тяжкими болезнями, от коих один скончался, а некоторые доселе не могут оправиться»[77]. 31 мая 1856 г. по представлению генерал-адъютанта графа Д.Е. Остен-Сакена «за усердие и самоотвержение, оказанные при отправлении духовных треб во время осады Севастополя в Бахчисарайских и окрестных госпиталях» трое из иноков Бахчисарайского Успенского скита были награждены: настоятель обители архимандрит Николай – орденом Св. Анны 3-й степени, иеромонахи Прокопий и Иннокентий – наперсными крестами, выдаваемыми от Святейшего Синода[78].

Среди духовных лиц Бахчисарайского Успенского скита, откомандированных архиепископом Иннокентием в ноябре 1854 г. для заботы о раненых воинах не только в лазаретах, но и «на самом поле брани», находился иеромонах Иоанникий (Савинов), отличившийся вскоре при обороне Севастополя и ставший одним из двух священников – Георгиевских кавалеров периода Крымской войны.

Имени этого героя, к сожалению, нет ни в одной работе, посвященной Бахчисарайскому Успенскому скиту или «Русскому Афону» в Крыму. Долгое время его ошибочно считали военным священником: флотским иеромонахом, приписанным к Балаклавскому Георгиевскому монастырю[79] (опять же без соответствующих документов, просто по роду его деятельности во время Крымской войны)[80]. Однако найденные нами архивные документы неопровержимо свидетельствуют о том, что он был иеромонахом Бахчисарайского Успенского скита. Так, например, 2 июля 1855 г. архиепископ Иннокентий в письме А.И. Карасевскому, не указывая имени Иоанникия (Савинова), описывает его знаменитый

---

[75] ОР РНБ, ф. 313, д. 36, л. 290–291.

[76] О деятельности архиепископа Иннокентия в годы Крымской войны подробнее см.: *Мельникова Л.В.* Патриотическая деятельность архиепископа Иннокентия (Борисова) в годы Крымской войны (1853–1856 гг.) // Вестник церковной истории. 2007. № 4(8). С. 73–88; *Мельникова Л.В.* Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг.

[77] РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 82–82 об.

[78] Там же, оп. 97, д. 412, л. 111–111 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 50.

[79] С 1806 г. Балаклавский Георгиевский монастырь считался «флотским», т.е. поставлял иеромонахов для службы на кораблях Черноморского флота, в гарнизонах Крыма и Кавказского побережья Чёрного моря.

[80] См., например: *Крестьянников В.В.* Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива города Севастополя. Севастополь, 2006. С. 21–22; *Шавшин В.Г.* Балаклава. Исторические очерки. Симферополь, 2004. С. 68–69; и др.

подвиг, совершённый в ночь на 11 марта 1855 г. (об этом ниже), называя его «одним из иеромонахов Бахчисарайского скита»[81]. Благочинный над духовенством Черноморского флота игумен Георгий в рапорте от 9 июня 1855 г. старшему благочинному над духовенством Военно-сухопутных и морских сил в Крыму протоиерею П.М. Мацкевичу, рассказывая о ранении Иоанникия в ногу 26 мая 1855 г. и последовавшей вслед за тем смерти священнослужителя, прямо говорит о его принадлежности к Успенскому скиту: «Иеромонах Иоанникий Савинов, он же иначе именуемый для различения от других Иоанникием третьим[82], младшим и Бахчисарайским Успенским, действительно служил при 45-м флотском экипаже»[83]. Тот же игумен Георгий в донесении владыке Иннокентию от 2 июня 1855 г. называет иеромонаха Иоанникия, получившего 26 мая ранение в ногу, «третьим младшим, что из Бахчисарайского Успенского скита»[84].

О подвигах знаменитого иеромонаха следует сказать более подробно. Отец Иоанникий попал на службу в 45-й флотский батальон и неоднократно отличился во время обороны Севастополя. Самым блестящим его подвигом стало внезапное появление в ночь с 10 на 11 марта 1855 г. среди войск отряда генерал-лейтенанта С.А. Хрулёва, предпринявшего вылазку для разрушения неприятельских траншей, построенных рядом с Камчатским люнетом с целью его взятия. Как говорилось в приказе о награждении, Иоанникий появился в рядах сражавшихся в самый разгар боя, когда отряд наших войск «готов уже был уступить сильному натиску неприятеля, получавшего беспрестанные подкрепления». Вид иеромонаха в епитрахили с вознесённым крестом в руках и торжественное, звонкое пение им тропаря «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы Благоверному императору нашему на сопротивныя даруй» одушевили войска, которые «бросились на врага и овладели первой, потом второй и третьей линиями его траншей»[85]. В ходе сражения о. Иоанникий получил контузию и на некоторое время потерял сознание. Когда врага удалось оттеснить, а подступы к траншеям разрушить, священник помог вернуть батальоны обратно. Разгорячённые боем солдаты левого фланга, командир которого (подполковник Радомский) был выведен ранением из строя, отказывались поверить сигналу отбоя, неоднократно использовавшемуся прежде врагом для дезинформации, и только слова о. Иоанникия, переданные по личной просьбе Хрулёва, убедили их в необходимости отступления[86]. За этот подвиг 15 мая 1855 г. иеромонах Иоанникий (Савинов) получил орден Св. Георгия 4-й степени[87]. 26 мая при нападении неприятеля на Селенгинский, Волынский редуты и Камчатский люнет отец Иоанникий был ранен в ногу[88]. Ногу ампутировали, но 9 июня 1855 г. иеромонах скончался[89]. Нам удалось установить, что похоронен герой-священник на территории Бахчисарайского Успенского скита: 11 июня 1855 г. игумен Николай

---

[81] РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 82.

[82] В обороне Севастополя принимали участие три иеромонаха по имени Иоанникий. Поэтому для различия им «присвоили» номера. Первые два – Иоанникий первый (Добротворский) и Иоанникий второй (Ровинский) – были насельниками Балаклавского Георгиевского монастыря.

[83] РГВИА, ф. 9196, оп. 11/270, св. 3, д. 4, л. 16.

[84] РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 73.

[85] Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 53.

[86] РГИА, ф. 806, оп. 5, д. 9047, л. 4 об.–5; ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 82; Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 2. СПб., 1871. Приложения. С. 45–46.

[87] Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 53.

[88] РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 73.

[89] РГВИА, ф. 9196, оп. 11/270, св. 3, д. 4, л. 16.

написал архиепископу Иннокентию: «Храбрый иеромонах Иоанникий 26 мая ранен пулею в ногу навылет, коею раздробило ему кость, после операции чрез несколько дней скончался. По распоряжению адмирала Нахимова, тело покойного привезено в скит 10 июня и предано земле по обряду христианскому»[90].

Во время Крымской войны, несмотря на многочисленные трудности (недостаток денежных и перевозочных средств, нехватку рабочих рук, высокие цены на всё) иноки Успенского скита старались обустраивать свою обитель. 9 августа 1854 г. началось сооружение колокольни[91], которое продолжалось и после начала военных действий на полуострове (по словам игумена Николая, «прогнавши неприятеля из Крыма, весьма было бы приятно смотреть на сооружённое здание под выстрелами неприятельскими»)[92], весной 1854 г. – осенью 1855 г. на скале обновили икону Божией Матери и около неё написали изображения семи священномучеников Херсонесских[93].

После заключения Парижского мира 1856 г. воссоздание крымских святынь продолжилось. Ещё при жизни владыки Иннокентия (скончался 26 мая 1857 г.) 30 апреля 1857 г. в Херсонесской киновии был освящён храм во имя семи священномучеников, епископов Херсонских[94] (через некоторое время его разобрали; на его месте построили и 2 апреля 1861 г. освятили новый храм)[95]. В 1856 г. архиепископ Иннокентий открыл Кизилташскую Св. Стефана Сурожского киновию и делал всё возможное для устройства Космо-Дамиановской и Катерлезской Свято-Георгиевской киновий, которые открылись вскоре после его кончины (первая – в сентябре 1857 г., вторая – официально в 1859 г., хотя церковь Св. Георгия в урочище Катерлез была освящена ещё 23 апреля 1857 г.)[96].

Архиепископ Иннокентий глубоко осознавал государственную и духовно-религиозную значимость Крыма для России. В своих письмах и проповедях он называл полуостров «колыбелью нашего православия», «купелью нашего крещения», «началом нашей священной истории и народных преданий»[97]. Возрождение на этой земле заброшенных духовных центров («постановку креста на пустынных пространствах Новороссии») владыка считал одним из главных дел своей жизни[98].

Основные работы по благоустройству крымских обителей были проведены в конце 1850-х – начале 1900-х гг. За это время на территории Бахчисарайского Успенского скита появились ещё четыре церкви: Св. равноапостольных Константина и Елены (сооружена в 1857 г. с левой стороны пещерной Успенской церкви, под навесом скалы, на пожертвования дочери коллежского асессора Е.Д. Берковой); Св. евангелиста Марка (пещерная, вырублена в 1859 г. в той же скале, ниже Успенского храма, на средства симферопольского чиновника

---

[90] ОР РНБ, ф. 313, д. 39, л. 237 об.

[91] Там же, д. 36, л. 307.

[92] Там же, л. 279 об.

[93] *Богданова Т.А.* Святитель Иннокентий (Борисов) и его проект: «Русский Афон» в Крыму... С. 236.

[94] Историческая записка о Херсонисском Св. Равноапостольного великого князя Владимира монастыре. С. 77.

[95] *Денисов Л.И.* Указ. соч. С. 793.

[96] *Гермоген (Добронравин), еп.* Таврическая епархия. Псков, 1887. С. 492, 495, 498.

[97] См., например: *[Иннокентий (Борисов), архиеп.]* Собрание слов и речей по случаю нашествия неприятельского, произнесённых в разных местах Херсоно-Таврической епархии преосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим. Т. 1. Одесса, 1855. С. 88–94.

[98] *Востоков Н.М.* Указ. соч. С. 686.

М. Айвазова); Св. Георгия (возведена в 1875 г. рядом с военным кладбищем на пожертвования генерала Г.И. Перовского); Св. Иннокентия Иркутского (выстроена в 1896 г. на средства архиепископа Таврического и Симферопольского Мартиниана (Муратовского))[99]. В Херсонесской обители Св. Владимира был построен упоминавшийся выше собор Св. Владимира, при настоятельских келиях устроена домовая церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы (построена ради чудотворной Корсунской иконы Божией Матери, которой архиепископ Иннокентий благословил возобновление киновии после Крымской войны; освящена 4 июля 1863 г.)[100]. В Инкерманской киновии Св. Климента возобновлена пострадавшая во время войны пещерная церковь Св. Климента, возведены церкви во имя Св. Троицы (1867) и во имя Св. Пантелеимона (1894)[101]. Обустраивались и другие обители.

Значительный интерес представляют записки паломников, посещавших обители «Русского Афона» в Крыму в XIX – начале XX в. Например, любопытные наблюдения содержатся в «Очерках Крыма» писателя-путешественника Е.Л. Маркова, побывавшего на полуострове между 1866 и 1872 гг. Бахчисарайский Успенский скит вызвал у него подлинное восхищение: «Вид монастыря не похож ни на что, с чем мы знакомы по картинам и описаниям... Мне он показался просто фантастическим. В глубине пустынного и цветущего ущелья вы вдруг замечаете высоко в стенах скал окна, балкончик, переходцы и крылечки, прилепленные и выдолбленные, как гнёзда стрижей... Фигуры святых, нарисованные прямо на дикой скале, кресты, сияющие в углублениях, убеждают вас, что это монастырь... Но долго не приучишься понять это и наглядеться на это... Никак не сообразишь, как и куда подниматься, не только, как там жить». По поводу жилых и хозяйственных помещений, выстроенных на дне ущелья и придававших внешне Успенскому скиту вид традиционного российского монастыря, Марков пишет: «Это уже всё новые прибавления, проникнутые новыми воззрениями на удобство жизни и на самую цель жизни. Тут пахнет монастырём, но монастырём, подчинённым особенному министерству, получающим штатное содержание из государственного казначейства, по ассигновкам и сметным расписаниям, а не теми пустыннническими скитами, в которых ели коренья и спали на камнях. Тот монастырь – вон там, наверху, ископанный уставшею и исхудалою рукою, скрывший в себе тех, кому действительно необходимо было скрываться, кто бежал мира и добровольно погребал себя в камнях... Вот наверху его тёмные окошечки, его тесные и низкие пещерки... Там не было коридоров и нумеров, и ковриков по крашеному полу, и чистеньких новеньких штор»[102]. Вид Херсонесской обители, представлявшей собой тогда большую стройку, Маркову, скорее, не понравился и даже вызвал критику монастырского начальства: «Монастырь неуютен, некрасив и не имеет никакой определённой физиономии... Он словно вчера построен и завтра опять исчезнет. Его дворы и немногие церкви как-то оторваны друг от друга и будто ещё не выкарабкались из тысячелетнего мусора, на котором возникли. Общее впечатление – неустройство и беспокойство. Впрочем, настоящий монастырь – новый, только что строится. Хотя храм Св. Владимира над местом крещения равноапостольного князя едва выведен до

[99] *Гермоген (Добронравин), еп.* Указ. соч. С. 481; *Денисов Л.И.* Указ. соч. С. 788.

[100] *Денисов Л.И.* Указ. соч. С. 792–793.

[101] Там же. С. 794.

[102] *Марков Е.Л.* Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории. СПб., 1873. С. 56–57.

половины нижнего этажа, но зато совершенно отстроены великолепные палаты для помещения архимандрита с братией... Эти палаты... более похожи на французский замок, чем на греческий или русский монастырь. Вокруг дома большая чистота и порядок; садик деятельно разводится кругом, у крылец оранжерейные растения в кадках, везде лак, блеск, парад; недостаёт швейцара с булавой и красною перевязью»[103]. Совсем иное впечатление произвела на путешественника Инкерманская киновия Св. Климента: «Монастырь крошечный, нищенский, но очень замечательный. Его маленькая церковь вся высечена в одном камне и притом, говорят, руками мученика папы Климента, просвещавшего Крым в I столетии нашего летосчисления. В церкви этой довольно изящные круглые ниши и балкон, висящий над бездною долины»[104].

К началу XX в. «Русский Афон» в Крыму уже не представлял собой, как прежде, единое иноческое братство. К Бахчисарайскому Успенскому скиту оставалась приписана лишь одна киновия – Анастасиевская. Все прочие киновии (кроме Кизилташской Св. Стефана Сурожского) были возведены в степень монастырей: Херсонесская Св. Владимира – 1-го класса (1861), Инкерманская Св. Климента – 2-го класса (1905), Космо-Дамиановская и Катерлезская Свято-Георгиевская мужские киновии в 1898 и в 1900 гг. соответственно были обращены в женские монастыри[105].

Таким образом, идея архиепископа Иннокентия о создании в Крыму отечественного центра пустынножительства, названного им «Русским Афоном», в целом была воплощена. При этом следует обратить внимание на следующие моменты. Несмотря на непрекращавшиеся работы по благоустройству Бахчисарайского Успенского скита и крымских киновий, многие представители русского монашества по-прежнему стремились уехать на Афон, а проживавшие на Святой Горе старались там закрепиться. Последнее обстоятельство соответствовало и интересам российской дипломатии, рассматривавшей физическое и духовное присутствие своих соотечественников на Афоне как одну из важных опорных точек политики Российской империи на Ближнем Востоке. После конфликта на Афоне первой половины 1870-х гг. («греко-русского Пантелеимоновского процесса») русские иноки, опасаясь возникновения новых проблем с греками и появления реальной опасности быть выдворенными со Святой Горы, не подумали о переезде в Крым, где тогда уже существовал центр пустынножительства, а предпочли с помощью российского посла в Турции Н.П. Игнатьева найти место на Кавказском побережье Российской империи для основания филиального, но независимого отделения Афонского Русского Свято-Пантелеимонова монастыря – Ново-Афонской Симоно-Кананитской обители. Тем не менее, несмотря на особое место Святой Горы в мировоззрении русского монашества и на появление на Юге России (в Абхазии) духовного центра, напрямую связанного с греческим Афоном, реализация проекта архиепископа Иннокентия «Русский Афон» в Крыму имела большое государственное и духовно-религиозное значение: многие христианские святыни полуострова были сохранены от конечного разрушения, на их месте возникли монашеские обители, что способствовало поднятию в регионе престижа православия и государственной власти и дальнейшей успешной интеграции края в состав страны.

---

[103] Там же. С. 109–110.

[104] Там же. С. 130.

[105] *Денисов Л.И.* Указ. соч. С. 789, 792, 794, 797–798.

Переписи русского позднеимперского города: история проведения, география, достоверность

Дмитрий Бахарев, Елена Главацкая

Censuses of the Russian Late Imperial city: history, geography, reliability

Dmitriy Bakharev
(Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg),
Elena Glavatskaya
(Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg)

DOI: 10.31857/S0869568722060152, **EDN**: MMVJFA

Великие реформы Александра II способствовали расцвету многих российских городов. В этот период они переживали бурный демографический рост и обретали политико-экономическую самостоятельность. Тогда же начала формироваться массовая интеллигенция, которая активно взялась за изучение прошлого своих поселений, создание и развитие локальных исторических нарративов. Неудивительно, что в постсоветскую эпоху, когда города после долгого перерыва вновь получили самоуправление, именно позднеимперский период составляет особый интерес для исследователей. Городское краеведение, прежде бывшее уделом энтузиастов, в новом контексте обрело критическую значимость и прочно вошло в научную гуманитарную сферу. Параллельно (или благодаря) этому процессу в исторической науке конца XX – начала XXI в. сформировались направления (микроистория, социальная история, историческая урбанистика, антропология города и т.д.), сфокусированные на изучении именно городских сообществ. Интенсификация урбан-исторических исследований инициировала как поиск и ввод в научный оборот новых источников, так и актуализацию забытых старых.

К сожалению, исторических сведений о городах пореформенного времени меньше, чем хотелось бы, и чаще всего они фрагментарны. Если сведения о «неодушевлённой» части города – архитектуре, хозяйстве и проч. – можно найти в архивных фондах или даже в опубликованных сборниках документов, то сами горожане нередко остаются «белым пятном» в отечественных городоведческих работах. Имперский город конца XIX – начала XX в. стал заложником собственного слишком быстрого развития, поскольку стремительная урбанизация делала данные существовавшей системы текущего учёта населения более чем условными[1]. Едва ли не единственным способом, с помощью

© 2022 г. Д.С. Бахарев, Е.М. Главацкая

[1] *Сифман Р.И.* Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. Сборник статей / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 1977. С. 62–82.

которого в условиях разворачивавшейся модернизации можно было получить относительно достоверные данные о городских жителях, являлась перепись населения. В течение пореформенного периода органы местного самоуправления инициировали сотни таких локальных демографических обследований – губернских и уездных, сельских и городских. Результаты последних, на наш взгляд, обладают огромным потенциалом для исследования истории российских городов. Материалы переписей – это важнейший источник информации об обществе, который содержит не только собственно демографические данные о численности населения и его половозрастном составе, но и сведения о занятости, образовании, этнической принадлежности, религии, степени владения родным и государственным языками и т.д.[2]

В отечественной историографии сформировалось достаточно сложное отношение к материалам однодневных переписей, особенно тех, что проводились в провинциальных городах. Современники, а вслед за ними и исследователи советского периода либо были настроены к ним довольно критически[3], либо вовсе не подозревали об их существовании[4]. Это привело к тому, что переписи оказались забыты настолько, что даже установить точное число и места их проведения в настоящий момент не представляется возможным[5].

Цель данной работы состоит в актуализации этого полузабытого и недооценённого отечественной историографией источника. Конкретными задачами исследования стали анализ географии и хронологии развития однодневных городских переписей населения; определение их специфичных черт и структурно-функциональных свойств; выявление причин появления и устойчивости историографических стереотипов о них. В статье также предпринимается попытка оценить качество проведения некоторых описаний.

Для изучения внутренних свойств типичной переписи были использованы статистические таблицы, подготовленные оргкомитетами по их итогам. Первичные материалы переписей населения – листки учёта, к сожалению, уничтожались, поскольку архивы не имели возможности хранить такие объёмы информации. В результате разработки и агрегации данных качественная личная информация из листков учёта преобразовывалась в количественную обезличенную, что в финале выглядело как свод статистических таблиц. Именно они и составляют главный итог переписей населения и главный источник информации для исторической демографии. Нами проанализированы находящиеся в открытом доступе в Интернете статистические сборники переписей 15 губернских и уездных российских пореформенных городов, в том числе Екатеринбурга, Смоленска, Оренбурга, Томска, Омска, Пскова, Астрахани.

Место, время, контекст. Массовые номинативные обследования населения не были редкостью для России: русские княжества практиковали их начиная со Средневековья и, судя по всему, стали пионерами в этой области среди

---

[2] Research Guide to the Russian and Soviet Censuses / Ed. R.S. Clem. Itaca; L., 2016. P. 17–18.

[3] *Пландовский В.В.* Народная перепись. СПб., 1898. С. 272–305; *Гозулов А.И.* Местные переписи населения до революции // Учёные записки Ростовского-на-Дону финансово-экономического института. 1941. Т. 1. С. 249–308.

[4] *Янсон Ю.Э.* Теория статистики. СПб., 1886. С. 295; Статистика / Под ред. С.Г. Струмилина. М., 1956. С. 520.

[5] Подробный обзор историографии изучения городских позднеимперских переписей см.: *Бахарев Д.С., Главацкая Е.М.* Городские переписи пореформенной России: аналитические традиции и практики // Quaestio Rossica. Т. 10. 2022. № 3. С. 919–936.

европейских государств[6]. К XIX в. методика этих исчислений – неторопливая опись податного, преимущественно мужского, населения в фискальных и военных целях – безнадёжно устарела. Российские политические и научные элиты осознавали архаичность собственных статистических практик: после 1856 г. они прекратили проведение ревизий и начали активную разработку будущей всеобщей переписи населения, устроенной с учётом самого передового мирового опыта[7]. Однако огромные размеры и разнородность страны, дороговизна мероприятия и сложившаяся административно-полицейская система учёта населения оттягивали проведение всероссийской переписи на неопределённый срок. Это создало условия для необычайного развития по-своему уникального явления – массовых местных, в том числе городских, переписей населения в позднеимперской России.

Локальные демографические обследования были распространены в Европе Нового времени и её колониях. Обычно они составляли своеобразный пролог перед установлением в стране практики общенациональных регулярных переписей[8]. В своей массе этот переход произошёл в середине XIX в. под влиянием идей талантливого бельгийского мультидисциплинарного учёного А. Кетле (1796–1874). Именно он разработал принципы организации современной переписи населения – одномоментной универсальной регистрации индивидуумов на определённой территории с последующей обработкой и публикацией данных – и успешно реализовал её в Брюсселе в 1842 г. Удачный опыт Кетле был распространён на всю Бельгию, а вслед за ней принят и в других странах. Этому способствовали и международные конгрессы статистиков, регулярно проводившиеся в крупных городах Европы с 1853 г. Кетле выступил главным организатором восьми из них и приложил немало усилий для убеждения зарубежных коллег-статистиков использовать единые стандарты при организации национальных переписей[9]. До этого методологического поворота большинство европейских городских демографических обследований имели довольно архаичный характер, являясь, в терминологии одного из крупнейших специалистов в этой области Г. Торвальдсена, *pre-censuses* или *census-like materials*, т.е. буквально «предпереписными» или «переписеподобными» мероприятиями[10]. Их российские аналоги были устроены уже согласно принципам, сформулированным Кетле.

Русские статистики хоть и пропустили два первых международных статистических конгресса –1853 г. в Брюсселе и 1855 г. в Париже[11] – из-за, по всей видимости, недопонимания российским правительством масштаба мероприятий, но внимательно следили за их решениями[12]. Они активно включились

---

[6] *Торвальдсен Г.Т.* Номинативные источники в контексте всемирной истории переписей: Россия и Запад // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. Т. 18. 2016. № 3(154). С. 10–11.

[7] *Дмитриев А.Л.* Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: подготовка, проведение, итоги // История переписей населения в России. М., 2013. С. 109–110, 116–124.

[8] См., например: *Law C.M.* Local Censuses in the 18th Century // Population Studies. Vol. 23. 1969. № 1. P. 87–100; *Gehrmann R.* German Census-Taking before 1871 // Max Planck Institute for Demographic Research Working Paper. 2009. № 23. P. 1–24.

[9] *Thorvaldsen G.* Censuses and Census Takers: a Global History. L., 2018. P. 65–120.

[10] Ibid. P. 3.

[11] *Шелестов Д.К.* Международные статистические конгрессы // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 245.

[12] *Ямагути А.* Пропущенный конгресс: влияние Первого международного статистического конгресса на становление российской государственной статистики // Вопросы статистики. 2017. № 9. С. 84–88.

в работу третьего конгресса в Вене в 1857 г., а в 1872 г. страна приняла в Санкт-Петербурге восьмой Международный статистический конгресс, ставший одним из важнейших в истории статистики[13]. Считается, что именно петербургская конференция принесла на русскую почву новейшую методику переписи[14], однако ещё за годы до неё мы встречаем чётко артикулированные принципы Кетле в опубликованных материалах переписей глубоко провинциальных городов России, таких как Архангельск в 1863 г.[15] или Астрахань в 1867 г.[16]

Помимо качественной теоретической базы имперская городская перепись имела все предпосылки для успешной практической организации. Великие реформы не только интенсифицировали процесс урбанизации, создав острую потребность в сведениях о городском населении, но и сформировали инструменты её реализации – субъектное городское самоуправление и развёрнутую сеть профессиональных статистических учреждений.

Вопрос о масштабах городского переписного движения в дореволюционной России является дискуссионным. Исследователи насчитывают от 150 до 250 статистических мероприятий, состоявшихся в стране с 1860 по 1917 г. Такой разброс связан с гипотетичностью этих чисел, основанной на предположении специалистов о том, что результаты значительной части переписей так и не были опубликованы[17]. Единственную попытку точно подсчитать состоявшиеся мероприятия предприняли А.И. Гозулов и А.Г. Волков[18]. Их итоговый список включал 130 одинарных и 9 губернских городских переписей[19], что в сумме составляет 208 переписей в 122 городах[20]. С позиции современного знания очевидна проблематичность составления этого реестра, основанная на простом сложении одинарных городских и губернских, что могло привести к двойному учёту. Так, например, в реестре упомянуты одновременные переписи Акмолинска и городов Акмолинской обл. и в 1877 г. Аналогичный двойной учёт произошёл и в случае с переписью Тулы и городов Тульской губ. в 1887 г. Кроме того, не все переписи, указанные в списке, подтверждены документально.

Если отсутствие сведений в специальной литературе можно оправдать низкой степенью освоения источников, то отсутствие реакции на мероприятие со стороны современников и прессы даёт основания усомниться в самом факте её проведения. Так, например, в отчёте Владимирского губернского статистиче-

---

[13] *Шелестов Д.К.* Указ. соч. С. 245; *Thorvaldsen G.* Op. cit. P. 122.

[14] *Thorvaldsen G.* Op. cit. P. 191.

[15] *Чубинский П.* Отдел второй. Статистические таблицы и ведомости за 1863 г. // Памятная книжка для Архангельской губернии на 1864 год. Архангельск, 1864. Отд. II. С. 3.

[16] *Рымаренко С.С.* Результаты однодневной переписи жителей г. Астрахани, произведённой Астраханским статистическим комитетом, 23 декабря 1867 года // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 1. Астрахань, 1869. С. 101–110.

[17] *Гессен В.Ю.* Местные переписи населения в России до октября 1917 г. // История переписей населения в России. С. 66.

[18] Основу составил список А.И. Гозулова, опубликованный им ещё в 1940-е гг.: *Гозулов А.И.* Указ. соч. С. 252–255. Однако его обновлённая версия – приложение к их совместной с А.Г. Волковым статье про дореволюционные городские переписи – опубликована только за авторством А.Г. Волкова (см. ниже). Далее этот список будет обозначаться как «список Гозулова–Волкова».

[19] Особый вид статистического обследования, когда по решению местных властей переписывалось население всех городов губернии.

[20] *Волков А.Г.* Приложение 2. Известные даты (по старому стилю) проведения местных переписей населения на территории Российской империи // Демографический энциклопедический словарь. С. 557.

ского комитета за 1874 г. нет ни слова о прошедшей в том году переписи населения г. Владимира[21], которая, однако, включена в список Гозулова–Волкова. В то же время наш опыт в изучении материалов Пермской губ. свидетельствует о недоучёте народоисчислений в этом регионе. В реестре упомянуты только три местные городские переписи – в Екатеринбурге (1873), Красноуфимске (1887) и Перми (1890), однако совершенно точно известно об однодневных переписях Перми в 1868 и 1879 и Екатеринбурга в 1887 и 1917 гг.[22] Также известно о переписях в городах Дедюхине и Ирбите, которые сами организаторы признали неудачными[23]. Нельзя не упомянуть и многочисленные переписи заводских посёлков – поселений, юридически не являвшихся городами, но вмещавших зачастую десятки тысяч жителей[24].

Дополнительным аргументом в пользу явного недоучёта муниципальных переписей, проведённых в 1862–1917 гг., является их пространственное распределение. Известный факт концентрации городского населения в европейской части России не может в полной мере объяснить того, что Сибирский, Кавказский и Среднеазиатский регионы империи оказались гораздо меньше задеты развернувшимся в стране переписным движением (см. рис. 1). Это тем более странно, учитывая какое внимание имперское правительство уделяло национальному вопросу, понимание которого требовало точных сведений об этническом и религиозном составе населения окраинных и приграничных регионов. Можно предположить, что часть статистических обследований сибирских, кавказских и среднеазиатских городов так и не была опубликована, оставшись информацией для внутреннего пользования городских управ.

Что касается хронологии переписных мероприятий в городах, то она довольно неравномерна. Так, с 1862 по 1890 г. состоялись 96 одинарных и 9 общегубернских переписей из списка Гозулова–Волкова, а во второй половине пореформенного периода (1891–1916) – только 34 одинарных (см. рис. 2).

Проведение переписей регулировалось Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел (ЦСК). В.Ю. Гессен выделил пять его главных циркуляров, серьёзно повлиявших на переписное движение.

1. Циркуляр № 534 от 1873 г., в котором ЦСК одобрил опыты проведения переписей, однако обязал органы-инициаторы получать разрешение на их проведение, для того чтобы профессиональные статистики МВД проконсультировали оргкомитет относительно программы и методики переписи. Возможно,

---

[21] Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Вып. I. Владимир, 1875. Стб. 18–22.

[22] *Дмитриев А.А.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года: первый опыт краткого изложения истории Перми. Пермь, 1889; Результаты однодневной переписи в г. Перми 13-го апреля 1879 года // Пермские губернские ведомости. 1879. № 78; Город Екатеринбург / Под ред. И.И. Симанова. Екатеринбург, 2007. С. 59–101; *Бахарев Д.С.* Городская однодневная перепись Екатеринбурга 1917 года (по материалам периодической печати) // Провинциальный город в событиях 1917 года: новые подходы, исследовательские проблемы, открытия. Материалы межрегиональной конференции. Челябинск, 2017. С. 76–84.

[23] *Краснопёров Е.И.* Очерк экономического быта Дедюхинского заводского населения по данным посемейной переписи. Пермь, 1886. С. 2; *Серебренников П.Н.* Опыт медико-топографического описания г. Ирбита и Пермской губернии. Дис. ... д-ра медицины. СПб., 1885. С. 54.

[24] *Ковалевский В.В.* Результаты однодневной переписи, произведённой Екатеринбургским земским врачом Ковалевским в 1881 году, в заводах: Невьянском, Петрокаменском, Верхне-Тагильском, Быньговском, Шуралинском, Рудянском и Верх-Нейвинском. Екатеринбург, 1881.

появление этого циркуляра связано с попыткой внедрения тех решений, которые были приняты на петербургском конгрессе статистиков в 1872 г.[25]

2. Циркуляр № 2608 от 1887 г.[26], в котором ЦСК сетовал на «анархию» в переписном движении, так как большинство организаторов обходились без разрешения и даже информирования ЦСК.

3. Циркуляр № 307 от 1895 г., в котором ЦСК в преддверие всероссийской переписи 1897 г. наложил запрет на все другие статистические мероприятия в империи.

4. Циркуляр № 201 от 1904 г., согласно которому функция выдачи разрешения на проведение переписи была полностью снята с ЦСК и отдана на откуп губернаторов и органов самоуправления.

5. Циркуляр № 1186 от 1913 г., полностью запрещавший локальные обследования населения в преддверие планировавшейся второй всероссийской переписи 1915 г.[27]

Рис. 1. Карта переписей в городах Российской империи, 1862–1917 гг.

Карта не содержит переписи Харбина, который формально находился за пределами России, и «Уоре» – города, который авторы не смогли идентифицировать.

Составлено по: *Волков А.Г.* Указ. соч. С. 557.

[25] *Торвальдсен Г.Т.* Указ соч. С. 12.

[26] Это циркуляр подкреплялся в следующем 1888 г. циркулярами № 152 и 197, поэтому здесь они рассматриваются как единая мера.

[27] *Гессен В.Ю.* Местные переписи населения... С. 67–71.

Рис. 2. Хронология, частота и контекст проведения городских переписей.
Составлено по: *Волков А.Г.* Указ. соч. С. 557.

Сопоставление дат циркуляров и динамики количества переписных мероприятий позволяет предположить, что если первый циркуляр вследствие своей «мягкости» практически не повлиял на настроения региональных акторов, то последующим двум предписаниям удалось затормозить рост интереса к проведению городских переписей, который Россия переживала на протяжении почти 30 лет. Либеральный циркуляр № 201 от 1904 г., в свою очередь, не вызвал большого энтузиазма у местных статистиков, так как, по предположению Гессена, многие видные региональные практики отошли от дел, разочаровались или стали излишне осторожными из-за предыдущих запретительных актов[28]. Свою роль сыграла и перепись 1897 г., которая на время удовлетворила потребность местных властей в данных о населении. Ситуацию усугубили военно-политические потрясения и экономический кризис, поразивший Россию в начале XX в. В этих условиях муниципалитеты вынуждены были сознательно экономить на отнюдь не дешёвых статистических обследованиях. Запретительный эффект последнего циркуляра ЦСК от 1913 г. оказался фактически сведён на нет Первой мировой войной, в результате которой многие российские города начали испытывать массовый приток беженцев и дефицит продовольствия, что как никогда обострило потребность в учёте населения.

Другим фактором, влиявшим на динамику демографических исчислений в имперских городах, могли быть переписи населения Санкт-Петербурга. Столица справедливо воспринималась руководством других городов как плацдарм передовых нововведений и пример для подражания. В 1891 г. профессор ста-

[28] Там же. С. 71.

тистики Ю.Э. Янсон, идеолог и организатор первых петербургских переписей, отметил, что он регулярно получает «из разных городов России запросы о том, как лучше и удобнее было бы сделать им перепись населения»[29]. Столичное самоуправление обладало огромным политическим весом и могло себе позволить игнорировать или обходить циркуляры ЦСК. Сравнение хронологии статистических обследований в Петербурге и других городах даёт основание предположить, что именно столичные переписи подчас вызывали волну одновременных или отложенных на год аналогичных мероприятий по всей стране, в том числе и в «запретительные» периоды.

Кадры и методы, цели и результаты. Методика проведения городской переписи имела стандартный характер. Административными органами города и губернии создавался оргкомитет из профессиональных статистиков, представителей местной власти и интеллигенции. Оргкомитет составлял программу переписи, т.е. план её проведения, и готовил сопутствующие документы – объявления, инструкции и переписные ведомости. Город делился на переписные районы, а те (при необходимости) – на участки. В каждый переписной район (участок) назначался руководитель и под его начало набирались счётчики из представителей местной интеллигенции и учащихся. Обычно городская перепись населения состояла из двух частей: помимо непосредственно регистрации населения проводилась подворная перепись – мероприятие не менее важное, чем демографическое обследование, поскольку оно служило целям городского налогообложения. Счётчики в течение нескольких дней обходили все жилые дома и с помощью хозяев фиксировали в подворной ведомости физические характеристики строений домохозяйства.

Лишь спустя некоторое время начиналась собственно перепись населения, проводившаяся уже «поквартирно»[30]. Сначала счётчики разносили квартирные ведомости и личные листки[31], которые квартирохозяева и помогающие им грамотные жильцы должны были заполнить в течение нескольких дней и самостоятельно (по принципу «самоисчисления») ответить на вопросы, которых обыкновенно было от 10 до 20. Наконец, в день, назначенный критическим моментом переписи (в соблюдение принципа «одномоментности» или «однодневности» мероприятия), счётчики вновь обходили домохозяйства и собирали заполненные квартирные ведомости и личные листки. В момент сбора заполненных бланков жильцы, отсутствующие на месте, из них вычёркивались, а только что появившиеся – добавлялись. Таким образом, соблюдался принцип регистрации *de-facto*.

Собранные ведомости и листки счётчики передавали в штаб переписи, где они в течение нескольких дней обрабатывались для получения предварительных результатов, главным образом – определения общей численности населения. Уже значительно позднее проходила разработка материалов, составление подробных статистических таблиц и, наконец, их публикация. Эти мероприятия различались длительностью (иной раз критический момент растягивался

---

[29] *Янсон Ю.* Техника переписей населения в применении к русским городам. Статья первая // Северный вестник. 1891. № 5. Отд. II. С. 1.

[30] «Поквартирно» – устойчивый термин, подразумевавший личную перепись граждан безотносительно места их проживания.

[31] С содержанием типичных переписных документов можно ознакомиться на примере переписи Саратова 1916 г.: *Кокшайский И.Н.* Предварительные данные переписи населения г. Саратова и его пригородов, произведённой в 1916 году. Саратов, 1916. Приложения. С. 5–15.

на несколько дней), числом счётчиков, степенью самоисчисления (полное или при помощи счётчика), количеством и ясностью вопросов в ведомостях и проч. Соотношение этих факторов в конечном счёте и определяло качество конкретного обследования. Часто оно вызывало нарекания в столицах. Ведущие российские, а затем и советские специалисты критиковали отсутствие профессиональных статистиков в оргкомитетах провинциальных переписей, недостаточно чёткую формулировку вопросов в бланках, широко применявшийся принцип самоисчисления при низкой грамотности населения и, наконец, неполную публикацию результатов (или её отсутствие)[32].

При изучении этого сюжета, однако, обращают на себя внимание его обезличенность и клишированность. Начиная с дореволюционного периода, тематические исследования, как правило, были сосредоточены на анализе одного и того же набора крупнейших городов – Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Одессы, Баку и Тифлиса[33]. Практически нигде в литературе не оценивались статистические обследования провинциальных городов в общенациональном контексте. Исходя из этого можно предположить, что критическое отношение к качеству переписей сформировалось под влиянием дореволюционных специалистов, а они, в свою очередь, судили об этом явлении на основании знакомства лишь с единичными изданиями. Иначе и быть не могло, учитывая то, как мало переписей оказалось опубликовано и сколько из этих брошюр дошло до Петербурга[34]. В 1886 г. Ю.Э. Янсон писал: «Были делаемы опыты однодневных переписей, с различным успехом, во многих городах, общая же российская перепись имеется пока только в проекте. Но и об упомянутых опытах переписей нет почти вовсе сведений в нашей статистической литературе. По-видимому, в провинциальных городах такие переписи давно уже не делались: последние известия о них кончаются в начале 70-х годов»[35]. Отметим, что только за 1875–1885 гг. состоялись 30 одинарных и 2 губернские городские переписи. Таким образом, оценка достоверности сведений провинциальных переписей остаётся сюжетом, требующим серьёзной проработки.

По мнению В.В. Пландовского, одним из «слабых» мест провинциального переписного движения был низкий профессионализм организаторов[36]. На наш взгляд, это утверждение спорно и требует тщательной аргументации. Типичная имперская провинция пореформенной России располагала тремя видами органов статистического профиля: губернским статистическим комитетом (ГСК), земским и городским статистическими бюро. Все они в равной степени

---

[32] *Пландовский В.В.* Указ. соч. С. 300–301; *Гозулов А.И.* Указ. соч. С. 303–307; *Волков А.Г.* Переписи населения местные в дореволюционной России // Статистический словарь. М., 1965. С. 403; *Волков А.Г., Гозулов А.И., Григорьянц М.Г.* Перепись населения // Демографический энциклопедический словарь. С. 322.

[33] *Пландовский В.В.* Указ. соч. С. 272–305; *Гозулов А.И.* Указ. соч. С. 249–308; *Гессен В.Ю.* Местные переписи населения... С. 64–106.

[34] Например, в практически единственном библиографическом справочнике по демографическим источникам указанного периода истории России лишь для 25 городских переписей приведены опубликованные результаты (*Моисеенко В.М.* Социально-демографические проблемы населения в российской литературе во второй половине XIX – начале XX вв.: Библиографический справочник. М., 2011. С. 35–42). Конечно, эта цифра гораздо меньше числа реально опубликованных изданий, но она хорошо отражает степень научной освоенности источниковой базы даже на современном этапе.

[35] *Янсон Ю.Э.* Теория статистики. С. 295.

[36] *Пландовский В.В.* Указ. соч. С. 300–301.

принимали активное участие в проведении муниципальных переписей населения[37]. Однако ГСК до реформ Александра II в большинстве своём существовали лишь на бумаге, получив реальное кадровое наполнение и финансирование только в начале 1860-х гг.[38] Земские статистические отделы были образованы после 1864 г. вместе с земствами. Городское самоуправление же, теоретически главный идеолог, заказчик и исполнитель муниципального обследования, появилось повсеместно лишь в 1870 г., а городские органы, ответственные за статистику, начали функционировать ещё позже.

Возможно, именно переписи 1860-х – начала 1870-х гг., часто действительно имевшие дилетантский характер, вызывали естественное возмущение столичных статистиков. Первый циркуляр ЦСК от 1873 г. по поводу местных переписей можно рассматривать как своеобразный маркер наличия этой проблемы в стране. Даже в столицах первые переписные мероприятия, которые полностью удовлетворили большинство статистиков, были проведены лишь в 1880 г. (Петербург) и 1881 г. (Москва) с пятой и второй попытки соответственно[39]. Таким образом, невысокое качество ранних городских обследований логично объяснить скорее временным фактором: в 1860-х – начале 1870-х гг. происходило общеимперское становление институтов профессиональной статистики, воспитывались кадры и совершенствовались методики.

Провинция, на наш взгляд, могла иметь даже некоторые преимущества перед крупными городами. Чрезвычайно насыщенная общественно-политическая жизнь пореформенной России заставляла власти всех уровней пристально следить за настроениями масс. Среди «неблагонадёжных элементов» было немало статистиков, по долгу службы регулярно соприкасавшихся с социально незащищёнными слоями российского общества и сочувствовавших им. Это создавало ситуацию почти системной, зачастую обоснованной подозрительности к местным статистикам со стороны государства[40]. Как следствие, большое количество профессионалов, чьи политические взгляды и деятельность не одобрялись властью, высылались на периферию страны. Именно этот «ссыльный» фактор часто обуславливал неожиданно высокую компетентность провинциальных статистических служб. К числу таких провинциальных статистиков можно отнести, например, социалиста П.П. Чубинского (выпускника Санкт-Петербургского университета), организовавшего перепись Архангельска 1863 и, видимо, 1864 гг.[41]; члена «Земли и Воли» С.С. Рымаренко (бывшего студента Харьковского университета и Императорской медико-хирургической академии), организатора переписи Астрахани 1868 г.[42]; народника С.П. Швецова (бывшего студента Петербургского учительского института), разрабатывавше-

---

[37] См., например: *Скопа В.А.* История статистических учреждений Западной Сибири и Степного края в начале XIX – начале XX века. Барнаул, 2015. С. 223–227; *Строкин Н.* Результаты однодневной переписи городов Псковской губернии, 28 ноября 1887 года. Вып. 1. Псков, 1889. С. 1–8.

[38] *Первушкин В.И.* Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза, 2007. С. 44–53.

[39] *Гозулов А.И.* Указ. соч. С. 260–265, 275–282.

[40] *Гессен В.Ю.* Местные переписи населения... С. 71–80; *Борщик Н.Д.* История подготовки II всероссийской переписи населения Российской империи 1915 г. в Таврической губернии // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Исторические науки. 2018. Т. 4(70). № 2. С. 43.

[41] *Чубинский П.П.* Указ. соч. С. 3.

[42] *Рымаренко С.С.* Указ. соч.

го перепись Барнаула 1895 г.[43]; эсера П.Н. Дорохова (выпускника Самарского городского училища), руководившего однодневными переписями Челябинска в 1916 г. и Екатеринбурга в 1917 г.[44] Примечательно, что эта «традиция» сохранилась и в советское время. Например, штат Приполярной переписи 1926–1927 гг. был во многом набран из политических ссыльных[45].

Ещё одним преимуществом провинциального города являлся его размер. Многие методические недостатки, такие как неясность переписного листа, чрезмерное привлечение полиции и проч., на наш взгляд, могли компенсироваться более плотной работой счётчиков с горожанами, чего практически невозможно было добиться в Петербурге и Москве. Разница в относительном количестве счётчиков в столице и компактном провинциальном городе могла достигать десятка раз (см. табл. 1).

Таблица 1

Городские переписи 1870–1880-х гг.

Город	Население	Горожан на одного счётчика
Санкт-Петербург (1881)	861 303	1 129
Москва (1882)	751 491	460
Екатеринбург (1887)*	39 153	350
Оренбург (1875)	42 123	125
Омск (1877)	24 818	118
Смоленск (1881)	33 890	113

Составлено по: Город Екатеринбург. С. 72–73, 78; *Пландовский В.В.* Указ. соч. С. 279, 287; Перепись Москвы 1882 года. Вып. 1. М., 1885. Производство... Приложения. Стб. 5–6; Квартиры и хозяйства. Стб. 3–4; Граждане «цветущего» возраста, или Однодневная перепись населения в городе Омске (URL: http://oms.omskportal.ru/omsu/sherb-3–52–259–1/banners/useful-links/perepis/vozrast.html); *Словцов И.Я.* Материалы по истории и статистике Омска, извлечённые из однодневной переписи 1877 г. Ч. 1. Омск, 1880. С. 73; *Распопов П.Н.* Однодневная перепись населения г. Оренбурга, произведённая 21 декабря 1875 г. Оренбург, 1878. С. 5, 8; Статистический очерк города Смоленска и однодневная перепись 11-го октября 1881 г. Смоленск, 1882. С. 36, 41.

* Для Екатеринбурга в источнике указано наличие 32 участков с руководителями и 3–4 помощниками у каждого, т.е. общее число счётчиков следует искать в промежутке между 96 и 128; для таблицы взято среднее значение – 112.

Большую роль играла и компетентность счётчиков. Гозулов отмечал, что если в Европе кадры переписей состояли по большей части из буржуазии, чей труд щедро оплачивался, то в России это чаще всего были добровольцы из интеллигенции и учащихся, готовые трудиться безвозмездно[46]. Вероятно, только таким способом небольшой муниципалитет в позднеимперской России мог

[43] *Швецов С.П.* Алтайский сборник. Т. 2. Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 года. Вып. 1. Барнаул, 1898. С. 1–4.

[44] *Бахарев Д.С.* Городская однодневная перепись Екатеринбурга... С. 79.

[45] *Главацкая Е.М., Клюкина-Боровик Ю.В.* Уральская экспедиция на Обдорском Севере: Приполярная перепись, 1926–1927 гг. Екатеринбург, 2013. С. 14–15.

[46] *Гозулов А.И.* Указ. соч. С. 306–307.

себе позволить настоящую перепись населения. Надо признать, что этот способ работал. В отличие от главных городов страны, где даже за плату корпус счётчиков комплектовался с большим трудом (например, в Москве в 1882 г. из запланированных 2 500 регистраторов набрали лишь 1 551[47]), в русской провинции организаторам удавалось набрать в пропорции к населению города многократно больший штат, причём абсолютно бесплатно (например, в Томске в 1880 г.[48] и Смоленске в 1881 г.[49]).

Делая поправку на, вероятно, частично принудительное привлечение учащихся, тем не менее нельзя не поразиться тому энтузиазму, с которым представители местной интеллигенции были готовы безвозмездно исследовать родной город. Подобное поведение, чрезвычайно характерное для времени поздней империи, как нам видится, было результатом практической реализации потенциала гражданственности и локального патриотизма, активно формировавшегося местным образованным слоем через создание городского исторического нарратива.

Цели, ради которых проводились переписи российских городов, как правило, имели сугубо практический характер (возможно, за исключением столиц). В Пскове, например, таким путём пытались определить доходность недвижимости для улучшения сбора налогов[50], в Екатеринбурге оценивали влияние только что проложенной железной дороги на город[51], в Иркутске изучали последствия страшного пожара[52] и т.д. В то же время всероссийская перепись 1897 г. помимо научных и утилитарных целей имела и политическую подоплёку. С её помощью власти стремились проанализировать состояние еврейского и польского «вопросов», оценить распространение церковного раскола и «сектантства», изучить жизнеспособность идеологий «триединого русского народа» и «единой татарской нации»[53].

Все рассмотренные свойства и этапы касаются непосредственно процесса переписи, финальное же суждение о её качестве можно вынести лишь по конечным результатам. При этом современные инструменты анализа редко применяются к историческим источникам. Создание последних часто сопровождалось неизвестным нам контекстом, а количество информационных трансфертов за прошедшее время могло изменить первоначальные данные до неузнаваемости (агрегация, разработка, редактура, издание, переиздание, цитирование, комментирование, переложение и т.д.). К таким инструментам относится измерение возрастной аккумуляции — явления, суть которого заключается в искажении людьми своего возраста во время регистрации в сторону округления, т.е. до цифр, оканчивающихся на «0» и «5». Измеряется возрастная аккумуляция с помощью индекса Уипла, идеальное значение которого составляет «100» и говорит о полном отсутствии аккумуляции, т.е. опрашиваемые называли свой возраст безупречно верно, без намёка на округление. В ином случае индекс

---

[47] Там же. С. 278.

[48] *Костров Н.А.* Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 года. Томск, 1880. С. 4.

[49] Статистический очерк города Смоленска... С. 37.

[50] *Строкин Н.* Указ. соч. С. 1.

[51] Город Екатеринбург. С. 71.

[52] *Гессен В.Ю.* Местные переписи населения... С. 100.

[53] *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010. С. 47–79; *Darrow D.W.* Census as a Technology of Empire // Ab Imperio. 2002. № 4. P. 145–176.

увеличивается: чем больше людей, склонных к округлению своего возраста до «юбилейных» значений, тем он выше[54]. Этот универсальный приём применяется демографами и для анализа результатов современных переписей[55].

Познавательный смысл использования индекса Уипла заключается в том, что аккумуляция зависит от двух факторов – грамотности населения и качества работы счётчиков. При знании уровня грамотности это позволяет в некотором смысле отслеживать эволюцию качества переписных мероприятий. Мы выбрали три города, где в 1870–1880-х гг. были проведены однодневные переписи населения, а их результаты опубликованы и включали погодные возрастные таблицы[56]. Интересным представляется сравнение результатов Первой всеобщей переписи и предшествовавших ей городских переписей (см. табл. 2).

Таблица 2

Возрастная аккумуляция и уровень грамотности в городских переписях конца XIX в.

	Городские переписи 1870–1880-х гг.		Первая всеобщая перепись 1897 г.	
	Индекс Уипла	Доля грамотных, %	Индекс Уипла	Доля грамотных, %
Оренбург	150	46,9	125	49
Псков	132	57,4	114	63
Омск	116	41,6	113	49

Составлено по: *Распопов П.Н.* Указ. соч. С. 45; *Словцов И.Я.* Материалы по истории и статистике Омска, извлечённые из однодневной переписи 1877 г. Ч. 1. Омск, 1880. С. 85; *Строкин Н.* Указ. соч. С. 8; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 28: Оренбургская губерния / Под ред. И.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. 16–17; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 34: Псковская губерния. Тетр. 2 / Под ред. И.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. 9–10; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 81: Акмолинская область / Под ред. И.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. 10–11. При расчёте грамотности во всех случаях учитывалось только население старше 6 лет.

Напомним, что перепись 1897 г. проводилась с централизованной методической поддержкой ведущих отечественных статистиков из ЦСК и значительными денежными ассигнованиями имперского правительства[57]. Её организация в настоящее время признана образцовой, а результаты – заслуживающими доверия[58]. Перепись Оренбурга 1875 г. показала довольно высокий коэффициент

[54] *Архангельский В.Н.* Аккумуляция возрастная // Демографический энциклопедический словарь. С. 14–15.

[55] *Андреев Е.М.* О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 23.

[56] Городов, соответствующих этим критериям, очень мало, и практически все найденные в открытом доступе в Интернете источники были включены в эту таблицу. Таким образом, содержание таблицы является не искусственным подбором, а скорее естественной выборкой.

[57] *Дмитриев А.Л.* Указ. соч. С. 124–140.

[58] *Литвак К.Б.* Перепись населения 1897 г. о крестьянстве России (источниковедческий аспект) // История СССР. 1990. № 1. С. 124–125; *Сафронов А.А.* Первая всеобщая перепись населения России 1897 г.: разработка данных о грамотности, их информационный потенциал и достоверность // Документ. Архив. История. Современность. 2003. № 3. С. 217–218.

возрастной аккумуляции[59]. Через 22 года он серьёзно снизился – на 25 пунктов – при минимальном увеличении грамотности населения, всего на 2,1%. Полагаем, это указывает на существенно более низкое качество этой переписи по сравнению со всероссийским обследованием. Сравнение обследований Пскова 1887 и 1897 гг. показало снижение индекса Уипла на 18 пунктов при росте грамотности на 5,6%. Можно предположить, что именно прогресс в области образования повысил качество учёта населения, а обе переписи были проведены на одинаково высоком уровне. Особое внимание обращает на себя перепись Омска 1877 г., превзошедшая по точности регистрации возрастов общеимперское обследование, состоявшееся 20 лет спустя. На это указывает минимальное снижение возрастной аккумуляции, всего на 3 пункта, при значительном росте грамотности, на 7,4%. Для сравнения, в середине XX в. переписи многих стран, в том числе Португалии, Таиланда, Новой Зеландии и др., имели уровень возрастной аккумуляции в этом же диапазоне (110–124,9), а некоторые – даже значительно выше, например, Греция и Египет (125–174,9) или Турция (более 175)[60].

Заключение. Исследование феномена городских переписей в Российской империи конца XIX – начала XX в. привело к ряду интересных выводов. Во-первых, очевидна уникальность этого явления в общемировом контексте. На Западе городские демографические обследования к середине XIX в. уступили место современным национальным переписям, тогда как в России они приобрели по-настоящему массовый характер, восприняв самые прогрессивные принципы организации А. Кетле. При этом очевиден недоучёт подобных мероприятий. Результаты значительной их части либо так и остались неопубликованными, либо были изданы считанными экземплярами, до сих пор ожидая своего исследователя в архивах и библиотеках. В пользу этой гипотезы говорит показанная в данной статье неполнота списков проведённых переписей и их диспропорциональное распределение во времени и на карте России. По всей видимости, главными факторами, определявшими динамику проведения статистических обследований российских городов, были циркуляры ЦСК и переписи Санкт-Петербурга: первые чаще имели ограничительный характер, «прижимая» вниз кривую динамики, а вторые, наоборот, провоцировали её подъёмы из-за массы подражавших столице городов.

Что касается уровня профессионализма оргкомитетов провинциальных городских переписей, то, по нашему мнению, он недооценён из-за стереотипов, сложившихся в отечественной историографии на основе исследований материалов ранних статистических обследований 1860-х – начала 1870-х гг. Даже самый предварительный объективный анализ результатов (расчёт индекса Уипла) городских переписей 1870–1880-х гг., чьи материалы находятся в открытом доступе, показал, что их качество сопоставимо с образцовым всероссийским обследованием 1897 г. и не уступает, по крайней мере по этому показателю, многим зарубежным переписям середины XX в.

К безусловным преимуществам переписей провинциальных городов можно отнести то, что они составлялись сосланными профессионалами. Кроме того, небольшие размеры городов позволяли организовывать более плотную

[59] Примечательно, что организаторы переписи сами знали о существовании этого явления и обращали на него внимание (*Распопов П.Н.* Указ. соч. С. 37–39).

[60] Demographic yearbook 1995. 7th issue. Population Censuses. N.Y., 1995. P. 19.

работу счётчиков с населением. Для этих переписей характерна бóльшая политическая нейтральность и направленность на решение практических задач, что, в свою очередь, создавало дополнительную мотивацию для участников. Не последнюю роль в росте качества переписных мероприятий играла активно формировавшаяся силами интеллигенции городская идентичность, позволявшая небогатым муниципалитетам рекрутировать сотни счётчиков на безвозмездной основе. Энтузиазм организаторов и непосредственных исполнителей переписей позитивно влиял на качество их проведения[61]. В целом, провинциальные переписи, имеющие достаточную степень достоверности, открывают новые возможности для исследований по истории и антропологии российских городов XIX – начала XX в.

[61] *Glavatskaya E., Thorvaldsen G.* The Three Main Western Revolutions and their Censuses // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. № 4. P. 992–1008.

Правительственные субсидии газете «Киевлянин» в 1864–1882 гг.

Дмитрий Фёдоров

The government subsidies to the newspaper «Kievlyanin» in 1864–1882

Dmitriy Fedorov
(Saint-Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722060164, **EDN**: MMZRZQ

1860-е гг. стали временем бурного развития газетного дела в России[1]. Ведущим периодическим изданием Юго-Западного края являлась газета «Киевлянин», выходившая с лета 1864 г. Однако до недавнего времени в обширной историографии русской периодической печати об этом её органе упоминалось редко[2]. Только в 2000-х гг., во многом благодаря устойчивому интересу к фигуре последнего редактора «Киевлянина» В.В. Шульгина, её подшивки стали активно привлекаться исследователями событий начала XX в.[3] Сюжеты, связанные с основанием «Киевлянина», его политической программой и взаимоотношениями с цензурой, впервые осветил, широко привлекая архивные ма-

© 2022 г. Д.А. Фёдоров

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00073-П «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.».

This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation № 19-18-00073-P «National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th – 20th Centuries».

[1] *Есин Б.И.* Русская газета и газетное дело в России. М., 1981. С. 23.

[2] *Градовский Г.К.* Виталий Яковлевич Шульгин (биографический очерк) // Древняя и новая Россия. 1879. № 9. С. 413–429; *Новицкий И.П.* «Киевлянин» под редакцией Виталия Яковлевича Шульгина (1864–1878). Киев, 1880; *Воропонов В.Ф.* Моя петербургская служба (1872–1882) // Вестник Европы. 1904. № 11. С. 135–185; *Градовский Г.К.* Итоги (1862–1907). Киев, 1908. С. 339–350; *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. Ч. 3. М., 1918. С. 133; *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия. М.Н. Катков и его издания. М., 1978. С. 5. *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал. М., 1984. С. 26.

[3] *Бабков Д.И.* Политическая деятельность и взгляды В.В. Шульгина в 1917–1939 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2008. С. 10–11; *Глушков А.В.* Газета «Киевлянин» и прогрессивные националисты (1915–1917 гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 1. С. 271–277; *Пученков А.С.* В.В. Шульгин и газета «Киевлянин» в период Временного правительства (март 1917 – октябрь 1917 г.) // Проблемы истории и историографии. Т. 1. СПб., 2013. С. 123–130; *Портнягина Н.А.* Террор в восприятии консервативной общественности Юго-Западного края (на материалах газеты «Киевлянин») // Проблемы и перспективы социально-экономического развития общества: история и современность. СПб., 2016. С. 114–117; *Чемакин А.А.* «Внепартийный блок русских избирателей киевской губернии» В.В. Шульгина и выборы в Учредительное собрание УНР (декабрь 1917 г. – январь 1918 г.) // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб., 2018. С. 195–201; *Черёмухин В.В.* «Белый Киев»: жизнь города со страниц «Киевлянина» // Гражданская война: многовекторный поиск гражданского мира. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск, 2019. С. 328–333. См. также: *Шульгин В.В.* Россия в 1917 году: избранные работы / Сост. А.В. Репников. М., 2020. С. 263–553; *Шульгина Е.Г.* Конспект моих политических переживаний (1903–1922). М., 2019; *Шульгин В.В.* «Белые мысли»: Публицистика 1917–1920 гг. / Сост. А.А. Чемакин. М., 2020.

териалы, А.Э. Котов[4]. Однако контакты киевских публицистов с местными и столичными чиновниками ещё нуждаются в изучении.

В начале 1860-х гг. министр внутренних дел П.А. Валуев не раз убеждал императора в пользе «необходимого содействия» властям со стороны печати[5]. В условиях польского мятежа, грозившего перерасти в большую европейскую войну, это казалось особенно важным. При этом поддержка, в том числе и финансовая, должна была обеспечить лояльность прессы правительству и усилить его влияние на общественное мнение.

Между тем летом 1863 г. профессора Киевского университета прямо заявили киевскому генерал-губернатору Н.Н. Анненкову, выразившему недовольство тем, что в городе нет ни одной достойной газеты: «Трудиться мы готовы, но материальных средств у нас недостаёт»[6]. Начальнику Юго-Западного края пришлось обратиться за помощью в Петербург. 10 декабря он сообщил в МВД о намерении создать новый русский печатный орган для борьбы с польским сепаратизмом и разъяснения правительственных мероприятий. Однако, по мнению генерал-губернатора, «для того, чтобы подобная газета могла быть основана, необходимо должно быть оказано ей пособие, которое по приблизительному исчислению на первый раз может простираться от 5 тыс. до 6 тысяч руб. серебром». Валуев одобрил данное ходатайство, но усомнился в том, что 6 тыс. руб. достаточно для выпуска газеты, и настойчиво рекомендовал сделать её не ежедневной, а выходящей три раза в неделю. Средства же министр предлагал взять из поступлений от десятипроцентного налогового сбора с помещичьих имений края (в 1863 г. он составлял около 2 млн 150 тыс. руб.)[7].

20 декабря Анненков направил соответствующую записку императору, передавшему её на рассмотрение в Западный комитет. Его члены не нашли в генерал-губернаторской инициативе ничего предосудительного[8], и 17 января 1864 г. Валуев вновь доложил Александру II о предполагаемом выпуске газеты в Киеве и о своих соображениях по этому поводу. Но на этот раз последовало «высочайшее разрешение» выдать на её издание 6 тыс. руб. серебром из казны, о чём 19 января Валуев известил Анненкова[9]. 27 февраля генерал-губернатор уже писал министру о том, что собирается назначить редактором новой газеты бывшего профессора Киевского университета В.Я. Шульгина; тогда же впервые было упомянуто и её название – «Киевлянин»[10]. Однако подготовка к выпуску первого номера заняла почти 4 месяца.

Как отмечал приехавший в 1863 г. из Петербурга в Киев Г.К. Градовский, «издавать газету в провинции было нелегко, а в Киеве в особенности. Прежде

---

[4] *Котов А.Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016. С. 389–393; *Котов А.Э.* Русский политический предмодерн: забытые «консерваторы» второй половины XIX века. СПб., 2019. С. 143–174.

[5] РГИА, ф. 1093, оп. 1, д. 338, л. 8–11; ф. 1282, оп. 2, д. 1940, л. 1. Подробнее о взглядах Валуева см.: *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 35–62.

[6] Киевлянин. 1864. 1 июля. № 1. «Киевский телеграф» и его редактор А.А. Юнг не пользовались симпатиями Анненкова (РГИА, ф. 775, оп. 1, д. 325, л. 1).

[7] РГИА, ф. 775, оп. 1, д. 325, л. 1 об., 3, 4 об.; ОР РНБ, ф. 379, д. 328, л. 11 об.

[8] ОР РНБ, ф. 379, д. 328, л. 6; д. 330, л. 20.

[9] РГИА, ф. 775, оп. 1, д. 325, л. 8, 9. 1 февраля распоряжение об этом поступило в Киевскую казённую палату (Там же, л. 11).

[10] Там же, л. 13–13 об.

всего не доставало читателя. Поляки русских газет не читали, а русское общество было весьма немногочисленно»[11]. Тем не менее Шульгин, человек творческий и увлекающийся, с головой ушёл в новую деятельность. Его жена М.К. Шульгина вспоминала о «той нераздельной связи, какая существовала во всё время между газетой и её редактором-издателем, бывшим притом бесспорно первым работником в своей газете»[12]. В качестве постоянных сотрудников Шульгин привлёк в «Киевлянин» профессоров и приват-доцентов Университета св. Владимира (Н.Х. Бунге, А.И. Линниченко, Н.К. Ренненкампфа, А.И. Вальтера, М.П. Драгоманова, С.М. Ходецкого и др.), а также талантливых публицистов (В.Г. Авсеенко, Г.К. Градовского, М.А. Тулова, Ф.Ф. Воропонова и др.)[13]. Подобный круг авторов явно свидетельствовал о том, что газета была изначально рассчитана на образованную и состоятельную публику[14].

С мая 1864 г. на улицах Киева начали появляться объявления о скором выходе газеты[15]. Планируя печатать три номера в неделю (150 – в год), редакция рассчитывала на правительственную субсидию, а также доход от розничной продажи и подписки, стоимость которой составляла 6 руб., с доставкой – 8 руб. Издание освобождалось от предварительной цензуры и могло пользоваться официальными правительственными данными[16].

Первый номер «Киевлянина», вышедший 1 июля, открывала статья с эпиграфом «Этот край русский, русский, русский!». Тем самым выражались политические предпочтения редакции. Вместе с тем Шульгин, отличавшийся независимым характером, старался придать «Киевлянину» черты вполне самостоятельного издания, «крайне щекотливого к попыткам административного давления»[17]. При этом он не скрывал, что «в феврале настоящего года, по ходатайству генерал-губернатора, правительство ассигновало 6000 рублей единовременного пособия на основание газеты»[18]. Но субсидия рассматривалась им исключительно как долг, который он собирался полностью погасить, когда газета начнёт приносить доход[19]. В столичной и местной печати заметили новое издание и проявили к нему интерес[20]. Поддержать «Киевлянин» решил и совет Университета св. Владимира, выписавший в библиотеку три экземпляра газеты[21].

Однако прогноз Валуева о том, что 6 тыс. руб. редакции не хватит, вскоре оправдался. На жалованье Шульгину и его помощнику В.Г. Авсеенко из этой суммы выделялось 2 тыс. руб., а оставшиеся 4 тыс. руб. предполагалось распределить на год, до 1 июля 1865 г., пополняя доходами от подписки и продажи[22]. Но, по словам Воропонова, «“Киевлянин” ещё только пробивал себе

---

[11] *Градовский Г.К.* Указ. соч. С. 340.

[12] *Новицкий И.П.* Указ. соч. С. I.

[13] *Градовский Г.К.* Указ. соч. С. 52.

[14] Киевлянин. 1864. 8 октября. № 43; 1882. 3 ноября. № 243.

[15] Киевский телеграф. 1864. 3 июля. № 74.

[16] *Корнилов А.А.* Указ. соч. Ч. 3. С. 133.

[17] *Воропонов Ф.Ф.* Моя петербургская служба // Вестник Европы. 1904. № 11. С. 140.

[18] Киевлянин. 1864. 1 июля. № 1.

[19] *Павлова Т.* О газете «Киевлянин» и её редакторах // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1981. 6 июня. № 25528.

[20] Московские ведомости. 1864. 2 июля. № 145; Санкт-Петербургские ведомости. 1864. 19 июня. № 135; 9 июля. № 151; Русский инвалид. 1864. 3 июля. № 147; Киевский телеграф. 1864. 10 мая. № 50; 20 мая. № 54; 3 июля. № 73; 5 июля. № 74.

[21] Протоколы заседаний совета // Университетские известия. № 7. Киев, 1864. С. 4.

[22] РГИА, ф. 775, оп. 1, д. 325, л. 14.

дорогу в публику, число его подписчиков было ограничено и росло медленно, почему материальные средства газеты были незначительны»[23]. К тому же «Киевлянин» не имел права печатать казённые объявления, которые являлись основной статьёй дохода не только для «Одесского вестника» и «Виленского вестника», но и для «Московских ведомостей» М.Н. Каткова. Без них, по мнению В.А. Твардовской, «его газета вряд ли продержалась бы»[24].

Шульгину приходилось экономить на всём, включая аренду помещения: редакцию он разместил в своём собственном доме[25]. Корреспонденты «Киевлянина» могли рассчитывать лишь на символическое вознаграждение за публикацию своих статьей: в 1864 г. они получали 2,5 копейки за строку[26], тогда как в том же «Киевском телеграфе» за строчку платили 10 коп.[27] Если в других газетах гонорар за печатный лист колебался от 50 до 75 руб., то в «Киевлянине» – от 20 до 42 руб.[28] К примеру, Воропонову, писавшему о положении крестьян, Шульгин и Авсеенко давали за лист только 20 руб.[29], хотя у И.С. Аксакова в московской газете «День» ему готовы были дать и 107 руб.[30] Сам Шульгин за пространную статью «Юго-Западный край в последнее двадцатипятилетие» и вовсе не получил гонорара[31].

28 ноября 1864 г. Анненков жаловался Валуеву на тяжёлое материальное положение новой газеты: «"Киевлянину", – указывал генерал-губернатор, – каждый номер обходится в 60 руб., а именно: за печать и бумагу более 20 руб., гонорар сотрудникам 20 руб., жалованье редакции, телеграммы и мелочные расходы 20 руб.». Понимая, что без денежного пособия издание обречено, Анненков просил сохранить выплачиваемую ему субсидию после 1 июля 1865 г. до тех пор, пока количество подписчиков газеты не достигнет 1,5 тыс. человек[32]. Но 10 декабря Валуев рекомендовал министру финансов М.Х. Рейтерну продлить финансирование только на год, до 1 июля 1866 г., ссылаясь, в частности, на то, что состав редакции и её направление в любой момент могут измениться[33].

Тем временем 23 декабря Анненкова сменил в Киеве А.П. Безак, увидевший в Шульгине «своего сотрудника и союзника»[34]. Новый начальник края при поддержке своего предшественника распорядился выплачивать субсидию в прежнем размере и на тех же условиях[35]. Узнав, что император 7 февраля 1865 г. распорядился выдавать её только до 1 июля 1866 г.[36], Безак 22 марта направил Валуеву новое ходатайство и 19 апреля добился очередной отсрочки

---

[23] *Воропонов Ф.Ф.* Указ. соч. С. 137. В середине 1860-х гг. у «Киевлянина» насчитывалось всего 550 подписчиков.

[24] *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия... С. 4.

[25] *Шульгин В.В.* Тени, которые проходят. СПб., 2012. С. 35; Новое русское слово. № 25528. 1981. 6 июня.

[26] ИРЛИ РАН, ф. 13, д. 686, л. 2.

[27] *Градовский Г.К.* Указ. соч. С. 343.

[28] Киевлянин. 1868. 16 апреля. № 45.

[29] ИРЛИ РАН, ф. 13, д. 686, л. 3.

[30] Там же, оп. 687, л. 3.

[31] РГИА, ф. 775, оп. 1, д. 325, л. 36.

[32] Там же, л. 37.

[33] Там же, ф. 565, оп. 6, д. 20972, л. 1 об.

[34] Киевлянин. 1879. 3 июля. № 78.

[35] РГИА, ф. 775, оп. 1, д. 325, л. 42 об., 44 об.

[36] Там же, ф. 565, оп. 6, д. 20972, л. 3.

до 1 июля 1867 г. В дальнейшем выдача денежного пособия так и не была прекращена[37]. Причём, по свидетельству Градовского, оно выдавалось Киевской казённой палатой лично Шульгину совершенно безотчётно и без какого-либо контроля за использованием полученных средств, так как «казна никогда не отвечала за потери по изданию “Киевлянина” и не интересовалась её прибылями»[38]. В то же время едва лишь со стороны Безака «обнаружилась попытка к некоторому давлению на независимость “Киевлянина”, В.Я. Шульгин не задумался немедленно заявить, что он отдаёт газету в полное распоряжение генерал-губернатора, а сам отказывается от всякого к ней отношения». Градовскому пришлось устранять «этот разлад и эти недоразумения», после чего «“Киевлянин” остался в руках Шульгина как полная его собственность»[39].

30 декабря 1868 г. Безак скоропостижно скончался, и в январе 1869 г. генерал-губернаторский пост занял кн. А.М. Дондуков-Корсаков, не сочувствовавший идеологам «русского направления» и во многом ориентировавшийся в своих действиях на шефа жандармов гр. П.А. Шувалова. В первые месяцы новый начальник края ничего не менял: весной и летом Шульгин получил причитавшиеся ему 6 тыс. руб., а со 2 сентября 1869 г. ему было разрешено открывать подписку не только на год или на полугодие, но и на более короткий срок. «Киевлянин» дозволялось продавать на улицах, железнодорожных станциях и любых открытых местах. Военный министр Д.А. Милютин, желая финансово поддержать газету, распорядился печатать в ней решения военно-окружных судов[40]. Но уже 19 октября генерал-губернатор уведомил министра внутренних дел А.Е. Тимашева о необходимости отказаться от материальной помощи «Киевлянину»[41]. Вскоре князь открыто пригрозил лишить газету субсидии с 1 января 1870 г.[42] В ответ Шульгин напечатал 18 ноября резкую передовую статью, заявив, что редакция не только не прекратит работу, но и постарается улучшить издание по крайней мере в 1870 г.[43]

На защиту «органа местных русских интересов» встала печать обеих столиц. 4 июня 1870 г. на страницах «Московских ведомостей» Катков возмущался тем, что «в Киеве считают возможным даже совершенное прекращение принесшей столько пользы русскому делу газеты “Киевлянин”. Этим объясняют, что несмотря на ассигнование Государственным советом обычной субсидии этой газете, несмотря на открытый в Киеве Министерством народного просвещения кредит для означенного расхода, субсидия эта до сих пор не выдана, и неизвестно, будет ли выдана, благодаря тому что вот уже несколько месяцев собираются различными канцеляриями какие-то справки о том, как выдавать, да когда, да на каких условиях»[44]. 8 июня эту статью перепечатал петербургский «Голос» (о событиях, происходивших вокруг «Киевлянина», ему сообщал зять − профессор Университета св. Владимира В.А. Бильбасов)[45]. Подобную солидарность обычно остро полемизировавшие издания проявляли крайне редко.

---

[37] Там же, оп. 2, д. 7305, л. 2, 3, 4 об.
[38] Там же, ф. 776, оп. 3, д. 411, л. 4.
[39] *Градовский Г.К.* Указ. соч. С. 348.
[40] РГИА, ф. 776, оп. 3, д. 411, л. 30−31.
[41] Там же, оп. 5, д. 54, л. 10 об., 11.
[42] ОР РНБ, ф. 391, д. 197, л. 4−4 об.
[43] Киевлянин. 1869. 18 ноября. № 136.
[44] Московские ведомости. 1870. 4 июня. № 118.
[45] Голос. 1870. 8 июня. № 156; ОР РНБ, ф. 391, д. 197, л. 3−4 об.

Между тем ещё весной попечитель Киевского учебного округа попытался узнать у министра народного просвещения гр. Д.А. Толстого о периодичности выплат «Киевлянину», но тот не смог ему ничего ответить, сославшись на то, что у МВД об этом нет никаких сведений[46]. Когда же 26 мая 1870 г. граф обратился к генерал-губернатору, выяснилось, что «на выдачу 6000 р[уб]., назначавшихся по смете Министерства внутренних дел на издание газеты "Киевлянин", особых сроков определено не было, а выдавались деньги эти частями, в то время, когда поступало ко мне заявление об этом редактора "Киевлянина", так, в прошлом году выдано действительному статскому советнику Шульгину 3 т[ысячи] 25 марта, а остальные 3 т[ысячи] – 12 июня»[47]. Так или иначе, впоследствии Государственный совет одобрил внесение субсидии «Киевлянину» особой статьёй в смету Министерства народного просвещения[48].

Едва ли это обрадовало кн. Дондукова-Корсакова, и 22 мая 1874 г., когда у газеты оказалось более полутора тысяч подписчиков (по данным местного цензурного ведомства, в 1873 г. их число уже приближалось к 1800[49]), он вновь напомнил начальнику Главного управления по делам печати М.Н. Лонгинову, что не только не настаивает на продолжении финансирования данного издания, но и не видит в нём необходимости[50]. Шульгин критиковал действия князя, но соблюдал все требования цензуры[51]. Более того, согласно отчёту Киевского цензурного комитета за 1873 г., «по числу подписчиков и по направлению и содержанию первое место между частными повременными изданиями в Киеве по-прежнему осталось за "Киевляниным"», а «тон газеты в истекшем году отличался бóльшим, против прежнего, спокойствием»[52]. В результате, несмотря на противодействие генерал-губернатора, редакция субсидии не лишилась[53].

17 декабря 1875 г. Шульгин решил заручиться содействием попечителя учебного округа П.А. Антоновича. «Если выдача субсидии "Киевлянину" будет прекращена, – писал ему Виталий Яковлевич, – то я в 1876 году должен буду, конечно, продолжить ещё издание газеты, потому что подписка на неё уже началась, и я должен буду исполнить принятые на себя перед подписчиками обязательства. Но затем дальнейшее издание "Киевлянина", по крайней мере мною, почитаю положительно невозможным, без правительственной субсидии»[54]. Для убедительности прилагалась смета: «Приходы: с 1800 платящих подписчиков (по 6 р[уб].) – 10800 р[уб].; с объявлений – 5000; субсидия – 6000; всего – 21800 р[уб].; Расход: за каждый № от 110 до 125 руб. ... всего за 152 №№ в год 18000; гонорар редактора и за статьи, и за редактирование – до 4000»[55]. Антонович переслал это письмо гр. Толстому, высказавшись, со своей стороны, в пользу дальнейшего финансирования ведущего органа местной печати[56].

---

[46] РГИА, ф. 733, оп. 214, д. 31, л. 1–1 об.
[47] Там же, л. 9–10.
[48] Там же, л. 2.
[49] Там же, ф. 776, оп. 11, д. 2б, л. 139.
[50] Там же, оп. 5, д. 54, л. 10 об., 11.
[51] *Градовский Г.К.* Указ. соч. С. 348.
[52] РГИА, ф. 776, оп. 11, д. 2б, л. 139 об.
[53] Там же, д. 11, л. 100 об.
[54] Там же, ф. 733, оп. 214, д. 31, л. 18–18 об.
[55] Там же, л. 19.
[56] Там же, л. 17–17 об.

Тем временем с 6 декабря 1875 г. «Киевлянин», изначально имевший всего четыре полосы, превратился в шестиполосную широкоформатную газету[57]. Заметно увеличилось и тематическое разнообразие статей. Всё это не только объясняло увеличение стоимости подготовки номеров почти вдвое, но и требовало дополнительных усилий и издержек, тогда как возможности редакции оставались крайне ограниченными.

25 декабря 1878 г. Шульгин, которому было всего 57 лет, скончался от осложнений после простуды. По особому распоряжению попечителя учебного округа права на издание «Киевлянина» перешли к его вдове М.К. Шульгиной. 27 декабря 1878 г. редактором газеты «впредь до окончательного утверждения» был назначен один из её сотрудников – приват-доцент Университета св. Владимира Д.И. Пихно[58]. В первом же номере 1879 г. он уверял читателей: «Что касается материальной стороны издания, то она вполне обеспечена издательницей "Киевлянина" М.К. Шульгиной, выразившей твёрдое намеренье употребить, с своей стороны, все средства для поддержания того дела, которому её покойный муж посвятил столько лет неустанного труда»[59]. Под «средствами» явно подразумевались казённые дотации. «После смерти в конце 1878 г. основателя "Киевлянина" В.Я. Шульгина, – вспоминал позднее Пихно, – возник вопрос о субсидии. Высшая местная власть и высшие центральные правительственные учреждения признали необходимым продолжать субсидию для поддержания газеты, а издатели не считали себя в праве отказаться от этой поддержки по нескольким причинам. Во 1-х, в первое время не было известно, удастся ли удержать прежнее положение, а следовательно, и прежнее число читателей... Во 2-х, газета нуждалась в реорганизации... В 3-х, наконец, со времени закрытия в 1876 году "Киевского телеграфа", "Киевлянин" был единственной газетой в Киеве»[60].

Вместе с тем, если попечитель учебного округа 6 февраля 1879 г. просил разрешить выдачу пособия Шульгиной[61], то гр. Толстой и министр внутренних дел Л.С. Маков сомневались в целесообразности этого и предпочли передать соответствующие средства в распоряжение киевского генерал-губернатора М.И. Черткова. Соответственно 16 июня особая статья расходов на содержание «Киевлянина» вернулась в сметы МВД[62].

Учитывая тяжёлый характер Черткова, в редакции не могли не беспокоиться о том, как именно проявится и отразится на репутации газеты усиление её зависимости от местной власти. Единственный выход из сложившейся ситуации виделся в таком увеличении доходов, которое позволило бы отказаться от субсидии. 17 октября 1879 г. Шульгина просила Главное управление по делам печати разрешить ей выпускать газету ежедневно, повысив при этом цену за подписку на 1880 г. до 8 руб (10 руб. с пересылкой)[63]. Поскольку число подписчиков составляло уже почти 2800 человек, это был вполне оправданный шаг[64]. Просьбу Шульгиной поддержал и Чертков[65].

---

[57] Киевлянин. 1875. 6 декабря. № 145.
[58] РГИА, ф. 776, оп. 1, д. 411, л. 105–105 об.
[59] Киевлянин. 1879. 1 января. № 1.
[60] Там же. 1882. 3 ноября. № 243.
[61] РГИА, ф. 733, оп. 214, д. 31, л. 21.
[62] Там же, ф. 776, оп. 1, д. 411, л. 100–100 об., 105 об., 111–111 об., 113, 118.
[63] Там же, л. 121.
[64] Киевлянин. 1882. 3 ноября. № 243.
[65] РГИА, ф. 776, оп. 1, д. 411, л. 122–122 об.

Между тем 20 ноября 1880 г. на заседании Департамента государственной экономии Государственного совета при обсуждении бюджета вновь говорилось об окончательном прекращении или уменьшении финансирования «Киевлянина»[66]. 15 июля 1881 г. министр внутренних дел гр. Н.П. Игнатьев писал киевскому генерал-губернатору А.Р. Дрентельну: «Я затрудняюсь внести в смету Министерства внутренних дел на 1882 год расход в 6000 руб. на пособие газете "Киевлянин"». Дрентельн, учитывая влияние издания в крае, просил графа не спешить и настаивал на тех же выплатах в будущем. Гр. Игнатьев предложил компромисс: сохранить в 1882 г. соответствующую статью, однако «не в прежнем размере»[67].

Осенью 1882 г. Шульгина получила разрешение снова повысить подписную плату до 12 руб. за год и 7 руб. за полгода (соответственно, 10 и 6 руб. без пересылки)[68]. На тот момент тираж газеты достиг 3500 экземпляров. 3 ноября 1882 г. началась подписка на 1883 г. по новой цене, позволявшей полностью покрывать затраты без участия правительства. В тот же день в передовой статье Пихно поспешил объясниться с читателями: «Увеличение подписной цены явилось последствием отказа издательницы газеты от правительственной субсидии, которая до настоящего времени выдавалась "Киевлянину" в размере 6000 руб. и внесена в роспись государственных расходов и на 1883 г.»[69]. А уже 10 ноября Дрентельн телеграфировал министру внутренних дел гр. Толстому о том, что Шульгина окончательно отказалась от денег, выделенных ей на 1883 г.[70] Освободившиеся в связи с этим 6 тыс. руб. направили на «известное его императорскому величеству употребление», фактически – на поддержку других органов печати[71]. Правительственные вливания в «Киевлянин» закончились. Во многом благодаря им за 18 лет газета нашла своего читателя, сформировала устойчивый круг подписчиков, число которых постепенно росло, и заняла видное место в общественно-политической жизни края. В каком-то смысле это являлось примером того «диалога», к которому стремилась либеральная бюрократия эпохи реформ.

---

[66] Там же, л. 154–155.
[67] Там же, оп. 3, д. 411, л. 163–167 об.
[68] Там же, л. 182–182 об., 184.
[69] Киевлянин. 1882. 3 ноября. № 243.
[70] РГИА, ф. 776, оп. 3, д. 411, л. 187.
[71] Там же, оп. 20, д. 547, л. 28 об.

Развитие судебной системы в Сибири в XVIII – первой половине XIX в.

Виталий Воропанов

Development of the judicial system in Siberia in the 18th – first half of the 19th centuries

Vitaly Voropanov
(Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch)

DOI: 10.31857/S0869568722060176, **EDN**: MNGMZK

К началу имперского периода в истории России её территории за Уралом делились на уезды, управление которыми контролировали и координировали Сибирский приказ в Москве и разрядный воевода в Тобольске. Местный суд находился в ведении четырёх разрядных и 20 уездных воевод, действовавших, как правило, вполне самостоятельно. В условиях автономии туземных народов и неопределённости контура государственных границ царь и его Сибирский приказ предоставляли воеводам свободу применения правовых норм, «смотря по тамошнему делу и как их Бог вразумит». Пространственные рубежи юрисдикции были тесно связаны с территориальной организацией сбора налогов и отличались фрагментированностью, связанной с обстоятельствами присоединения и освоения различных областей: жители острогов и слобод, общины туземцев часто пользовались экстерриториальным статусом[1]. Устойчивой особенностью являлось отсутствие губных и земских судов как альтернативных органов власти, однако и местным судебным системам была свойственна ярко выраженная дихотомия, поскольку как коренное, так и пришлое население использовало в своих «внутренних» делах традиционные формы осуществления правосудия, по необходимости разрешённые государством. Признание воевод в качестве судей происходило противоречиво: их склонность к произволу нередко побуждала обходить приказную избу стороной, предпочитая ей самосуд, однако жители сибирских уездов представляли разные этносоциальные группы, мигранты сталкивались с проблемами при организации самоуправления и периодически всё же испытывали потребность в обращении к государственному суду.

Преобразования Петра I ускорили процесс интеграции Сибири в состав России. Однако в ходе первой реформы местного управления царь не стал вводить в Сибири выборную должность бурмистров из-за малочисленности

© 2022 г. В.А. Воропанов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Тюменской области, проект № 20-49-720019.

[1] Подробнее см.: *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 118; *Самигулов Г.Х.* Слободское расселение как способ отчуждения вотчинных земель ясачного населения: Туринский и Тюменский уезды XVII века // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 3(15). С. 238–248.

горожан, слабости их хозяйств и присутствия ссыльных[2]. На пике Северной войны Сибирь и Северное Приуралье составили колоссальную губернию. При этом конфигурации судебных систем и территория подсудности органов юстиции менялись по мере присвоения поселениям разных типов статуса административных центров. С 1709 г. при каждом губернаторе надлежало находиться ландрихтеру или земскому судье[3]. Между тем сибирский ландрихтер безвыездно находился в Москве, руководя работой Канцелярии Сибирской губ., заменившей Сибирский приказ[4]. Воевод сменили обер-коменданты и коменданты[5]. В потенциальных центрах провинций им придавалось особое значение. Так, 31 декабря 1713 г. енисейский комендант получил право контролировать деятельность комендантов Красноярска и Мангазеи[6]. С 1715 г. для управления «долями», т.е. округами, установленными губернатором, стали командироваться ландраты, также пользовавшиеся ограниченной юрисдикцией, но исключительно в отношении сельского населения[7]. В 1711 г. царь попытался провести в слободах Сибири выборы бурмистров, но уже в 1716 г. функции власти на низшем уровне в полном объёме вернули назначаемым приказчикам[8].

В период второй административной реформы Сибирь 29 мая 1719 г. разделили на три провинции, а 26 ноября 1724 г. в Енисейске и Иркутске учредили должности вице-губернаторов[9]. В провинциях и уездах продолжали создавать дистрикты, позволявшие упорядочивать ведение дел на местах[10]. В то же время в Сибири появились специальные органы юстиции. Осуществление правосудия царь доверил надворным судам, открытым в Тобольске (1720) и Енисейске (1722)[11], обойдя вниманием Иркутск – центр третьей провинции, несмотря на её размеры.

Надворные суды рассматривали и разрешали дела независимо от квалификации преступления и суммы материального ущерба, утверждали приговоры, принимали апелляционные жалобы, занимались судебно-исполнительной деятельностью, организовывали сыск, руководили местами содержания под стражей подсудимых и обвиняемых и нотариатом[12]. Енисейский и Тобольский надворные суды, как наиболее удалённые от столицы, даже были уполномочены предварительно расследовать политические преступления[13]. В 1721 г. губернатор и судьи Тобольского надворного суда приступили к назначению

---

[2] ПСЗ-I. Т. 3. № 1708.

[3] Там же. Т. 5. № 2673. Ст. 3; № 2879.

[4] Подробнее см.: *Редин Д.А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 153–162.

[5] ПСЗ-I. Т. 4. № 2484, 2135. Ст. 5.

[6] Памятники сибирской истории XVIII века / Под ред. А.И. Тимофеева. Кн. 2. СПб., 1885. № 7. С. 32.

[7] ПСЗ-I. Т. 5. № 2879, 3334.

[8] Подробнее см.: *Шишонко В.Н.* Пермская летопись с 1263–1881 г. Третий период. С 1645–1676 г. Пермь, 1884. С. 880.

[9] ПСЗ-I. Т. 5. № 3378; Т. 7. № 4606, 4916.

[10] Подробнее см.: *Редин Д.А.* Административные структуры... С. 315–349.

[11] *Серов Д.О.* Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М., 2009. С. 209, 213.

[12] Там же. С. 221–229.

[13] *Акишин М.О.* О проведении судебной реформы Петра Великого в Сибири // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI вв. Материалы VI всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2006. С. 131–132.

городовых («земских») судей, появившихся в Кунгуре, Таре, Тюмени – центрах дистриктов, сменявших уезды[14].

Медленное развитие законодательства и нехватка чиновников побудили Петра I согласиться с упразднением судов первого звена, обособленных от администрации. Указом Сената 12 марта 1722 г. провинциальным воеводам придавалось по два асессора для ведения судебных дел. В город, удалённый на расстояние свыше 200 вёрст, воевода мог командировать асессора с правом удовлетворения исков на сумму до 20 руб.[15] 4 апреля именной указ подтвердил ликвидацию «нижних» судов, передав их функции в городах, не имевших надворных судов, губернаторам, вице-губернаторам, провинциальным воеводам и асессорам. В населённые пункты, отстоявшие более чем на 200 вёрст, следовало посылать комиссаров, уполномоченных разбирать имущественные иски на сумму до 50 руб. (их решения могли быть обжалованы в надворном суде или у провинциального воеводы)[16]. В поселениях, рассеянных на сибирских просторах, они заменили городовых судей. Тобольский надворный суд назначал комиссаров не только в города, но и «в дистрикты», т.е. остроги и слободы с окружавшими их деревнями[17]. Для максимального охвата населения обязанность разбирать мелкие дела возложили на приказчиков. Но попытки делегировать функции низшего суда крестьянам строго пресекались[18].

К системе общих судов, находившихся в ведении Юстиц-коллегии, примыкали магистраты, подчинённые Главному магистрату и наделённые судебной властью. Численность должностных лиц в них зависела от развития социальной среды в провинциях. Для рассмотрения уголовных и гражданских дел необходимы были бургомистр с помощниками[19]. На Востоке России магистраты превратились в дополнительный индикатор «дефронтиризации» областей. И.К. Кирилов в описании 1727 г. указал наряду с губернским и двумя провинциальными 12 городовых магистратов в Сибирской губ.[20]

Преемникам Петра I пришлось корректировать итоги его реформ. Так, 15 июля 1726 г. был упразднён институт судебных комиссаров[21]. 24 февраля 1727 г. Екатерина I возложила все обязанности в сфере правосудия на губернаторов и воевод[22], им же переподчинили магистраты[23], переименованные в ратуши[24]. Наказ, утверждённый 12 сентября 1728 г., закрепил иерархию местных судов: решение ратуши можно было обжаловать у воеводы, а его приговор в случае апелляции пересматривал губернатор[25]. Восстановление судов для городских сословий последовало 11 декабря 1742 г.[26]

---

[14] *Бородина Е.В.* Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург, 2012. С. 80–84.

[15] ПСЗ-I. Т. 6. № 3917; Т. 7. № 4899.

[16] Там же. Т. 6. № 3935.

[17] *Бородина Е.В.* Судебная реформа... С. 98.

[18] *Миненко Н.А.* Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск, 1991. С. 126–127.

[19] ПСЗ-I. Т. 6. № 3708. Гл. V–VII, IX; Т. 7. № 4811.

[20] Подробнее см.: *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1977. С. 261–291.

[21] ПСЗ-I. Т. 7. № 4929.

[22] Там же. № 5017. Ст. 5; Т. 8. № 5069.

[23] Там же. Т. 7. № 5017. Ст. 2.

[24] Там же. Т. 8. № 5302.

[25] Там же. № 5333. Ст. 5–13, 16; № 5546.

[26] Там же. Т. 11. № 8734.

В Азиатской России восстановили региональную систему органов юстиции во главе с Сибирским приказом[27]. В 1727 г. за Уралом ещё продолжали работу судебные комиссары: в феврале губернатор кн. М.В. Долгоруков добился их удаления из острогов и слобод, а также из Берёзова и Пелыма, где преобладали коренные народы[28]. С тех пор структура органов и должностных лиц местного управления вновь стала проще: городовым воеводам подчинялись младшие воеводы, управители, приказчики с канцеляриями и конторами, размещёнными в центрах «присудов» – в «пригородках», острогах и слободах. В законодательстве сохранялась тесная связь между юрисдикцией и местной налоговой системой: туземным жителям следовало доставлять ясак по устоявшейся традиции «в городы и остроги, к которым они присудны»[29]. При этом территория, подведомственная тем или иным органам юстиции, время от времени менялась. В 1726 г., после очередного ознакомления с географическими особенностями макрорегиона, Сенат признал целесообразным переподчинить Тобольску Кузнецк, Нарым и Томск[30], дабы исключить Енисейскую провинциальную канцелярию как промежуточную инстанцию. В 1727 г. уральские провинции передали в состав Казанской губ. В 1731 г. состоялось учреждение администрации в Охотске. Его начальнику – сосланному в Сибирь в 1727 г. Г.Г. Скорнякову-Писареву[31], подчинённому Сибирскому приказу и иркутскому вице-губернатору, предоставили «полную команду над тем местом» и руководство камчатскими приказчиками, «понеже Охотск стал быть от Якутска к Камчатке самый близкий порт»[32]. Тем не менее в условиях рассеянности органов власти действия Скорнякова-Писарева обжаловались через провинциальную канцелярию[33]. В 1736 г. иркутского вице-губернатора наделили самостоятельным статусом, а в 1764 г., после учреждения Иркутской губ., Екатерина II поручила местному начальству провести административные границы и распределить народы между юрисдикциями. В январе 1775 г. губернию разделили на провинции, воеводства и комиссарства[34].

Несмотря на признание особенностей Сибири, воспринимавшейся не только как губерния, но и по традиции как царство[35], в правящих кругах империи считали желательным и неотвратимым внедрение в ней общих стандартов и принципов управления. В 1763 г. Екатерина II ликвидировала Сибирский приказ, восстановив за Уралом власть Юстиц-коллегии[36]. В 1783 г. там были образованы три крупных наместничества, из которых Тобольское и Иркутское включали в себя области (или провинции), а Колыванское осталось единым[37].

Судебная система в наместничествах состояла из трёх звеньев. В главных административных центрах были открыты палаты уголовного и гражданского

---

[27] Там же. Т. 8. № 5659; Т. 13. № 9875.

[28] Там же. Т. 7. № 5015.

[29] Там же. Т. 8. № 5333. Ст. 7; Т. 11. № 8017. Ст. 15. С. 30.

[30] Там же. Т. 7. № 5065; Т. 9. № 6876.

[31] Русский биографический словарь / Под ред. А.А. Половцова. Т. 18. Сабанеев–Смыслов. СПб.,1904. С. 606–607.

[32] ПСЗ-I. Т. 8. № 5753, 5813. Ст. 1, 12, 18.

[33] РГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 7, л. 1–7.

[34] ПСЗ-I. Т. 16. № 12269; Т. 20. № 14242.

[35] Там же. Т. 16. № 11983.

[36] Там же. № 11989. Ст. 17.

[37] Там же. Т. 21. № 15327, 15675.

суда, а также верхние и нижние надворные суды (в европейской части России действовавшие только в столицах и в портовых Архангельске и Астрахани). В их ведении, кроме чиновников и разночинцев, оказались сибирские дворяне и дети боярские, но только в период пребывания на службе[38]. Размещение апелляционных судов (губернских магистратов и верхних расправ) в таких удалённых от губернских городов центрах, как Томск, Нерчинск, Охотск и Якутск, облегчало населению доступ к правосудию. В качестве первой инстанции для купцов, мещан и цеховых в крупных городах полагались магистраты, в малых – ратуши. Остальное население подлежало суду нижних расправ, имевшихся в каждом уезде. В отношении разночинцев они выполняли также функции нижних надворных судов. Во всех иных случаях следовало соблюдать сословный принцип. Если же подозреваемыми, обвиняемыми или ответчиками являлись представители двух или нескольких сословий[39], а суды первого звена находились в разных городах, то для участия в совместном рассмотрении и разрешении дел допускалось командирование одного из членов судейской коллегии[40].

Штаты судов первого звена устанавливались на основании сведений о населении уезда (или округа). В ходе реализации губернской реформы был расширен перечень городов и посадов, что способствовало росту численности купцов, мещан и цеховых. Тем не менее даже в старой столице Сибири в 1790 г. перепись зафиксировала всего 13 279 жителей[41]. Магистраты предполагалось создать во всех уездных центрах[42]. Однако городские сословия оставались неустойчивыми, часть купцов и мещан, будучи подсудными магистратам, проживали в сельской местности, порой на значительном удалении[43]. В поселениях, бóльшую часть жителей которых составляли крестьяне и туземцы, условия для открытия сословных судов и вовсе отсутствовали[44]. В Колыванском наместничестве начальник Колывано-Воскресенских заводов добился возвращения магистрата из Бийска, ставшего в 1783 г. уездным городом, в Барнаул, переведённый за штат, для удовлетворения нужд купцов и мещан, приписанных к горному ведомству[45]. «Описание Иркутского наместничества 1792 года» свидетельствовало о слабом развитии местной городской среды. В Иркутске проживали 8 877 человек, принадлежавших к купеческому и мещанскому сословиям, в Верхнеудинске – 2 705. Новыми уездными городами являлись Алёкминск, Баргузинск и Жиганск, бывшие низшими административными центрами («ис камиссарств»), а также Акланск, Доронинск, Зашиверск, Ижи-

---

[38] Там же. Т. 22. № 16165.

[39] ПСЗ-I. Т. 22. № 16357; Т. 23. № 17493.

[40] Там же. Т. 20. № 14392. Ст. 284, 340; № 14829. Ст. 7.

[41] Описание Тобольского наместничества / Сост. А.Д. Колесников. Под ред. А.П. Окладникова. Новосибирск, 1982. С. 40.

[42] ПСЗ-I. Т. 44. Ч. 2. К № 17494. Табл. VI; Стат Иркутского наместничества, состоящего из четырех областей или провинций. СПб., 1783.

[43] *Клюева В.П.* Городские сословия Тобольской губернии в XVIII – первой трети XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2000. С. 109–141; *Разгон В.Н.* Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 1999. С. 60–65.

[44] Описание Тобольского наместничества. С. 39, 69, 84, 95, 117, 128, 140, 151, 161, 175–176, 181, 192, 201, 208, 215, 229.

[45] *Контева О.Е.* Становление и развитие системы управления кабинетским горнозаводским ведомством в Западной Сибири: 1745–1798 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. С. 177.

гинск, Нижнекамчатск, Нижнеудинск, Оленск и Стретенск («переименованы из острогов и сел»)[46]. Кроме Верхнеудинска и Иркутска городовые магистраты имелись в Красноярске[47] и Нерчинске, ратуши – в Илиме[48], Селенгинске и Якутске[49]. Ещё в 1774 г. последовал указ Сената, предписывавший открыть ратушу в Кяхте, о чём просило купечество[50].

В законодательстве регулировались предметная подсудность и юрисдикция судов разных уровней. К исключительной компетенции уголовных палат относились дела о преступлениях должностных лиц[51]. Гражданские палаты выносили окончательные решения по имущественным искам на сумму до 500 руб., суды второго и первого звеньев – до 100 и 25 руб.[52] Суды первого звена самостоятельно назначали наказания за нанесение ущерба стоимостью до 20 руб.[53] За более крупные хищения до 1799 г. полагалась «каторжная казнь»[54].

Значение судов лишь возрастало вследствие осуществления ими таких внесудебных функций, как нотариальное удостоверение и хранение документов (в расправах разрешалось заверять сделки на сумму до 100 руб.), ведение списков владельцев недвижимости, выдача справок о её наличии для получения кредитов в государственных банках, сбор сведений об обременении прав собственности, участие в осмотре границ земельных участков и т.п.[55] Городовые магистраты и ратуши сохранили также часть административных функций, продолжая регистрировать купцов и мещан, собирать статистические данные, выдавать документы для объявления банкротства, подтверждения права на ведение хозяйственной деятельности, отъезда из города, участвовать в надзоре за местным рынком и реализацией винной и соляной монополий, в приёме налогов и пожертвований, в наборе рекрут, регулировании исполнения постойной повинности, в организации почтовых сообщений и т.д.[56]

Павел I упразднил наместничества и области, однако Александр I поручил управление Сибирью генерал-губернатору, распространив его власть на Тобольскую и Иркутскую губернии, в 1803–1805 гг. учредил Томскую губ., а также Камчатскую и Якутскую области. Тогда же Нерчинск лишился своего привилегированного статуса[57]. Портовый Охотск перешёл в ведение Министерства морских сил («Морского департамента»), хотя камчатский комендант, председательствовавший в областном правлении, и охотский портовый (или морской) начальник одновременно подчинялись при этом генерал-губернатору[58].

---

[46] Описание Иркутского наместничества 1792 года / Сост. О.Н. Вилков, А.Д. Колесников, М.П. Малышева. Под ред. Р.С. Васильевского. Новосибирск, 1988. С. 28, 70, 82, 83, 100.

[47] Государственный архив Красноярского края, ф. 47, оп. 1, д. 7–12.

[48] Государственный архив Иркутской области, ф. 479, оп. 1, д. 1–14.

[49] Описание Иркутского наместничества... С. 157.

[50] ПСЗ-I. Т. 19. № 14179.

[51] Там же. Т. 20. № 14392. Ст. 106; Т. 21. № 15360, 15565; Т. 28. № 21239.

[52] Там же. Т. 20. № 14392. Ст. 132, 173, 175, 201, 286, 315, 317, 342, 359, 361, 454, 483.

[53] Там же. Т. 21. № 15147. Ст. 6–8.

[54] Там же. Т. 25. № 19059; Т. 26. № 19616.

[55] Там же. Т. 17. № 12371; Т. 20. № 14392. Ст. 199, 205, 290, 346; № 14829. Ст. 3, 5, 6; Т. 21. № 15267, 15413; Т. 22. № 16407. Ст. 12; № 16481. Ст. 51; Т. 23. № 16991, 17427; Т. 25. № 18747, 18809.

[56] Там же. Т. 16. № 11692; Т. 19. № 13872, 14226; Т. 20. № 14264, 14412; Т. 21. № 15193. Ст. 3; Т. 23. № 16967, 16971.

[57] Там же. Т. 27. № 20771; Т. 28. № 21183. Ст. 1; № 21726. Ст. 5–6.

[58] Там же. Т. 27. № 20889.

Восстановив палаты уголовного и гражданского суда (преобразованные Павлом I в палаты суда и расправы), Александр I заменил в них в Сибири дворянских заседателей асессорами. В Томской губ. тогда же учредили гражданский и уголовный суд, состав которого был усилен вторым советником[59]. Присутствие сельских заседателей в уездных судах Сибири оставалось номинальным, особенно после отмены в 1810 г. необходимости соблюдения принципа сословной юрисдикции за Уралом[60]. Штатное расписание уездов и городов менялось, что влияло и на структуру судов. При создании в 1798 г. Нерчинской обл. для возвращения административной самостоятельности горному начальству Павел I упразднил Доронинский и Сретенский уезды[61]. Александр I в 1804 г. оставил в Тобольской губ. девять уездов, в Томской – восемь, восстановив Бийский, Каинский и Омский и лишив статуса уездных центров Семипалатинск и Сургут[62], а в 1805 г. сократил в Иркутской губ. число уездов с 15 до 7, присоединив к ней Охотск[63]. В результате преобразований в западной части Сибири насчитывалось 17 уездных судов, а в восточной – только шесть (четыре в Иркутской губ. и два в Якутской обл.). Магистраты следовало содержать в Тобольской губ. – в Таре, Тобольске, Туринске и Тюмени, в Томской губ. – в Бийске, Енисейске, Красноярске, Кузнецке, Томске, в Иркутской губ. – в Верхнеудинске, Иркутске, Нерчинске и Якутске. В иных, менее населённых, «штатных» городских поселениях сохранялись ратуши[64]. На остальных купцов и мещан распространялась юрисдикция центра судебной власти, наиболее близкого к месту их проживания[65]. Губернское правление могло своей властью причислять их к магистратам или ратушам[66].

Особенностью организации управления в Восточной Сибири оставалось смешение административных и судебных функций. Павел I учредил в Нерчинске «на праве палаты суда и расправы» гражданское правление в составе главного судьи и двух асессоров. Данное решение обосновывалось малочисленностью жителей, оставшихся вне ведения горного начальства, и удалённостью от Иркутска[67]. Александр I подчинил Нерчинский и Якутский уездные суды Якутскому областному правлению, наделив его полномочиями апелляционной инстанции[68]. Камчатский областной судья (член областного правления) осуществлял правосудие вместе с помощником. Кроме того, 11 августа 1803 г. именной указ предоставил судебные полномочия («некоторым образом право суда») охотскому начальнику. Его помощником «по судной части» являлся комиссар. Впрочем, уже в 1812 г. император пожелал «поручить управление Камчатки особому начальнику на правилах, сколь можно простых и единообразных», упразднил областное правление и перенёс местный центр из Верхнекамчатска в Петропавловскую гавань[69], передав Гижигинскую (Ижигинскую) округу в ведение Охотска. По наиболее важным делам начальнику Камчатки

[59] Там же. Т. 28. № 21183. Ст. 4; Т. 44. Ч. 2. К № 24985. С. 233–236, 247–250.
[60] Там же. Т. 31. № 24319.
[61] Там же. Т. 25. № 18556.
[62] Там же. Т. 28. № 21183. Ст. 2.
[63] Там же. № 21726. Ст. 1; Т. 44. Ч. 2. К № 19763. С. 397.
[64] Там же. Т. 44. Ч. 2. К № 24985. С. 228–231, 233–236, 247–250.
[65] Там же. Т. 26. № 19932.
[66] Там же. Т. 29. № 22217.
[67] Там же. Т. 44. Ч. 2. К № 18556. С. 319–320.
[68] Там же. Т. 28. № 21726. Ст. 5.
[69] Там же. Т. 27. № 20889.

следовало проводить предварительное расследование вместе с помощником и «объездным» комиссаром, отсылая затем собранные материалы в губернское правление[70].

28 июля 1821 г. Александр I учредил Сибирский комитет для рассмотрения генерал-губернаторского отчёта М.М. Сперанского и подготовки преобразования края[71]. Его работа продолжалась до 1838 г.[72], но уже в 1822 г. Сибирь разделили на Западную и Восточную во главе с генерал-губернаторами и главными управлениями, учредили Енисейскую губ., Омскую обл., Камчатское и Охотское приморские управления, заменили уезды на округа[73]. При этом разработчики «Учреждения для управления сибирских губерний» старались по возможности улучшить положение органов юстиции и облегчить к ним доступ. Их общее количество вновь выросло. В Иркутске, Красноярске, Омске, Тобольске и Томске открылись губернские и областные суды, в состав которых, помимо председателя, входили три–четыре советника[74]. В 1829–1830 гг. в Тобольском и Томском губернских судах их число увеличили до пяти[75]. Особенностью судов второго звена стало отсутствие заседателей от купцов, присутствие которых всеми признавалось нецелесообразным[76]. Невостребованным оказалось в Сибири и участие в судебной процедуре сельских заседателей: сказывались трудности, связанные с ограниченностью транспортных коммуникаций, низкой плотностью населения и замкнутым образом жизни коренных народов[77]. В то же время в судах Омской обл. начали заседать представители Сибирского линейного казачьего войска (с 1846 г. их присутствие стало непостоянным)[78].

В Западной Сибири появились 19 окружных судов, в Восточной – 12 (в том числе по одному в Якутской обл. и Охотском приморском управлении)[79]. Им были теперь подсудны купцы и мещане малых городских поселений, в которых отсутствовали сословные суды[80], а также крестьяне Колывано-Воскресенского горного округа[81] и линейное казачество[82]. При этом из Охотского окружного суда в Иркутский губернский суд поступали апелляционные жалобы только по гражданским и мелким уголовным делам. В восьми судах первого звена наиболее многолюдных округов число членов коллегий доходило теперь до трёх[83]. Штаты от 1837 г. предусматривали в Западной Сибири наличие трёх заседателей в пяти окружных судах (Ишимском, Каинском, Тарском, Томском, Тюменском), в Восточной Сибири – пяти заседателей в Верхнеудинском

---

[70] Там же. Т. 32. № 25081. Ст. 36–39, 45–46.

[71] Там же. Т. 37. № 28706.

[72] ПСЗ-II. Т. 11. Отд. 2. СПб., 1837. Штаты и табели. К № 8899; Т. 13. Отд. 1. СПб., 1859. № 10867.

[73] РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 103, л. 1–26; ПСЗ-I. Т. 38. № 28892. Ст. 2–5, 12–13, 15.

[74] ПСЗ-I. Т. 38. № 29125. Ст. 54–56, 353, 354, 417.

[75] ПСЗ-II. Т. 4. СПб., 1830. № 2655; Т. 5. Отд. 1. СПб., 1831. № 3503.

[76] Государственный архив Томской области (далее – ГА ТО), ф. 51, оп. 1, д. 400, л. 68–70; Исторический архив Омской области (далее – ИА ОО), ф. 3, оп. 1, д. 85, л. 22–22 об., 26–26 об.; ПСЗ-I. Т. 38. № 29125. Ст. 54.

[77] ПСЗ-I. Т. 38. № 29125. Ст. 71, 132, 372.

[78] Там же. Ст. 371; Т. 44. Ч. 2. К № 29125. Табл. V; ПСЗ-II. Т. 1. СПб., 1830. № 691; Т. 12. Отд. 2. СПб., 1838. Штаты и табели. К № 10812; Т. 21. Отд. 2. СПб., 1847. № 20671. Ст. 279, 285.

[79] РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 110, ч. 1, л. 1–155.

[80] ПСЗ-I. Т. 38. № 29125. § 73, 133, 373 (Примеч. 2), 423. С. 354, 358, 373, 376.

[81] Там же. № 29124. Ст. 5. П. 3; ПСЗ-II. Т. 3. СПб., 1830. № 1960. Ст. 1.

[82] ПСЗ-I. Т. 38. № 29125. Ст. 371.

[83] Там же. Ст. 72; Т. 44. Ч. 2. К № 29125. Табл. III, V.

и Нижнеудинском окружных судах и трёх – в Иркутском[84]. В Охотске судейские обязанности из-за нехватки чиновников поручили исполнять окружному казначею и мещанскому старосте[85].

Кочевых и бродячих инородцев окружным судам разрешалось привлекать к ответственности за участие в беспорядках, открытое хищение чужого имущества (включая казённое и общественное), умышленное убийство или причинение вреда здоровью, изготовление поддельных денег, незаконное производство и оборот алкогольных напитков, а также за преступления, совершённые вне мест их проживания[86]. В то же время «чукчи и другие инородцы сибирские, не совершенно подчинённые местной гражданской власти», подлежали наказанию лишь за преднамеренное убийство или нанесение увечий «вне пределов обитаемых ими земель» и нарушение законов о питейной торговле[87].

Расположение окружных судов в Западной Сибири продолжало меняться. После ликвидации в 1838 г. Омской обл. из Семипалатинска и Усть-Каменогорска дела перевезли в Бийск, а из Петропавловска – в Ишим. В Омск из Тюкалинска переехало окружное управление[88]. В 1856 г. вместо Колыванского создали Мариинский округ с центром в Кийске, где и открыли окружной суд[89]. Несмотря на слабую заселённость некоторых округов, главное управление края настаивало на сохранении общего количества судов, обращая внимание на расстояния между ними. Так, в 1850–1852 гг. в Берёзове судьи рассмотрели всего 85 дел, однако в случае закрытия местного суда тем, кто ожидал правосудия, потребовалось бы преодолеть тысячу вёрст до Тобольска[90].

«Учреждение» 1822 г. закрепляло и отступления от общих правил, продиктованные особенностями отдельных территорий. В частности, в Якутске областное правление исполняло обязанности апелляционного суда, а уголовные дела Охотского суда после проверки решений по ним начальником приморского управления и иркутским гражданским губернатором могли передаваться в Главное управление Восточной Сибири, куда следовало подавать и жалобы на начальника Камчатского приморского управления[91].

Второй Сибирский комитет действовал в 1852–1864 гг.[92] В 1849 и 1851 гг. Николай I учредил Камчатскую и Забайкальскую области с центрами в Петропавловском порту[93] и Чите. В 1851 г. Якутскую обл. подчинили собственному гражданскому губернатору и главному управлению края[94]. В 1856 г. Камчатскую обл. преобразовали в Приморскую, переместив её центр в Николаевск[95].

---

[84] ПСЗ-II. Т. 12. Отд. 2. Штаты и табели. К № 10812.

[85] ПСЗ-I. Т. 38. № 29125. Ст. 428, 429; Т. 44. Ч. 2. К № 29125. Табл. VI; ПСЗ-II. Т. 12. Отд. 2. Штаты и табели. К № 10812.

[86] ПСЗ-I. Т. 38. № 29126. Ст. 36–38, 132, 256; ПСЗ-II. Т. 12. Отд. 1. СПб., 1838. № 10381; Т. 20. Отд. 1. СПб., 1846. № 19283. Приложение IV (к ст. 173). С. 1008.

[87] ПСЗ-I. Т. 38. № 29126. Ст. 73, 76; ПСЗ-II. Т. 20. Отд. 1. № 19283. Приложение IV (к ст. 173). С. 1009.

[88] ИА ОО, ф. 3, оп. 1, д. 1624, л. 271 об., 338.

[89] РГИА, ф. 1265, оп. 6, д. 237, л. 1–8.

[90] ИА ОО, ф. 3, оп. 3, д. 3410, л. 1–21 об.

[91] ПСЗ-I. Т. 38. № 29125. § 397, 402, 405–407, 412, 417. С. 375–376.

[92] ПСЗ-II. Т. 27. Отд. 1. СПб., 1853. № 26178. Ст. 1, 4–5; Т. 30. Отд. 1. СПб., 1856. № 29100; Т. 39. Отд. 2. СПб., 1867. № 41631.

[93] Там же. Т. 24. Отд. 2. СПб., 1850. № 23692. Ст. 1, 3.

[94] Там же. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1852. № 25394. Ст. 1–3; Отд. 2. СПб., 1852. № 25671. Ст. 1–2.

[95] Там же. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1857. № 31080.

В 1858 г. последовало создание Амурской обл., вызвавшее изменение границ Приморской[96]. В Камчатской, Забайкальской, Якутской[97] и Амурской[98] областях в 1849–1858 гг. оставили по одному окружному суду: в Чите открыли, упразднив Верхнеудинский и Нерчинский[99], из Охотска таковой перевели сначала в Петропавловский порт[100], а в 1856 г. – в Николаевск[101]. Тогда же Иркутский и Верхнеудинский округа разделили соответственно на Иркутский и Верхоленский, Балаганский и Нижнеудинский[102]. Согласно штатным расписаниям 1856–1858 гг. из 15 окружных судов Западной Сибири в 7 находились по три заседателя, в 8 – по два, из 12 судов Восточной Сибири в двух полагались по три заседателя, в 10 – по два. Обязанности второго заседателя в Петропавловском окружном суде следовало исполнять чиновнику, прикомандированному военным губернатором[103].

Особенностью судоустройства в Восточной Сибири являлось также делегирование некоторым окружным судам функций губернских. Амурский, забайкальский, приморский военные и якутский гражданский губернаторы могли направлять материалы уголовных дел для пересмотра в Сенат или главное управление края. Гражданские дела в случае апелляции передавались в Сенат (если размер иска превышал 600 руб.) или в Иркутский губернский суд (при иске свыше 30 руб.). Благовещенский, Петропавловский и Якутский суды пользовались правом решать дела совестной юрисдикции[104].

Для горожан в Западной Сибири с 1822 г. вместо магистратов предназначались четыре городовых суда (Кузнецкий, Тобольский, Томский, Тюменский) и шесть ратуш (Барнаульская, Каинская, Нарымская, Семипалатинская, Тарская, Туринская), а в Восточной – три городовых суда (Енисейский, Иркутский, Красноярский) и четыре ратуши (Верхнеудинская, Нерчинская, Троицкосавская, Якутская). Их отличал сокращённый состав коллегий (судья и два заседателя). Такими же по численности были обычно ратуши (за исключением Верхнеудинской)[105]. Реформа освободила купцов и мещан Колывано-Воскресенского горного округа от подчинения администрации Кабинета его императорского величества[106].

При этом даже в конце 1850-х гг. удельный вес городских сословий среди жителей Западной Сибири не превышал 2,5–3%[107]. Неудивительно, что местные власти всячески пытались сократить расходы на содержание судеб-

---

[96] РГИА, ф. 1265, оп. 7, д. 155, л. 1–3.

[97] ПСЗ-II. Т. 26. Отд. 1. № 25395. § 16. С. 482.

[98] Там же. Т. 33. Отд. 2. СПб., 1860. № 33862. § 5. С. 452.

[99] Там же. Т. 26. Отд. 1. № 25394. С. 476, 479; Отд. 2. № 25671. С. 62–63.

[100] Там же. Т. 24. Отд. 2. № 23692. Ст. 3.

[101] РГИА, ф. 1265, оп. 5, д. 130, л. 4 об.–5; ПСЗ-II. Т. 31. Отд. 1. № 31080. § 5–6. С. 959.

[102] ПСЗ-II. Т. 31. Отд. 1. № 31222. Ст. 1–2.

[103] Там же. Отд. 2. СПб., 1857. Штаты и табели. К № 31080, к № 31222; Т. 33. Отд. 3. СПб., 1860. Штаты и табели. К № 33862.

[104] Там же. Т. 26. Отд. 1. № 25394. § 27–30. С. 480; № 25395. § 13–24. С. 481–483; Т. 31. Отд. 1. № 31080. § 17–18, 21–26, 28, 29. С. 960–962; Т. 33. Отд. 2. № 33862. § 13, 14, 16–21, 23–24. С. 453–454.

[105] РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 110, л. 20, 21, 34, 35, 58 об., 64.

[106] ПСЗ-I. Т. 38. № 29124. Ст. 5. § 8. С. 314.

[107] Подробнее см.: *Ивонин А.Р.* Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул, 2000. С. 161. В городах традиционно проживали государственные служащие, крестьяне и ссыльные лица (*Рутц М.Г.* К вопросу об особенностях социальной структуры городского населения Западной Сибири в первой полови-

ных органов. Так, совет Главного управления, ознакомившись с результатами обследования казённой палатой материальных ресурсов Кургана, отнесённого к разряду малых поселений, постановил закрыть городскую ратушу, хотя курганские мещане просили её сохранить[108]. Купцы и мещане Нарыма, испытывая недостаток средств, напротив, обращались к губернскому начальству за разрешением внести в списки налогоплательщиков крестьян и приезжих торговцев, постоянно проживавших в городе[109], а в 1829 г. ходатайствовали об упразднении ратуши. 29 октября 1830 г. эту меру одобрил Сибирский комитет, после чего дела жителей Нарыма передали в Томский окружной суд[110]. В 1831 г. в Кузнецке, переведённом в разряд «средних» городов, городовой суд преобразовали в ратушу[111].

В 1853–1855 гг. в Томском губернском правлении обсуждалась целесообразность закрытия Каинской ратуши для снижения «общественных расходов»[112], а Сибирский комитет поручил Главному управлению обдумать возможность передачи функций городовых судов и ратуш окружным судам. В 1859 г. деятельность ратуши в Каинске и городового суда в Омске приостановили «в виде опыта, на три года»[113]. Но ещё до истечения этого срока Тобольский и Томский губернские советы решительно высказались за упразднение всех городских сословных судов в Западной Сибири[114]. Одновременно в 1852 и 1854 гг. происходила реорганизация власти на границе Казахской степи. Так, в Петропавловске «городское хозяйственное управление» преобразовали в ратушу, а в Семипалатинске создали городскую думу и городовой суд[115]. Между тем в 1862 г. совет Главного управления признал меру, принятую в Каинске и Омске, успешной и предложил распространить её на всю Западную Сибирь[116]. 24 июля 1864 г. Сибирский комитет упразднил городовые суды в Тобольске, Томске и Тюмени, ратуши в Барнауле, Кузнецке, Таре и Туринске. В составы коллегий Берёзовского, Бийского, Ишимского, Курганского, Мариинского и Ялуторовского окружных судов дополнительно включили по заседателю. Ратушу в Петропавловске, занятую разрешением споров с участием торговых гостей, сохранили, но изъяли из её подсудности уголовные дела[117]. А 13 апреля 1866 г. Александр II упразднил магистраты и ратуши в губерниях, «управляемых по общему учреждению».

В Восточной Сибири после учреждения Забайкальской и преобразования Якутской областей Сибирский комитет намеревался создать в Чите не только

не XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2000. С. 308–309.

[108] ИА ОО, ф. 3, оп. 1, д. 234, л. 1–13 об.

[109] РГИА, ф. 1376, оп. 1, д. 50, л. 1–13.

[110] ИА ОО, ф. 3, оп. 1, д. 901, л. 1–32 об.

[111] РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 192, л. 1–5.

[112] ГА ТО, ф. 3, оп. 6, д. 566, л. 65.

[113] ПСЗ-II. Т. 34. Отд. 1. СПб., 1861. № 34406. Ст. 1–2, 6, 7, 9.

[114] РГИА, ф. 1405, оп. 62, д. 4127, л. 19 об.

[115] ПСЗ-II. Т. 27. Отд. 1. СПб., 1853. № 26699; Т. 29. Отд. 1. СПб., 1855. № 27940.

[116] Любопытно, что в ноябре 1863 г. министры внутренних дел и юстиции представили в Государственный совет записку «о повсеместном соединении магистратов и ратуш с уездными судами в виде временной меры впредь до преобразования судебной части», но о проблемах Сибири в ней не упоминалось (РГИА, ф. 1405, оп. 62, д. 4127, л. 1–12).

[117] ИА ОО, ф. 3, оп. 3, д. 4400, л. 154–175; РГИА, ф. 1405, оп. 62, д. 4127, л. 7 об.–19 об.; ПСЗ-II. Т. 39. Отд. 1. СПб., 1867. № 41098. Ст. 1–3, 10, 11.

областной суд, но и ратушу, и передал судебные функции Якутской ратуши окружному суду, а иные её обязанности – вновь созданной городской думе[118]. Предложение совета Главного управления Восточной Сибири закрыть городовые суды и ратуши в крае Сибирский комитет отклонил[119].

Постепенно регламентировались и внесудебные функции органов юстиции. Окружные суды обслуживали интересы жителей малых городских поселений, где отсутствовали маклеры и нотариусы, уполномоченные свидетельствовать подлинность различных документов[120]. Гражданские палаты нотариально удостоверяли любые сделки. В Сибири с 1822 г. их нотариальные обязанности были переданы губернским и областным правлениям[121]. В 1805 г. император в виде исключения разрешил совершать сделки на сумму до 5 тыс. руб. в уездных судах Иркутской губ., в 1811 г. – во всех сибирских уездных судах, что объяснялось удалённостью губернских городов[122]. В 1840–1850-х гг. максимальная сумма сделок, нотариально удостоверявшихся в уездных судах, составляла 300 руб. серебром, а в сибирских окружных судах и в Кяхтинской ратуше (с 1852 г.) – 1 500 руб. серебром[123]. В число мест, где сделки удостоверялись без ограничений, с 1856–1858 гг. входили Амурский и Приморский окружные суды[124].

Таким образом, развитие судоустройства в Сибири обусловливалось комплексом региональных и местных факторов. До 1763 г. местная администрация, уполномоченная осуществлять правосудие, подчинялась Сибирскому приказу. В 1821–1838, 1852–1864 гг. судебные органы Азиатской России контролировали Сибирские комитеты. Судебная система края характеризовалась ярко выраженной дихотомией, а в ходе её эволюции постепенно происходило вытеснение традиционных институтов и снижение роли правовых обычаев. Её развитие напрямую зависело от изменений, происходивших в административно-территориальном устройстве Сибири, и сдерживалось её огромными размерами, слабостью коммуникаций, низкой плотностью населения, устойчивой автономией коренных народов. Примечательно, что в 1727 г. верховная власть не только пресекла попытку создать органы юстиции на территории дистриктов как преждевременную, но и упразднила должности судебных комиссаров в Берёзове и Пелыме. Екатерина II, учитывая географические и демографические особенности региона, форсировала развитие судоустройства в Сибири и вовлечение её коренных народов в правовое поле России. Ликвидация сословных судов, начатая Павлом I, в Сибири оказалась вполне обоснованной, с 1810 г. судопроизводство в её уездах полностью осуществляли чиновники.

Сибирь как политико-административная единица просуществовала до реформы 1822 г. «Учреждение» 1822 г. существенно обновило правовую основу государственного управления в Азиатской России и закрепило характерные

---

[118] ПСЗ-II. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1856. № 29921. Ст. 1–3.

[119] РГИА, ф. 1405, оп. 62, д. 4127, л. 32–34 об.

[120] Там же, ф. 1265, оп. 6, д. 313, л. 1–7.

[121] Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая I составленный. Изд. 1857 г. СПб., 1857–1875. Т. 2. Ч. 1. Ст. 2395, 4026. С. 478, 773; Т. 10. Ч. 1. Ст. 712, 728, 729. С. 137, 140–141.

[122] ПСЗ-I. Т. 28. № 21801; Т. 31. № 24915.

[123] Свод законов... Т. 10. Ч. 1. Ст. 729. С. 141; РГИА, ф. 1265, оп. 1, д. 39, л. 1–20.

[124] ПСЗ-II. Т. 31. Отд. 1. № 31080. § 20, 27. С. 961–962; Т. 33. Отд. 2. № 33862. § 15, 22. С. 453–454.

особенности местной организации правосудия. Вместо судебных палат были созданы губернские и областные суды, из которых удалили купеческих заседателей; вместо уездных судов – окружные, власть которых распространили на малые городские поселения, а в Западной Сибири – на жителей горного округа и линейного казачьего войска. Должности сельских заседателей упразднили окончательно. Перечень преступлений туземцев, за которые следовали уголовные наказания, был заметно ограничен.

Восточная часть Сибири оставалась крупнейшей окраиной Российской империи, имевшей малочисленные и специфические органы юстиции. В 1722 г. Пётр I включил её в юрисдикцию Енисейского надворного суда. В 1805 г. количество уездов в Иркутской губ. сократили с 15 до 7, а число уездных судов – до 6. После образования Восточной Сибири на её территории стали действовать 12 окружных судов, в том числе один – в Якутской области. Судебные функции в генерал-губернаторстве возлагались на совет Главного управления, Якутское областное правление, начальника Камчатского приморского управления, контролировавшего, в частности, деятельность Охотского окружного суда. В 1849–1858 гг. в Восточной Сибири образовали ряд новых областей, в каждой из которых учреждалось по одному окружному суду, полномочия Благовещенского, Забайкальского, Петропавловского и Якутского окружных судов были расширены. Создание в Сибири отдельных судебных органов для городских сословий Пётр I решился санкционировать только в 1722 г., но 100 лет спустя преобразование магистратов в городовые суды рассматривалось уже как облегчение сибирских купцов и мещан от излишних расходов и бремени общественной службы. Преобразования судебной системы в Сибири на основании Судебных уставов 1864 г. затянулись до конца XIX в.[125]

[125] Подробнее см.: *Бузмакова О.Г.* Судебная власть в Сибири в конце XIX – начале XX века. Новосибирск, 2012; *Крестьянников Е.А.* Правосудие в Западной Сибири (XIX – начало XX в.): реформы, чиновники, учреждения. Тюмень, 2018.

Условия создания Новониколаевского окружного суда (конец XIX – первые десятилетия XX в.)

Евгений Крестьянников

Conditions for the creation of the Novonikolaevsk district court (late 19th – first decades of the 20th century)

Evgenii Krestiannikov
(Tyumen State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722060188, **EDN**: MNUVLD

В историографии встречаются лишь общие сведения об образовании и первых шагах Новониколаевского окружного суда[1]. Он был создан на основании постановления Временного Сибирского правительства, принятого в разгар Гражданской войны 12 октября 1918 г.[2] 31 декабря 1918 г. накануне открытия нового судебного органа его первый председатель И.И. Карнеев-Гребаров обратился в Новониколаевскую городскую управу с просьбой одолжить на день торжества скатерть для столов. На крайнюю «спешность» формирования учреждения указывало и то, что начинать работу ему предстояло без канцелярских принадлежностей, «надлежащего помещения» и квартир для судей[3]. Впрочем, прошла лишь четверть века с тех пор, как там, на пути строившегося Транссиба, расположились первые рабочие, возводившие железнодорожный мост через Обь. Беспрецедентная тогда в России трансформация мелкого посёлка в значимый центр юстиции была обусловлена тем, что он, благодаря импульсам модернизации, быстро разрастался, притягивая к себе самые разнообразные региональные силы.

Когда закон 13 мая 1896 г. распространил на Сибирь Судебные уставы Александра II, размещение окружных судов предусматривалось исключительно в губернских и областных городах края[4]. В то время будущее недавно возникшего Новониколаевска (с 1926 г. – Новосибирска) вызывало сомнения. Так, в сентябре 1897 г. томский окружной исправник рассуждал в рапорте губернатору А.А. Ломачевскому: «Насколько будет устойчиво осевшее население, пока сказать трудно, так как и по настоящее время замечается ещё перепродажа арендованных участков отбывающими из посёлка или местным же жителям, или вновь прибывающим; но во всяком случае, за прекращением ныне работ по сооружению дороги и моста, дальнейшее развитие посёлка должно уже

© 2022 г. Е.А. Крестьянников

Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Тюменской области, проект № 20-49-720019.

[1] *Бузмакова О.Г.* Судебная власть в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 2012. С. 197–199; *Звягин С.П.* Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 76, 81–82, 91, 104, 151.

[2] Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов / Сост. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 550–551.

[3] Государственный архив Новосибирской области (далее – ГА НО), ф. Д-97, оп. 1, д. 224, л. 50; Местная жизнь. Открытие окружного суда // Русская речь. 1919. 4 января.

[4] ПСЗ-III. Т. 16. Отд. I. СПб., 1899. № 12932. Коллегиальные окружные суды рассматривали наиболее важные уголовные и гражданские дела, являясь инстанцией, подчинённой судебным палатам и стоявшей в Сибири непосредственно над единоличными мировыми судьями из-за отсутствия их съездов.

быть в зависимости от того, будет ли посёлок, во-первых, центральным местом в предполагаемой здесь к образованию новой округе, и, во-вторых, складочным пунктом для продуктов южной части губернии, направляемых в пределы Европейской России и на восток»[5].

Только в 1900 г., после увеличения в Сибири численности участковых мировых судей на 28 человек[6], в Новониколаевске впервые появился собственный судебный чиновник: по обновлённому судебно-следственному разграничению тут разместилась камера мирового судьи 5-го участка Томского уезда, юрисдикция которого распространялась ещё и на окрестности[7]. Но один судья не мог удовлетворить потребности местного населения в правосудии. В 1904 г. в Новониколаевске (ставшем 28 декабря 1903 г. безуездным городом[8]) проживали 26 267 человек, тем самым в губернии он уступал лишь Томску (67 419) и Барнаулу (33 330), а по сумме промышленного производства ему уже принадлежало в ней второе место после Томска и седьмое – в Сибири. При этом штат городской полиции оставался наименьшим в Западносибирском регионе: на одного полицейского служащего в среднем приходилось 1 313 горожан (в Томске – 642)[9].

Государство не успевало за развитием Новониколаевска. Пресса писала об удручающем состоянии местной администрации и полиции, которая будто бы «представляла дружную, объединённую шайку, хорошо раскинувшую свою паутину по всему городу так, чтобы никто из её рук не ускользнул»[10]. Городской мировой судья совершенно не справлялся с огромным количеством поступавших к нему дел: в 1907 г. в его производстве их было около 1 600. Это вело к волоките и порождало ощущение судейской беспомощности: «На сорок тысяч населения всего только одна камера, только один островок правосудия, вокруг которого шумит и волнуется целое море людских интересов, готовое поглотить ничтожный островок; и оно уже поглотило новониколаевскую камеру мирового судьи 5-го участка»[11].

Расследованием преступлений в Новониколаевске занимался мировой судья 7-го участка Томского уезда с функциями судебного следователя. В начале 1908 г. у него на руках скопилось 680 предварительных следствий[12], что превышало общероссийский норматив почти в пять раз[13]. Специально рассмотрев столь бедственную ситуацию, общее собрание Томского окружного суда постановило образовать в городе ещё один следственный участок, перенеся сюда камеру мирового судьи из Барнаульского уезда[14]. Таким образом, городские

---

[5] Государственный архив Томской области (далее – ГА ТО), ф. 3, оп. 6, д. 5, л. 110–111.

[6] ПСЗ-III. Т. 20. Отд. I. СПб., 1902. № 17973.

[7] ГА ТО, ф. 3, оп. 6, д. 5, л. 204–205 об.

[8] ПСЗ-III. Т. 23. Отд. I. СПб., 1905. № 23805.

[9] Города России в 1904 г. СПб., 1906. С. 368, 375, 403–404, 421.

[10] Обыкновенная история. (Из мемуаров Новониколаевской полиции) // Сибирские вопросы. 1910. № 6. С. 37.

[11] *Гр. Иванович.* Новониколаевск. (Мировой суд) // Сибирская жизнь. 1907. 29 октября.

[12] ГА ТО, ф. 10, оп. 1, д. 120, л. 1.

[13] В «Объяснительной записке к проекту штатов судебных установлений в Сибири», раскрывавшей нормы закона 13 мая 1896 г., говорилось: «Согласно указаниям долголетнего опыта, уездные судебные следователи в Европейской России успевают, при самых благоприятных условиях и при напряжённой их деятельности, направлять около 140 следствий в год» (Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГАТ), ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 158).

[14] ГА ТО, ф. 10, оп. 1, д. 120, л. 1–2, 4, 11.

потребности в правосудии начали удовлетворяться за счёт иных местностей, что в условиях чудовищного дефицита средств, выделявшихся казной на нужды сибирской юстиции[15], безусловно, влияло на формирование образа Новониколаевска как регионального центра.

Новониколаевцы, рано осознавшие потенциал своего города[16], пытались поднять его значение. С 1908 г. гласные думы добивались перемещения к себе Управления Сибирской железной дороги, поскольку «город Новониколаевск находится на самой магистрали и при том в среднем пункте Сибирской магистрали (от Челябинска 1332 версты и от Иркутска 1717 вёрст), а город Томск на ветке, удаляющей управление дороги от магистрали на 82 версты. С переводом управления дороги в Новониколаевск явятся весьма существенные облегчения по надзору и управлению дорогой и по разъездам начальствующих должностных лиц»[17].

У других сибиряков намерение молодого города сделаться железнодорожной столицей Сибири нередко вызывало раздражение, соответствующие ходатайства называли «крикливыми выходками»[18], однако приводившиеся в них доводы о неудобстве заведования делами губернии из её северного томского угла звучали весьма убедительно. Тот же окружной суд, обслуживавший население огромной территории и выезжавший из Томска в уезды на сессии, терял в дороге немало служебного времени судей[19], тогда как центральное положение Новониколаевска и наличие в нём транспортного узла давали ему очевидные преимущества. При этом судейские маршруты проходили через Новониколаевск в Барнаул, Бийск, Змеиногорск, Каинск и Кузнецк, и только направляясь в Мариинск, его объезжали стороной.

Неудивительно, что уже в 1907 г. Новониколаевск впервые стал местом проведения пяти кратковременных выездных сессий Томского окружного суда, длившихся три с половиной недели[20]. Примерно тогда руководители юстиции разных рангов, видя невероятно высокие показатели командировок единственного в губернии окружного суда, начали всерьёз задумываться о необходимости его перемещения. В 1901 г. состоялось 19 выездных сессий, в 1903 г. – 27[21], а в 1907 г. – 33 (в этом году судьи заседали на них в общей сложности более 300 дней)[22]. В то

---

[15] *Крестьянников Е.А.* Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Российская история. 2018. № 2. С. 22–34.

[16] В 1908 г. Новониколаевск по численности населения (45 800 человек) уже обогнал Барнаул (45 682 человека) и стал вторым городом в губернии (Памятная книжка Томской губернии на 1910 г. Томск, 1910. С. 301).

[17] Ново-Николаевск – Новосибирск, 1909–1919. 10 лет на службе городу: Новониколаевская городская дума в документах и материалах / Отв. ред. В.И. Баяндин. Новосибирск, 2008. С. 179–182.

[18] По Сибири // Сибирская жизнь. 1910. 11 декабря.

[19] Например, в 1901 г. каждый член судебного учреждения трудился на выездных сессиях в среднем 48 дней (Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИА ОО), ф. 190, оп. 1, д. 21, л. 1 об.). По нормативам судебного ведомства в Западной Сибири преодоление каждых 150–200 вёрст «на лошадях и на пароходе» занимало сутки (Там же, ф. 25, оп. 1, д. 86, л. 89 об.), а ведь до постройки в 1915 г. Алтайской железной дороги (*Шиловский М.В.* Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015. С. 126–127) именно так судьи добирались до Барнаульского, Бийского, Змеиногорского и Кузнецкого уездов.

[20] ГА ТО, ф. 10, оп. 1, д. 128, л. 74–75.

[21] ГИА ОО, ф. 25, оп. 1, д. 86, л. 89–90 об.; ф. 190, оп. 1, д. 21, л. 1 об.

[22] *Krestiannikov E.A.* Along the Routes of Justice: Judicial Circuit Riding in Western Siberia during the Late Imperial Period // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 20. 2019. № 2. P. 326–327.

же время, к примеру, Красноярский окружной суд в 1906–1915 гг. ежегодно совершал в среднем 19,5 выездных сессий[23], Читинский окружной суд в середине 1910-х гг. – примерно 24 выезда в год[24]. В наиболее протяжённом в Европейской России округе Московской судебной палаты 14 окружных судов хотя и разъезжали достаточно часто, но с незначительными потерями по времени: в 1901 г. командировочная нагрузка каждого из них в среднем составила 27 выездных сессий, занявших всего 92 дня[25]. Как отмечал известный томский адвокат Р.Л. Вейсман, «разъездной член суда – это настолько своеобразное явление в Сибири, что из него создался тип, весьма характерный. Вечно в санях, то на пароходе по рекам Сибири, то в почтовой повозке, он как будто отвык от своего угла»[26].

Томск, расположенный на самом севере зоны компактного проживания населения губернии[27], в начале XX в. явно утрачивал свои позиции в регионе. Лидер сибирского областничества томич Г.Н. Потанин сетовал на то, что, «к несчастью для города, положение его в отношении и водного, и рельсового пути не вполне счастливое; пароходы, идущие в город из Оби, в малую воду несколько вёрст не доходят до города и останавливаются у пристани Черемошники, а поздней осенью и ещё ранее – у дер[евни] Гладкой. Железная дорога не проходит через город, и он сообщается с нею посредством ветки в 80 вёрст длиной, которая упирается в сибирскую магистраль у станции Тайга»[28].

Учитывая бурное развитие края и особенно стремительное хозяйственное освоение Алтая, сопровождавшееся резким приростом населения, управлять губернией из далёкого северного города становилось всё сложнее. В итоге 22 апреля 1910 г. в Барнауле был учреждён окружной суд (его юрисдикция распространялась на Барнаульский, Бийский, Кузнецкий и Змеиногорский уезды)[29], а в июне 1917 г. последовало образование Алтайской губ.[30]

Когда в конце XIX в. решалось, где будет находиться судебная палата для Тобольской и Томской губерний и Акмолинской и Семипалатинской областей, томский городской голова А.П. Карнаков по поручению думы подал министру юстиции Н.В. Муравьёву докладную записку, в которой пытался склонить его в пользу Томска, представленного «самым интеллигентным» городом Сибири[31]. Однако Муравьёв, отдав должное «интеллигентности», предпочитал действовать по «судебно-административным соображениям» и констатировал, что «здесь не может не иметь решающего значения расположение Омска в центре судебного округа, генерал-губернаторства и военного управления, с одной стороны, на многоводном и судоходном Иртыше, а с другой – на магистральной

---

[23] РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 280, л. 128 об.–139; Государственный архив Красноярского края, ф. 42, оп. 1, д. 248, л. 2, 7, 13, 18.

[24] Государственный архив Иркутской области, ф. 246, оп. 9, д. 1, л. 24–24 об.

[25] Подсчитано по: Центральный государственный архив г. Москвы, ф. 131, оп. 20, д. 461, л. 3–41.

[26] *Вейсман Р.Л.* Яркие недостатки сибирского суда // Сибирские вопросы. 1908. № 3–4. С. 45.

[27] Севернее Томска располагался только громадный, но пустынный Нарымский край, простиравшийся примерно на 200 тыс. кв. вёрст: *Плотников А.Ф.* Нарымский край (5 стан Томского уезда Томской губернии). Историко-статистический очерк. СПб., 1901. С. 1.

[28] *Потанин Г.Н.* Города Сибири // Сибирь, её современное состояние и её нужды. СПб., 1908. С. 249.

[29] ПСЗ-III. Т. 30. СПб., 1913. № 33392.

[30] *Шиловский Д.М., Шиловский М.В.* Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI в.). Новосибирск, 2018. С. 86.

[31] РГИА, ф. 1149, оп. 12, д. 38, л. 88–91 об.

линии Великого сибирского железного пути, тогда как Томск стоит несколько в стороне, на небольшой реке и на боковой железнодорожной ветке»[32]. В результате 2 июня 1898 г. Николай II учредил Омскую судебную палату[33].

О неудачном расположении Томска постоянно говорили юристы, добивавшиеся образования окружного суда на юге губернии. Когда барнаульская дума в 1903 г. впервые заявила о его необходимости в Барнауле, председатель Томского окружного суда А.В. Витте поддержал эту инициативу, надеясь, что появление в губернии второго окружного суда увеличит продуктивность судебной деятельности и сократит дальность командировок судей[34]. Вейсман писал, что для юга губернии Томск – «искусственный центр»[35]. А выдающийся сибирский адвокат и будущий премьер-министр антибольшевистского Временного Сибирского правительства П.В. Вологодский считал организацию выездных сессий Томского окружного суда в алтайских городах противоречившей «идее необходимой близости суда к населению»[36].

В 1909 г. министр юстиции И.Г. Щегловитов признал, что «Томский окружной суд с трудом уже успевает удовлетворять своему назначению в качестве суда не только скорого и справедливого, но и близкого к населению»[37]. 29 марта 1910 г., представляя в Государственной думе законопроект о создании окружного суда в Барнауле, член судебной комиссии Л.Г. Люц и вовсе утверждал: «Вопрос слишком ясен, чтобы на нём останавливаться»[38].

Действительно, в Томской губ., превосходившей по размерам любую из губерний Европейской России, численность населения в 1897–1910 гг. удвоилась – с 1 млн 928 тыс. до 3 млн 880 тыс. человек[39], а динамика крестьянского переселения указывала на вероятность дальнейшего притока новых жителей[40]. По общероссийским стандартам регион явно нуждался в нескольких окружных судах (в Европейской России на каждый из них приходилось в среднем по 1 млн 560 тыс., в Сибири – около 680 тыс. человек[41]). Поэтому появление ещё одной судебной инстанции в Барнауле лишь ненадолго облегчило ситуацию. Более того, в первый год функционирования Барнаульского окружного суда число уголовных дел на Алтае резко выросло почти в полтора раза[42]. Ранее многие, по-видимому, даже не обращались за правосудием.

Следующий окружной суд в Томской губ., очевидно, должен был открыться в Новониколаевске, который отстоял от Томска на 296 вёрст железнодорож-

---

[32] *Муравьёв Н.В.* Из прошлой деятельности. Т. 2. СПб., 1900. С. 424–425.

[33] ПСЗ-III. Т. 18. Отд. I. СПб., 1901. № 15493.

[34] ГА ТО, ф. 3, оп. 2, д. 5658, л. 11–13 об.

[35] *Вейсман Р.Л.* Правовые запросы Сибири. СПб., 1909. С. 9.

[36] *Вологодский П.В.* К открытию Барнаульского окружного суда // Сибирская жизнь. 1910. 31 октября.

[37] РГИА, ф. 1409, оп. 6, д. 948, л. 4.

[38] Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчёты 1910 г. Сессия третья. Ч. III. Заседания 65–94 (с 8 марта по 9 апреля 1910 г.). СПб., 1910. Стб. 2131–2132.

[39] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. [Вып.] LXXIX. Томская губерния. СПб., 1904. С. V; Памятная книжка Томской губернии на 1912 г. Томск, 1912. С. 182.

[40] За семь предвоенных лет из Европейской России в Томскую губ. переселились 1 млн 150 тыс. человек. В 1911–1913 гг., уже после открытия Барнаульского окружного суда, здесь водворилось 276 тыс. крестьян (Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. Томск, 1915. С. 26).

[41] Подсчитано по: Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 25. СПб., 1911. С. 16–49.

[42] ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 904, л. 50.

ного пути, а от Барнаула – на 221 версту сухопутного сообщения[43] и играл роль важнейшего связующего звена в экономике региона. Опираясь на статистические данные, новониколаевский городской голова В.И. Жернаков заявлял в 1911 г.: «Алтай действительно является центром сельскохозяйственной жизни Западной Сибири. Главными вывозными воротами из Алтая является Новониколаевск»[44]. Город быстро превращался в один из наиболее крупных и экономически развитых за Уралом. В 1914 г. в нём насчитывалось 84 319 жителей, что уступало в губернии лишь Томску (104 963 человек); в общей сумме её городского промышленного производства (21 115 697 руб.) на Новониколаевск приходилось более половины – 10 754 780 руб.[45]

Рост города ускорял и концентрацию в нём судебной власти. После увеличения 28 мая 1911 г. штата сибирских участковых мировых судей[46], в Новониколаевске разместилось шесть их камер с участками, иногда выходившими за городские границы[47]. В 1914 г. пять мировых судей работали уже исключительно с горожанами[48]. К тому времени в Новониколаевске проживало больше адвокатов, чем в любом другом городе без окружного суда на территории Омской и Иркутской судебных палат, но при этом по количеству адвокатской элиты – присяжных поверенных (8) – он обходил и ряд городов с окружными судами, не исключая такие форпосты юстиции, как Красноярск (7), Семипалатинск (6), Тобольск (3)[49]. Молодая новониколаевская адвокатура демонстрировала высокий уровень корпоративного и профессионального самосознания и заботу о доступности правосудия для населения. В мае 1916 г. её представители организовали консультацию для нуждающихся в бесплатной юридической помощи[50], что в российской глубинке делалось нечасто.

3 июля 1914 г. вышел закон, предусматривавший образование дополнительных отделений при Томском и Барнаульском окружных судах[51]. А 2 октября 1915 г. городская дума Новониколаевска поручила комиссии из местных юристов во главе с авторитетными адвокатами Г.И. Жерновковым (председатель) и А.А. Шиша (товарищ председателя) разработать проект образования Новониколаевского окружного суда[52]. Впервые эта идея была высказана на заседании думы ещё 6 апреля при обсуждении способа обеспечить помещением изредка приезжающих судей Томского окружного суда и Омской судебной палаты[53], вояжи которых отнюдь не гарантировали горожанам полноценно-

---

[43] Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 г. Отд. 1. СПб., 1911. С. 233.

[44] Ново-Николаевск – Новосибирск, 1909–1919... С. 230.

[45] Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. С. 4, 16.

[46] ПСЗ-III. Т. 31. Отд. I. СПб., 1914. № 35330.

[47] ГА ТО, ф. 3, оп. 14, д. 109, л. 23а.

[48] Томские губернские ведомости. 1915. 11 февраля.

[49] Отчёт совета присяжных поверенных округа Иркутской судебной палаты за 1913 г. Иркутск, 1914. С. 2–3; Отчёт совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1913 г. Год третий. Омск, 1914. С. 102–106.

[50] Алтайское дело. 1916. 29 мая.

[51] ГА РФ, ф. Р-131, оп. 1, д. 12, л. 4.

[52] В комиссию также вошли присяжные поверенные А.Е. Бяков и Н.Н. Иванов, помощник присяжного поверенного В.Б. Скворцов, мировые судьи Ф.Ф. Варжицкий, А.И. Зверев, И.А. Кильдюшевский, В.Я. Печёркин, почётные мировые судьи В.И. Жернаков и Г.А. Бутович (ГА НО, ф. Д-97, оп. 1, д. 199а, л. 29–29 об.; д. 224, л. 57).

[53] Там же, д. 199а, л. 29 об.

го правосудия[54]. Правоведы отнеслись к поручению ревностно[55], ответственно и профессионально. Они обратились в Томский окружной суд с просьбой предоставить документы об открытии Барнаульского окружного суда, сведения о деятельности юстиции в предполагаемом округе с центром в Новониколаевске[56], а также проконсультировались с руководителями нескольких сибирских судебных инстанций[57].

Доклад комиссии дума рассмотрела 27 мая 1916 г. В нём говорилось, что без окружного суда «по-прежнему останутся неудовлетворёнными правовые интересы населения богатейшего по Западной Сибири Новониколаевского района», а его создание предрешит появление Новониколаевского уезда и «поднимет культурный престиж города». Юристы рекомендовали спешить и не экономить, поскольку «требующиеся для успеха дела довольно крупные затраты на приобретение участка и на постройку здания для окружного суда средствами города будут сторицею окуплены ожидаемыми выгодами для населения города и района от пребывания окружного суда в Новониколаевске». В итоге гласные решили незамедлительно направить соответствующее прошение в Министерство юстиции[58]. Томский губернатор В.Н. Дудинский всецело поддержал заявку и 15 сентября 1916 г. направил надлежащее ходатайство в столицу[59]. Однако революционные события отодвинули реализацию доставленного в Петроград проекта[60].

Тем временем в 1917 г. Новониколаевск стал центром нового уезда, с юга к нему примыкали вновь образованные в Алтайской губ. Каменский и Славгородский уезды[61]. Вместе с Каинским уездом Томской губ. они удачно с географической точки зрения соединялись в единый судебный округ с населением более 1,5 млн человек[62]. Передача в юрисдикцию Новониколаевска части Алтайской губ. помимо территориальной близости оправдывалась и внезапным ослаблением судебной власти в Барнауле. Случившийся там 2 мая 1917 г. пожар уничтожил центральные кварталы города вместе со зданием окружного суда[63]. Сгорело всё судейское и прокурорское делопроизводство, и, судя по тому, что деньги на ремонт этого помещения продолжали выделяться в 1919 г., Барнаульский окружной суд долго не мог вернуться к полноценной работе[64].

---

[54] К примеру, Витте указывал, что на выездных сессиях возглавляемый им окружной суд разбирал только дела первой инстанции, а «дела апелляционные и кассационные почти все за крайне редким исключением слушались в городе Томске» (ГА ТО, ф. 3, оп. 2, д. 5658, л. 11 об.).

[55] Об этом, в частности, свидетельствует поздравительное письмо, посланное Жерновковым 12 декабря 1918 г. тогдашнему городскому голове А.К. Скворцову: «Я, как председатель комиссии, положившей начало ходатайства об открытии окружного суда в г. Новониколаевске, ныне столь удачно закончившегося, прошу в торжественный день открытия суда объявить и мой голос участия в торжестве и радостного приветствия Высокому судебному учреждению нашего города, близкого мне и по тому жизненному делу, служению которому я себя посвятил» (ГА НО, ф. Д-97, оп. 1, д. 224, л. 51–51 об.).

[56] Ново-Николаевск – Новосибирск, 1909–1919... С. 276.

[57] ГА НО, ф. Д-97, оп. 1. д. 224, л. 55–57 об.

[58] Там же, д. 199а, л. 29–32; *Заб.–ик М.* Заседание городской думы // Алтайское дело. 1916. 2 июня.

[59] РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 786, л. 3.

[60] ГА РФ, ф. Р-131, оп. 1, д. 12, л. 4.

[61] *Шиловский Д.М., Шиловский М.В.* Административно-территориальное устройство... С. 86.

[62] Данные на 1916 г. см.: ГА РФ, ф. Р-131, оп. 1, д. 12, л. 5 об.–6.

[63] Барнаул: энциклопедия / Под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 2000. С. 226–227.

[64] Государственный архив Алтайского края, ф. 141, оп. 1, д. 16, л. 16; д. 63, л. 1.

В начале Гражданской войны в Сибири в Новониколаевске сложилась сплочённая корпорация юристов, осмеливавшихся даже диктовать условия Временному Сибирскому правительству и, в частности, требовавших уволить судебных деятелей, замеченных в сотрудничестве с большевиками. На общем собрании 8 июня 1918 г. правоведы города констатировали: «Созданные большевистской властью народные суды и трибуналы являлись извращением начал судоустройства и судопроизводства, уничтожая элементарные и признанные всеми культурными странами начала независимости, справедливости и беспристрастия суда»[65]. Действительно, во исполнение «Декрета о суде», принятого СНК 22 ноября 1917 г., комиссары совдепов, угрожая применением насилия, закрыли все западносибирские органы юстиции, отстранили судей от исполнения их обязанностей и попытались переманить на свою сторону, внеся раскол в судейскую среду[66].

Антибольшевистское Временное Сибирское правительство, напротив, весьма чутко относилось к проблемам судоустройства и судопроизводства. Возглавлявший его бывший присяжный поверенный Вологодский с 14 июля 1917 г. занимал должность старшего председателя Омской судебной палаты[67]. В своём дневнике он признавался: «Я предпочёл бы остаться на посту старшего председателя судебной палаты. Я так люблю судебное дело и вовсе не чувствую потребностей в бурной политической деятельности»[68]. При этом Вологодский «с большим удовольствием» отмечал, что судьи меньше других служащих заразились «ядом» большевизма[69]. 15 августа 1918 г. глава правительства заявил в Томске о решимости реализовать программу масштабных судебных преобразований в крае[70], а позже Министерством юстиции был подготовлен пакет из двух с половиной десятков законопроектов о суде[71]. Как утверждал Вологодский, «суды Сибирского правительства начали работать, внеся в разбушевавшуюся страну право и порядок. Большевики, объявив разрушительный поход

---

[65] ГА РФ, ф. Р-4369, оп. 5, д. 74, л. 8–8 об. Подробнее о революционных трибуналах см.: *Макутчев А.В.* «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны. М., 2020.

[66] Подробнее см.: *Крестьянников Е.А.* Томский судья Александр Левберг: грани пособничества большевикам в начале Гражданской войны // Quaestio Rossica. Т. 9. 2021. № 1. С. 203–217. В июле 1918 г. председатель Томского окружного суда П.А. Фролов составил список, включавший три десятка судебных деятелей, замеченных в сотрудничестве с советской властью. Преимущественно в нём оказались выходцы из Томска и лишь несколько новониколаевцев (ГА РФ, ф. Р-4369, оп. 5, д. 74, л. 30–33).

[67] Указы Временного правительства, данные Правительствующему Сенату // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 7–8. С. 77. Возглавив палату, он развернул весьма бурную деятельность: съездил во все окружные суды, собирал судей для бесед о нуждах ведомства, принимал от них жалобы о тяжёлом материальном положении, а 5 сентября 1917 г. направил в Министерство юстиции проект увеличения судейских штатов и жалованья (ГИА ОО, ф. 25, оп. 1, д. 317, л. 70–74, 77–77 об.; оп. 2, д. 60а, л. 11).

[68] *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании. Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006. С. 58.

[69] ГА РФ, ф. Р-193, оп. 1, д. 2, л. 20 об. Сам Вологодский находился в конфликте с советской властью. Характерно, что 20 января 1918 г. следственная комиссия Омского революционного трибунала произвела в его квартире обыск (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.), ф. 2297, оп. 1, д. 19, л. 1).

[70] Декларация Временного Сибирского правительства, оглашённая председателем Совета министров П.В. Вологодским на заседании Сибирской областной думы 15 августа 1918 г. Томск, 1918. С. 7–8.

[71] ГА РФ, ф. Р-4369, оп. 5, д. 77, л. 78–78 об.

против судов, сами не придумали их будущего устройства и... страна вступила в полосу бессудья, в полосу, так сказать, судебного голода»[72].

В Новониколаевске не могли не воспользоваться таким моментом. К тому же активнейший борец за создание Новониколаевского окружного суда Шиша[73] начинал свою профессиональную карьеру в качестве помощника Вологодского, когда тот был присяжным поверенным[74], и с тех пор поддерживал с ним самые тёплые отношения[75]. Собравшись 11 июля, городские юристы постановили направить правительству петицию об учреждении окружного суда и «просить о поддержке этого ходатайства со стороны общественных организаций»[76]. Идея изменения судоустройства вполне отвечала царившим демократическим настроениям[77] и разрисовывалась теперь красками гражданской инициативы. В конце концов её поддержали объединения домовладельцев, сибирских кредитных союзов и сибирских маслодельных артелей[78].

Через несколько дней городской голова и члены управы обратились к премьер-министру с просьбой открыть в Новониколаевске окружной суд. Прежние доводы в пользу такого решения дополнялись на этот раз жалобами на то, что самодержавие «обычно относилось к нуждам окраины невнимательно», а после его свержения «вследствие Февральского переворота» Министерство юстиции «вынуждено было заняться другой текущей работой». В новых условиях просители надеялись на то, что «Сибирское правительство будет идти навстречу насущным нуждам» горожан, поскольку в «переживаемый момент, когда большевистским выступлением правовое сознание в населении в значительной мере поколеблено, когда авторитет суда в глазах населения должен вновь завоёвываться, требуется, чтобы рассмотрение дел производилось с наибольшей быстротой. Для проведения в жизнь этого положения необходимо расширение сети окружных судов и приближение таким путём суда к населению»[79].

Подобного рода оценки, размышления и аргументы должны были импонировать новому руководству судебного ведомства. Министр юстиции Временного Сибирского правительства Г.Б. Патушинский констатировал, что «если в отношении судебных учреждений Европейской России революционная власть сделала очень мало, то для Сибири в этом смысле она не сделала ровно ничего», при большевиках же «если не в праве, то в бесправии, если не в правосудии, то в бессудии сибирское население было, наконец, уравнено со всеми российскими гражданами»[80]. Не мог не сочувствовать пожеланиям новонико-

---

[72] Там же, ф. Р-193, оп. 1, д. 2, л. 17, 21.

[73] Именно ему судебная комиссия 30 октября 1915 г. поручила «войти в переговоры с председателем Томского окружного суда с целью выяснить способ и порядок получения из суда, от мировых судей и следователей необходимого судебно-статистического материала»; летом 1918 г. он занимался поиском помещения для суда и, в частности, вёл об этом переговоры с Новониколаевским коммерческим клубом (ГА НО, ф. Д-97, оп. 1, д. 224, л. 29, 57–57 об.).

[74] ГИА ОО, ф. 25, оп. 2, д. 382, л. 19–20 об.

[75] 28 августа 1918 г. Вологодский характеризовал его как одного из своих «добрых знакомых» (*Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании... С. 77).

[76] ГА НО, ф. Д-97, оп. 1, д. 224, л. 21.

[77] *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 199–319; *Pereira N.G.O.* White Siberia: The Politics of Civil War. Montreal, 1996. P. 8–9, 82–103.

[78] ГА РФ, ф. Р-131, оп. 1, д. 12, л. 4 об.

[79] ГА НО, ф. Д-97, оп. 1, д. 224, л. 25–25 об.

[80] *Патушинский Г.Б.* Сибирский суд // Известия Временного Сибирского областного совета. 1918. № 1. С. 5–6.

лаевцев и Вологодский, сторонник областничества[81], оставшийся верным ему и на посту главы правительства, несмотря на необходимость решения общероссийских задач[82]. Он занимался восстановлением местной судебной системы вплоть до полного истощения сил, уничтожая следы «самосудного» революционного правосознания и мечтая о возвращении к «культурным» нормам законности и правосудия[83].

Таким образом, обстоятельства делали создание Новониколаевского окружного суда идеологически и символически важным мероприятием, позволявшим областническому правительству[84] отделить себя от прежних российских элит, игнорировавших потребности края, показать непримиримость к советской власти и продемонстрировать приверженность цивилизованному демократическому политико-правовому строю. Поэтому неудивительно, что Министерство юстиции поддержало новониколаевцев и уже 3 октября 1918 г. представило соответствующий законопроект в Совет министров Временного Сибирского правительства[85].

---

[81] Об идеях и практиках областничества см.: *Шиловский М.В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008; *Pereira N.G.O.* The Idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia // Russian History. Vol. 20. 1993. № 1–4. P. 163–178.

[82] Вскоре после отстранения от власти Вологодскому пришлось опровергать обвинения в авантюризме и предательстве Сибири, выдвинутые в 1921 г. неким И.К. Окуличем в шанхайской эмигрантской газете «Русское эхо». «Я сибиряк-областник, но я прежде всего люблю свою общую родину – Великую Россию, – заявлял бывший премьер-министр. – Момент потребовал, чтобы на первом плане были поставлены интересы всей России. Меня можно упрекнуть, что я, занимая пост председателя Совета министров, не сумел подготовить почву для проведения в жизнь идеи областничества, идеи автономной Сибири, не сумел создать учреждений будущей автономной Сибири, но упрекнуть меня в том, что для сохранения своего положения, как председателя Совета министров, я предал Сибирь, г. Окулич не имеет никаких оснований» (ЦГИА СПб., ф. 2297, оп. 1, д. 5, л. 6–7).

[83] *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании... С. 58, 60.

[84] В образованное 30 июня 1918 г. Временное Сибирское правительство вошли Вологодский, В.М. Крутовский, И.А. Михайлов, Патушинский и М.Б. Шатилов. Все они являлись коренными сибиряками с сильным областническим следом в политической биографии. См., например: Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX – начале XX в. Энциклопедический словарь / Под ред. М.В. Шиловского. Новосибирск, 2019. С. 63–64, 153–155, 186–187, 234–235, 377–378.

[85] ГА РФ, ф. Р-131, оп. 1, д. 12, л. 4 об.

От Урмии до Урги: взаимоотношения с народами Востока в русском общественном сознании конца XIX – начала XX в.

Александр Полунов

From Urmia to Urga: relations with the peoples of the East in the Russian Public Consciousness of the late 19th – early 20th centuries

Aleksandr Polunov
(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956872206019X, **EDN**: MNWNOK

Весной 1917 г., в ходе Первой мировой войны, есаул барон Р.Ф. Унгерн, известный впоследствии деятель Белого движения, был переведён с Западного фронта на Кавказский и включён в состав российского экспедиционного корпуса в Персии, штаб которого располагался на севере страны в г. Урмия. На новом месте службы барон вошёл в число инструкторов при ассирийских дружинах – добровольческих отрядах, состоявших из местных христиан и сражавшихся вместе с русскими против турок и курдов. Несмотря на самоотверженную борьбу ассирийцев, нараставшее разложение русской армии после падения монархии в России делало невозможным продолжение военных действий в Персии. Летом 1917 г. Унгерн перебрался на Дальний Восток, где возглавил Азиатскую дивизию – соединение, включавшее в свой состав представителей восточных народов (монголов, бурят, татар, башкир, тибетцев и др.).

Отступив в конце 1920 г. под напором Красной армии в Монголию, барон в феврале следующего года освободил от войск Китайской республики столицу Северной Монголии – Ургу и попытался сделать её базой восстановления Срединной империи – наследницы державы Чингисхана под властью маньчжурской династии Цин, а затем и реставрации монархических порядков по всей Евразии. Стремясь осуществить этот план, Унгерн предпринял поход на территорию Советской России в мае 1921 г., закончившийся для него поражением и гибелью. Все эти перипетии выглядят на первый взгляд, как случайная цепь событий, сложившаяся вследствие личной эксцентричности барона и того хаоса, который воцарился на территории бывшей Российской империи и у её границ после Февральской революции. Между тем в них отразились важные процессы, связывавшие Россию с азиатскими народами, проживавшими в конце XIX – начале XX в. у её границ и (или) входившими в сферу её влияния. История этих взаимоотношений и их восприятия русским обществом, начинания отдельных деятелей (в том числе и того же барона Унгерна[1]) освещены

© 2022 г. А.Ю. Полунов

Статья подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

[1] *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни: барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М., 2010; *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна: опыт реконструкции. М., 2011; *Sunderland W.* The Baron's Cloak. A History of the Russian Empire in War and Revolution. Ithaca, 2014.

в целом ряде работ[2]. В то же время многие аспекты данной темы изучены недостаточно. Так, сравнительно мало известно о русско-ассирийских связях и православной миссии в Урмии в конце XIX – начале XX в.[3] Необходимо проанализировать эти сюжеты, включив их в контекст истории русской общественной мысли конца XIX – начала XX в.

Говоря об идейной эволюции русского общества, нужно отметить, что заметное влияние на неё с середины XIX в. оказывало усилившееся взаимодействие между различными регионами мира, в частности, знакомство с проживавшими в отдалённых землях общинами. Представители этих сообществ – как правило, малочисленных, изолированных, угнетённых и (или) ощущавших угрозу со стороны более сильных соседей, – всё чаще рассматривали Россию как свою спасительницу и покровительницу. При этом восприятие ими северного царства, как правило, было в высшей степени мифологизированным. «Империи царей» приписывалось необычайное могущество, ведущая роль среди мировых держав и способность по велению своего правителя решать любые, самые сложные международные проблемы. Типичным выражением подобного отношения было, в частности, обращение к русским властям ассирийского священника Михаила, который в 1859 г. заявлял, что Россия «имеет возможность восстановить сиявшую некогда в Персии восточно-православную церковь, по несчастным обстоятельствам упадшую и угрожаемую скорым уничтожением, если какая-либо рука не прострётся, чтобы спасти её»[4].

Ассирийцы, именовавшиеся также сиро-халдеями и айсорами, считали себя потомками населения древнего Ассирийского царства, проживали на территории восточной Турции и северо-западной Персии и придерживались несторианского учения, оформившегося в самостоятельную ветвь христианства в VI в. Будучи сосредоточены у границ Российской империи, они ещё с конца XVIII в. стремились наладить взаимодействие с её властями, а отдельные их общины переселялись на территорию русского Закавказья. В середине XIX в. заговорили и о духовном единении с Россией. Тот же священник Михаил, прибывший сначала в Константинополь, а затем в Иерусалим, говорил о желании нескольких тысяч ассирийцев, проживавших в районе Урмии, перейти в православие. Для выяснения возможности такого воссоединения Святейший Синод в первой половине 1860-х гг. командировал в Закавказье архимандрита Софонию (Сокольского), встречавшегося с переселившимися туда ассирийцами и собравшего значительный объём сведений об этой общине и особенностях её вероучения. Персидские и турецкие несториане писали ему о своей готовности перейти в православие, если Россия окажет им покровительство. Однако в Петербурге, опасаясь конфликта с Турцией и Персией, оставили это дело без последствий.

---

[2] См., в частности: *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009; *Суворов В.В.* Князь Э.Э. Ухтомский: жизнь, деятельность, идейное наследие. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011; *Суворов В.В.* «Восточничество»: культурно-историческая концепция и имперская идеология. Саратов, 2015.

[3] *Матвеев М.Ю.* Ассирийцы // Вопросы истории. 1980. № 9. С. 186; *Матвеев М.Ю.* К истории переселения ассирийцев в Россию // Народы Азии и Африки. 1980. № 5; *Стефан (Садо), иером.* Русская православная миссия в Урмии (1898–1918) // Христианское чтение. 1996. № 13.

[4] *Титов Ф.И., свящ.* Преосвященный Кирилл Наумов, епископ Мелитопольский, бывший настоятель Русской духовной миссии в Иерусалиме. Очерк из сношений России с православным Востоком. Киев, 1902. С. 310. В своих ходатайствах к русским властям, рассчитывая на их сочувствие, ассирийцы-несториане часто именовали себя православными.

Тем не менее тяготение ассирийцев к России не только не прекратилось, но даже оживилось в конце XIX в., когда в идеологии и политике самодержавия заметно усилились мессианские и религиозные мотивы. В середине 1890-х гг. после очередного обращения несториан Синод послал в Урмию клириков Грузинского экзархата для подготовки их присоединения к православию. В 1898 г. в Петербурге состоялось приобщение к Церкви одного из несторианских иерархов – епископа Мар-Ионана, а в Урмию направилась русская миссия, обратившая в православие значительное количество местных несториан[5]. Накануне Первой мировой войны интерес к православию начал проявлять и их патриарх-католикос Мар-Шимун Биньямин, проживавший в Османской империи. В августе 1914 г. он как глава ассирийского народа подписал договор с державами Антанты о совместных действиях против турок. Весной 1915 г. ассирийцы подняли восстание, но турецкие войска и курды вытеснили их на территорию Персии[6]. Февральская революция и разложение русских войск, вскоре покинувших Персию, стали тяжёлым ударом для ассирийцев. Им пришлось отступить на восток, под защиту англичан, причём в ходе боёв и тяжёлых переходов значительная часть общины погибла. Многие ассирийцы были вынуждены переселиться в Россию.

В конце XIX – начале XX в. в ходе общения с ассирийцами, а также с православными арабами Сирии и Палестины, абиссинцами (эфиопами) в правительственных сферах России и в консервативных кругах русского общества сложился определённый стереотип восприятия этих народов[7]. Прежде всего, считалось, что, раз они сами просят о помощи, Россия не вправе им отказать, поскольку моральный долг обязывает её защищать слабых и угнетённых. «По мере того, – писал профессор Санкт-Петербургской духовной академии А.П. Лопухин, внёсший значительный вклад в пропаганду необходимости религиозного сближения с ассирийцами, – как Россия всё более приобретала значение на востоке, всё более выступала со своей великой миссией освобождения христианских народов из-под векового ига ислама, и среди бедного, заброшенного в глубину исламизма сирохалдейского народа всё более стала разгораться надежда, что авось Белый царь вспомнит и о нём... Итак, что же нам делать? Неужели так и оставить этот бедствующий, простирающий к нам руки народ в его беспомощном состоянии? Да не будет этого!»[8]. Докладывая о прибытии в Урмию в 1897 г. посланников Синода, русский консул в Тавризе сообщал: «Вся эта масса народа встречала православных священнослужителей

---

[5] *Стефан (Садо), иером.* Русская православная миссия... С. 73–112.

[6] *Матвеев М.Ю.* Ассирийцы. С. 186; *Матвеев М.Ю.* К истории переселения ассирийцев в Россию. С. 168.

[7] О взаимоотношениях России с православными арабами Сирии и Палестины см.: *Махамид О.* Россия–Палестина: диалог на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2002; *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006; *Vovchenko D.* Creating Arab Nationalism? Russia and Greece in Ottoman Syria and Palestine (1840–1909) // Middle Eastern Studies. Vol. 49. 2013. № 6. Анализ воззрений, базировавшихся на идее духовного единства русских и абиссинцев (эфиопов), см.: *Полунов А.Ю.* «Наши чёрные единоверцы»: представления о религиозной близости России и Абиссинии в конце XIX – начале XX в. // Российская история. 2015. № 2.

[8] *Лопухин А.П.* Новое поприще для миссии Св[ятой] православной Церкви. Несториане или сиро-халдейцы, их происхождение, история, теперешнее состояние и стремление к православию. Чтение на торжественном собрании С.-Петербургского братства Пресвятой Богородицы 2 февраля 1898 г. СПб., 1898. С. 22–23.

с неописуемым восторгом и энтузиазмом. Чувства беспредельной преданности к священной особе его императорского величества государя императора, равно как и симпатии к России, – беспредельны»[9].

Само по себе тяготение ассирийцев к России нередко считалось доказательством их внутреннего духовного родства с русским народом, догматические расхождения несториан с православием казались случайными и незначительными. Глава Русской духовной миссии в Урмии архимандрит Сергий (Лавров) в отчёте за 1910 г. утверждал: «Всё более и более сирийцы убеждаются в том, что православная вера есть глубокая и истинная и что именно она была верой их праотцев»[10]. И, разумеется, особую симпатию вызывало бедственное положение христиан северной Персии под властью мусульман. Мотив жертвенности, страданий отчётливо звучал во всех описаниях жизни ассирийцев, выходивших из-под пера русских авторов. Времена, когда приверженцы несторианства, располагавшие большим количеством епархий и отличавшиеся высоким уровнем культуры и образованности, вели широкую миссионерскую деятельность, проповедуя вплоть до Индии, Монголии и Китая, безвозвратно прошли. После начавшихся в XIV в. мусульманских гонений, по словам архимандрита Софонии, ассирийцы в течение многих веков «томились и страдали как бы под пытками, бегая по своей родине из места в место и не зная, где остановиться, чтобы с наименьшим страхом и опасностью влачить свою бедственную долю... Бедное племя, замкнувшись в себе, или, правильнее сказать, в среде врагов своих, обратилось как бы вспять в умственно-научном отношении и стало нисходить всё ниже и ниже, пока, наконец, не достигло той степени огрубления и невежества, на которой стоит ныне»[11].

Давление со стороны турецких и персидских властей, набеги воинственных курдов несли угрозу физическому существованию ассирийцев, но едва ли не страшнее была угроза духовная – натиск со стороны западных миссий (американских пресвитериан, французских католиков и англикан), работавших среди несториан с 1830-х гг. Особой активностью отличались англиканские миссионеры, настроенные дружественно по отношению к русским клирикам, но всё же не вызывавшие у них доверия[12]. «Жалеть о том, что индифферентный к религии народ утратит все нравственные устои, англиканам не приходилось, – писал в 1902 г. архимандрит Кирилл (Смирнов), возглавлявший тогда духовную миссию, своему покровителю митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию (Вадковскому). – Освободившись от таких устоев, народ окажется более способным к усвоению принципа выгод и пользы, и посредством денег его можно будет всегда держать в послушании, с ним можно будет сделать всё, что угодно»[13]. России следовало уберечь ассирийцев от подобной печальной участи.

---

[9] РГИА, ф. 797, оп. 67, отд. 2, ст. 3, д. 54, л. 15–15 об.

[10] Там же, ф. 796, оп. 193, отд. 6, ст. 1, д. 1407, л. 47.

[11] *Софония (Сокольский), еп.* Современный быт и литургия христиан инославных иаковитов и несториан с кратким очерком их иерархического состава, церковности, богослужения и всего, что принадлежит к отправлению их церковных служб, особенно же их литургии. СПб., 1876. С. 200, 240.

[12] Об англиканской миссии см.: *Coakley J.F.* The Church of the East and the Church of England: A History of the Archbishop of Canterbury's Assyrian Mission. Oxford, 1992; *Герд Л.А.* Англиканская и русская православная миссии к несторианам Персии и Турции в конце XIX в. (по материалам донесений британских дипломатов) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 137–157.

[13] *Журавский А.В.* Во имя правды и достоинства Церкви: жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX в. М., 2004. С. 422.

Но для характеристики русской общественной мысли второй половины XIX – начала XX в., возможно, особенно важно отметить то, что в отношении к ассирийцам проявлялось не только сочувствие к их бедственному положению. Одновременно признавалось, что испытания, которые они претерпевали на протяжении веков, оказали противоречивое и далеко не всегда негативное воздействие на их жизнь. «Нельзя сказать, чтобы это очистительное горнило было без пользы для страдальцев, – полагал архимандрит Софония. – Оно укрепило и как бы закалило в них много добрых свойств и обычаев, отзывающихся первовековой, патриархальной простотой, смирением, преданностью в волю Божию»[14]. Лопухин отмечал, что несториане, несмотря на тяжёлое положение, «не ропщут на свою судьбу и с чисто детской верой и покорностью всё предоставляют воле Небесного Отца и Царя»[15]. Материальное неблагополучие, по мнению русских наблюдателей, компенсировалось чистотой и напряжённостью духовной жизни «сиро-халдейцев». Лопухин писал, что они посещают церковь каждый день и могут устыдить этим живущих гораздо более благополучно западных христиан, а церковная служба несториан «отличается значительной красотой, которая невольно поражает всякого стороннего наблюдателя». При этом они настолько сроднились с Библией, что «её именно образами говорят и мыслят все более или менее грамотные люди»[16].

Удалённые от центров современной цивилизации и ограждённые благодаря этому от её разлагающего влияния, ассирийцы сохраняли в быту и в общественном устройстве патриархальную простоту, естественность, вызывая зависть у части русских консерваторов. Само «избрание» патриарха-католикоса, по словам Софонии, было «чуждо всех тревог, беспокойств, интриг и домогательств, так неизбежных при выборах католикосов, например, эчмиадзинских (в Армении)» и вместе с тем «не окружено ни пустым мишурным блеском, ни пышной кичливостью, составляющей душу конклавов квиринальских (в Риме)»[17]. Взаимоотношения пастырей и паствы отличались искренностью и взаимным доверием, чего так не хватало в России, а при сборах на церковные нужды «почти никогда не бывает, в их среде, ни прекословий со стороны прихожан, ни настойчивости вымогательства со стороны клирошан»[18]. Разумеется, в первые десятилетия XX в. власть денег, проникновение западной культуры и политические потрясения уже заметно ослабили патриархальность ассирийского быта. Однако русские деятели в Урмии уверяли себя и других в том, что эти тенденции не коснулись простых людей. «Народ... в массе своей, – докладывал глава русской миссии о влиянии на ассирийцев иранской революции 1905–1911 гг., – по-прежнему был по меньшей мере равнодушен к политическим партиям и, как кажется, в глубине души всегда расположен к “белому царю”»[19].

---

[14] *Софония (Сокольский), еп.* Указ. соч. С. 200–201.

[15] *Л.А. [Лопухин А.П.]* Католикос востока и его народ. Очерки из жизни сирохалдеев-несториан в Персии и Турции // Христианское чтение. 1898. № 8. С. 199.

[16] *Л.А. [Лопухин А.П.]* Католикос востока и его народ... // Христианское чтение. 1898. № 10. С. 516, 530. № 11. С. 683.

[17] *Софония (Сокольский), еп.* Указ. соч. С. 205. «Избрание» патриарха-католикоса у несториан фактически означало наследственную передачу власти в рамках одного рода от дяди племяннику (сам католикос давал при этом обет безбрачия).

[18] Там же. С. 253.

[19] РГИА, ф. 796, оп. 193, отд. 6, ст. 1, д. 1407, л. 45.

Взаимодействуя с христианами Урмии, русские церковные и общественные деятели не просто соприкасались с источниками патриархальной простоты – они ещё и совершали своеобразное путешествие во времени, вступая в контакт с сообществом, имевшим апостольское происхождение. По мнению Лопухина, в её религиозной жизни нельзя было «не подметить многих таких черт, нравов и обычаев, которые уводят вглубь седой старины христианской Церкви, к периоду первых вселенских соборов»[20]. Конечно, присоединение столь древней общины существенно повысило бы духовный авторитет сравнительно «молодой» Русской Церкви. «Представляется особенно знаменательным, – говорилось в 1910 г. в справке Канцелярии обер-прокурора о стремлении очередной группы несториан перейти в православие, – что общения с православной Церковью ищут самые древние из еретиков, отделившиеся от вселенского православия ещё в пятом веке... Принятие их в православие, хотя и через такой громадный промежуток времени, как протекшие 15 веков, не внесёт ли в жизнь Церкви хотя отчасти сознания того единства веры и религиозного самосознания, коим был крепок союз древнего христианства»[21].

В воображении невольно возникала грандиозная картина воссоздания, на этот раз под покровительством России, легендарного «царства пресвитера Иоанна» – огромной сети несторианских епархий, простиравшихся далеко на восток. «Мы видим, – писал Лопухин, – как даже на наших глазах какая-то непреодолимая сила всё шире раскрывает пред нашим отечеством необъятные глубины далёкого востока, как она всё ближе приходит в соприкосновение с тем огромным человечеством, которое доселе оставалось в стороне от христианства, представляя собой неразрешимую загадку для истории. Кто знает, не настало ли теперь время для разрешения этой мировой загадки и не предназначено ли именно прав[ославной] России разрешить её?»[22].

Постепенно стереотип восприятия отдалённых народов, сложившийся в ходе знакомства с ассирийцами и другими общинами, искавшими покровительства Петербурга, стал переноситься на самые разные сообщества. С середины 1890-х гг. в их число всё чаще входили народы Центральной Азии и Дальнего Востока – индийцы, тибетцы, тюрки Синьцзяна, буряты, монголы, китайцы. Усиление интереса к ним было, безусловно, связано с активизацией внешней политики России на Дальнем Востоке и с её экономическим проникновением в этот регион. Попытку вдохновить и идеологически обосновать продвижение в Азию, осмыслить принципы взаимодействия с её пёстрым населением предприняли тогда в своих сочинениях «восточники» – небольшая, но влиятельная группа политиков и публицистов, располагавших обширными связями в правительственных и придворных кругах.

Если информация об ассирийцах и других этноконфессиональных общинах в 1880–1890-х гг. распространялась во многом стихийно, по инициативе отдельных лиц и учреждений, то «восточники» стремились целенаправленно воздействовать на общественное сознание и развернули настоящую кампанию, пропагандируя свои взгляды. Главную роль в ней играл кн. Э.Э. Ухтомский –

---

[20] *Лопухин А.П.* [Рец. на:] A.J. McLean, W.H. Browne. The Catholicos of the East and His People (1893) // Христианское чтение. 1893. № 3–4. С. 400.

[21] РГИА, ф. 797, оп. 79, отд. 2, ст. 3, д. 501, л. 20.

[22] *Лопухин А.П.* Новое поприще... С. 26.

литератор, востоковед и личный друг Николая II[23]. В 1890–1891 гг. князь сопровождал наследника престола вел. кн. Николая Александровича в путешествии по странам Азии – от Египта до Японии, которое затем описал в книге, изданной в 1893–1897 гг. значительным тиражом в России и за рубежом. В русском обществе она вызвала заметный резонанс. В 1896 г. по повелению царя кн. Ухтомский возглавил газету «Санкт-Петербургские ведомости», ставшую своеобразным рупором «восточничества»[24]. С особой настойчивостью её читателям внушалась мысль о духовном родстве России и восточных народов, несмотря на всё их внешнее отличие от русских. Так, говоря об Индии, князь утверждал, что «наше прошлое и прошлое самой типичной восточной страны... до мелочей сходны и родственны, одинаково смутны и печальны в материальном отношении, в совершенно равной мере заключают в себе залог обновлённого будущего и уверенной борьбы за свои исконные права». При этом он полагал, что «узы, связывающие нашу часть Европы с Ирано-Тураном (а через неё и с родственными им во многих чертах Индией, Небесной империей), до того, так сказать, предвечны и прочны, что мы сами пока (как народ и государство) недостаточно понимаем их значения и своих проистекающих от этого обязанностей по отношению к вопросам внутренней и внешней политики на полуневедомых окраинах»[25].

Следует отметить, что кн. Ухтомский и его единомышленники, рассуждая о духовной близости России и народов Востока, сталкивались с серьёзной проблемой, поскольку в реальности русских с ними не связывало ни религиозное (как с ассирийцами), ни тем более конфессиональное единство. Буддизм, даосизм и конфуцианство были в целом весьма далеки от православия. Обходя это затруднение, «восточники» пытались уловить некие смутные, таящиеся в глубинах духовной жизни черты объективного сходства этих культов с учением Церкви, указывали на их позитивную социальную роль. Так, кн. Ухтомский доказывал, что «буддизм явился выразителем народного настроения, вдохновлялся общепризнанными истинами, послужил дальнейшему развитию и совершенствованию местной культуры. Этим только и объясняется его необыкновенный успех, его удивительная бодрость... Всё это делало и делает из буддизма силу, с которой серьёзно надо считаться христианским нациям»[26]. И в должности чиновника МВД в 1880-х – начале 1890-х гг., и на посту редактора газеты князь последовательно выступал в защиту веротерпимости и против жёсткой русификации инородцев (прежде всего, бурят), чем навлёк на себя обвинения в либерализме, предательстве национальных интересов России и даже вероотступничестве[27].

---

[23] Помимо кн. Ухтомского, к числу «восточников» относят предпринимателя и врача, специалиста по тибетской медицине П.А. Бадмаева, а также журналиста С.Н. Сыромятникова. Подробнее см.: *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Указ. соч. С. 70–101.

[24] *Суворов В.В.* Князь Э.Э. Ухтомский... С. 22, 39–42.

[25] *Ухтомский Э.Э.* К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900. С. 1, 9.

[26] *Ухтомский Э.Э.* Из области ламаизма. К походу англичан в Тибет. СПб., 1904. С. 17.

[27] *Суворов В.В.* Князь Э.Э. Ухтомский... С. 132. Сходная судьба постигла Сыромятникова. Будучи в 1900 г. одним из инициаторов создания «Русского собрания», он спустя три года был обвинён в том, что подчинился «догмату масонско-еврейского либерализма, запрещающему сколько-нибудь откровенно говорить об инородцах», и выведен из руководства этой влиятельной консервативной организации (*Репников А.В.* С.Н. Сыромятников: штрихи к портрету // Интеллигенция и мир. 2010. № 3. С. 99).

Между тем именно сходство исторического пути и духовное братство должны были, по мнению «восточников», объединить народы России и Азии в борьбе с разрушительным для них натиском Запада. «Азия страдает, – писал кн. Ухтомский, – поняв, что между ней и Европой – глубочайшая бездна, тогда как между нашим полным творчества хаосом и ею (этой Азией) нет препон, ибо её предопределённый покровитель и главарь – пестротканая Россия»[28]. Защитить азиатские народы от натиска Запада было тем более важно, поскольку в их среде хранились утраченные «цивилизованным миром» начала – религиозность и верность традициям, столь ценимые консерваторами. Описывая быт монголов и бурят, кн. Ухтомский отмечал, что в их жизни «царит... религиозный элемент». Причём «случайного и беспочвенного тут нет ничего. Наоборот, всё дышит стариной, переносит воображение к временам “бога-учителя”»[29].

Оберегая традиции прошлого, народы Азии, как заявляли «восточники», проявляли особую преданность самодержавию – власти патриархальной, основанной на отеческих, неформальных началах. «История указывает, – писал Александру III в 1893 г. Бадмаев, записка которого сыграла значительную роль в обосновании продвижения России в Азию, – что народы Востока... вполне сознают истинное значение монархического правления, в котором представители государства считаются старшими сыновьями и братьями, нравственно обязанными отвечать за всё как перед отцом-монархом, так и перед младшими братьями – его подданными»[30]. Таким образом, в Азии не только ожидали помощи от «Белого царя», но и сохраняли древние (если не древнейшие) монархические предания. Кн. Ухтомскому даже казалось, что в условиях нараставшего колониального давления со стороны западных стран «Китай на страже своих и бессознательно на страже русских интересов со змеиной мудростью отстаивается, копит силы против заморского врага, тоскливо озирается на безмолвный Север – единственное государство, откуда воспитанная в принципах самодержавия страна богдыханов может и привыкла ждать нравственной опоры, бескорыстной помощи, фактического союза на почве взаимных интересов»[31].

Совместно выступая против Запада, России и Азии предстояло, по замыслу «восточников», слиться в единую цивилизацию, принципиально отличавшуюся от европейской. «Запад нас умственно дисциплинировал, – полагал кн. Ухтомский, – но в общем лишь тускло отражается на нашей жизненной поверхности. Всё под ней и в недрах народного быта проникнуто и дышит глубоко восточными умозрениями и верованиями, овеяно жаждой высших форм бытия и широкими человеческими стремлениями совершенно иного вида, чем в корне убиваемое материализмом миросозерцание европейцев среднего уровня»[32]. Но только полное соединение с Востоком обновит Россию, «вольёт в нас свежую, бодрящую струю и, без сомнения, уяснит нам многое в родных святынях»[33]. И тогда появится возможность исполнить высокое, мессианское предназначение – изменить мир, освободить его от вредоносного влияния Запада. «Мы будем бороться за жизнь против машины, за свободу против социального

---

[28] *Ухтомский Э.Э.* К событиям в Китае... С. 77.

[29] *Ухтомский Э.Э.* Из области ламаизма... С. 41.

[30] За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева / Под ред. В.П. Семенникова. Л., 1925. С. 77.

[31] *Ухтомский Э.Э.* К событиям в Китае... С. 43.

[32] Там же. С. 48.

[33] *Ухтомский Э.Э.* Из области ламаизма... С. 73.

цухтхауза (каторжной тюрьмы. – *А.П.*), за бедность против богатства..., – провозглашал Сыромятников в 1901 г. в своём программном произведении "Опыты русской мысли". – Мы сделаемся предводителями бедных материальными благами и богатых духом... Отныне мы не будем защищать грудью Европу от Азии, как защищали её от натиска татар. Мы пойдём заодно с этой Азией, ибо мы нашли себя и обдумали себя»[34].

Отдалённые общины, по мнению русских публицистов, не только ждали помощи от «империи царей», но соединялись друг с другом некой таинственной, исторически обусловленной связью. Характерно, что появление в Северной Персии во время Первой мировой войны Забайкальской казачьей бригады заставило публициста и дипломата В.П. Никитина, занимавшего пост консула в Урмии, вспомнить о монгольских завоеваниях XIII в., когда в эти края вторглись всадники хана Хулагу. Дипломат усматривал в подобном повторении исторических событий проявление «таинственных ритмов Евразии». Буряты (родственники монголов) в составе Забайкальской бригады воспринимали, по его наблюдениям, земли вокруг Урмии как родные места, в чём сказывалось присущее обитателям евразийских степей «свойство духа, как бы сжимающего громадные пространства через уподобление»[35]. Современники могли вспомнить и о связи между двумя регионами в XII в., когда под влиянием миссионеров-несториан часть монгольских племён приняла христианство, породив в Европе легенду о процветающем на Востоке «царстве пресвитера Иоанна»[36].

Определённая «перекличка» между порядками, бытовавшими у ассирийцев, тибетцев и монголов, усиливалась тем, что их жизнь строилась на схожих теократических началах. Главой ассирийской общины являлся патриарх-католикос с наследственным именем Мар-Шимун, располагавший фактически неограниченной властью не только в духовных, но и в светских делах. Во главе Северной Монголии, ставшей важнейшей ареной деятельности барона Унгерна, стоял местный буддийский первоиерарх Богдо-гэгэн Джебцзундамба-хутухта VIII, считавшийся перерождением одного из потомков Чингисхана. В 1911 г., когда страна объявила о своей независимости от Китая, Богдо-гэгэна провозгласили светским правителем Монголии – Богдо-ханом («великим ханом»)[37]. По мнению Л.А. Юзефовича, барон в ходе его перемещений по территории Евразии вполне мог заметить сходство организации общественно-политической и духовной жизни в двух регионах[38]. В целом же к 1914 г. общественное созна-

---

[34] Цит. по: *Репников А.В.* С.Н. Сыромятников... С. 107.

[35] См.: *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни... С. 98–99. О В.П. Никитине см.: *Сорокина М.Ю.* Василий Никитин: свидетельские показания в деле о русской эмиграции // Диаспора: новые материалы. Вып. 1. Париж; СПб., 2001.

[36] См.: *Кычанов Е.И.* Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. Вып. 26(89). Л., 1989. С. 76–85. Интересно, что Дальний Восток и Персия оказались примечательным образом связаны и в биографии Сыромятникова. Совершив в конце XIX в. по поручению правительства две поездки на Дальний Восток (в 1897 г. – в Китай, Корею и Японию, в 1898 г. – на север Кореи), журналист-разведчик в 1900 г. был командирован на берега Персидского залива для сбора информации, способной «помочь проникновению русских товаров в Южную Персию и Месопотамию». Состоя в 1904–1905 гг. чиновником особых поручений при наместнике на Дальнем Востоке, Сыромятников в эти годы совершил ещё одну поездку в Персию (*Репников А.В.* С.Н. Сыромятников... С. 95–97, 100).

[37] *Кузьмин С.Л.* Концепция великоханской власти и теократическая государственность Монголии в XX веке // Научный диалог. 2016. № 9(57). С. 136–148.

[38] *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни... С. 97.

ние России было насыщено представлениями о предстоящей ей миссии и об особых ценностях народов Востока, которые станут её союзниками. В подобной атмосфере и происходило духовное становление Унгерна, чья деятельность оказалась одной из последних попыток реализации данных идей.

О формировании взглядов будущего военачальника и его жизни до того, как он возглавил Азиатскую дивизию, известно мало. В годы учёбы и в начале своей службы он постоянно держал при себе и читал различные философские сочинения. В семье жила память о его прапрадеде, который путешествовал в Индию и якобы принял там буддизм. Отец будущего «самодержца пустыни», геолог по профессии, участвовал в экспедициях в Турцию и Персию. Родственником Унгерна был философ Г. фон Кейзерлинг, увлекавшийся духовными учениями Востока. Ещё в детстве барон познакомился с эстонцем К. Тыннисоном, ставшим впоследствии известным деятелем европейского буддизма. По одной из версий, их знакомство произошло в доме кн. Ухтомского в Петербурге, который Унгерн мог посещать в 1890-х гг.[39] Нельзя забывать, что в то время в российских и европейских интеллектуальных кругах наблюдался всплеск интереса к буддизму, духовным учениям Востока и разного рода теософским течениям[40].

Поступив на военную службу, Унгерн с самого начала стремился на Дальний Восток. В 1905 г. он пошёл в армию добровольцем, дабы участвовать в войне с Японией (но принимал ли реально участие в боевых действиях, неизвестно). Закончив училище, барон в 1908 г. определился офицером в Забайкальское казачье войско, много путешествовал по Монголии, близко ознакомился с обычаями и культурой монголов, выучил монгольский, бурятский и китайский языки. После того как в Китае в 1911 г. свергли монархию, Унгерн попытался вступить в монгольскую армию и принять участие в военных действиях против китайцев, которые он воспринимал как борьбу монархистов против сторонников республиканских начал. В целом, в силу особенностей своей биографии к концу 1910-х гг. барон был готов к тому, чтобы не только выступить против революции и республиканизма, но и обосновать свою позицию аргументами идеологического и религиозно-мистического характера.

Возглавляя Азиатскую дивизию, выступая против большевиков в Забайкалье, Унгерн в своих документах и высказываниях не раз декларировал монархические убеждения, заявляя, что, «как Земля не может быть без Неба, так и государства не могут быть без царей». Монархию он желал восстановить на идеократической основе и в максимально патриархальной форме. По его мнению, царь «должен стоять вне класса», «должен опираться на аристократию и крестьянство, каждый из этих классов без другого жить не может. Другое дело, буржуазия – она способна только сосать соки из государства». Идеалом для него являлось «соединение божества с человеческой властью, как были богдыхан в Китае, Богдо-хан в Халхе и, в старое время, русские цари»[41].

Подобно «восточникам», «самодержец пустыни» крайне критически относился к западной цивилизации, особенно после событий Первой мировой войны и русской революции. «Запад дал человеку науку, мудрость и могущество,

---

[39] *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна... С. 20–26, 30, 32, 373. *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни... С. 78, 86, 396. *Sunderland W.* Op. cit. P. 29, 41, 80.

[40] *Sunderland W.* Op. cit. P. 106–108.

[41] *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна... С. 389, 380. Халха – Северная («Внешняя») Монголия со столицей в Урге.

но он дал в то же время безверие, безнравственность, предательство, отрицание истины и добра», – писал Унгерн вождям казахского народа, которых как потомков кочевников намеревался привлечь к совместной борьбе против большевиков[42]. Главную причину бед, постигших Россию, он видел в том, что «революционная буря с Запада глубоко расшатала государственный механизм, оторвав интеллигенцию от общего русла народной мысли и надежд». Унгерн пытался противопоставить этому принципы, на которых основывалась жизнь восточных народов, прежде всего – буддистов. По словам Л.А. Юзефовича, «Монголия представлялась ему гигантским историческим заповедником, где люди сохраняют не только рыцарские добродетели, но и давно утраченные на Западе навыки общения с потусторонним миром»[43].

Подобные воззрения довольно точно соответствовали той совокупности идей, которые вырабатывались в среде «восточников» и в ходе взаимодействия России с различными этноконфессиональными группами на Востоке. Однако если идеологи рубежа столетий предполагали, что «империя царей» превратится в защитника и покровителя восточных народов, обновившись от соприкосновения с присущей им патриархальной простотой, то Унгерн, по свидетельству его современника, напротив, ожидал, что «освобождённая Монголия может спасти Россию от коммунистического разрушения»: «в противоположность многим, считавшим, что рука помощи может быть протянута нам с запада, он базировался на восток». Командующий Азиатской дивизией считал, что «большевизм не может развиться у кочевников», поскольку «у них психология совсем другая, чем у белых (т.е. представителей белой расы. – *А.П.*), у них высоко стоит верность, война, солдат – это почётная вещь, и им нравится сражение». «Я высоко ценю монгольский народ, – говорил барон европейским собеседникам, посещавшим его на Дальнем Востоке, – и на протяжении нескольких лет имел возможность убедиться в честности и преданности этих людей»[44].

Наблюдая за разворачивавшимися в России событиями, Унгерн всё сильнее убеждался в том, что она утратила право на роль «старшего брата». Ещё в Урмии, участвуя в формировании ассирийских дружин, Унгерн и его будущий соратник по Гражданской войне Г.М. Семёнов надеялись повлиять на стремительно разлагавшуюся армию, пристыдив солдат живым примером «инородцев», сражающихся за «русское дело». Впоследствии, в советском плену, барон даже утверждал, что славяне неспособны к государственному строительству, и на смену им придут восточные народы[45]. В повседневной жизни потомок остзейских рыцарей во многом обрёл «восточный» облик – ходил в монгольском одеянии, состоял в браке (правда, недолго) с маньчжурской принцессой, с почтением принял от Богдо-гэгэна после освобождения Урги традиционные монгольские титулы, усердно посещал буддийские монастыри и щедро жертвовал на них деньги, считался с предсказаниями лам, поддерживал контакты с далай-ламой. При чрезвычайно пёстрой по национальному составу Азиатской дивизии находились буддийские монахи, мулла, православный священник.

---

[42] Цит. по: *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни... С. 393.

[43] Там же. С. 404.

[44] Цит. по: *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна... С. 191–192; *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни... С. 175.

[45] *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна... С. 71; *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни... С. 107, 331.

В ней отмечались различные национальные и религиозные праздники, русские офицеры в обязательном порядке изучали монгольский язык[46].

Веря, что спасение России и Запада придёт с Востока, Унгерн планировал возродить наследие Чингисхана – евразийскую империю кочевых народов под властью маньчжурской династии. Изгнание из Урги китайских республиканцев и возвращение власти Богдо-гэгэну мыслилось бароном как первый шаг в этом направлении. Считая, что всем «племенам монгольского корня» надо объединиться «в одно могущественное Срединное царство», Унгерн разослал несколько десятков писем – высокопоставленным ламам (включая далай-ламу), маньчжурским и китайским генералам-монархистам, располагавшим реальной властью на севере Китая, малолетнему Пу И, монгольским князьям, казахским ханам Алтая, лидеру партии «Алаш», потомку Чингизидов А.М. Букейханову[47]. Как отмечают Юзефович и Сандерлэнд, план Унгерна представлял собой своего рода «вывернутую наизнанку» советскую интернациональную утопию, основанную на принципах не пролетарской, а монархической и традиционалистской солидарности. «Я рад умереть за восстановление монархии хотя бы не своего государства, а другого», – заявлял барон. Неудивительно, что значительная часть Белого движения и эмиграции отнеслась к планам Унгерна отрицательно, усмотрев в них предательство национальных интересов России – подобно тому, как за 15–20 лет до этого русские консерваторы отвергли построения Ухтомского и Сыромятникова[48].

Анализируя взгляды «самодержца пустыни», историки не раз подчёркивали их экстравагантный, зачастую фантастический характер. Между тем эти воззрения во многом являлись закономерным результатом развития некоторых направлений русской общественной мысли. Намерение помочь отдалённым угнетённым общинам Востока, хранящим патриархальные добродетели, постепенно дополнялось стремлением найти в их среде источник нравственного обновления России. Грандиозные катаклизмы начала XX в. – Первая мировая война и революция – лишь усилили эту тенденцию, порою придавая ей утрированную форму. Одним из самых ярких её проявлений и стали мечты Унгерна о возрождении евразийской империи кочевников.

---

[46] *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна... С. 81, 84, 87, 113, 241, 243, 361, 375–379. Всё это не позволяет согласиться со словами У. Сандерлэнда о том, будто бы в русском обществе на рубеже XIX–XX вв. господствовало презрение и пренебрежение к народам Азии, которые воспринимались как низшая раса (*Sunderland W.* Op. cit. P. 55–57). Сам Сандерлэнд приводит многочисленные примеры межрасовых контактов, включая браки, констатирует чрезвычайно доброжелательное отношение русских востоковедов к азиатским народам и т.д.

[47] *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна... С. 393–395; *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни... С. 392–393; *Кадырбаев А.Ш.* Идея панмонголизма от атамана Семёнова и барона Унгерна до её краха // Mongolica-XI. Сборник научных статей по монголоведению. СПб., 2013. С. 23–25.

[48] *Sunderland W.* Op. cit. P. 221; *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни... С. 358, 384–385.

Владимир Аракчеев

Рец. на: Б.Н. Флоря. Лекции по русской истории. М.: Древлехранилище, 2021. 544 с.

Vladimir Arakcheev
(Russian state archive of ancient acts; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: B.N. Florya. Lektsii po russkoy istorii. Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S0869568722060206, **EDN**: MOBKIH

Выход в свет сборника лекционных курсов выдающегося российского историка, члена-корреспондента РАН Б.Н. Флори, прочитанных им в период работы в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова в 1994–2021 гг., – незаурядное явление в отечественной историографии второй половины XX – начала XXI в. Традиция издания авторизованных лекций ушла в прошлое сразу после революции 1917 г.; последним опытом такого рода стала публикация курса М.К. Любавского по истории западных и южных славян[1]. Символично, что возобновление этой традиции связано с творчеством крупнейшего современного славяноведа, научного наследника и продолжателя Любавского.

Публикация курса лекций была бы невозможна без сотворчества его учеников, объединивших собственные конспекты и рабочие записи в единый текст, авторизованный Б.Н. Флорей. Сохранившие некоторые повторы и шероховатости, свойственные устной речи, лекции передают ни с чем не сравнимое биение мысли учёного. Всем хорошо известны его статьи, выходившие в научной периодике с начала 1970-х гг., выводы и открытия которых в малой степени были явлены в его предыдущих трудах по русской истории. Отрадно, что в лекционных курсах даже без ссылок можно узнать контуры интерпретаций и открытий историка, которые во многом определяли ход исследований русского феодализма в позднесоветское и постсоветское время.

Сборник открывается лекциями по истории средневековой Руси. Частично они повторяют содержание разделов, написанных Флорей для вузовского учебника, но хочется отметить наиболее значимые расхождения с последним[2]. Рассуждая о характере формировавшихся у восточных славян протогосударственных структур, автор апеллирует к исследованиям по истории раннегосударственных объединений западных славян – поморских племенных союзов, а также чехов. Обнаруживая несомненные параллели в территориальной организации славян (например, размещение князя в отдельном от племенного «града» укреплённом поселении), Флоря строит несколько иную объяснительную модель, нежели в раннем учебнике, где предназначение дружины объяснялось необходимостью изымать ограниченный по объёму прибавочный продукт у сплочённых славянских объединений[3].

В курсе лекций особо отмечено отсутствие в Киевской Руси «сколько-нибудь развитых частнособ-

ственнических отношений», что придавало исключительную роль в системе власти княжеской дружине и обеспечивавшей её «служебной организации» (с. 43–44). Таким образом, место экономических отношений в описании древнерусского общества заняли отношения потестарные. Заслуживают самого пристального внимания суждения автора о сущности древнерусской верви, которую он соотносит с выявленной польскими и чешскими историками сельской общиной, окружавшей княжеские грады (с. 45).

Общество средневековой Руси XIV–XV вв. автор лекционного курса склонен считать феодальным социумом, что идёт вразрез со сложившейся в современной историографии тенденцией избегать упоминания о феодализме в России. Основными противостоящими классами русского общества он считает феодалов, земельных собственников, с одной стороны, и «сидящих на их земле крестьян» – с другой. Вместе с тем Флоря указывает на существенные отличия феодализма в пост-каролингской Франции и русских землях, где объём иммунитетных привилегий светских землевладельцев был незначительным и не представлял угрозы государственному единству (с. 106–107).

Существенно отличавшееся от русского общество сложилось и в Великом княжестве Литовском, где местная шляхта обладала широкими сословными правами, что позволяет типологизировать это государство как сословно-представительную монархию. В то время как в Литве по привилею 1447 г. владения рыцарского сословия были освобождены от уплаты постоянных налогов, светские и церковные землевладельцы на Руси, как правило, оставались в сфере государственного фиска, что препятствовало их превращению в самостоятельную политическую силу (с. 110, 174). По мнению Флори, в XVI в. на новом этапе развития России централизаторская политика великих князей, сопровождавшаяся унификацией положения отдельных социальных групп, привела к их интеграции и складыванию сословий (с. 138).

Подробное перечисление повинностей крестьян новгородским помещикам в писцовых книгах рубежа XV–XVI вв. автор обоснованно считает показателем того, что эти повинности устанавливались государственной властью, и помещик не имел права произвольно их изменять (с. 122). В отличие от трактовки в учебнике 2006 г., где Флоря допускал издание в 1592 г. всеобщего указа о закрепощении[4], в рецензируемом сборнике в соответствии с новейшими исследованиями процесс закрепощения увязывается с распространением режима заповедных лет на всю территорию страны (с. 155).

Второй лекционный курс посвящён истории Новгородского государства и общества в IX–XV вв. Во вступительных замечаниях Флоря отдаёт должное основополагающим трудам В.Л. Янина, которые, по его словам, охватили «едва ли не все аспекты развития новгородского общества и государства». Свою же задачу автор видит в решении вопроса о характере новгородской государственности и «определении её специфики путём сравнения с другими современными ей политическими структурами» (с. 183). Однако в реализации этой задачи автор достаточно самостоятелен, причём самостоятелен настолько, что отказывается от ряда основополагающих идей и концепций Янина, предлагая собственные.

Прежде всего, Флоря не принимает концепцию Янина о несущественном значении для Новгорода событий 1136 г., связанных с изгнанием Всеволода Мстиславича. Как известно,

суть этой концепции состоит в том, что серией договоров между князьями и Новгородом 1117–1132 гг. были достигнуты соглашения о пожизненном княжении Всеволода в Новгороде, создании совместного суда князя и посадника, без санкции которого князь не имел права выносить окончательное решение. Запрет князю владеть вотчинами на территории Новгородской земли привёл к выделению Всеволоду домениальных земель из числа северных смоленских волостей (от Холмского погоста и Ляхович до Жабны), которые в дальнейшем должны были стать источником дохода для князей, принадлежащих к потомству Мстислава Владимировича. Таким образом, в трактовке Янина арест и изгнание Всеволода в 1136 г. не имели революционного значения, поскольку первый этап государственного переустройства Новгорода к этому времени уже завершился[5].

Частично Флоря признаёт результаты исследования Янина, подчёркивая, что в отличие от 1132 г. события 1136 г. не имели переломного значения, но это заявление обесценивается другими суждениями автора. Флоря не упоминает о существовании домениальных княжеских земель в составе новгородских территорий, из чего следует, что янинскую концепцию княжеского домена он не принял. С этим связана и иначе решаемая автором проблема утраты новгородскими князьями прерогатив распоряжения землями и доходами. Вопреки исследованиям Янина, доказывавшего, что грамота Изяслава Мстиславича о пожаловании Пантелеимонову монастырю села Витославицы была выдана в 1134 г., поскольку испрашивалась им у веча из состава республиканских земель, Флоря датирует документ временем великого княжения Изяслава (1146–1155). С точки зрения автора, новгородские князья утратили прерогативы распоряжения землями и доходами после 1137 г., когда Святослав Ольгович наделил епископскую кафедру десятиной от даней в погостах Прионежья и Заволочья. Впоследствии доходы на содержание княжеского двора выделялись князю лишь на время обладания новгородским столом и представляли собой кормления в волостях, где, по мнению Флори, не предусматривался совместный суд представителей Новгорода и князя (с. 207, 211–213).

Флоря существенно дополнил концепцию Янина о концентрации собиравшейся в волостях дани в руках новгородского боярства, показав, что экспедиции за данью возглавляли не всегда бояре, а «собранная дань в той или иной мере распределялась между членами общины». Это обеспечивало новгородским властям поддержку со стороны последней (с. 221). Не поддержал автор и мнение Янина об утверждении независимости Пскова от Новгорода в 1137 г.[6], отмечая черты федеративной организации Новгородской земли, в составе которой вплоть до начала XIV в. оставался и Псков (с. 222).

В курсе лекций предложено принципиально новое решение проблемы соотношения городских концов и сотен, в чём Б.Н. Флоря следует за В.О. Ключевским. Последний полагал, что сотни, будучи частью тысячи как «рекрутские округа» в военное время, одновременно «складывались в более крупные союзы – концы» таким образом, что «каждый городской конец состоял из двух сотен»[7]. Флоря развил эту гипотезу, показав на материале договоров Новгорода с князьями, что простые новгородцы «одновременно принадлежали к кончанско-уличанской организации и входили в состав сотен» (с. 229).

Новаторской по постановке вопроса является девятая лекция, по-

священная возникновению системы феодального землевладения и трансформации федеративной структуры Новгородского государства в XIV–XV вв. Флоря акцентирует внимание на том, что с началом формирования крупного боярского землевладения возникла опасность поглощения новгородскими боярами свободного земельного фонда, что вело к усилению местного сепаратизма и как успешных, так и безуспешных попыток обособления городов и волостей.

Представляется, однако, что тенденции распространения боярских вотчин существовали не повсеместно, а если имели место, то проявлялись по-разному. Так, нет явных следов проникновения новгородских бояр на территорию Псковской земли; имевшаяся же в Пскове вотчина новгородского владыки благополучно существовала там и в период независимости Пскова от Новгорода[8]. Рассматривая борьбу Москвы и Новгорода за Двинские земли, автор упустил из вида факт чересполосного владения Двиной князьями северо-восточной Руси и Новгорода: именно наличие переходивших под суверенитет великого князя московского «ростовщин» и «белозерщин» давало ему право посягать на Двинские земли в целом.

Проблема разрастания боярского землевладения является центральной и для десятой лекции, посвящённой взаимоотношениям Новгорода с князьями в XIV–XV вв. Указывая на уменьшение доходов великого князя, Флоря ставит практику приглашения на службу в Новгород литовских князей в связь с нарушением новгородскими властями «одной из основных норм отношений» с князьями северо-восточной Руси. С точки зрения автора, эта практика нарушала те статьи докончаний, согласно которым посадник не мог раздавать волости без князя (с. 261).

Однако исследователь упустил из вида два обстоятельства. Во-первых, в новгородско-княжеских докончаниях были поимённо перечислены те волости, в которых сидели великокняжеские тиуны или имелось княжеское хозяйство: Торжок, Волок, Руса, Взвад, Ладога. Ни Орешек, ни Корела, ни Копорье, ни другие городки с округой, передававшиеся в кормление Наримонту и другим литовским князьям, не подпадали под запрет их «держания» кем-либо. Во-вторых, как показал Янин, половина Копорья находилась в держании белозерских князей, в свою очередь выступавших в качестве наместников великих князей московских. Да и литовские по происхождению князья, в частности Юрий Лугвеньевич, нередко получали кормления в Новгороде, прибывая туда из Москвы и получая санкцию великих князей московских[9]. Предоставление Русы и Ладоги в кормление Патрикею Наримантовичу следует признать эксцессом и следствием конфликта Новгорода с Дмитрием Донским, разрешённым походом 1386 г. Сказанное означает, что практика приглашения служилых литовских князей в Новгород соответствовала букве и духу московско-новгородских договоров.

Флоря верно говорит о прекращении в начале XV в. межкончанских конфликтов, потрясавших Новгород до 1421 г., но вместе с тем акцентирует внимание на летописной записи 1445 г. об отсутствии в Новгороде «правды» и «правого суда», считая это обстоятельство роковым для дезинтеграции республики (с. 265–266). Представляется, однако, что эта летописная ремарка выражала со свойственным летописцу риторическим преувеличением беспокойство властных кругов об эффективности суда. Ещё в 1420-х гг. была предпринята попытка включить осуждающие открытые вооружённые конфликты нормы

права в Новгородскую судную грамоту, что переводило их в плоскость судебного процесса.

Редактирование Новгородской судной грамоты дьяками великого князя было осуществлено уже после приведения Новгорода к покорности в результате военного столкновения 1471 г. Возглавившие судебную коллегию представители великого князя и сам Иван III во время «похода миром» в 1475–1476 гг. привели Новгород к подчинению, используя помимо вооружённой силы юридические процедуры.

Сравнительно-историческое исследование Новгородского государства в ряду современных ему политических образований привело Флорю к выводу о типологическом сходстве между Новгородом и Чехией послегуситского периода. Обнаруживая аналогии в структуре землевладения и общественном делении, а отличия в составе и функциях высших органов власти, автор делает неожиданный вывод о Новгородском государстве XIV–XV вв. как о находящемся в процессе формирования сословно-представительной монархии (с. 273–274). В обширной историографии средневекового Новгорода подобная терминология не применялась, однако вывод выглядит логичным и обоснованным.

Заключительные лекции посвящены инкорпорации Новгорода в состав Русского национального государства и положению новгородских земель в нём в первой половине XVI в. Не со всеми положениями автора можно согласиться: вряд ли справедлива характеристика Двинских земель, захваченных новгородским боярством, как «великокняжеского домена» (с. 300). В новейших работах показана сложная структура этих земель, многие из которых переходили под власть великого князя вместе с их владельцами, ростовскими князьями, приобретая статус великокняжеских слобод, которыми управляли наместники из числа их бывших владельцев[10]. Однако в целом в спецкурсе содержится детальное и одновременно масштабное описание истории Новгородского государства и общества IX–XV вв.

Спецкурс по истории Рязанской земли в XII – начале XVI в. ставит целью показать глубокое своеобразие этого государственного образования, отличительная особенность которого состояла в более низком, чем в большинстве княжеств северо-восточной Руси, уровне хозяйственного освоения территории. Именно этим автор объясняет слабое развитие светского вотчинного землевладения, почти полное отсутствие судебного и особенно податного иммунитета у светских и церковных вотчинников, а также значительный удельный вес промыслового хозяйства в структуре экономики (с. 370–384).

Спецкурс «Россия и Тридцатилетняя война» представляет собой детальный анализ дипломатических хитросплетений в Восточной Европе 1620–1630-х гг., когда правительство Филарета чуть ли не впервые попыталось на практике решать внешнеполитические задачи в контексте международных отношений. Автор показывает ход событий и мотивы принятия ошибочных решений, главной причиной которых стал дефицит достоверной информации у московских правителей. Расчёты на масштабный внутриполитический кризис и «бескоролевье» в Речи Посполитой в 1632 г. оказались глубоко ошибочными; столь же неверными были сведения о намерении Запорожского войска выступить против польских властей в союзе с Русским государством.

Исключительный интерес представляет спецкурс «М.С. Грушевский и современная украинская историо-

графия». Автор анализирует ключевые проблемы истории Украины, среди которых особо следует выделить феномен казацких объединений, которые Грушевский называл «казацкой республикой», основанной на принципах «народовластия». Флоря показывает, что «народовластие» в казацких поселениях было формой догосударственной организации общества. Казачество, занятое военной службой, претендовало на права и привилегии дворянства и успешно абсорбировало в свой состав разорившихся шляхтичей, которые занимали порой лидирующие позиции в Запорожском войске, подобно гетману Сагайдачному (с. 454–456). Отсюда вытекает логичный вывод о неизбежности перерождения казацкой верхушки в новое дворянство, что и произошло с украинской старшиной в XVIII в. Автор исследует представления об этнической самоидентификации восточных славян в XVII в.; показывает, что наряду с интеграционной тенденцией, в соответствии с которой «воссоединялись» отделённые политическими границами фракции единого «русского народа», в политическом сознании нарастала дифференционная тенденция представлений о двух родственных, но различных народах (с. 457–458).

Флоря объясняет, что в середине XVII в. препятствовало сохранению самостоятельного украинского государства. Невзирая на определённую близость польского шляхетства и верхушки украинского казачества, интеграция «Великого княжества Русского» (Гетманства) в политическую структуру Речи Посполитой оказалась невозможна из-за категорического несогласия массы рядового казачества и казацкой верхушки вернуть земельные владения польским магнатам и шляхте (с. 462–464). Немаловажную роль в умалении украинского влияния на русскую культуру оказала и европеизация России при Петре I, ибо в начале XVIII в. Украина утратила значение своеобразного «моста» между западноевропейским миром и Россией. Последняя получила непосредственный доступ к достижениям европейской культуры, что перевело, в частности, малороссийский язык, по выражению Грушевского, в разряд «провинциализма, не имеющего никакой будущности» (с. 472).

Перерастает по научной значимости свою тему и заключительный спецкурс «Государство и церковь в России XVI – начала XVIII в.». Флоря подчёркивает кардинальные отличия положения католической Церкви на Западе от православной Церкви в России. Если в католическом мире уже в XII–XIII вв. все дела, касавшиеся духовных лиц, должны были рассматриваться лишь в архиерейском суде, а Латеранский собор 1215 г. провозгласил освобождение церковных земель от налогов и повинностей в пользу государства, то в России с 1551 г. началась последовательная борьба с иммунитетными привилегиями Церкви (с. 495, 512).

Автор показывает, как Церковь боролась за укрепление своего положения в XVI в., какую важную роль сыграли её иерархи в выходе страны из политического кризиса в 1547–1549 гг. (с. 502). Однако зависимость от власти привела к её упадку в годы развала государственного аппарата в период Смуты. Флоря показывает бессилие церковных иерархов в начале XVII в., когда ни ростовский митрополит, ни коломенский и тверской епископы, ни сам патриарх Гермоген оказались не в силах воспрепятствовать отрядам самозванцев или бунтующему плебсу грабить или низлагать царя (с. 486–488).

Упадок авторитета Церкви проявился и в пренебрежении её интересами со стороны правящей элиты:

духовенство не принимало участия в приговоре 30 июня 1611 г., не упоминалось в коллективных челобитных 1648 г., не участвовало в работе «ответной палаты», обсуждавшей текст Соборного уложения 1649 г. (с. 489, 503). Закономерным в этом контексте представляется полное подчинение Церкви государству в первой четверти XVIII в.

К сожалению, тексты лекций оказались несвободны от некоторых досадных ошибок, ставших следствием неверного понимания прочитанного слушателями и не исправленных при авторизации лекций. Так, известная из Русской Правды счётная денежная единица гривна кун приравнивалась по стоимости не к «шкурке куницы» (с. 41), а к 25 кунам, каждая из которых соответствовала шкурке куницы. Войска княжеской коалиции осаждали Новгород не в 1169, а в 1170 г. (с. 62).

В заключение следует отметить наиболее продуктивную идею, «пронизывающую» лекционные курсы Б.Н. Флори. В отечественной историографии 1970–2010-х гг. имелся опыт компаративных исследований древней и средневековой Руси. Наиболее известными были ранние работы И.Я. Фроянова, в которых проводились параллели между древнерусскими «городами-государствами» и полисами Древней Греции и даже Северной Африки, и эскизы С.М. Каштанова, сопоставившего Московскую Русь XVI в. с Каролингской империей[11]. Вступавшие в неустранимые противоречия с фактами, оба подхода оказались ещё менее продуктивными, чем более ранняя и известная концепция Н.П. Павлова-Сильванского.

Осуществлённые Флорей сопоставления положения дел в древнерусских государствах и в государствах западных славян оказались поразительными по своим результатам, благодаря которым ему удалось построить наименее противоречивую модель истории средневековой Руси и её перехода к России раннего Нового времени. Сборник лекционных курсов Б.Н. Флори послужит источником продуктивных идей и разработок для представителей нынешней генерации историков-русистов и сохранит немаловажное учебно-педагогическое значение для подготовки студентов-историков.

Примечания

[1] *Любавский М.К.* История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). Лекции. М., 1917. С. 5, 241–251.

[2] История России с древнейших времён до конца XVII века. Учебное пособие / Под ред. Л.В. Милова. М., 2006.

[3] Там же. С. 82.

[4] Там же. С. 412.

[5] *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 46–56.

[6] Там же. С. 58.

[7] *Ключевский В.О.* Сочинения в 9 т. Т. 2. М., 1987. С. 63.

[8] *Arakcheev V.A.* The Evolution of State Institutions of the Republic of Pskov and the Problem of its Sovereignty from the Thirteenth to Fifteenth Centuries // Russian History. 2014. № 41. P. 423–439.

[9] *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 223–228.

[10] *Аракчеев В.А.* Новый источник по истории великокняжеской политики в северорусских землях в третьей четверти XV в. // Российская история. 2011. № 4. С. 178–184.

[11] *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 265–268; *Каштанов С.М.* Московское царство и Запад: Историографические очерки. М., 2015. С. 439–445.

Юрий Эскин

Рец. на: А.Ю. Кабанов, Я.Н. Рабинович. «Прямые» и «кривые» Смутного времени в России. М.: Квадрига, 2022. 506 с.

Yuriy Eskin
(Russian state archive of ancient acts, Moscow)

Rec ad. op.: A.Yu. Kabanov, Ya.N. Rabinovich. «Pryamye» i «krivye» Smutnogo vremeni v Rossii. Moscow, 2022

DOI: 10.31857/S0869568722060218, **EDN**: MOESWX

Книга очерков отсылает своим названием к знаменитой работе И.Е. Забелина. Правда, последняя ставила целью полемику против мнения Н.И. Костомарова, пропагандировавшего взгляд на героев Смуты – К. Минина и кн. Д.М. Пожарского (тогда новаторский) как на посредственностей, вынесенных наверх волной социально-политических бурь. Забелину удалось доказать, что судьба избрала для победы над хаосом гражданской войны личности далеко не заурядные. Книга А.Ю. Кабанова и Я.Н. Рабиновича обращена к рассмотрению биографий менее заметных деятелей Смутного времени, фигурам «второго» и даже «третьего» и «четвёртого» ряда. В связи с 300-летием окончания Смуты и в предчувствии громов новой смуты между 1905 и 1917 гг. было открыто и издано множество источников, появились два капитальных труда С.Ф. Платонова, защитили диссертации П.Г. Любомиров и Г.А. Замятин[1]. Далее, вплоть до 1980-х гг., историография событий начала XVII в. сводилась к рассмотрению проявлений классовой борьбы, в русле которой была сконструирована из деталей гражданской войны «Первая крестьянская война», но появились, однако, и достойные работы И.И. Смирнова и И.С. Шепелева[2] (последний исследователь – единственный со времён Костомарова и Платонова вышел за рамки «болотниковского» периода и исследовал события борьбы сторонников Шуйского и тушинцев). С 1980-х гг. в историографии возрастал интерес к первой в нашей истории гражданской войне, определение которой утвердилось благодаря работам Р.Г. Скрынникова и А.Л. Станиславского[3].

На рубеже XX–XXI вв. усилился интерес к личности в истории, и исследователи стали чаще обращаться к периоду Смуты. Это заметно и по появившимся в последние 30 лет многочисленным биографиям, основанным на вновь выявленных источниках и новом прочтении известных. Как указал автор послесловия к рецензируемой книге А.А. Кузнецов, «личности в массовом порядке выходят на историческую сцену России примерно в 1608–1609 гг.». В состав важнейшего инструментария входит просопографический метод[4].

Книга делится на разделы, в какой-то степени отвечающие градации И.Е. Забелина. Но, помимо «прямых» и «кривых», имеется и третий раздел – «Атаманы» (последние, по мысли авторов, видимо, не относятся к главным группировкам, а являются носителями общего хаоса гражданской войны). В первом разделе представлены биографии С.Е. Отрепьева, П.И. Секирина, М.И. Соловцова, С.Л. Татищева, кн. Ф.И. Мерина-Волконского, Д.С. Змеева, Ф.В. Левашова. Во втором – «кривые» кн. Ф.Т. Черново-

Оболенский, Ф.К. Плещеев, Г.Н. Орлов, дьяк Н.М. Шульгин. «Атаманы» представлены биографическими очерками о казачьих предводителях А.З. Просовецком, В. Хромом, М. Козлове и А. Коломне.

Первый очерк в разделе «Прямые» посвящён весьма своеобразному деятелю эпохи, которого я бы с такой лёгкостью не включил в указанную группу, – Никите Смирному Елизарьевичу Отрепьеву, родному дяде Лжедмитрия I. Все помнят только один эпизод его биографии, когда Борис Годунов послал его в Польшу, чтобы тот изобличал в самозванстве своего племянника. Однако и дальнейшая его судьба полна приключений. Отрепьевы стали нежелательны при дворе самозванца. Лжедмитрий I не был жесток, чем и можно объяснить, что его прежние родственники как нежелательные свидетели остались живы, отправившись в Сибирь на службу. Видимо, Василий Шуйский ценил дипломатические способности Смирного, так как отправил его с ратификацией Выборгского мира в Швецию. Там посольство настигла весть о свержении Шуйского, после чего Отрепьев осел в занятом шведами Новгороде, присягнул Карлу-Филиппу и служил в местной администрации, получив максимальный для Новгородчины поместный оклад.

Когда появилась новая политическая сила, Второе ополчение, Отрепьев в составе посольства Новгородского государства вёл переговоры с Мининым и кн. Пожарским в Ярославле. В целом они оказались успешны, стороны согласились с пунктами об обязательном принятии претендентом на престол православия и приезде его в страну. Кн. Пожарский действительно был сторонником приглашения на престол иностранного, высокородного и не связанного с местными боярскими кланами принца, причём знал, что протестанту присоединиться к православию легче, чем католику. К тому же королевич, почувствовав вкус самодержавной власти, в условиях раздиравшей дом Ваза взаимной вражды независимостью России никогда бы не поступился. Успешно выполнивший миссию и награждённый, Смирной стал вторым воеводой в Старой Руссе. Дождавшись венчания Михаила Фёдоровича на царство, он перешёл на московскую сторону. В Москве его приняли хорошо, тем более что ему удалось сохранить дары, переданные шведским королём ещё Василию Шуйскому, и вручить их царю Михаилу. Отрепьев стал воеводой в стратегически важном Можайске, где в 1614 г. и умер.

Авторы использовали весь опубликованный на сегодняшний день материал – вплоть до недавно ставших доступными трудов Г.А. Замятина, новейших работ А.А. Селина, а также неопубликованных документов шведских архивов. Думается, им следовало бы высказать мнение и по поводу гипотезы о родстве Отрепьевых и Шестовых: её доказанность проливала бы свет на связь костромских и галицких землевладельцев (помимо известных клиентских отношений Отрепьевых с Романовыми).

Один из очерков в разделе «Кривые» посвящён Григорию Никитичу Орлову, известному прежде всего своим изменническим поступком. Именно он провёл польско-литовские подкрепления в осаждённый Мининым и кн. Пожарским Кремль. В XIX в. был обнаружен ещё один не красящий его факт: Григорий Никитич пытался получить у «Семибоярщины» часть поместий «изменившего» кн. Пожарского. Герой очерка удостоился даже киновоплощения – в знаменитом фильме В. Пудовкина «Минин и Пожарский» показан непримиримый моральный конфликт, воплощённый

двумя великими советскими актёрами Б. Ливановым (патриот Пожарский) и Л. Свердлиным (приспособленец и изменник Орлов).

Авторам очерка пришлось провести сложную работу, знакомую многим исследователям биографий русских людей допетровской эпохи, – удачно «разделить» сведения о двух полных тёзках – Орловых, действовавших почти синхронно. Далее продолжилась сложная и увлекательная работа по идентификации с их героем отрывочных и случайных известий разных источников. В результате была реконструирована карьера одного из интереснейших «кривых». Его «подвигу» – проводу 600 венгерских гайдуков в Кремль – посвящена целая глава «Нового летописца», автор которого явно стремился разделить всех деятелей Смуты на «хороших» и «плохих». Однако Григорий Никитич сравнительно благополучно вышел из перипетий Смуты. Авторы установили, что после прихода к власти Романовых его отправили воеводой в Пелым, место «ссыльное», но для простого дворянина вполне почётное и сулившее материальные выгоды. В Сибири Орлов провёл около семи лет, успев за это время вернуть отобранное у него ранее суздальское поместье. Вернувшись в Москву, он служил при дворе в чине московского дворянина. Дважды, в 1626–1630 и в 1639–1641 гг., был воеводой в Саратове, где успешно отбивал набеги кочевников и обеспечивал проезды по Волге посольских караванов. В 1632–1635 гг. Григорий Никитич служил воеводой в богатом сибирском ярмарочном центре Мангазее. В промежутках между назначениями он исполнял обязанности при дворе, где неминуемо встречался с кн. Пожарским. Карьера Орлова стала явным подтверждением провозглашённого правительством царя Михаила принципа «обнуления» прежних прегрешений. Орлов пережил кн. Пожарского, в 1649 г. успел купить издание Соборного уложения. Авторам очерка удалось установить ещё один интереснейший факт. В.Н. Татищев, излагая историю Смуты, рассказал о приключении Орлова с проникновением в Кремль, приведя неизвестные подробности. Их можно отнести не на счёт фантазий «отца русской истории», в чём его часто уличали, а на семейные предания. Внучка Г.Н. Орлова была женой Ф.А. Татищева, и, таким образом, приходилась тёткой историку.

Очерк о трёх атаманах, по выражению авторов, «вытолкнутых на авансцену истории», повествует об Афанасии Коломне, Василии Хромом и Макаре Козлове. Они известны в основном по челобитным и верстаниям окладами. Люди, подобные им, являлись типичными порождениями гражданской войны, смешавшей социальные слои. Трудно сказать, на чьей стороне они были до 1612 г., когда твёрдо встали на сторону Ополчения; возможно, служили и Болотникову, и тушинцам. Но в боях под Москвой эти казаки проявили твёрдость и в дальнейшем честно воевали за царя.

Конечно, некоторые герои очерков были персонажами неоднозначными. Например, кн. Ф.И. Мерин-Волконский, причисленный к «прямым», сделал немало для разжигания Смуты. Он участвовал в свержении и насильственном пострижении Василия Шуйского, став прямым клятвопреступником и изменником государю. Участник Второго ополчения, после взятия Москвы он был заподозрен в содействии побегу пленного казначея «Семибоярщины» Ф. Андронова. Многие годы он «закрывал» свои прегрешения военной, приказной и дворцовой службой. Андрей Просовецкий, выходец, вероятно, из западнорусской православной шлях-

ты, долго служил в Тушине, активно подавлял восстания против Лжедимитрия II (в частности, разграбил и сжёг Калязинский монастырь), вёл кровопролитную борьбу с недавним союзником А. Лисовским, принявшим сторону своего короля. После гибели «тушинского вора», по словам авторов, Просовецкий «начал дрейфовать в сторону антипольских сил», став одним из активных соратников П.П. Ляпунова, И.М. Заруцкого и кн. Д.Т. Трубецкого. Однако далее политическое чутьё ему изменило, и он, вероятно, поддержал Заруцкого, почему и попал в опалу при Михаиле Фёдоровиче. Стольник, пониженный до «приказного человека», Просовецкий переводился вместе с братом то на Соловки, то в Соль Вычегодскую, то в Томск, где после успешной экспедиции против киргизов был прощён и повышен до чина московского дворянина. Конечно, эти фигуры вызывают меньше уважения, чем обладатель чётких моральных ориентиров нижегородец Мисюрь Соловцов.

Издание дополняет интересная новинка – хронологический перечень действий и упоминаний всех героев очерков до даты смерти последнего из них, а также именной и библиографический указатели. Следует, однако, заметить, что перечень источников в приложении к книге выглядит слишком пространным, и если это может быть полезно в перечислении неопубликованных документов (их 34 из шведского архива и семь из РГАДА), то список публикаций с подробными описательными статьями документов из известных сборников, занимающий 40 страниц, выглядит излишним.

В целом авторы проделали большую работу, добросовестно использовав все доступные им источники. Достоинством книги является то, что в ней удалось проследить все «послесмутные» биографии героев, на которые события гражданской войны оказали решающее влияние. На ком-то, как на Просовецком, они отразились длительной опалой; кто-то, как С.Е. Отрепьев и Г.Н. Орлов, сумели благополучно реабилитироваться; Ф.К. Плещеев, несмотря на свои прежние «перелёты», сумел вернуться, по меткому замечанию авторов, «в комфортную для себя среду службы» и успешно продолжил карьеру.

Книга завершается очерком А.А. Кузнецова, известного биографа К. Минина, «Личность Смуты». Мне особенно интересно было читать этот текст, поскольку сам я некогда размышлял над этим феноменом начала XVII в. по горячим следам событий 1993 г.[5] С тех пор прошло много лет, и отрадно знать, что «выход на новый уровень постижения Смуты в истории России через изучение устремлений, дел и поступков конкретных людей», по точному определению Кузнецова, состоялся.

Примечания

[1] *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения. 1611–1613 гг. Пг., 1917; *Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616). Юрьев, 1913.

[2] *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова (1606–1607). М., 1951; *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. В 2 т. Волгоград, 2012.

[3] *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988; *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. Л., 1988; *Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008.

[4] *Седов П.В.* Лжедмитрий III // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993; *Козляков В.Н.* Михаил Фёдорович. М., 2004; *Козляков В.Н.* Марина Мнишек. М., 2005; *Козляков В.Н.* Василий Шуйский. М., 2007; *Козляков В.Н.* Лжедмитрий I. М., 2009;

Козляков В.Н. Герои Смуты. М., 2012; *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М., 2009; *Морохин А.В., Кузнецов А.А.* Козьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии М., 2017; *Морохин А.В.* Козьма Минин. М., 2021; *Петрова Н.Г.* Скопин-Шуйский. М., 2010; *Кабанов А.Ю., Семененко А.М.* Ивановский край в Смутное время. Иваново, 2010; *Рабинович Я.Н.* Братья Коробьины на службе России (1603–1639). Саратов, 2014; *Рабинович Я.Н.* Братья Семён и Никита Гагарины: страницы биографии (1610–1640). Саратов, 2015; *Кабанов А.Ю., Рабинович Я.Н.* Смутное время начала XVII века: судьбы участников. Иваново, 2015; *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. В 2 т. СПб., 2018.

[5] *Эскин Ю.М.* Человек Смуты // Знание-сила. 1994. № 2. С. 29–45.

Александр Котов

Анатомия громовержца*

Aleksandr Kotov
(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

Anathomy of the Thunderer

DOI: 10.31857/S086956872206022X, **EDN**: MOFGKW

М.Н. Каткову и его окружению посвящено немало исследований, но в них, как правило, говорится об идеях московского публициста, о его единомышленниках и интерпретаторах[1]. Однако, как справедливо отмечает Е.В. Перевалова, «все указанные работы носят историко-философский характер и мало что добавляют к характеристике газеты “Московские ведомости” и профессиональной деятельности Каткова как журналиста и редактора» (с. 7). Со своей стороны, исследовательница, по сути, впервые обратила внимание на сотрудников катковской редакции[2] и технологическую сторону деятельности «московского громовержца»: организацию редакционной жизни, источники информации и способы обеспечения жанрового и тематического многообразия материалов большой – и далеко не только политической – газеты, взаимодействие с корреспондентами, цензурой и высокопоставленными сановниками.

Разумеется, и тут невозможно было вовсе обойтись без характеристики катковских воззрений, и если в современной историографии Михаила Никифоровича принято характеризовать как националиста[3], то Перевалова игнорирует эти оценки и утверждает, что «во всех текущих вопросах – национальном, восточном, финансовом и т.д. – Катков руководствовался не столько преимуществами той или другой системы, но прежде всего соображениями пользы для политического будущего России,

---

* *Перевалова Е.В.* «Русская Times»: газета «Московские ведомости» под редакцией М.Н. Каткова (1863–1887). М.: Московский Политех, 2020. 408 с.

Материал подготовлен при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00073-П «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.».

This research was supported by the grant № 19-18-00073-P «National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th–20th Centuries» of the Russian Science Foundation.

свою позицию он демонстративно отказывался связывать с интересами какой-либо группировки в правительстве и категорически протестовал, когда его газету называли органом какой-либо “партии”» (с. 179). При этом «неизменными на протяжении всей его многолетней журналистской практики оставались лишь убеждённость в незыблемости самодержавных и православных основ русского государства и идея объединения всех сословий вокруг монарха ради общего дела – сохранения единой и великой России» (с. 180).

Отчасти это так, хотя приоритет национальных интересов над всеми прочими (сословными, религиозными и т.д.) – тоже своего рода система. Да и в полной мере дистанцироваться от «группировок в правительстве» можно было, лишь отказавшись от того влияния на их политику, к которому публицист, безусловно, стремился[4]. К тому же и оппоненты Каткова порою являлись не менее искренними и последовательными патриотами и «государственниками», только государственные интересы они понимали несколько иначе.

Перевалова даже указывает на эти различия. Например, говоря о противостоянии катковской редакции с министром внутренних дел, она пишет: «В национальном вопросе [П.А.] Валуев являлся сторонником предоставления окраинам империи широкой автономии, тогда как Катков, напротив, отстаивал цельность и неделимость государства как политического организма, допуская сохранение местных особенностей, свободы вероисповедания, употребления местных языков в местных школах и учреждениях лишь при условии обязательного преподавания русского языка как государственного. Различным было их отношение к ситуации в Финском и Остзейском крае: Валуев, как политик и дипломат, принимал во внимание сильное влияние при дворе крупных остзейских помещиков – и потому не препятствовал германизации прибалтийских территорий, тогда как Катков неоднократно пытался выступать против “онемечивания” края, отстаивая распространение русского языка и языков народов, его населяющих: эстов, латышей, литовцев» (с. 149).

Здесь не трудно увидеть типичный пример столкновения националистического и «имперского» подходов. Но почему-то вне этой коллизии оказывается виленский генерал-губернатор А.Л. Потапов, названный Переваловой всего лишь сторонником «более гуманной политики» по отношению к польскому дворянству (с. 160). Причины этой «гуманности» бывшего управляющего III отделением Собственной е.и.в. канцелярии и будущего шефа жандармов Перевалова не объясняет, ограничившись весьма колоритной цитатой из письма Б.М. Маркевича: «Он положительно никакой системы не имеет и не способен ни к какому синтезу. Когда Дмитрий Андреевич [Толстой] заговорил об общественном мнении, наш европеец злобно прервал его восклицанием, что у нас его нет, а его “нам навязывают московские газеты, которых он-де не читает и глубоко презирает их”. “Впрочем, – промолвил он, и в эту минуту продукт николаевских времён выступил целиком из скорлупы своего гнилого европеизма, – впрочем, из двух московских газет я предпочитаю “Москву”, потому что у неё бумага мягче. Вы понимаете, для какого употребления?”» (с. 163).

Однако система-то у Потапова как раз была и не являлась большим секретом. Наиболее обстоятельно она анализируется в монографии А.А. Комзоловой, на страницах которой Александр Львович предстаёт последовательным противником

«национального начала» в правительственной политике вообще и русификации Северо-Западного края в частности. Благодаря воспоминаниям И.А. Шестова (одного из ближайших сотрудников, а затем – злейших врагов Потапова) известна «любимая его тирада»: «России нет; есть великорусы, малороссы, татары, мордва, литвины, поляки, но России нет, а есть только Русская держава!»[5]. Ф.И. Тютчев со слов «некоего Моллера» (видимо, кем-то пересказанных поэту), схожим образом излагал «политические убеждения» А.Е. Тимашева, А.Л. Потапова и гр. П.А. Шувалова: «Вкратце суть доктрины сводится к тому, что так называемая русская народность – всего лишь выдумка журналистов, что это понятие имеет смысл лишь в отношении пяти или шести миллионов населения центральных губерний»[6].

Вместе с тем Потапова сближало с Катковым последовательное неприятие украинофильства. Оба они поддерживали русификацию католического богослужения. Поэтому, критикуя Потапова за уступки полякам, «Московские ведомости» одобряли его борьбу с «клерикальной партией» – оппонировавшим «русскому латинству» кружком «виленских русификаторов». А катковские выпады против них охотно перепечатывали поддерживавшие Потапова издания (например, «Новое время» Н.Н. Юматова и А.К. Киркора)[7].

Вступив в борьбу за классическое образование, Катков пошёл на компромисс и с такими сторонниками примирения с польской аристократией и шляхтой, как гр. Шувалов (с. 135) и вел. кн. Константин Николаевич (с. 166). В целом, взаимоотношения «московского громовержца» с сановниками 1860–1880-х гг. описаны Переваловой достаточно полно. Остался забыт, пожалуй, лишь один из ключевых его консервативных оппонентов – товарищ государственного контролёра Т.И. Филиппов, протежировавший таким своеобразным критикам Каткова, как К.Н. Леонтьев и кн. В.П. Мещерский.

Отношение исследовательницы к редактору «Московских ведомостей» вполне укладывается в давно и прочно сформировавшуюся апологетическую традицию, компенсирующую былые либеральные и советские обличительные перегибы. Впрочем, выражается оно с академической сдержанностью: «В политических обозрениях Каткова журналистское мастерство сочеталось с проницательностью и политическим умом, умением убедительно и доказательно отстаивать свою точку зрения, способностью подчинять мнения и убеждения читателей и заставить их верить в те идеи, которые он отстаивал сам. Его тексты изобиловали рельефными образами, отличались живостью, ясностью и находчивостью языка, блестящим стилем, задевающей за живое иронией, умением от частного случая переходить к широким обобщениям и т.п. Коллеги-журналисты отмечали благородный тон, достоинство изложения и серьёзность его политических обозрений» (с. 33).

Однако современники указывали и на другое. Так, после выхода в 1858 г. катковской статьи «Русская сельская община» И.С. Аксаков писал Ю.Ф. Самарину: «Статья вышла и, написанная умно, бойко, хлёстко, – производит эффект. Её докторальный тон, – magister – dixi!, – высокомерие, дерзость действуют повелительно на читателя... Было б очень приятно обрести в “Русском вестнике” нового союзника и сомышленника, но возмутительно то, что, повторяя мнения “Беседы” и “Сельского благоустройства”, он выдаёт их за свои, давно и всегда ему принадлежавшие, и нас же учит, нам же и толкует и удивляется нашей бестолковости!». Отталкива-

ло Ивана Сергеевича и журналистское лукавство: «Словом, у него такой приём: помещать у себя всякое модное мнение, не заявляя о его противоречии с убеждениями редакции, и, когда мода проходит, выступить против него с своим мнением»[8]. О том же позднее писал Леонтьеву Филиппов, уверенный в «притворстве» катковского «охранительного исповедания», составленного «гениальным справщиком чужих понятий, с цыганскою наглостию бравшим их за себя»[9].

Необходимо учитывать и критические суждения Д.И. Иловайского, которого Перевалова почему-то считает единомышленником Каткова (с. 248). Но вряд ли редактор «Московских ведомостей», всегда выступавший против еврейских погромов, солидаризировался бы с антисемитскими репликами, позднее регулярно мелькавшими на страницах газеты Иловайского «Кремль». К тому же Дмитрий Иванович был последовательным противником «классической системы». «Во время своих поездок..., – писал он, – я имел возможность, между прочим, наблюдать за постепенным упадком интереса к отечественной истории и древностям, по преимуществу там, где инспекторские и директорские места перешли в руки славян-классиков или где являлось сочетание западного славянина с немцем... В некоторых... чисто русских или даже древнерусских городах, известных своими замечательными памятниками, имевших в прежнее время в своём педагогическом составе людей, научно занимающихся этими памятниками, теперь я не встретил никакого к ним интереса. От заведений веяло каким-то иным, чуждым духом». При этом историк не без зависти напоминал про западный опыт: «После наполеоновского погрома Германии немцы начали своё национальное возрождение главным образом с того, что принялись усердно изучать своё прошлое и в самых школах сильно подняли историческое преподавание. Каких результатов они достигли, всем известно»[10].

Характеризуя авторскую манеру Каткова, Перевалова признаёт, что «для всех его публицистических выступлений была характерна чёткость, логичность и последовательность аргументации, абсолютная уверенность в правоте своих утверждений, повелительный, властный, почти приказной тон и не терпящая возражений интонация» (с. 208). Но все ли готовы были её терпеть? Как афористично выразился В.В. Розанов: «Катков произнёс извозчичье: – Тпрррру... А линия журналов и газет ответила ему лошадиным ляганьем. И вот весь русский консерватизм и либерализм»[11].

Подобные отклики, конечно, субъективны и полемичны, и не случайно Н.А. Любимов вспоминал слова Каткова о бурлении «котелка самолюбия» в славянофильском кружке[12]. Хотя тот же Аксаков, ругая в 1863 г. Каткова за «николаевские» тенденции, признавал: «Впрочем, действительно, его заслуга очень велика, он придаёт бодрости и силы правительству, и всё же ему дорога честь России»[13]. Так или иначе, упрощать отношение современников к Каткову не стоит.

Перевалова пересматривает давние стереотипы о правительственной поддержке «Московских ведомостей». Так, анализируя документы, связанные с передачей «Московских ведомостей» в аренду в 1862 г., исследовательница констатирует: «Нельзя не признать, что Катков и [П.М.] Леонтьев выиграли торги в условиях открытой и очень жёсткой конкуренции, предложив университету наиболее выгодные для него условия» (с. 46). В письме же А.В. Головнина, возглавлявшего тогда Министерство народного просвещения и оповестившего Каткова о сде-

ланном в его пользу выборе, несмотря на наличие некоего альтернативного и весьма заманчивого для казны варианта, Перевалова видит попытку манипуляции. Во всяком случае, «в архивных фондах до сих пор не найдено никаких свидетельств, подтверждающих факт предложения “с надбавкой 10 тысяч”, и весьма вероятно, что такого предложения и не существовало, а министр лишь хотел таким образом продемонстрировать новому редактору своё “особое благорасположение”, чтобы тот чувствовал себя “облагодетельствованным”» (с. 46).

«Дарованное» Каткову право публикации казённых объявлений, по мнению автора монографии, в тогдашних условиях представляло собой скорее убыточную обязанность, от которой редактор позднее безуспешно пытался отделаться (с. 54–56). При этом, как показано в исследовании, «Московские ведомости» «отнюдь не были “неприкасаемыми” с точки зрения “финансовой дисциплины”, и все расчёты издателей с университетом строго контролировались существующими в тот период контрольными учреждениями» (с. 73). Да и «протоколы заседаний Московского цензурного комитета за 1866–1867 гг. недвусмысленно свидетельствуют, что деятельность “Московских ведомостей” по-прежнему находилась под пристальным вниманием цензуры, а значительная часть передовых статей рассматривалась полным составом комитета» (с. 158). С большим трудом удалось Каткову в 1874 г. добиться снижения арендной платы за «Московские ведомости» (с. 67). Серьёзные трудности возникали и с обычной коммерческой рекламой, которую предприниматели старались размещать в более массовых газетах (с. 74). Неудивительно, что капитал, оставленный Михаилом Никифоровичем своим многочисленным наследникам, оказался сравнительно невелик (с. 74). Звучавшие же нередко упрёки в его ангажированности и продажности, как считает Перевалова, «можно объяснить не только политическим противостоянием “Московских ведомостей” и изданий либерального и демократического лагеря, но и усиливающейся конкуренцией на формирующемся в 1860–1880-е гг. рынке печатных изданий» (с. 75).

Перед читателем книги проходит целая галерея журналистов и корреспондентов «Московских ведомостей»: А.И. Георгиевский, П.И. Мельников, Г. де Молинари, А.С. Троянский, Г.С. Веселитский-Божидарович, И.С. Костемеревский, А.Я. Липскеров, К.К. Случевский, Ю.О. Шрейер, В.Д. Аверкиев, Г.А. Ларош, С.В. Флёров, А.В. Жандр, П.К. Щебальский, Н.В. Щербань и др. Естественно, это далеко не все сотрудники Каткова, а посвящённые им очерки не претендуют на полноту, но сложно винить автора за невозможность объять необъятное. Смущает только излишнее доверие к свидетельствам заинтересованных лиц. Так, по словам И.Ф. Циона, проживавшего в 1880-е гг. в Париже и сотрудничавшего с Катковым, «поручения, которые он давал мне, строго ограничивались следующим: поддерживать в печати дружелюбные чувства к России, рассеивать предубеждения против русского народа, опровергать ложные слухи, сотнями распространяемые из Берлина о России, а затем держать его *au courant* всего, что делается во Франции, извещать о настроении правительственных и парламентских кругов и доставлять ему точные сведения о боевой готовности французской армии; одним словом, делать всё, что входило в мои обязанности корреспондента “Московских ведомостей”» (с. 97). Из этого Перевалова делает вывод, что «каких-либо пожеланий и уж тем более требований “идеоло-

гического” или “направленческого” характера к присылаемым в газету корреспонденциям не предъявлялось, напротив, редакция стремилась к получению объективной и непредвзятой информации и в адресованных как опытным, так и начинающим авторам письмах подчёркивала, что в их корреспонденциях более всего дорожит “точностью и правдивостью сообщаемых ей сведений”, и, как правило, предоставляла их собственному усмотрению выбор и тем, и предметов освещения» (с. 98). Однако взгляды Циона были хорошо известны Каткову, и он даже рекомендовал его К.П. Победоносцеву как «сильного противника материалистического направления» и человека, который несмотря на работу за границей всегда оставался «по образу мыслей верен России»[14]. Такие сотрудники прекрасно понимали, какого рода «непредвзятость» от них ожидалась.

В монографии обстоятельно раскрыты основные аспекты политической публицистики «Московских ведомостей» и, в частности, освещение ими польского, остзейского и болгарского вопросов, судебной реформы, экономического развития России. К сожалению, лишь бегло упомянуто о принципиальных для редакции проблемах школьного и университетского образования. Наконец, касаясь религиозной сферы, автор ограничивается самыми общими фразами: «Газета придавала православной церкви особо важное значение в объединении государства и нации, в нравственном влиянии на политическую и духовную жизнь общества. Православие как воплощение нравственных законов и традиционных, устойчивых, проверенных временем морально-этических ценностей позиционировалось в ней как лучшая гарантия прочного основания государства» (с. 287). Всё это можно найти на страницах «Московских ведомостей», но одновременно там, к ужасу славянофилов, защищалось «русское латинство» и «русское жидовство», велась борьба против виленской «клерикальной партии», отождествлявшей русскость и православие. Таким образом, взгляды Каткова на церковно-государственные отношения были гораздо более сложными[15].

Не так просто, как показано в книге, складывались и отношения Михаила Никифоровича с «катковцами», как в Петербурге «называли тех высокопоставленных чиновников, которые так или иначе взаимодействовали с редактором “Московских ведомостей” и выражали солидарность с позицией газеты» (с. 224). К ним Перевалова причисляет К.П. Победоносцева, гр. Д.А. Толстого, И.А. Вышнеградского, И.Д. Делянова. Однако между ними и Катковым случались и размолвки, которые в монографии практически не отражены. Так, с Победоносцевым они разошлись при подготовке университетского устава 1884 г. С гр. Толстым после 1880 г. общение почти прекратилось[16]. Свои нюансы имелись и в борьбе «московского громовержца» с другими государственными деятелями 1880-х гг. – гр. Н.П. Игнатьевым, Д.Н. Набоковым, Н.Х. Бунге, Н.К. Гирсом. К примеру, если в 1882 г. он способствовал отставке гр. Игнатьева с поста министра внутренних дел (с. 228), то впоследствии в катковском окружении графа прочили в руководители МИД[17].

Достаточно подробный очерк о противостоянии публициста со Страстного бульвара с «Министерством иностранных дел в России» логично завершается анализом интриги, связанной с поездкой в 1887 г. в Париж генерал-майора Е.В. Богдановича, выдававшего себя за представителя Каткова, которого тут же обвинили во вмешательстве во внешнюю политику (с. 230–245). Категорически опровер-

гая все эти упрёки, Перевалова всё же признаёт: «Газета, ставшая своего рода неофициальным, но могущественным “департаментом” в бюрократической структуре Российской империи, превысила полномочия, дарованные ей верховным правителем, и последний указал на недопустимость её действий, подтвердив тем самым, что в самодержавном государстве есть только одна власть – власть императора» (с. 247).

К сожалению, основательно проработав фонды московских архивов, автор монографии почти не использовала петербургские материалы. А они, несомненно, позволили бы дополнить многие из освещённых в тексте сюжетов. Впрочем, количество затронутых в книге тем столь велико, что их хватит на отдельный научно-исследовательский институт или, по меньшей мере, на крупный центр. На сегодняшний же день Е.В. Перевалова написала самую полную и добросовестную работу о М.Н. Каткове и «Московских ведомостях» после труда В.А. Твардовской[18]. Жаль, что преступно мизерный тираж (сто экземпляров), мелкий шрифт и неудобный справочный аппарат ставят труднопреодолимый барьер на её пути к читателям.

Примечания

[1] См., в частности: *Попов Э.А., Велигонова И.В.* Когда Слово повелевает Империей. Периодические издания М.Н. Каткова и новые технологии общественно-государственной политики реформирующейся России (середина 1850-х – 1880-е гг.). М., 2014; *Котов А.Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016; *Полунов А.Ю.* В кругу Каткова // Российская история. 2018. № 5. С. 160–161; *Комзолова А.А.* Катков в окружении единомышленников // Российская история. 2018. № 5. С. 166–170; *Медоваров М.В.* Сущность «катковизма» // Российская история. 2018. № 5. С. 161–166; *Котов А.Э.* На какой почве Катков стал «московским громовержцем»? // Российская история. 2020. № 2. С. 207–235.

[2] *Перевалова Е.В.* Журнал М.Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания (1856–1862). М., 2010; *Перевалова Е.В.* Вокруг М.Н. Каткова: авторы и сотрудники «Русского вестника» и «Московских ведомостей». М., 2019.

[3] *Миллер А.И.* Нация, или Могущество мифа. СПб., 2016. С. 65.

[4] О его взаимоотношении с правящими кругами империи см.: *Мамонов А.В.* Бюрократия и Катков // Российская история. 2018. № 5. С. 170–176.

[5] *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 283.

[6] Там же. С. 284.

[7] Новое время. 1868. 6 февраля. № 26.

[8] Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) / Публ. Т.Ф. Пирожковой, О.Л. Фетисенко, В.Ю. Шведова. СПб., 2016. С. 70.

[9] Пророки Византизма. Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Публ. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 412, 522.

[10] *Иловайский Д.И.* По вопросам преподавания истории // *Иловайский Д.И.* Мелкие сочинения, статьи и письма. 1857–1887 гг. М., 1888. С. 55–56.

[11] *Розанов В.В.* Опавшие листья. Короб второй и последний // *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Листва / Под ред. А.Н. Николюкина. М.; СПб., 2010. С. 207–208.

[12] Воспоминания о Михаиле Каткове. М., 2014. С. 433.

[13] Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина... С. 174–175.

[14] К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 2. Минск, 2003. С. 279.

[15] *Котов А.Э.* Был ли Катков православным консерватором? // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 59–67.

[16] Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 1. М., 1966. С. 263.

[17] *Котов А.Э.* Русские консерваторы во второй половине 1880-х гг.: внешнеполитический аспект // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2021. № 9. С. 18.

[18] *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978.

Анна Комзолова

Как России «не повезло» в Литве*

Anna Komzolova
(Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

How Russia was «unlucky» in Lithuania

DOI: 10.31857/S0869568722060231, **EDN**: MOJMHS

Книга литовского историка Дарюса Сталюнаса не является собственно монографией, а представляет собой сборник отдельных очерков, объединённых общей темой — исследованием национальной политики Российской империи на территориях современных Литвы и Беларуси в период со второй половины XIX в. до начала Первой мировой войны. Публикация продолжает серию «Historia Rossica» издательства «Новое литературное обозрение»; перевод книги на русский язык осуществлён на грант литовского государства. Поскольку все представленные в книге тексты ранее публиковались и частично — на русском языке, в виде отдельных статей и глав трёх монографий (с. 47), трудно говорить о каком-либо цельном авторском замысле, концептуальной новизне или недавних архивных находках.

Структура книги включает введение, три раздела и заключение. Первый раздел посвящён тому, как менялось восприятие земель бывшего Великого княжества Литовского и его населения в сознании российского чиновничества и видных публицистов. По итогам разделов Речи Посполитой территории современной Литвы вошли в состав России и Пруссии, причём в новых владениях Романовых совместно проживали литовцы, белорусы, поляки, евреи, русские старообрядцы, латыши и татары. Северо-Западный край включал Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую и Могилёвскую губернии. Польское дворянство не оставляло надежд на возвращение независимости Польши и требовало восстановления границ 1772 г. Восстание 1863—1864 гг. Сталюнас признаёт «переломным моментом национальной политики» Петербурга (с. 44), но уклоняется от какого-либо анализа причин и мотивов, подтолкнувших российские власти к политике «деполонизации» в Северо-Западном крае и попыткам, удачным или тщетным, защитить местное крестьянство от польского влияния.

Как полагает Сталюнас, после восстания 1830—1831 гг. одной из целей правительственной политики было «символическое завоевание пространства», а результатом, в принципе недостижимым, — постепенное превращение земель бывшего Великого княжества Литовского в часть русской «национальной территории». Вместе с тем вопрос о размерах исконных «литовских этнических территорий» не так очевиден, как хочет представить автор. В начале XX в. процесс этнической самоидентификации населения Виленской губ., как, впрочем, и остальных земель края, был далёк от завершения. Автор безосновательно обвиняет в идеологически ангажи-

* *Сталюнас Д.* Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 376 с.

рованных манипуляциях с данными статистики и их недобросовестной инструментализации представителей Императорского Русского географического общества и офицеров Генерального штаба, проводивших с конца 1850-х гг. исследования национального состава населения Западного края. При этом все «правильные» выводы данных исследований он приписывает влиянию «экспертных знаний местной нерусской интеллигенции». Примером таких идеологических манипуляций Сталюнас считает уменьшение ареала проживания литовцев, которое он связывает с применением такого не вполне неадекватного, по его мнению, критерия, как языковой (с. 78–88).

Между тем исследователи этнического состава населения северо-западных губерний неоднократно подчёркивали неполноту статистических данных и несовершенство методик. В частности, в фундаментальном «Географическо-статистическом словаре Российской империи» отмечалось, что определение численности литовцев в Виленской, Ковенской и Августовской губерниях «весьма затруднительно», поскольку «приходится складывать цифры, относящиеся к весьма различным годам и имеющие весьма различное достоинство»[1]. В этом же издании ставился вопрос о проживании литовского населения в Минской губ., которая «входила в состав Литовского Великого княжества», и потому присутствие литовцев в этой губернии казалось вероятным[2]. Офицер Генерального штаба А.К. Корева, исследовавший Виленскую губ., указывал на неопределённость идентификации населения, проживавшего в Виленском, Трокском, Ошмянском и Лидском уездах. Крестьяне-католики этой местности говорили по-белорусски, но сохраняли обычаи и традиции литовцев[3]. «В пределах, неоспоримо всегда принадлежавших Литве, – писал Корева, – встречаются целые католические приходы, населённые руссинами; как это мы указывали в окрестностях городов Вильно, Трок, Лиды и в пределах Ошмянского уезда, по границе с Виленским и Лидским»[4].

Академик П.И. Кёппен, одним из первых заинтересовавшийся этническим составом населения этого региона и ещё в 1820-х гг. начавший изучать списки населённых мест, выделял не только этнических литовцев, но и так называемых литовско-русских или литвино-руссов, предками которых были древние кривичи. Последних он относил к восточным славянам и называл «белорусцами»[5]. Анализировавшиеся Кёппеном материалы 10-й ревизии северо-западных губерний 1857–1858 гг. свидетельствовали о довольно распространённом среди местных жителей двуязычии. В этих документах отмечалось, например, что к их «славяно-литовскому наречию очень мало принимается языка литовского»[6]. Таким образом, для современников было очевидно, что этнодемографическая сложность земель бывшего Великого княжества Литовского уходит корнями в историю. Вопрос о происхождении и расселении балтских и восточнославянских народов тесно переплетался, обусловливая возникновение двойной или даже тройной самоидентичности местного населения.

Во втором разделе книги рассмотрены мероприятия местных властей в сфере национальной политики накануне и после восстания 1863–1864 гг., а также формулирование политики «обрусения» в официальном и общественном дискурсах. Поиск в начале царствования Александра II – в период либеральной «оттепели» – новых подходов к решению польского вопроса в Северо-Западном крае, а также выработка альтернативных рецептов национальной политики

сменились после подавления восстания ужесточением курса и попытками «защитить» белорусских и литовских крестьян от «полонизации» в школе и церкви. При этом «обрусение» местных евреев мыслилось российской бюрократией в менее ассимиляторских категориях, чем в случае белорусов и литовцев. Анализируя массовые обращения католиков в православие в 1860-х гг., автор сосредоточил внимание прежде всего на роли властей в этом процессе.

В третьем разделе исследуются малоизученные изменения национальной политики в отношении поляков, белорусов и литовцев Северо-Западного края в начале XX в. Как отмечает Сталюнас, после революции 1905–1907 гг. власти «гораздо меньше экспериментировали и приняли незначительное количество решений, связанных с национальной политикой» (с. 308). Этот вывод не может не вызывать недоумение, поскольку едва ли можно назвать «небольшими экспериментами», даже помимо указов 17 апреля и 17 октября 1905 г., все те изменения, которые были внесены с 1905 г. и которые перечисляет сам автор. Так, в государственных средних и начальных школах разрешалось преподавать литовский язык как предмет; на литовском языке было разрешено преподавать Закон Божий в школах всех уровней. Литовцы первыми в Северо-Западном крае получили возможность издавать периодическую печать на родном языке; теперь они могли поступать в Поневежскую учительскую семинарию и работать учителями (с. 334).

По мнению Сталюнаса, едва ли не единственная цель, которая была достигнута властями в исторической Литве, – сохранение этих территорий в составе империи вплоть до начала Первой мировой войны. Автор характеризует этот результат как «минимальный» (с. 345), устраняя его из контекста как внутренних интеграционных процессов в империи, так и многовекового военного и идеологического противоборства России, Польши и Германии на этих пограничных землях. Не придавая значения вопросам безопасности Российской империи, он не считает успехом российской политики произошедший после 1863 г. подрыв потенциала польского нациестроительства на западных окраинах, медленный слом той «внутренней империи» в составе российских владений, существование которой долгое время позволяло польской элите доминировать в образовательной, культурной, церковной, общественной и экономической сферах.

Хотя Сталюнас пытается критиковать российских и белорусских историков за «непродуктивность» подходов и даже «ревизионизм» и «поиск оправдания действий имперских властей в отношении неправославных конфессий» (с. 34), он сам полностью игнорирует все аргументы, характеризующие конфессиональную политику Российской империи в этом регионе как политику веротерпимости. Она могла выражаться, например, в противодействии распространению среди католиков этнорелигиозной вражды со стороны польских националистов. Сталюнас даже не пытается оспорить тезис А.Ю. Бендина о том, что после принятия указа о веротерпимости происходила острая борьба за идентичность местных крестьян. Если государственные институты стремились сформировать у нового поколения белорусов в качестве первичной гражданскую (или, другими словами, «гражданскую, надэтническую, российскую») идентичность, то католические иерархи поддерживали приоритет религиозной и этнической идентичности над гражданской, выступая за сохранение польского языка в костёле и школе[7].

Как полагает Сталюнас, России в Литве «не повезло»: местное польское, еврейское, белорусское и литовское население, несмотря на все усилия бюрократии, не стало русским. Критерии успешности предлагается соотносить с ожиданиями самих российских властей, а эти ожидания со временем менялись. При этом автора не сильно занимает эффективность правительственной политики по минимизации польского влияния на литовцев и белорусов. Все польско-литовские, польско-белорусские или польско-еврейские противоречия он стремится затушевать. В частности, лишь в сноске упоминается деятельность учреждённого в 1906 г. в Вильно Союза возвращения литовского языка в Римско-католической церкви в Литве[8], проводившего «радикальную антипольскую политику» (с. 340, примеч. 1). «Определённые достижения» властей в решении польского вопроса Сталюнас признаёт в сфере землевладения, поскольку с 1860-х гг. до начала XX в. в Северо-Западном крае количество помещиков «польского происхождения», а также размеры находившихся в их управлении земель действительно уменьшились. Также «отчасти успешной» была политика в отношении православных белорусов – большинства населения края, лояльность которого по отношению к Российскому государству не подвергалась сомнению (с. 354, 355).

В анализе правительственной политики Сталюнас исходит из спорной концепции, согласно которой после 1863 г. властями был разработан некий большой план по «обрусению» многонационального населения исторической Литвы. В своих оценках автор не отходит сколько-нибудь заметно от этноцентричных представлений, доминирующих в постсоветских национальных историографиях Прибалтийских государств, согласно которым «имперские власти» в своих стремлениях к дискриминации, русификации и гомогенизации населения западных окраин проявляли большую настойчивость и радикальность. Утверждается, что после 1830–1831 гг. они последовательно отказывались от сотрудничества с местными элитами (в данном случае – польским дворянством) и переходили к «националистической» политике. Во время революции 1905–1907 гг. сомнения в эффективности проекта «обрусения», ранее изредка высказывавшиеся в бюрократической среде, переросли в попытку отказаться от прежнего курса. Однако вплоть до начала Первой мировой войны не было выдвинуто концепции, которая могла бы заменить этот проект. В итоге, у зашедших в тупик властей не оказалось «плана решения национальных проблем» (с. 349).

По мнению Сталюнаса, после 1863 г. практики «обрусения» планировались властями по-разному, в зависимости от национальной (этнической) группы. Так, если большинство чиновников и публицистов не верили в возможность ассимиляции и аккультурации поляков и потому проводили «политику сегрегации», то в отношении литовцев «обрусение» подразумевало аккультурацию, которая в перспективе должна была привести к ассимиляции. Но после 1905 г. среди высших чиновников усилились разногласия. Если одни предлагали поддерживать «культурную деятельность» литовцев, то другие (более многочисленная часть) считали их, как, впрочем, и «всех нерусских», «натуральными врагами русской государственности» (с. 342) и предлагали в большей мере подавлять деятельность национальных общественных организаций.

Тот факт, что только одно периодическое издание на белорусском языке смогло просуществовать несколько лет («Наша нива» в 1906–1915 гг.),

Сталюнас выделяет как один из важнейших признаков «отставания белорусского национализма», которое он считает прямым результатом политики «обрусения». Также в вину российскому правительству автор ставит упразднение униатской церкви в 1839 г., которая, по его мысли, «потенциально могла бы стать “национальной” церковью белорусов» и выделять их среди соседних народов (с. 354). Следуя такой логике, можно поставить вопрос: как же тогда литовцы-католики смогли сформировать собственную нацию, не имея «национальной» церкви, которая также могла бы стать важным маркером их «инаковости» в отношении поляков и других соседей?

Таким образом, по мнению Сталюнаса, России «не повезло» в Литве, поскольку большой проект по «обрусению» оказался не в полной мере реализован. Автор нередко недоумевает, почему правительственная политика в этом регионе не стала такой брутальной, какой должна бы быть в соответствии с его собственными представлениями о планировании «обрусения». Например, почему власти вовсе не запретили в Северо-Западном крае распространение книг на польском языке? Почему они не смогли последовательно «обрусить» белорусов-католиков, и почему не произошло их массового обращения в православие? Ведь, согласно автору, руководствуясь официальными представлениями о «большой русской нации», властям не следовало мириться с их принадлежностью к «чуждой» конфессии. Правительство якобы смогло не допустить использование белорусского языка в школе и Католической церкви, но не пожелало после 1905 г. запретить печать на белорусском языке. В итоге, неуспех в реализации политики «обрусения» литовский историк обусловливает прежде всего «плохим планированием», ошибками и отсутствием последовательности.

Однако сложно согласиться с выводом автора о каком-либо последовательном отказе властей от сотрудничества с польской элитой. Так, более жёсткий курс, проводившийся в Северо-Западном крае под управлением М.Н. Муравьёва и К.П. Кауфмана в 1863–1866 гг., довольно скоро – уже в конце 1860-х гг. – сменился стремлением к компромиссу. Виленские генерал-губернаторы А.Л. Потапов и П.П. Альбединский (последний, кстати, даже не упоминается в книге Сталюнаса) не только не пытались подорвать традиционное влияние поляков в крае, но неоднократно заявляли об исчерпанности потенциала русификаторской политики. Они стремились поддержать наиболее лояльную часть польского дворянства и создать «контингент польских оппортунистов», добиваясь для них различных экономических уступок и ослабления действовавших после 1863 г. чрезвычайных мероприятий, прежде всего отмены так называемого процентного сбора[9].

Между тем долгосрочная стратегическая задача российских властей в Северо-Западном крае заключалась в «обрусении» территорий, что прежде всего подразумевало их правовую, административную, социальную и военную интеграцию в состав империи. По крайней мере до начала XX в. главным содержанием внутренней политики Петербурга в этом регионе являлся не национальный вопрос, а реализация и корректировка крестьянской реформы, поиск решения различных социально-экономических проблем в контексте пореформенной трансформации сословного строя империи, преодоление «отсталости» крестьян. При этом многие русификаторские инициативы зачастую шли «снизу», от интеллигентных чиновников Виленского учебного округа. Хотя «правящие верхи» империи считали народные массы прочной опорой са-

модержавия, их «обрусение» не было, да и не могло быть приоритетной задачей в условиях отсутствия всеобщего начального образования и преобладавшей среди крестьян неграмотности.

Видимо, вследствие того что книга, подобно лоскутному одеялу, собрана из текстов, написанных в разное время и с различными установками, Сталюнасу не удалось избежать внутренних противоречий и несогласованности в своих выводах. Так, в заключении он подчёркивает, что методы политики «разделяй и властвуй» «были чужды царскому режиму» (с. 349). Однако ранее он отмечал, что в начале 1860-х гг. для более успешной борьбы с польским влиянием представители «просвещённой бюрократии» и «влиятельные славянофилы» предлагали предоставить литовцам и белорусам определённые возможности и преимущества в сфере культуры и образования. Элементы такой политики Сталюнас находит, например, в предложениях попечителя Виленского учебного округа кн. А.П. Ширинского-Шихматова, направленных в Петербург весной 1863 г. Автор признаёт, что целям политики «разделяй и властвуй» служила и корректировка крестьянской реформы в Литве и Белоруссии, основу которой заложил указ 1 марта 1863 г., вводивший обязательный выкуп и ликвидировавший раньше, чем во внутренних губерниях России, временнообязанное положение крестьян Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской и части Витебской губерний. Одновременно на 20% понижались выкупные платежи[10]. Вместе с тем Сталюнас отмечает, что такую популистскую политику считала неприемлемой другая часть российской элиты, включая министра внутренних дел П.А. Валуева и шефов жандармов кн. В.А. Долгорукова и гр. П.А. Шувалова, которые защищали «традиционные механизмы интеграции» империи, основанные «прежде всего на сотрудничестве с элитой окраин», в данном случае – с местным польским дворянством (с. 125, 126).

Однако Сталюнас не упоминает, что именно Валуев стал инициатором принятия указа 1 марта 1863 г. В декабре 1862 г. он представил на рассмотрение Западного комитета записку, в которой предлагал, отнюдь не чуждаясь популистской политики, учитывать особенности Северо-Западного края, проводить политику «разъединения» сословий и поддерживать «осторожной рукой взаимное нерасположение крестьян и помещиков»[11]. Интересно, что о необходимости посредством аграрной реформы «разъединить» крестьян с польскими землевладельцами писал в 1864 г. виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьёв[12], выступавший непримиримым оппонентом Валуева. Таким образом, представленная Сталюнасом схема сторонников и противников политики «разделяй и властвуй» не выдерживает критики. Проблема заключается в том, что такие историографические клише не подходят для анализа российской политики и взглядов высшей бюрократии. Возможно, более целесообразно ставить вопрос о том, как интерес «верхов» империи к недоминирующим этническим группам влиял на формирование правительственного курса, направленного на поддержку этнического разнообразия империи[13], и как этот курс противопоставлялся или, напротив, дополнял политику русификации окраинных территорий.

Таким образом, в книге Д. Сталюнаса впервые собраны результаты многолетних исследований в литовских и российских архивах, которые представляют значительный интерес для специалистов. Вместе с тем этноцентричные оценки, а также уклонение автора от обсуждения острых вопросов с российскими и белорусскими историками препятствует полноценной научной дискуссии.

Примечания

[1] *Семёнов П.П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 3. Вып. 1. СПб., 1866. С. 63.

[2] Там же. С. 242.

[3] *Корева А.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Виленская губерния. СПб., 1861. С. 287, 288, 320–321.

[4] Там же. С. 321.

[5] *Кёппен П.И.* О происхождении, языке и литературе литовских народов. СПб., 1827. Стб. 9–11, 40. См. также: *Комзолова А.А.* Национальная идентичность в статистических исследованиях Северо-Западного края Российской империи (1860-е годы) // Большая Евразия. Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Материалы Третьей международной научно-практической конференции в рамках Общественно-научного форума «Здравствуй, Россия!». М., 2020. С. 496–501.

[6] *Кабузан В.М.* Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000 гг.). М., 2009. С. 7–8.

[7] Подробнее см.: *Бендин А.Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914). Минск, 2010.

[8] Так у Д. Сталюнаса. В российском официальном делопроизводстве эта организация называлась «Союз для восстановления прав литовского языка в римско-католической церкви в Литве». См. её устав: РГИА, ф. 821, оп. 2, д. 73, л. 103–108 об.

[9] Подробнее см.: *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 241–258, 281–286, 291–330, и др.

[10] *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С. 365–372.

[11] РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 185, л. 1–12.

[12] ГА РФ, ф. 811, оп. 1, д. 45, л. 15 об., 16.

[13] Более широкий контекст см.: *Полунов А.Ю.* Империя слабых: власть и «малые народы» России и мира во второй половине XIX – начале XX в. // Русский сборник: исследования по истории России. Т. XXXII. М., 2021. С. 177–196.

Амиран Урушадзе

Рец. на: Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / Д.Г. Янченко, М.В. Ходяков (отв. ред.), А.А. Иванов, А.Э. Котов, В.Л. Степанов, А.В. Мамаев, Э.О. Сагинадзе, Е.О. Старовойтова, Б.А. Алимджанов, Г.М. Слободзян. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2020. 660 с.

Amiran Urushadze
(European University at Saint Petersburg, Russia)

Rec. ad op.: Tsentr i regiony: ekonomicheskaya politika pravitel'stva na okrainakh Rossiyskoy imperii (1894–1917). Saint Petersburg, 2020

DOI: 10.31857/S0869568722060243, **EDN**: MOOFOY

Рассматриваемое обобщающее исследование стало итогом многолетней работы авторского коллектива[1], посвящённой изучению экономической политики Российской империи на окраинах в 1894–1917 гг. Это первое в историографии комплексное исследование экономического измерения «окраинной» политики государства. Его структура выдержана в проблемно-географическом ключе и фокусируется на таких регионах, как Дальний Восток, Средняя Азия, Кавказ, Западный край и Прибалтика. Внутри каждой части выделены проблемно-тематические главы, которые затрагивают широкий круг вопросов – от переселенческой по-

литики до специфических особенностей аграрных отношений. Великое княжество Финляндское и Царство Польское авторы обошли вниманием по причине обширной историографии их социально-экономического развития. Также авторским замыслом продиктован очерковый формат текста, что позволило избежать схематизма и повторения уже изученных сюжетов.

Наиболее обстоятельная часть книги – анализ социально-экономической политики российского правительства на Дальнем Востоке, в том числе организации управления Китайско-Восточной железной дорогой, колонизации, кредитно-финансовой сферы, трудовой миграции и её регулирования. Данному региону посвящены четыре главы, в то время как остальным – по две. Однако такое смещение «центра тяжести» продиктовано не эмпирическим или аналитическим дефицитом, а прежде всего актуальностью и новизной «дальневосточных» сюжетов.

Рассматриваемые темы имеют основой репрезентативную документальную базу из фондов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Российского государственного военно-исторического архива (Москва), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (Владивосток), Центрального исторического архива Грузии (Тбилиси). Привлекает внимание и историографический обзор, который на сегодняшний день можно считать наиболее полным по вопросу о политике Российской империи на окраинах.

В исследовании можно выделить «сквозные» темы. Проблемы экономического развития рассматриваются авторами в контексте столкновений в бюрократических структурах. Привлекают внимание описание противостояния Министерства финансов и военного ведомства в деле организации административного управления Китайско-Восточной железной дорогой, служебно-иерархические «войны» центральной и региональной бюрократий за выбор правительственного курса в Средней Азии. Концептуально важен вывод авторов о росте влияния Министерства финансов на «окраинную» политику в условиях думской монархии. Некоторые административные институты основывались на архаичных принципах. Так, например, важнейшим ресурсом кавказских наместников и сибирских генерал-губернаторов в противостоянии с министрами являлись личное доверие императора и право прямого обращения к нему. Наиболее сильные региональные администраторы опирались на проверенных чиновников, с которыми работали на протяжении длительного времени и способствовали их карьерному продвижению. Неформальные механизмы задействовались и в столице, где влиятельные властители окраин имели надёжных лоббистов.

Внимание к подобного рода сюжетам неслучайно. В последние годы заметен рост публикаций о разнообразных по содержанию и интенсивности конфликтах официального Петербурга и региональных центров власти[2]. Такие примеры подтверждают актуальность ситуационного подхода при анализе имперской политики[3], а также свидетельствуют о роли неформальных связей и отношений в процессе принятия управленческих решений. Как показано в рецензируемой книге, таковые продолжали выступать важным административным ресурсом и после эпохи Великих реформ, когда в Российской империи, благодаря расширению и усложнению системы государственного управления и профессионализации чиновников, начала складываться бюрократия, основанная на рациональных принципах[4].

К этой исследовательской проблеме примыкает сюжет, связанный с конкуренцией бюрократов-«технократов» и военной элиты. Радикально усложнившиеся аппаратные логистика и процедуры затрудняли назначение военных на ключевые административные должности. Влияние армии на процессы управления империей ослабилось и с появлением публичной политики, когда некоторые администраторы «старой школы» из числа военных оказались под перекрёстным огнём критики со стороны думских депутатов и прессы[5].

Несомненное достоинство рецензируемой книги – анализ влияния социальных волнений и вооружённых протестов на хозяйственное развитие окраин империи, в частности смуты 1905–1907 гг. на бакинскую нефтепромышленность. По сведениям авторов, только в 1904–1905 гг. в ходе межэтнических и социальных конфликтов в регионе оказались уничтожены 1864 из 3110 нефтяных вышек, разорению и разрушению подверглись запасы добытой нефти, мастерские, котельные, трубопроводы и другие промышленные объекты. Общая сумма ущерба достигла 20 млн руб. – без учёта материальных потерь рабочих и администрации нефтепромыслов. Всё это привело к катастрофическому падению объёмов добычи нефти и её экспорта, который сократился с 99,9 млн до 48,5 млн пудов. Несмотря на усилия правительства, вернуть их на докризисный уровень не удалось. Объёмы производства получилось восстановить только к концу 1920-х гг.

При этом подчёркивается, что массовые выступления и столкновения на окраинах вызывались неэффективной работой имперской администрации. Под таким углом зрения авторы рассматривают Среднеазиатское восстание 1916 г., которое, по их мнению, выявило кризисное состояние региональной власти. Последняя с конца 1880-х гг. находилась в режиме перманентного реформирования и поиска оптимальной модели взаимодействия со столичной бюрократией. «Туркестанское восстание нанесло мощный удар по усилиям центра, связанным с экономическим развитием края, и стало символом кризиса имперской модели управления в России» (с. 610). Выводы авторов подтверждаются примерами из истории Южного Кавказа. В 1812 г. вспыхнуло большое восстание в Кахетии, ожесточённость которого представители российской администрации сравнивали с событиями Французской революции[6]. Причиной этого выступления, продолжавшегося в течение года, признали произвол чиновников, откровенно грабивших местное население. Как и в случае с восстанием 1916 г., кахетинские события привели регион к социально-экономическому упадку, последствия которого были заметны ещё многие годы.

Масштабные кризисы привлекали к окраинам внимание центра. Авторы отмечают, что одним из механизмов контроля за ситуацией выступали сенатские ревизии. В качестве примера рассмотрена ревизия Туркестанского края, проведённая сенатором К.К. Паленом в 1908–1909 гг. Она уже привлекала внимание историков, однако здесь рассмотрена в контексте правительственной дискуссии о колонизации Туркестана. Авторам удалось показать принципиальность разногласий внутри российской бюрократии. Пален вслед за министром финансов В.Н. Коковцовым считал ускоренную и, соответственно, затратную колонизацию региона излишней. Правда, Коковцов всегда выступал против крупных казённых трат, в то время как Пален пришёл к убеждению, что социально-экономическую модернизацию следовало проводить силами

частного капитала. Другую позицию отстаивал главноуправляющий землеустройства и земледелия А.В. Кривошеин, которого современники называли «министром Азиатской России». По его мнению, только форсированная колонизация могла обеспечить как социально-экономическое преображение края, так и политическое преобладание в нём России. Ключевым фактором победы курса Кривошеина оказалась поддержка Военного министерства. Накануне Первой мировой войны империя приступила к реализации большого проекта по орошению и заселению Голодной степи. Однако завершить его удалось лишь в 1950–1960-х гг.

Важнейшим представляется вывод о том, что переселенческая политика, активно проводившаяся на окраинах, имела относительный успех лишь в Сибири и на Дальнем Востоке. Колонизация Кавказа и Средней Азии протекала с большими трудностями, русские крестьяне-переселенцы зачастую оказывались не в состоянии приспособиться к новым условиям. К скромным результатам привели и усилия по освоению Черноморского побережья и Муганской степи (Южный Кавказ). Русская колонизация Кавказа имела несколько измерений, наряду с хозяйственными мотивами не меньшую роль играли военно-политические соображения. Крестьянин-переселенец должен был не только получить достаточное количество земли и освоить её, но и стать зримым символом полного и бесповоротного покорения края. Однако к началу XX в. многим чиновникам стало понятно, что традиционная модель колонизации не сработала. Известный экономист А.А. Кауфман, характеризуя заселение Черноморского побережья, отметил, что именно здесь «с особенной ясностью обнаружилось культурное бессилие русского переселенческого движения». Ещё более примечательны слова предпоследнего кавказского наместника И.И. Воронцова-Дашкова, заметившего, что «водворение русских переселенцев давало лишь печальные результаты» (с. 454). Провал переселенческой политики на Кавказе признал даже её активный сторонник Кривошеин, подсчёты которого (приведены на с. 473) показали несоответствие достигнутых результатов масштабным планам и тратам казны. Авторы отмечают относительный хозяйственный успех вынужденных переселенцев – сектантов, что, однако, не изменило общей ситуации.

В этой связи актуальным представляется изучение альтернатив крестьянской колонизации Южного Кавказа. Известно, что в конце 1860-х гг. обсуждалась идея создания Закавказского казачьего войска, которое должно было не только надежно прикрыть границы с Турцией и Персией, но и выступить авангардом освоения региона. Однако проект не получил развития, хотя среди его сторонников были и влиятельные сановники, например, М.Т. Лорис-Меликов, занимавший в 1863–1875 гг. должность начальника Терской области.

На страницах книги несколько раз звучит тезис о незавершённости многих имперских проектов, об альтернативах социально-экономического развития, которые оказались или надолго отложены, или вовсе отброшены событиями 1917 г. Здесь издание перекликается с другим новейшим коллективным исследованием – «Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916», в котором на разнообразных примерах показаны пути политического и социально-экономического развития империи Романовых, «завалленные» революционным кризисом[7].

Главное достоинство книги – панорамный взгляд на «окраинную» экономическую политику в позднеимпер-

скую эпоху. Авторы успешно показали тесную связь экономики и политики, а также степень влияния периодической печати и думских дискуссий на определение правительственного курса. Недостатком можно считать отсутствие в тексте сравнительного анализа. Авторы фокусируются на отдельных окраинах, но почти не рассуждают на темы общности и уникальности вызовов, с которыми сталкивалась империя в различных ситуациях. Тем не менее в аналитическом и повествовательном отношениях они не отклоняются от предложенной в заглавии исследования схемы – «центр и регионы». Как следствие, перед нами классическая нарративная модель, согласно которой «центр» предпринимает различной степени успешности усилия по модернизации «регионов–окраин». Однако не менее продуктивным видится иной подход, акцентирующий внимание на межокраинных связях и распространении населения, идей и технологий по периметру империи. Такая оптика позволяет увидеть не только то, как империя изменяла окраины, но и то, как окраины деформировали привычные управленческие схемы, вызывали к жизни новые политические институты. Взгляд с этой точки зрения представляется сегодня одним из наиболее перспективных в исследовании политики Российской империи на окраинах.

Очевидно, что дискуссия о концептах и теориях описания российского имперского опыта продолжится[8]. В этом контексте книга «Центр и регионы», безусловно, яркое историографическое событие.

Примечания

[1] *Янченко Д.Г.*, *Андреев А.А.*, *Шорохов В.А.* Выборы депутатов-«инородцев» от Средней Азии в Первую и Вторую думы // Клио. 2017. № 12. С. 83–95; *Янченко Д.Г.*, *Старовойтова Е.О.* Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // Новейшая история России. Т. 8. 2018. № 3. С. 583–597; *Сагинадзе Э.О.* «Первый публичный экзамен»: правительственная политика по развитию Черноморского побережья Кавказа и сельскохозяйственная и культурно-промышленная выставка «Русская Ривьера» (1913 г.) // Новое прошлое. 2018. № 4. С. 130–147.

[2] *Волхонский М.А.* Упразднение Кавказского наместничества в 1881–1882 гг. // Российская история. 2018. № 3. С. 171–189; *Почекаев Р.Ю.* «...Ябедный контроль...»: Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман и Государственный контроль // Новое прошлое. 2021. № 1. С. 72–89.

[3] *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 29–30.

[4] *Уортман Р.* Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 453–486.

[5] Наиболее резонансной стала история «кавказского запроса» 1908–1909 гг., когда И.И. Воронцов-Дашков подвергся критике со стороны правых думцев во главе с В.М. Пуришкевичем.

[6] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т.V. Тифлис, 1873. С. 60.

[7] Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916 / Под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьёва. М., 2021.

[8] Дискуссия «Империя должна умереть? Империя Романовых, национализм и политическая турбулентность начала XX в. // Новое прошлое. 2019. № 2. С. 184–216.

Виктория Ефимова

Рец. на: А.И. Раздорский. Печатные всеподданнейшие отчёты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи, 1845–1916: сводный каталог. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 976 с.

Viktoria Efimova
(Petrozavodsk State University, Russia)

Rec. ad op.: A.I. Razdorskiy. Pechatnye vsepoddanneyshie otchety namestnikov, general-gubernatorov, gubernatorov i gradonachal'nikov Rossiyskoy imperii, 1845–1916: svodnyi katalog. Saint Petersburg, 2020

DOI: 10.31857/S0869568722060255, **EDN**: MOPSKV

Как правило, полноценное исследование истории того или иного региона Российской империи не обходится без использования всеподданнейших отчётов возглавлявших его должностных лиц. По своей значимости они стоят, пожалуй, на первом месте по разнообразию содержавшейся в них информации, дававшей высшим и центральным органам власти представление не только об уровне и специфике экономического развития различных частей государства, численности проживавшего там населения, его социальной, этнической и конфессиональной структуре, но и о проблемах, с которыми сталкивались жители края. Отчёты, с одной стороны, давали местной администрации возможность принимать активное участие в формировании правительственного курса на управляемой ими территории, а с другой – позволяли столичным ведомствам постоянно контролировать деятельность подчинённых им учреждений вплоть до самых отдалённых окраин, а также оценивать степень её эффективности. Это требовало крайней осторожности при составлении текста, дабы не привлекать к себе излишнего внимания и не навлечь бесчисленные проверки, но и не прослыть при этом у начальства беспечным. Исследователям всё время приходится помнить об этом обстоятельстве и проверять достоверность размещённых на их страницах данных, обращаясь к первичным источникам, вникая в детали исторической эпохи, бытовавшие процедуры делопроизводства и даже в личностные характеристики тех, кто подписывал отчёты. Тут многое зависит от квалификации учёного, но для того, чтобы ему было с чем работать, он должен знать, где могут храниться нужные документы.

Теперь в своих поисках историки могут опереться на изданный в 2020 г. А.И. Раздорским сводный каталог печатных версий генерал-губернаторских и губернаторских всеподданнейших отчётов 1845–1916 гг. Его составитель давно и хорошо известен специалистам, изучающим местное управление Российской империи. В обширном предисловии Раздорский проанализировал отражение сведений о выявленных им материалах в различных библиографических указателях и справочниках и убедительно показал, что в отличие от печатных отчётов наместников и генерал-губернаторов, которые он же впервые описал в 2011 г.[1], «отчёты губернаторов и градоначальников до сих пор не являлись объектом специального источниковедческого изу-

чения и библиографического учёта» (с. 11). В 2016–2020 гг. составитель просмотрел 5969 экземпляров отчётов (из них 5585 – в РГИА), зафиксировав отличительные особенности каждого(!) из них. Всего в сводный каталог им внесено 2309 печатных и гектографированных отчётов по Кавказскому наместничеству, дюжине генерал-губернаторств, 107 губерниям, областям и градоначальствам Российской империи.

Длительный и кропотливый труд позволил Раздорскому сделать весьма ценные наблюдения. Например, выяснилось, что круг адресатов, которым рассылались для ознакомления отчёты, мог быть достаточно широк. При этом нередко они именовались «рапортами», всеподданнейшими «записками» и «докладами». Правда, такую «вольность» в делопроизводственной терминологии чаще позволяли себе генерал-губернаторы и наместники, нежели губернаторы (с. 30–34). Возможно, эта деталь будет полезна для отыскания по архивным описям недостающих «допечатных» отчётов конца XVIII – первой половины XIX в.

В предисловии подробно характеризуются три собрания печатных отчётов губернаторов и градоначальников, хранящиеся в РГИА (с. 40–47). Однако при их обработке обнаружились «довольно значительные лакуны (прежде всего за период с 1897 по 1916 г.)», а до «полного (теоретически) комплекта» за 1884–1914 гг. недоставало примерно четверти (с. 47)[2]. Это заставило составителя каталога просмотреть свыше 600 архивных дел из четырёх фондов РГИА (ф. 1263, 1276, 1282 и 1284), а также обследовать хранилища других архивов, библиотек и музеев России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Литвы, Узбекистана, Украины и Финляндии. В результате удалось описать около двухсот ранее не учтённых отчётов, напечатанных в Петербурге или на местах. Кроме того, были «документально подтверждены факты несоставления отчётов за 39 лет по 20 губерниям, областям и градоначальствам» и «зафиксирован 231 рукописный и машинописный отчёт по 80 губерниям, областям и градоначальствам за годы, по которым печатные копии в архивных делах не обнаружены» (в этих случаях вместо описания в книге даётся точное указание места хранения) (с. 48). И всё же именно в РГИА имеются в наличии «2269 печатных и гектографированных отчётов наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, что составляет 98,3% от общего количества выявленных источников данного типа» (с. 49). Где находятся ещё 583 ежегодных отчёта, до сих пор неизвестно. Скорее всего, они вовсе не составлялись. Из них 528 относятся к периоду после 1897 г., когда требования к отчётности несколько смягчились, а 218 – к 1914–1916 гг. (с. 48).

Весьма важно и то, что подготовленный Раздорским сводный каталог, выпущенный при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, в соответствии с условиями гранта разослан во все республиканские, краевые и областные библиотеки Российской Федерации, а также во многие университетские библиотеки страны. Таким образом, исследователи из самых разных научных центров смогут теперь получить исчерпывающую информацию о том, в каких архивах, библиотеках и музеях доступны те или иные печатные отчёты, а специально составленный указатель ещё более облегчает подобный поиск (с. 936–937).

Тем самым справочник А.И. Раздорского открывает перед историками новые перспективы. Сопоставление однородных данных по разным губер-

ниям, несомненно, поможет глубже понять как общие тенденции в развитии экономики, культуры, образования и социальной структуры российского общества, так и специфику каждого региона. Но хочется надеяться, что со временем появится сводный каталог (а может быть, и электронная база) не только печатных, но и рукописных и машинописных отчётов глав местной администрации Российской империи за всё время её существования.

Примечания

[1] *Раздорский А.И.* Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи (приложения к всеподданнейшим отчётам губернаторов, начальников областей и градоначальников), 1870–1916. Сводный каталог. СПб., 2011. С. 757–771.

[2] С середины 1880-х гг. в Комитете министров стали снимать с отчётов типографские копии для служебного пользования (с. 20–21). Во многих экземплярах при этом воспроизводились и отметки, оставленные императором при чтении рукописного (или машинописного) отчёта (с. 24–25).

Владимир Калиновский

Во имя процветания Тавриды: новый взгляд на историю немецкой общины Крыма*

Vladimir Kalinovsky
(Saint Petersburg State University, Russia)

In the name of prosperity of Taurida: a new look at the history of the German community of Crimea

DOI: 10.31857/S0869568722060267, **EDN**: MOTMVM

Среди множества народов, населяющих Крым, всегда выделялись немцы, сыгравшие в XVIII–XX вв. выдающуюся роль в истории полуострова. Особенно заметным их влияние было в имперский период, когда немцы Крыма и Таврии прошли путь от колонистов-переселенцев до влиятельных землевладельцев, финансовых магнатов, деятелей земского движения, политиков и меценатов. При этом депортация немецкой общины с полуострова после начала Великой Отечественной войны надолго сделала изучение вопросов истории этой этнической группы запретной темой. Ситуацию изменила перестройка, в ходе которой немцы вновь получили право проживать в Крыму, немецкая диаспора была возрождена, хотя и в намного меньших масштабах. С этого времени стали появляться и первые исследования, посвящённые различным аспектам деятельности немцев на полуострове. Однако до последнего времени обобщающей работы по этой актуальной теме не существовало.

Выход в свет монографии кандидата исторических наук Ивана Панасовича Задерейчука стал серьёзным шагом в изучении важной составляющей многогранной этнической истории Крыма. Симферопольский исследователь уже несколько десятилетий посвятил изучению деятельности здесь немецкой общины. Он собрал

* *Задерейчук И.П.* Немцы Крыма – жизнь во благо. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2019. 464 с.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-10044 «Крым в поисках национального и конфессионального согласия (1783–1920 гг.)».

значительный массив документов из архивных собраний Российской Федерации и Украины, осуществил ряд этнографических экспедиций в места, где ранее компактно проживали крымские немцы, зафиксировал текущее состояние объектов их материальной культуры (здания церквей, школ, усадеб, надгробия и некрополи). Это позволило комплексно и объективно определить место немцев Крыма среди других народов полуострова. Исследователь поставил перед собой задачу реабилитировать «доброе имя народа-созидателя», популяризовать знания о немцах, «которые, проживая более ста лет в Крыму, сыграли весомую роль в его социально-экономическом развитии, внесли вклад в хозяйственную и культурную жизнь полуострова» (с. 7).

Хронологические рамки исследования выбраны автором вполне логично. В качестве отправной точки он определил рубеж XVIII–XIX вв., когда после манифестов Екатерины II и Александра I в Крыму появились первые немецкие поселения. Завершается изложение летом 1941 г.: после начала гитлеровской агрессии было принято решение о выселении немцев с полуострова. Таким образом перед читателями предстает завершённая история существования самобытной немецкой общины – от зарождения до ликвидации. Немецкое трудолюбие, порядок и основательность стали важными составляющими общественно-политического и культурного ландшафта Крыма в имперский период и первые пореволюционные десятилетия.

Во введении Задерейчук кратко характеризует основные направления деятельности немцев в регионе, которые затем подробно освещает в восьми главах монографии. В первой главе он анализирует особенности немецкой колонизации Крыма и специфику демографических процессов на протяжении XIX – начала XX в. Историк справедливо называет причинами переселения немцев в Российскую империю сложную политическую и экономическую ситуацию в Западной Европе, а также религиозные притеснения ряда протестантских общин (с. 10–11).

В екатерининскую эпоху Россия, присоединившая к себе большое количество новых территорий, была заинтересована в лояльных и трудолюбивых подданных. Ради этого государство предоставляло немцам льготы и привилегии. Эту политику продолжил Александр I, манифестом 1804 г. закрепивший новый механизм переселения – отныне будущие колонисты сами могли выбрать места для проживания. Это привело к появлению своеобразного феномена, который обойдён вниманием в рецензируемом издании. Таврическая губ. исторически включала в себя не только Крым, но и три уезда на материке. Зачастую крупным землевладельцам из числа немцев принадлежали обширные поместья именно там, но, поскольку губернский центр находился в Симферополе, немецкие помещики активно вовлекались и в жизнь полуострова. Самый известный пример – деятельность династии Фальц-Фейнов, основателей всемирно знаменитого заповедника Аскания-Нова. Для представителей этой семьи Крым также стал местом, где они могли реализовывать свои общественно-политические начинания.

Как отмечает Задерейчук, при Александре I в пределах Крымского полуострова немцы основали небольшое количество поселений, самым известным из которых стал курортный Судак. Показательно, что в этот период местные власти за свой счёт строили для новых жителей края дома (с. 21). Однако в первой половине

XIX в. численность немецкой общины Таврической губ. не превышала 18 тыс. человек. Ситуация кардинально изменилась после Крымской войны и массовой эмиграции из края крымских татар. Освободившиеся земли стали заселять другие народы. Немцы занимали среди них одно из первых мест, развивая сельское хозяйство и приумножая тем самым экономическую мощь Крыма. Благосостояние края прямым образом влияло на благополучие немецкой общины, которая на момент первой Всероссийской переписи 1897 г. увеличилась почти вдвое, превысив 30 тыс. человек. Однако этот рост был остановлен Первой мировой войной и начавшейся борьбой с «немецким засильем».

Задерейчук обошёл вниманием события революции и Гражданской войны, но подробно осветил жизнь немцев Крыма при советской власти. Вместе с другими народами полуострова они пережили ряд трагических событий: голод 1921–1923 гг., политику раскулачивания, репрессий и религиозных гонений. Характерно, что низовая инициатива немцев организовать помощь во время голода встретила сопротивление со стороны большевиков: Крымский союз южнорусских колонистов и граждан немецкой расы был ликвидирован вскоре после основания (с. 51). После прихода к власти в Германии А. Гитлера немцы Крыма начали обвиняться в связях с Третьим рейхом и пропаганде идеологии нацизма (с. 59). Показательным выглядит приведённый исследователем пример: по итогам выполнения оперативного приказа НКВД «Об операции по репрессированию бывших кулаков, криминалитета и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. в Крыму были осуждены 4 тыс. человек, из которых 873 (22%) составляли немцы (с. 61). При этом «политику кнута» советская власть совмещала с «политикой пряника»: в Крыму был создан национальный немецкий Биюк-Онларский район (с. 56), однако даже в нём немцы не составили численного большинства. Итогом репрессивной политики власти по отношению к немцам стало их выселение из Крыма после начала Великой Отечественной войны. Как отмечает Задерейчук, это решение в дальнейшем нанесло значительный удар экономике, поскольку в степных районах полуострова немцы исторически составляли значительную часть рабочей силы и хорошо знали все тонкости ведения сельского хозяйства.

Во второй главе исследования характеризуются особенности административно-территориального устройства в местах компактного проживания крымских немцев. Историк положительно отзывается о принципах управления немецкими колониями в период Российской империи, когда центральные и региональные власти уделяли особое внимание вопросам местного самоуправления. Это позволяло решать сразу несколько задач: для общины – сохранять традиционный уклад жизни, для власти – контролировать колонистов и поддерживать их лояльность. Задерейчук отметил влияние на местное самоуправление Великих реформ Александра II, которые, с одной стороны, меняли статус немцев, превращая их в поселян-собственников, а с другой – ускорили процесс их интеграции в жизнь края (с. 80). Эта система за несколько десятилетий укоренилась и стала привычной для народов Крыма, поэтому нововведения советской власти на первых порах воспринимались немецкой общиной оппозиционно.

Как полагает Задерейчук, ситуация изменилась после начала политики коренизации, в результате чего появилось новое административное районирование края и были созданы

национальные сельские советы (немецких из них в Крымской АССР насчитывалось 29) (с. 84). Непродуманность реформ иногда приводила к межнациональному противостоянию. Это происходило, когда немецкие села оказывались приписанными к тем сельским и районным советам, где большинство составляли представители других народов. Несогласие немцев Крыма с политикой советской власти способствовало распространению в их среде различных форм пассивного сопротивления, например, бойкотирования выборов. Сворачивание политики коренизации положило конец надеждам немецкой общины полуострова на сохранение своей национальной самобытности.

Третья глава монографии посвящена анализу религиозной политики, проводимой в Российской империи и в первые годы советской власти. Если империя, несмотря на господствующий статус православия, оставляла за немцами право на исповедание католицизма, лютеранства, адвентизма, баптизма и меннонитства, что подкреплялось манифестами, то в Советском Союзе последовательно проводились антирелигиозные мероприятия. При этом исследователь обращает внимание на прецедент вероисповедных ограничений в годы Первой мировой войны, когда представители «немецких исповеданий» подвергались «жестоким репрессивным мерам» (с. 98–99).

В 1930-х гг. в Крыму, как и в других районах РСФСР, массово закрывались и превращались в склады и сельские клубы, а в отдельных случаях и разрушались кирхи. Антирелигиозные мероприятия также вызывали отторжение у представителей немецкой общины Крыма. Задерейчук приводит такой пример: во время школьного спектакля в совхозе «Труд» был упомянут Бог (очевидно, в негативном контексте), после чего большинство присутствовавших демонстративно вышли из зала (с. 121). Известны и другие проявления несогласия с антирелигиозной политикой власти: проведение богослужений в домах, отказы отдавать детей в пионерскую организацию, организация встреч с проповедниками. Власть боролась с этим с помощью репрессий и усиления пропаганды. Одним из результатов, как справедливо полагает Задерейчук, стала консолидация немцев Крыма вокруг религии, которая являлась для них «важнейшим объединяющим фактором и духовным стержнем» (с. 124).

Четвёртая глава монографии посвящена становлению системы немецкого национального образования в Крыму. В имперский период немцам удалось сохранить традиционные формы школьного обучения, в том числе родной для них язык преподавания и принцип выборности учителей. До конца XIX в. этот набор преференций в немецких школах устраивал общину, но не устраивал государство, поскольку немцы сохраняли определённую автономию от общегосударственной школы, что, в свою очередь, замедляло интеграционные и централизующие процессы. В итоге, также под влиянием событий Первой мировой войны, с 1916/17 учебного года преподавание на немецком языке было запрещено (за исключением изучения Закона Божия детьми евангелическо-лютеранского исповедания, для которых немецкий язык являлся родным) (с. 134). Советская власть в рамках политики коренизации на время вернула немецкий язык в национальные школы, но достаточно быстро начала вытеснять его из образовательных учреждений. Помимо этого, немецкие школы в Крыму стали местами пропаганды коммунистических, антирелигиозных и антикулацких идей. Пре-

подаватели, получившие образование в имперский период, заменялись на молодых, благонадежных и «проверенных» специалистов. В 1938 г. школы, организованные по национальному признаку, были ликвидированы по всему СССР, в том числе и в Крыму, завершив таким образом историю немецкого национального образования на полуострове.

Вызывает интерес пятая глава книги, в которой рассматриваются вопросы функционирования системы просвещения в местах компактного проживания немцев. В годы Российской империи в крымских немецких колониях открывались библиотеки. Задерейчук приводит данные об изданиях, которые выписывались этими учреждениями. Это не только Библия и богослужебные книги на немецком языке, но и периодика – востребованный во всей России журнал «Нива», влиятельная севастопольская газета «Крымский вестник» и др. (с. 203).

После установления советской власти в Крыму библиотеки вытеснили избы-читальни и клубы, а место религиозной литературы заняли труды классиков марксизма-ленинизма. Новый подход знаменовал собой переход к русификации немецких поселений, поскольку новые издания выходили преимущественно на русском языке. Для пропаганды коммунистических идей и приобщения к советской культуре (в противовес национальной) использовались кинопоказы, радиотрансляции, выступления агитбригад и театральных кружков; проводились беседы (среди которых преобладали антирелигиозные). Высокой оценки заслуживает проведённый Задерейчуком анализ истории немецких периодических изданий, выходивших в Крыму.

Шестая и седьмая главы монографии повествуют о вкладе немцев в экономическое развитие полуострова (преимущественно в имперский период). Автор отмечает успехи немецкой общины в области земледелия: нередко именно немцы-колонисты славились на весь Крым своими культурными, по определению того времени, поместьями, дававшими высокие урожаи. Колонисты занимались выращиванием озимой и яровой пшеницы, картофеля, кукурузы, льна, бахчевых культур. В конце XIX в. немцы воспринимались современниками как пропагандисты технических новинок в сельском хозяйстве, как «культуртрегеры», т.е. усердные распространители культуры и просвещения «среди тёмного крестьянского люда» (с. 255).

При участии немецкой общины в Крыму была основана отрасль, без которой невозможно себе представить современный полуостров – виноделие. В частности, у истоков профессионального винодельческого училища в Судаке стоял выдающийся учёный-энциклопедист и естествоиспытатель П.С. Паллас (с. 262). Немецкие колонии стали первыми крупными центрами виноградарства в Крыму. Известное винное производство было основано представителями семьи Шталь.

Больших успехов немцы добились в сфере садоводства и пчеловодства, их продукция представлялась на региональных и всероссийских выставках. Этническим немцам принадлежали многие мельницы, заводы и фабрики в Крыму. Неоспорим вклад немецкой общины и в развитие строительной промышленности: их производства снабжали полуостров качественными кирпичами и черепицей. Задерейчук выявил факты принадлежности немецким семьям нескольких каменоломен и известковых заводов. Одним из самых известных крымских предприятий в Российской империи стала симферопольская консервная фабрика товарищества «Эйнем», ко-

торое с 1913 г. являлось поставщиком двора его императорского величества (с. 344). Из крымских фруктов и овощей производилась продукция, которая была хорошо известна в России и за её пределами. Задерейчук увлекательно описывает работу предприятия со дня его открытия до национализации большевиками. Немцы сохранили и традиционные для себя виды хозяйства, в частности, пивоварение. В этом смысле показательно, что симферопольский пивоваренный завод принадлежал М. Альмендингеру и Ф. Гамму и назывался «Крымская Бавария».

Задерейчук внёс значительный вклад в исследование вопросов общественно-политической деятельности немцев Крыма. Этой теме посвящена восьмая глава рецензируемого исследования. Учёным установлен персональный состав деятелей земского движения – представителей немецкой общины и их участия в решении наиболее важных проблем крымского общества. После издания манифеста 17 октября 1905 г. крымские немцы активно включились в развивавшиеся политические процессы. Историк указывает, что среди немцев Юга Российской империи вначале была популярной идея создания собственной политической партии для отстаивания национальных интересов (с. 376). Однако после провала этой инициативы крымские немцы стали искать себе союзников среди имевшихся партий. Задерейчук рассматривает особенности политической борьбы на примере выборных кампаний в III и IV Думы, которые стали наиболее успешными для немцев Крыма. Депутатами были избраны Г.Г. Гальвас, В.Э. Фальц-Фейн, П.П. Шредер и В.К. Винберг (с. 384).

Ярким и поучительным представляется очерк, посвящённый развитию благотворительности. На средства немецкой общины содержались многие филантропические учреждения: детские приюты, больницы, ясли и т.д. Так, основательницей самого крупного в Таврической губ. приюта, собравшей средства на его создание, стала жена местного губернатора А.М. Адлерберг (с. 394). Убедительно показано, что в дни тяжёлых для России испытаний, связанных с внешними угрозами, немцы в Крыму защищали своё новое отечество. Если говорить о событиях Крымской войны, то внимания заслуживает не только приехавший сюда на службу выдающийся инженер Э.И. Тотлебен, создатель оборонительной системы в Севастополе, но и многие уроженцы полуострова, служившие в армии и делавшие щедрые пожертвования на её нужды. Ещё более показательный пример – участие крымских немцев в Первой мировой войне в рядах русской армии и в Таврическом губернском комитете по оказанию помощи больным и раненым воинам (с. 407). В этом случае для немецкой общины Крыма «российское» и «государственное» оказалось важнее, чем «германское» и «национальное». Тем несправедливее воспринимается затронувшая эту диаспору борьба с «германизмом»[1].

Рецензируемая книга снабжена пятью приложениями, в которых в виде таблиц представлены статистические данные о распределении немецкого населения и принадлежащей ему земли в Крыму на 1914 г., о населённых пунктах – местах компактного проживания общины на полуострове, о принадлежавших немцам предприятиях. Знакомство с этой информацией подтверждает тезисы Задерейчука о том, что накануне Первой мировой войны без немецкого элемента нельзя было представить ни общественной жизни региона, ни бурного развития промышленности и торговли. Это

также доказывает, насколько серьёзными и имевшими далеко идущие последствия оказались попытки ликвидации немецкого землевладения в дни «Второй Отечественной». Ещё одним достоинством издания является большое количество уникальных иллюстраций – портретов видных представителей немецкой общины в Крыму, документов, чертежей и фотографий различных зданий.

Наряду с достоинствами, нельзя не отметить и присущие работе Задерейчука недостатки. В ней отсутствует столь необходимый для обобщающих трудов историографический раздел, однако из текста работы можно сделать вывод, что автору хорошо известны ключевые научные исследования отечественных и зарубежных историков (в том числе, разумеется, и публикации учёных из Германии). По касательной освещён важнейший сюжет, связанный с кампанией по борьбе с «немецким засильем» в дни Первой мировой войны, нанесший общине удар, от которого она не смогла до конца оправиться. Проигнорирован сюжет о германской оккупации Крыма в 1918 г., который, в известной степени, может рассматриваться как своего рода звёздный час немецкой диаспоры. Как сообщается в воспоминаниях Н.Н. Богданова, в правительстве германского ставленника генерала М.А. Сулькевича «по рекомендации съезда представителей немецких колонистов министрами были назначены [Т.Г.] Рапп и В.С. Налбандов, по матери немецкого происхождения и имевший связи среди немецких колонистов»[2]. На мой взгляд, не получил должного рассмотрения вопрос о депортации немцев из Крыма в 1941 г. К сожалению, в издании не обошлось и без небольшого количества опечаток, которые затрудняют восприятие текста.

В целом же рецензируемая монография – это первое комплексное исследование, посвящённое жизни немецкой общины на Крымском полуострове. И.П. Задерейчуку удалось убедительно доказать, что при взвешенном подходе центральной и региональной администраций немецкой общине удалось, сохраняя свою самобытность, стать верными подданными российского государства и принести ему немало пользы. Книга, безусловно, может рассматриваться как серьёзное и капитальное исследование. Убеждён, что она обязательно найдёт своего читателя.

Примечания

[1] *Калиновский В.В., Пученков А.С.* «Немецкий вопрос» в Крыму в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. Т. 11. 2021. Вып. 4.

[2] *Богданов Н.Н.* Крымское Краевое правительство [1919] / Публ. А.С. Пученкова // Новейшая история России. Т. 8. 2018. № 2. С. 538.

Николай Смирнов

Православное духовенство в годы Гражданской войны*

Nikolay Smirnov
(Saint Petersburg State University, Russia)

Orthodox clergy during the Civil War

DOI: 10.31857/S0869568722060279, **EDN**: MOVBQJ

В последние десятилетия историки плодотворно разрабатывают самые разные аспекты истории Русской Православной Церкви, в том числе и в переломную для нашей страны эпоху Великой российской революции и Гражданской войны. В настоящий момент у серьёзных исследователей уже не вызывает сомнений то, что религиозный фактор имел в те годы особую значимость и заметно влиял не только на пропагандистскую риторику, но и на политику противоборствующих сил. Красные считали необходимым сломить Церковь для утверждения своего единовластия, а белые видели в ней своего важнейшего и надёжнейшего союзника, способного донести их идеи и лозунги до народных масс[1].

Создано немало глубоких трудов как монографического, так и обобщающего характера о том, как протекала церковная жизнь в отдельных регионах, как складывались судьбы отдельных священнослужителей в центре и на окраинах бывшей империи[2]. В вышедшей в 2021 г. монографии священника Михаила Анатольевича Березина освещено положение духовенства Петропавловского уезда Акмолинской обл. (современного Северного Казахстана), входившего в клир Омской и Тобольской епархий. Работа построена на множестве источников, включая материалы, извлечённые из Исторического архива Омской обл., Государственного архива г. Тобольска, Северо-Казахстанского государственного архива, личные документы потомков семей местных пастырей, данные устной истории и публикации периодической печати. В целом источниковая база монографии достаточно репрезентативна. При этом в предисловии автор отмечает, что специальных работ, посвящённых жизни рядового духовенства Северного Казахстана в годы Гражданской войны, «практически не существует», и его исследование призвано заполнить имеющуюся лакуну (с. 4–5).

Книга состоит из трёх глав, каждая из которых, по сути, представляет собой отдельное исследование. Так, в первой главе «Историко-политический контекст жизни православного духовенства: революция и Гражданская война в Северном Казахстане» говорится о событиях, происходивших в регионе, начиная с реакции на отречение Николая II и до Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. Вторая глава «Деятельность Православной церкви Северного Казахстана в 1917–1921 гг.» рассказывает о жизни Омской епархии при разных политических режимах, сменявших друг друга в Сибири. В третьей главе прослеживаются

---

* *Березин М.А.* Судьбы православного духовенства Северного Казахстана в годы Гражданской войны. Петропавловск: Газетный двор, 2021. 128 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

судьбы клириков края, как правило, пострадавших от репрессий со стороны большевиков.

Хотя революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война коснулись всех слоёв русского общества, духовное сословие, по мнению Березина, «пострадало наиболее сильно ввиду того, что происходящие изменения носили подчёркнуто антирелигиозный и антицерковный характер». Вместе с тем «самоотверженный подвиг духовенства и мирян позволил сохранить Русскую Церковь на протяжении тяжёлых лет советских богоборческих гонений» и может служить наглядным примером «величия христианской веры» (с. 4).

Весной 1917 г. в Степном генерал-губернаторстве, не исключая и Петропавловский уезд Акмолинской обл., «власть без сопротивления перешла в руки революционных сил» (с. 11). В конце года в крае стремительно прошла массовая советизация городских и уездных учреждений, затем начались столкновения между легионерами Чехословацкого корпуса и местными советами (с. 15). С лета 1918 г. уезд последовательно находился под властью Временного Сибирского правительства, верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и Петропавловского уездного ревкома, созданного 31 октября 1919 г. в ходе наступления Красной армии. В итоге, «лишь к исходу 1919 г. военное противостояние окончательно закрепило смену власти и показало, что власть коммунистической партии установилась надолго» (с. 19).

Анализируя первые антицерковные постановления советской власти, Березин приходит к выводу, что они «в корне ломали сложившуюся многовековую практику церковно-государственных отношений», чем и вызвали в январе 1918 г. ответную реакцию Церкви и, в частности, известное послание патриарха Тихона (Белавина), убеждавшее «безумцев» остановить уничтожение храмов, массовое братоубийство, отвержение таинств и другие преступления. Впрочем, оно «не содержало никаких прямых призывов к вооружённой борьбе и сопротивлению властям. Это было послание, написанное для народа, который должен как можно скорее прекратить кровопролитие и междоусобицу». Конечно, под «безумцами» легко угадывались представители советской власти, но прямо о них не говорилось. Однако большевистская партия «сразу восприняла этот акт патриарха и Собора как призыв к сопротивлению» и удобный повод «начать более жёсткую антицерковную политику» (с. 21). 20 января последовал декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», передававший всё церковное имущество государству и лишавший Церковь юридического статуса. Фактически он «представлял радикальную программу секуляризации всей общественной жизни». Монахи и священнослужители остались без избирательных прав. С конца 1918 г. развернулась кампания по вскрытию и уничтожению святых мощей, нацеленная на дискредитацию Церкви в глазах верующих (с. 22). И «хотя формально официальная религиозная политика была направлена на отделение Церкви от государства, фактически же советская власть ставила целью полное разрушение Православной Церкви. Однако власть хотела не только уничтожить Церковь как организацию, но и расправиться с духовенством и наиболее активными мирянами, против которых под видом борьбы с контрреволюцией начался массовый террор» (с. 23).

Всё это затронуло и отдалённый Петропавловский уезд. Сообщение об отречении императора появилось в церковной прессе Омской епархии

только 12 марта 1917 г. Принимая случившееся как состоявшийся факт, духовная консистория распорядилась «поминать вместо царствующего дома Временное правительство» (с. 35). Как пишет Березин, «духовенство спокойно и даже с воодушевлением встретило свершившиеся перемены», признавая «их полезными и промыслительными для государства» (с. 36). Клирики активно включились в работу различных организаций, появилась прогрессивная церковно-общественная газета «Новая жизнь» (с. 37–38). Вне всякого сомнения, вплоть до прихода к власти большевиков духовенство Омской епархии связывало с революцией надежды на лучшее.

Начавшаяся реализация «Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятого 23 января 1918 г., вызвала категорическое неприятие в церковных кругах[3]. Но их возможности противодействовать насилию ограничивались проведением крестного хода в защиту храмов и святынь, а также прав причта и верующих (с. 41). Впрочем, вскоре «Омская епархия была отрезана от “красной” части страны» (с. 42). Состоявшееся в Томске 19 ноября – 3 декабря 1918 г. Сибирское соборное совещание, в котором приняли участие 13 архиереев и 26 членов Поместного собора Православной Российской Церкви, постановило создать на территориях, подконтрольных власти Колчака, Высшее временное церковное управление во главе с архиепископом Омским и Павлодарским Сильвестром (Ольшевским) – одним из самых ярких и харизматичных местных архиереев[4]. Новая структура немедленно заявила о необходимости сокрушить большевизм, погрузивший Россию во «мрак и нечестие» (с. 43).

Таким образом, «жизнь епархии существенно поменялась по сравнению с тем масштабным церковным движением, которое существовало ещё годом ранее. Теперь ни о каких преобразованиях не могло быть и речи; Церковь и духовенство подверглись гонениям и в целом не питали больше никаких иллюзий по отношению к свершившимся политическим и общественным переменам» (с. 44). Неудивительно, что епископат и духовенство Омской епархии горячо поддержали антибольшевистскую деятельность правительства Колчака, отменившего все советские антирелигиозные распоряжения. Правда их сотрудничество продолжалось недолго: после падения Омска Временное высшее церковное управление покинуло епархиальные пределы и отправилось в Иркутск, где фактически прекратило своё существование «по причине фактического уничтожения Российского государства и восстановления церковно-канонической связи с патриархом всероссийским» (с. 44–45).

Возвращение красных ознаменовалось репрессиями. Владыка Сильвестр призвал верующих прекратить вооружённую борьбу и подчиниться советской власти, но несколько месяцев спустя он скончался, ожидая ареста[5]. Вскоре по епархии прокатилась волна закрытия храмов (с. 47–48). При подавлении большевиками Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. только в Петропавловском уезде были убиты десять священнослужителей и монашествующих. Причём священник церкви с. Белово Г.А. Ячменёв подвергся расправе лишь по подозрению в совершении молебна о победе повстанцев. Преследование духовенства «за участие в восстании» прекратилось только к началу 1922 г. (с. 50–51).

Завершает книгу подробный рассказ о трагических судьбах священномучеников епископа Мефодия (Краснопёрова) и священника Владимира Васильевича Панькина, а также расстрелянных большевиками в дни Западно-

Сибирского восстания священников Константина Дмитриевича Кузовникова и Григория Алексеевича Ячменёва, священника Константина Константиновича Зубова, открыто поддержавшего повстанцев и убитого пробольшевистски настроенными местными жителями, репрессированных священника Александра Викторовича Знаменского и псаломщика П.В. Платонова.

Интереснейшая монография о православном духовенстве Степного края времён Гражданской войны, подготовленная священником Михаилом Березиным, представляет собой удачный пример синтеза церковной и политической истории и будет востребована специалистами, изучающими процессы, происходившие на окраинах России в революционную эпоху.

Примечания

[1] *Смирнов Н.Н.* «Нельзя отделять церковь от Гражданской истории...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. Т. 7. 2022. № 2. С. 57–64.

[2] *Пученков А.С., Калиновский В.В.* Духовный форпост России. Православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб., 2020.

[3] Подробнее см.: *Фирсов С.Л.* «Время войне и время миру»: Православная Российская церковь и Гражданская война в России. Очерки истории и историографии. СПб., 2018. С. 21–22.

[4] Подробнее см.: *Калиновский В.В., Смирнов Н.Н.* Актуальное наследие Сибирского Собора // Российская история. 2021. № 6. С. 215–219.

[5] См.: *Сушко А.В.* К вопросу о последних днях жизни архиепископа Сильвестра (Ольшевского) // Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. Материалы II всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Омск, 2017. С. 328–335.

Игорь Богомолов

Igor Bogomolov
(Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Рец. на: M. Rendle. The State versus the People: Revolutionary Justice in Russia's Civil War, 1917–1922. Oxford: Oxford University Press, 2020. 317 p.*

DOI: 10.31857/S0869568722060280, **EDN**: MOXTAC

Новые работы по истории советского правосудия и судопроизводства в годы Гражданской войны – явление достаточно редкое и уже потому притягивающее к себе внимание. Столетие Гражданской войны не изменило ситуацию, так как во многом этот вопрос остался в тени «юбилея» революции 1917 г., и большинство проблемных сюжетов рассматривались в контексте общего революционного процесса в России. В этом смысле обращение автора рецензируемой монографии, старшего преподавателя Экзетерского университета М. Рэндла, к проблеме «революционной законности» именно в годы Гражданской войны выбивается из общего ряда «юбилейных» исследований. Выход этой книги, на мой взгляд, характеризует уже «постюбилейную» историографию, которая в большей степени фокусируется на классической хронологии российской революции и с куда меньшим рвением «перепрыгивает через революционный барьер» (выражение Р. Уэйда[1]), выделяя 1917 г. и Гражданскую войну как периоды, достойные отдельного и более пристального изучения.

* *Рэндл М.* Государство против народа: революционное правосудие в Гражданской войне в России, 1917–1922. Оксфорд: Изд-во Оксфордского университета, 2020. 317 с.

Монография состоит из введения, шести глав и заключения. Во введении автор подробно характеризует причины редкого обращения российских и зарубежных исследователей к истории правосудия в первые годы советской власти. Учёные, по его словам, «сосредоточились на влиянии революции на право, а не наоборот, в то время как многие, похоже, предполагают, что право маргинализируется и даже разрушается в периоды серьёзных потрясений» (p. 4). Представление о российской Гражданской войне как времени беззакония прочно утвердилось в массовом сознании и весь последний век влияло на историческую науку. На это накладывались и более прозаические причины: закрытость советских архивов вынуждала западных историков полагаться в основном на официальные документы, а для отечественных учёных эти источники были первостепенными. «Архивная революция» 1990-х гг., безусловно, повлияла на ситуацию: появились работы о повседневной юридической практике, работе судов как в столицах, так и в провинции. Однако, как справедливо отмечает Рэндл, большее внимание всё равно уделяется позднеимперскому периоду как времени «реальной» независимости судов, состязательности процессов и возможности легально противостоять государству в правовом поле[2]. Первые годы советской власти неизменно предстают неким антиподом, временем полного и окончательного разрыва с предыдущей правовой традицией, который вкупе с террором (как «красным», так и «белым») делает исследования судопроизводства едва ли не бессмысленным. Рэндл в своей монографии предпринимает попытку выйти за рамки этой традиции.

Название — «Государство против народа» — может ввести в заблуждение, отсылая к известной работе Н. Верта «Государство против своего народа: насилие, репрессии и террор в Советском Союзе»[3]. Скорее Рэндл использовал это выражение как некий парафраз, иначе передавая его смысл. Главной задачей он считает показать не столько противостояние, сколько сложное взаимодействие нового государства с народом, живущим со старыми представлениями о мире в целом и правосудии в частности. В книге исследуется, как большевики использовали трибуналы в качестве «средства решения проблем, с которыми они сталкивались во время Гражданской войны», среди них — построение эффективного государства, борьба с угрозами и формирование нового общества (p. 19). Для решения поставленных масштабных задач автор использовал обширный круг архивных источников, в частности фонды ГА РФ, РГАСПИ, РГВА, ЦГА МО, коллекции документов Гуверовского института, Бахметьевского архива, Исследовательского института Гетти, Исследовательского института идиша (YIVO). К работе также привлечены сборники законодательных актов, многочисленные российские и советские газеты и журналы, кинохроника.

В первой главе подробно описывается создание советского революционного правосудия. Как и в других областях управления, у большевиков «не было четкого плана, и, следовательно, новая система создавалась поэтапно, в форме различных декретов и постановлений, которые реагировали на конкретные вызовы» (p. 22). С одной стороны, разрешённые Декретом о суде 24 ноября 1917 г. избрание неподготовленных судей, вмешательство общественности в судебные процессы, открытая политизация права и предпочтение в судебных решениях «революционному сознанию» представлялись многим современникам-юристам как крушение основ правосудия и правосознания. С другой стороны, Рэндл

подчёркивает, что большевики считали закон в первую очередь «инструментом, используемым правящими классами для защиты своих интересов» (p. 26). В условиях Гражданской войны Наркомюсту приходилось доказывать эффективность судебных процессов для свершения «революционного правосудия».

Созданные в декабре 1917 г. ревтрибуналы поначалу оказывались под огнём критики Москвы за медлительность, процедурную волокиту, увлечённость «мелкими» делами (грабежи, кражи, разбой, мародёрство, незаконное пивоварение), в то время как главной их задачей объявлялась борьба с контрреволюцией. Система ревтрибуналов стихийно распространялась на подконтрольной большевикам территории, создавая многочисленные разновидности судов («народный суд», «революционный суд», «народно-революционный суд», «революционный военный трибунал» и др.). ВЧК предлагало другие методы борьбы с контрреволюцией, отстаивало «быстрый, жестокий и часто произвольный ответ» на угрозы власти большевиков (p. 23). Конфликт между Наркомюстом и ВЧК продолжался с перерывами на протяжении всей Гражданской войны. Однако первоначальные опасения юристов, что правосудие будет заменено насилием, к концу 1918 г. ослабли. Несмотря на разрастание гражданского противостояния и большую роль ЧК, Ленин и его соратники отличали революционное правосудие от революционного насилия. Использование судебных процессов в конечном счёте позволяло «укрепить легитимность и авторитет большевиков, обеспечивая некоторую степень аутентификации их политических действий» (p. 23).

Во второй главе исследуется расширение сети и влияния трибуналов как средства укрепления государственной власти с конца 1918 г. Рэндл отмечает, что большевикам требовалось «физическое присутствие» по всей России, чтобы иметь возможность донести революцию и её идеи непосредственно до народа. В этом смысле суды занимали особое место, являясь не только символом присутствия новой власти и её карательным инструментом, но также «интерактивным форумом, где люди могли взаимодействовать с государством, чтобы устранять ошибки и добиваться “справедливости”» (p. 60). Следуя этой логике, большевики в годы Гражданской войны распространили действие трибуналов на ключевые объекты военной и транспортной инфраструктуры. Для охвата отдалённых районов страны широкое распространение получили выездные сессии, проводившиеся (часто намеренно) в самых разных местах, вроде казарм, пароходов и деревенских площадей. Таким путём большевики пытались вывести трибуналы «за пределы абстрактных пространств и достичь мест, которые имели значение в повседневной жизни людей» (p. 61). Оборотной стороной стало углубление организационных проблем, перераставших порой в ведомственные конфликты. К 1920 г. действовали фактически не зависевшие друг от друга военные, гражданские и транспортные трибуналы – разделение, сохранявшееся вплоть до конца Гражданской войны. По мере укрепления новой государственности и установления контроля большевиков над большей частью бывшей империи потребность в трибуналах уменьшалась, но не исчезла. Со временем они стали своеобразной формой «исключительного правосудия», иногда выходившего за рамки системы народных судов и затрагивавшего важнейшие и наиболее чувствительные для новой власти дела.

В третьей главе рассматриваются преступления, на которые были нацелены трибуналы, изменение представ-

лений о контрреволюционной угрозе и её последствиях для государства. Сразу после Октября контрреволюция классифицировалась в относительно узких терминах: заговоры и саботаж, проводимые очевидными врагами. Однако в ходе Гражданской войны спектр угроз государства и революции значительно расширился за счёт экономических и социальных проблем. В контрреволюционеры записывалась не только «буржуазия», но и «обычные» люди, занимавшиеся спекуляцией и бандитизмом, дезертировавшие из армии и совершавшие служебные преступления. Это имело «значительные последствия для более широких отношений между государством и обществом» (p. 20).

В четвёртой главе Рэндл подробно анализирует ход судебного процесса: передача дела в суд, процедуры, статистика приговоров, социальный состав судей и юристов. В столицах в годы Гражданской войны быстро росла нагрузка на трибуналы и народные суды, из-за чего многие дела рассматривались поверхностно, процессы затягивались на месяцы и даже годы. Хотя трибуналы были прежде всего карающим инструментом, их перегруженность и отсутствие достаточного числа мест заключения вынуждали использовать различные виды наказаний, не связанные с лишением свободы. Остро стоял кадровый вопрос, особенно в провинции, где и до революции не хватало юристов. Наркомюст ожидал, что судьями будут члены партии, способные «защищать интересы революции и демонстрировать революционное сознание» (p. 146). На практике же многие суды обращались к услугам «контрреволюционных элементов», для чего их иногда приходилось освобождать из тюрем. Особое место в этом «кадровом голоде» играли адвокаты, чаще всего — представители образованных слоёв, выходцы из дворянского сословия и органов власти царского и Временного правительств. Их привлечение вызывало множество споров и дискуссий. Некоторые большевики считали, что даже прокуроры не нужны, поскольку это станет «нежелательным напоминанием о репрессивных царских судах» (p. 153). Однако возобладала точка зрения, что трибунал — это «оружие», которое должно находиться в умелых руках, в том числе и опытных прокуроров, обеспечивающих соблюдение процедуры, информирующих судей (зачастую не имевших юридического образования) и помогающих обвиняемым понимать закон и ход судебного процесса. Привлечение адвокатов и прокуроров показывало, что со временем большевики стали рассматривать суды как «дискурсивный общественный форум, на котором государство формулировало свое видение революции, атаковало альтернативные взгляды, классифицировало преступления и использовало принуждение и убеждение». Судебные процессы «проецировали государственную власть и идеологию, в то время как их публичный характер и степень непредсказуемости создавали ощущение легитимности» (p. 179).

Пятая глава посвящена амнистиям и досрочным освобождениям — характерной черте и неотъемлемой части революционного правосудия в годы Гражданской войны. Автор не склонен рассматривать эти шаги как проявления только лишь сострадания. Милосердие служило ряду целей, которые Рэндл называет «холодно логичными». Амнистии снижали нагрузку на пенитенциарную систему и были полезным средством, например, для борьбы с волнениями в сельской местности, возвращения дезертиров в армию или досрочного освобождения ценных специалистов. Эти «холодно логичные» действия «трудно

поддаются количественной оценке», хотя Рэндл приводит приблизительные данные о первых советских амнистиях в разных регионах России и СССР (p. 202, 203, 215).

В шестой главе повествуется об особенностях освещения раннесоветских судебных процессов в прессе, иллюстрациях, фотографии и кинохронике времен Гражданской войны. Как отмечает автор, «воспитательная роль закона неотделима от его карательной роли, и каждое правовое постановление посылает сигнал преступнику и обществу в целом... Эта воспитательная роль обычно ещё сильнее в правовых системах авторитарных режимов, где желание отправлять чёткие политические и социальные послания часто имеет приоритет над поиском истины и справедливости» (p. 220). Вполне осознавая «воспитательную» роль права, большевики уже в первые месяцы после прихода к власти озаботились широким освещением судебных процессов в печати. В.И. Ленин видел в приговорах судов прежде всего послание, подлежащее распространению, и его мнение разделяли другие лидеры партии. Л.Д. Троцкий, к примеру, часто критиковал газетные отчёты о прошедших процессах, вырванные из контекста и потому подающие неправильные посылы: читатель, не зная обстоятельств дела, видел нелогичные, слишком мягкие или слишком суровые приговоры. По мнению Троцкого, суды должны были иметь в виду «широкие массы» и их уровень образования, а газеты – добавлять в отчёты смягчающие обстоятельства, чтобы сделать обоснование приговоров более понятным для читающей публики (p. 225). Продвижению «воспитательной» роли закона поначалу препятствовали также технические факторы: качество печати и фотографии, развитие киноиндустрии, низкие тиражи газет и журналов. Процесс над эсерами в 1922 г. стал «значительным шагом вперед для популяризации революционного правосудия», однако оказалось трудно найти «однозначно успешную формулу для обнародования судебного процесса, который длился так долго» (p. 259).

Благодаря привлечению большого объёма источников, в особенности провинциальных, монография М. Рэндла открывает с новой стороны развитие правосудия в 1918–1922 гг. Автор показал сложную картину взаимоотношений Наркомюста и ВЧК, неоднозначное отношение большевиков к судебной системе, её роли в становлении нового государства. Сосредоточившись не на фактах репрессий и красном терроре, а на организации правосудия в годы Гражданской войны, Рэндл обозначил институциональные и идеологические основы советского правосудия, показал повседневные практики судов в разных регионах страны. В конечном счёте это позволило показать истоки «показательных» процессов и Большого террора 1930-х гг. Автор отмечает, что после Гражданской войны «роль закона как инструмента политического и социального контроля оставалась значительной, поэтому институты и практика, обсуждаемые в этой книге, несомненно, обеспечили основу и опыт, которые способствовали показательным судебным процессам, лагерям ГУЛАГа и террору более поздних периодов» (p. 271). Возможно, следовало более подробно остановиться на работе судебной системы в феврале–октябре 1917 г. и ранее, в годы Первой мировой войны. Рэндл коснулся этих вопросов лишь вскользь, но они определённо могли бы дополнить картину развития «исключительного правосудия» и «революционной законности» в России ещё до прихода большевиков к власти. Тем не менее рецензи-

руемая монография вносит большой вклад не только в изучение правосудия в годы Гражданской войны, но и всей советской системы на стадии её становления.

Примечания

[1] *Wade R.* The Revolution at One Hundred: Issues and Trends in the English Language Historiography of the Russian Revolution of 1917 // Journal of Modern Russian History and Historiography. Vol. 9. 2016. № 1. P. 35, 36.

[2] *Hasegawa T.* Crime and Punishment in the Russian Revolution: Mob Justice and Police in Petrograd. Cambridge, 2017; *Frame M.* Concepts of Policing during the Russian Revolution, 1917–1918 // Europe–Asia Studies. Vol. 68. 2017. № 10. P. 1654–1671.

[3] *Werth N.* A State against its People: Violence, Repression, and Terror in the Soviet Union // The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression. Cambridge, 1999. P. 33–268.

Ольга Большакова

Рец. на: П.А. Трибунский. Российское зарубежье и становление россиеведения в Великобритании и США (конец XIX в. – 1920 г.). М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2021. 297 с.

Olga Bolshakova
(Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad. op.: P.A. Tribunskiy. Rossiyskoye Zarubezh'ye i stanovleniye rossiyevedeniya v Velikobritanii i SShA (konets XIX v. – 1920 g.). Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S0869568722060292, **EDN**: MPHZMH

Интерес к зарубежным исследованиям России традиционно высок и направлен в первую очередь на образы и интерпретации нашей страны, которые можно было бы кратко определить как «взгляд со стороны». В то же время существует понимание, что зарубежная наука о России имеет свою более чем вековую историю, и её изучение необходимо в том числе для более адекватной оценки выработанных за это время концепций. В центре внимания немногочисленных работ по данной проблематике – институции и персоналии, причём как в англосаксонских странах, так и в Западной и Восточной Европе[1]. Большинство из них посвящены достаточно ранним этапам развития россиеведческих исследований, что позволяет обращаться к архивам и привлекать источники личного происхождения.

Монография П.А. Трибунского вносит свой вклад в развитие этого научного направления. Автор сосредоточился на изучении начального периода в истории британского и американского *академического россиеведения*. Содержание употребляемого им термина «россиеведение» вполне соответствует тому, как его раскрыла в своей статье-рецензии А. Плате, писавшая о «научно-популярном, часто поверхностном взгляде», с которым в немецком языке ассоциируется корень «-ведение», отсылая нас к таким дисциплинам, как страноведение или краеведение[2]. Однако для избранного Трибунским хронологического периода термин вполне уместен, поскольку научное изучение России тогда находилось в стадии зарождения. Специалистов такого рода в Великобритании

и США было крайне мало. Потребность в них начала ощущаться уже на рубеже веков и особенно усилилась в годы Первой мировой войны, как пишет автор, «в рамках борьбы за русский рынок» (с. 6). Их нехватка в университетах восполнялась за счёт дилетантов – немногочисленных выходцев из Российской империи, которые преподавали русский язык и в ряде случаев могли выступать в качестве специалистов по «русскому вопросу».

Именно им и их роли в становлении дисциплины, получившей впоследствии название *Russian/Soviet studies*, или «русистика», и посвящена книга. Характерно, что Трибунский предпочитает называть объект своего исследования «российским», а не «русским» зарубежьем, поскольку национальная принадлежность героев книги зачастую была, по его словам, весьма запутанной, а в тот период далеко не всегда означала смену подданства или переселение (с. 7). Конечная точка исследования – 1920 г. – также представляется правомерной, поскольку, как пишет сам автор, после окончания Гражданской войны массовый исход из Советской России людей с высшим образованием и учёными степенями кардинально изменил ситуацию в зарубежных университетах. Появилась возможность более придирчиво подходить к выбору персонала (с. 8).

Роль историков-эмигрантов из России в становлении «русских исследований» в США была в своё время хорошо изучена[3], ранний этап формирования британского россиеведения также получил некоторое освещение в историографии[4]. Однако далеко не все аспекты в них рассмотрены, и автор явно поставил себе задачу восполнить существующие пробелы в том, что касается институций и персоналий, применив традиционный и доведённый здесь до абсолюта институциональный подход. Книга и построена соответствующим образом: в первых двух главах помещены данные о преподавании в университетах и колледжах предметов, относящихся к России (в основном русского языка), в третьей – даны биографии преподавателей.

Автор собирал сведения во многих российских (ГА РФ, ОР РГБ, ЦГАЛИ, Архив внешней политики Российской империи и др.) и зарубежных архивах, с особым вниманием он отнёсся к хранилищам крупных университетов (Гарварда, Йеля, Колумбийского, Ливерпульского, Манчестерского, Королевского колледжа в Лондоне и его Школы русских и славянских исследований, и др.). В основном это делопроизводственная документация, однако используются и источники личного происхождения – дневники, воспоминания, переписка. Трибунский подключил и опубликованные материалы, в том числе исторические обозрения и официальные издания британских и американских университетов, дополнив их прессой (включая университетскую). Он скрупулёзно зафиксировал имена преподавателей российского происхождения и названия читавшихся ими курсов, справедливо указав, что от этих личностей во многом зависела конфигурация образовательного пространства и то, как будет в дальнейшем развиваться россиеведение. Автор реконструировал ситуацию в каждом отдельно взятом университете: когда и по чьей инициативе там началось изучение России, как искали преподавателей, какие ведомства и авторитеты были задействованы и что из этого получилось. Довольно часто, однако, ему приходится добросовестно констатировать, что «дальше обсуждений дело не пошло» или что сведений о дальнейшей судьбе тех или иных людей и проектов «обнаружить не удалось» (с. 40, 51, 61 и др.).

Представленный в книге материал убедительно показывает, что в начале XX в. о профессиональном изучении России не могло быть и речи – в основном велось лишь преподавание русского языка и литературы для начинающих, с небольшими экскурсами в историю и экономику. Перед нами раскрывается картина самых первых шагов в развитии россиеведения в англосаксонских странах, для которых характерны, в отличие от стран континентальной Европы, почти полное отсутствие государственного вмешательства и широкая поддержка исследований частными лицами, торговцами и промышленниками (с. 6). Её интенсивность была напрямую связана с интересом к России, который резко вырос в 1915–1916 гг. и снизился после революции 1917 г., что, в частности, привело к отмене на какое-то время «русских предметов» в ряде учебных заведений (с. 70).

В то же время на фоне официальной информации об учреждениях высвечивается роль личностей, прежде всего историка Б. Пэрса, стоявшего у истоков создания в 1907 г. Школы россиеведения в Ливерпульском университете, а в 1915 г. – при активном участии Р.У. Сетон-Уотсона – Школы славянских исследований в Королевском колледже Лондона. Представлены в книге и неизвестные страницы сотрудничества Чикагского университета с крупными русскими учёными. К примеру, М.М. Ковалевский прочитал здесь в 1901 г. курс из 12 лекций по истории российских учреждений, а П.Н. Милюков в 1903 г. – 18 лекций, основанных на его «Очерках по истории русской культуры». Вторая поездка Милюкова в США состоялась зимой 1904–1905 гг., по её итогам на английском языке вышла книга «Россия и её кризис», где автор имел возможность высказать достаточно смелые суждения «о соотношении националистических, социалистических и либеральных идей в России, писал о необходимости и срочности проведения реформ, доведя изложение до 9 января 1905 г.» (с. 89). Эта книга, как известно, надолго вошла в золотой фонд россиеведения.

Следует подчеркнуть, что Трибунский сознательно избегает повторения уже опубликованного предшественниками, что особенно ярко проявилось в третьей главе, посвящённой персоналиям. В ней в алфавитном порядке приведены биографии только тех участников становления россиеведения в англосаксонских странах, которые не были предметом изучения прежде. В книге даются лишь ссылки на биографии Ковалевского, Милюкова, П.Г. Виноградова, С.М. Волконского, А.М. Ону, А.Ц. Ярмолинского и др. Представленные 23 биографии сильно различаются по объёму. Иногда это всего несколько строк, но зачастую – довольно обширные очерки, снабжённые фотографиями. Яркий пример – биография А. Брылинской, много способствовавшей повышению интереса к русскому языку и уровню его преподавания в Англии.

Ценным источником в условиях нехватки материала оказались дела о натурализации в Великобритании, содержавшие сведения заявителей о себе и дополненные сообщениями местной полиции. Следственные дела российской полиции и материалы по разоблачению сотрудников её заграничной агентуры также внесли свой вклад в авторскую реконструкцию. В частности, выяснилось, что политэмигрант В.Г. Гудин, преподававший в 1915–1917 гг. русский язык в Ливерпульском университете и имевший широкие связи с соотечественниками и британцами, являлся секретным сотрудником охранки.

Тщательно собранные из разнообразных источников и перепрове-

ренные данные – главное достоинство книги. Исследователи могут обращаться к ним, будучи уверенными в надёжности информации. Однако это именно информация, причём структурированная достаточно формально, что придаёт книге характер справочника. В ней явно не хватает заключительного очерка, некой авторской интерпретации и хотя бы предварительного анализа данных, например о национальном и социальном составе преподавателей. Кроме того, заметна некоторая небрежность при подготовке книги к публикации, что вылилось в немалое количество опечаток и неточностей в переводе. Так, в британском английском «преподаватель» (особенно, если речь идёт о преподавании языка) обозначается словом *lecturer*, а в американском – *instructor*, автор же использует кальки – эти коварные ловушки для неопытного переводчика.

Тем не менее книга П.А. Трибунского представляет собой важный вклад в исследования, которые, несмотря на всё возрастающую актуальность темы, пока весьма фрагментарны и не набрали необходимого багажа. Рецензируемая монография способствует переводу их в академическую плоскость, что позволяет уйти от неумеренной политизации и объективно (насколько это возможно) посмотреть на то, как изучали (и понимали) Россию за рубежом.

Примечания

[1] Зарубежное россиеведение / Под ред. А.Б. Безбородова. М., 2012; *Петров Е.В.* История американского россиеведения: Курс лекций. СПб., 1998; *Кодин Е.В.* Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск, 2016; *Меньковский В.И.* Англо-американская советология: история, современность, академические ресурсы. Минск, 2000; *Филитов А.М.* Научные связи историков в годы «холодной войны»: взгляд с «другой стороны» // Отечественная история. 2000. № 4. С. 128–139; East and West: History and contemporary state of Eastern studies / Ed. by J. Malicki, L. Zasztowt. Warsaw, 2009; *Gorizontov L.* East European Studies at Harvard University during the «Cold War» Era (based upon memoirs by M.K. Dziewanowski) // East and West... P. 113–121. Следует заметить, что корпус подобных исследований на иностранных языках весьма обширен.

[2] *Плате А.* Трудности российского понимания современной немецкой русистики // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 65. 2020. Вып. 4. С. 1329–1330.

[3] *Петров Е.В.* Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX столетия: источники и историография. СПб., 2000; *Болховитинов Н.Н.* Русские учёные-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

[4] *Зашихин А.Н.* Британская Rossica второй половины XIX – начала XX в. Архангельск, 1995; *Некрасов А.А.* Становление и развитие россиеведения и советологии в Великобритании // Политическая жизнь Западной Европы: Античность, Средние века, Новое и Новейшее время. Межвузовский сборник научных трудов. Арзамас, 2016. С. 122–138; *Тараторкин Ф.Г.* От россики к советологии: Формирование образа России в британском научном россиеведении в XIX–XX вв. // Исторические записки. 2014. С. 323–340.

Александр Пученков

В поисках пути спасения страны*

Aleksandr Puchenkov
(Saint Petersburg State University, Russia)

In search of a way to save the country

DOI: 10.31857/S0869568722060309, **EDN**: MPIFBL

Книга члена-корреспондента РАН Ю.М. Батурина – труд в высшей степени необычный. Это научная монография, посвящённая истории подготовки нового Союзного договора, работа над которым велась в 1990–1991 гг. В случае её успешного завершения появлялась надежда сохранить единое государство в виде обновлённой федерации (до августовского путча 1991 г.) или конфедерации суверенных республик (после выступления ГКЧП, провал которого, ослабив позиции М.С. Горбачёва, резко усилил сепаратистские настроения на местах). Батурин входил тогда в состав небольшой команды под руководством Г.Х. Шахназарова (А.А. Сазонов, Г.И. Ревенко, З.А. Станкевич), которая готовила различные варианты договора – с самого начала и до конца (с. 23). Именно поэтому его размышления о перспективах сохранения преобразованной союзной государственности в конце горбачёвской эпохи чрезвычайно интересны, а оценки – в высшей степени компетентны: он может писать о Ново-Огарёвском процессе и как историк, и как участник событий.

В 1990–1991 гг. Юрий Михайлович служил в Аппарате президента СССР, занимая должность консультанта Шахназарова, которому Горбачёв поручил подготовку нового Союзного договора. По свидетельству Батурина, на огромном письменном столе Георгия Хосроевича в то время лежали «толстые папки с документами по разным вопросам, входившим в компетенцию помощника главы государства. Значительная их часть была заполнена документами по проекту Союзного договора... В мои обязанности входило содержать их в порядке, пополнять актуальной информацией, систематизировать. Ни один документ, касающийся проекта, не прошёл мимо меня» (с. 8). В дни путча Батурин, остававшийся «на хозяйстве» в кабинете Шахназарова (отдыхавшего в Крыму, неподалёку от резиденции Горбачёва в Форосе), решил на всякий случай «эвакуировать» эти материалы, перенеся некоторые из них в свой личный кабинет, а другие – домой, к матери. После поражения ГКЧП Шахназаров одобрил действия Батурина, заметив: «Пусть пока остаются там, где сейчас хранятся». Когда же команда Горбачёва после некоторого перерыва приступила к подготовке новой версии Союзного договора, ещё более мягкого и ещё сильнее расширявшего права республик, о старых бумагах, находившихся в квартире Юрия Михайловича, все позабыли – в политическом от-

* *Батурин Ю.М.* Союз (не)возможный. Документированная хроника Ново-Огарёвского процесса. 1990–1991. М.: ИИЕТ РАН; Саратов: ООО «Амирит», 2021. 988 с.

Материал подготовлен при поддержке РФФИ, проект 20-09-00353а «Распад Советского Союза в человеческом измерении: междисциплинарное исследование», выполняемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

ношении они уже были не слишком актуальны. «Второй заход» на подписание Союзного договора оказался неудачным. После ратификации парламентами республик Беловежского соглашения Горбачёв ушёл в отставку. За ним последовали и те, кто ещё принадлежал к его команде, включая Шахназарова, который оставил на своём столе записку: «Желаю Вам управлять успешнее, чем мы» (с. 9). Через полтора года, в июне 1993 г., Батурин стал помощником президента России Б.Н. Ельцина. По иронии судьбы, ему выделили бывший шахназаровский кабинет, где в шкафу Юрий Михайлович с изумлением и радостью обнаружил оставшуюся часть материалов, связанных с подготовкой Союзного договора. Вскоре все они оказались у него дома, а спустя почти три десятилетия эти без всякого преувеличения уникальные источники легли в основу его книги, посвящённой Ново-Огарёвскому процессу. Не так давно они были переданы Батуриным в ГА РФ, где объединены в составе его личного фонда.

В исследовательской литературе и мемуаристике по-разному оцениваются перспективы Ново-Огарёвского процесса. Имел ли Горбачёв шанс спасти единое государство в случае подписания нового Союзного договора, текст которого он согласовал с лидерами республик накануне своего отъезда в отпуск в августе 1991 г.? Проявил ли он себя в ходе многомесячных Ново-Огарёвских бдений как эффективный переговорщик? Не являлась ли найденная им тогда формула консенсуса всего лишь способом узаконить распад страны? Кому вообще был нужен новый Союзный договор? Следует ли считать скороспелую акцию ГКЧП благородной попыткой спасения СССР, продлившей ему жизнь на несколько месяцев, или же, напротив, именно она не позволила сохранить Союз в том или ином его составе? ГКЧП – невольный убийца Союза или его незадачливый защитник? Мог ли Горбачёв заключить Союзный договор после путча? В книге Батурина предпринята попытка ответить на все эти вопросы. При этом структурно она выстроена так, чтобы не повторять самый значительный на данный момент труд по истории Союзного договора, подготовленный другим бывшим сотрудником Аппарата президента СССР З.А. Станкевичем[1].

Как пишет Батурин, в начале работы над предполагаемым соглашением республик с союзным центром «было понятно, что предстоит развязывать тугой узел межнациональных отношений на натянутом канате государственности, в котором от напряжения уже стали рваться отдельные нити. Распутывание всего узла политических, экономических, социальных, национально-культурных и других проблем требовало длительного времени, которого не было. Но ослабить напряжение, чтобы канат не лопнул, требовалось быстро. О подходе к задаче, как гордиеву узлу, не думали». Приступая к разработке договора, «руководство страны показало, что оно готово начать поиск новых форм сотрудничества с учётом интересов и позиций каждой из республик» (с. 118). Более того, принципиальная «новизна подхода, выбранного М.С. Горбачёвым, состояла в том, что в новый Союзный договор изначально закладывалась возможность разных вариантов отношений Союза и республик, каждая из которых выбирает приемлемый для себя путём всенародного референдума» (с. 121). «Было понятно, – вспоминает Батурин, – что работа над новым Союзным договором займёт длительное время. Она должна была носить характер поиска взаимоприемлемых решений, притирки позиций, компромиссов. Это будет

снижать напряжённость, предотвращать взрыв» (с. 124).

Позиции республик, их готовность к переговорам и ожидания от будущего обновлённого Союза, круг полномочий, запрашиваемых ими у центра, были совершенно разными. Руководство страны, и прежде всего сам Горбачёв, исключительно внимательно следили за перипетиями проходивших во второй половине 1990 г. консультаций, пытаясь определить найденную их участниками «область согласия» между республиками и центром и одновременно «на ходу парировать негативные последствия “парада суверенитетов” и “войны законов”» (с. 218). Президент и его окружение стремились по возможности расширить «область согласия», но это нередко встречало упорное, а порой и ожесточённое сопротивление глав республик[2].

Консультации выявили заинтересованность республик именно в «обновлённом» Союзе без сильного центра. В одном из своих последних интервью Л.М. Кравчук признавался, что «без Ново-Огарёвского процесса нельзя понять последующих событий. *Мы же не сразу хотели всё развалить* (выделено мной. – *А.П.*). Мы предлагали Горбачёву перейти от федерации к конфедерации, по принципу Швейцарии. Для этого потребовались бы серьёзные изменения в управлении страной»[3]. До поры до времени будущие президенты независимых государств – Л.М. Кравчук, А.А. Акаев, И.А. Каримов и др. – считали необходимым принимать участие в подготовке такого Союзного договора, который был бы выгоден и республикам, и центру. Казалось, что достичь согласия было трудно, но возможно. «Новый Союзный договор, – отмечает Батурин, – создавал хорошие предпосылки для того, чтобы перестроить структуру государственной власти в стране, обеспечить её рациональность и экономичность. Но для этого предстояло ещё вернуть доверие к Центру и принципам федерации и договориться» (с. 226).

Первый проект договора, подготовленный группой Шахназарова–Ревенко, разослали в республики 18–19 октября 1990 г. и представили в Совет Федерации 2 ноября 1990 г. На его заседании присутствовали далеко не все республиканские лидеры, однако явно чувствовалось, что их позиции меняются. Батурин тогда же обратил внимание на то, что «большинство выступают за Союз, но начинает проявляться тенденция к отсрочке Союзного договора» (с. 259). Так или иначе, «к январю 1991 года руководство СССР располагало обобщёнными предложениями и замечаниями к опубликованному проекту, объём которых составлял свыше 200 страниц печатного текста. Такой значительный материал требовал глубокого изучения и проработки» (с. 274).

Работу по исправлению проекта договора приходилось вести в условиях продолжавшегося в стране кризиса и усиления центробежных тенденций. 9 марта 1991 г. был опубликован второй вариант проекта Союзного договора, а спустя неделю состоялся референдум, и гражданам предложили ответить на вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности». Из тех, кто пришёл на избирательные участки, 76,4% ответили: «Да»[4]. Однако предложенная формулировка, как признаёт Батурин, оказалась слишком «неопределённа и многозначна», и «трудно было дать однозначный ответ на вопрос референдума» (с. 394). Как известно, он проходил лишь в 9 из 15 союзных республик. Литва, Латвия,

Эстония, Молдавия, Армения и Грузия от участия в голосовании отказались. На их территориях оно проводилось только в местах дислокации частей Советской армии. Своим согласием на проведение референдума в таком составе руководство страны фактически признавало, что прежнего Союза больше нет и речь идёт уже о сохранении его ядра. «В целом же, – констатирует Батурин, – позитивные результаты референдума не сняли разногласий между союзным руководством и республиками по принципиальным вопросам будущего страны, наоборот, они продолжали усиливаться» (с. 395).

23 апреля в Ново-Огарёво президент СССР и руководители девяти союзных республик огласили «Заявление “9+1”». По словам Батурина, оно «стало фактическим отказом от воссоздания Советского Союза в прежнем виде (что, впрочем, уже было невозможно)». В результате «вместо “стабилизации” и “преодоления кризиса” это заявление только углубило его» (с. 397). Отвечая на «десять вопросов по истории демонтажа СССР», Станкевич также назвал это заявление, фактически перечеркнувшее результаты референдума 17 марта 1991 г. и предопределившее судьбу СССР, «точкой невозврата»[5].

Между тем, как пишет Батурин, «поставленные перед выбором: Съезд и Конституция СССР или политический ход, формально выходящий за рамки права, но способный привести к быстрому подписанию Союзного договора и тем остановить дезинтеграцию страны, М.С. Горбачёв и его круг “по-суворовски” предпочли быстроту и натиск» (с. 395). Проблема осложнялась характером взаимоотношений в треугольнике «Союз–Россия–автономные республики» (с. 404) и тактикой Ельцина, с начала 1991 г. явно затягивавшего Ново-Огарёвский процесс (с. 422).

Излагая «Ново-Огарёвские споры», Батурин использовал подробные, «практически дневниковые записи», которые велись им во время заседаний. Это позволило воспроизвести в книге прямую речь их участников, с яркими, а подчас и весьма резкими репликами. Некоторые диалоги читаются на одном дыхании, как захватывающий роман.

Так или иначе, в мае–июле 1991 г. президент СССР смог не только склонить участников переговорного процесса к идее подписания договора, но и предложить приемлемый для них текст: «Окончательно М.С. Горбачёв согласовал оставшиеся спорными вопросы в ходе знаменитой своей “ночной встречи” с Б.Н. Ельциным и Н.А. Назарбаевым 29–30 июля», когда «были одобрены формулировки ст. 1. (Членство в Союзе) и ст. 9 (Союзные налоги и сборы) проекта Союзного договора и вырабатывался план действий после его подписания» (с. 505). При всей масштабности уступок центра республикам это означало бы сохранение Союза как единого государства. «До путча, – рассказывал Акаев, – подготовили новый Союзный договор, в котором оставалось место и Союзу, и республикам, было чётко оговорено место центра. Лидеры республик хотели в первую очередь кадровую и экономическую самостоятельность. Горбачёв великодушно отдал республикам всё это. Путч сорвал подписание нового договора»[6].

2 августа, накануне отъезда в Крым, Горбачёв разослал президентам и председателям Верховных советов республик «текст проекта Договора о Союзе Суверенных Государств, завизированный руководителями полномочных делегаций республик 23 июля 1991 года в Ново-Огарёво»[7]. Позднее он утверждал, что «были решены вопросы, связанные с правами и полномочиями республик и Союзного

центра, единой денежно-кредитной политикой, налогами. В июле же началась реализация антикризисной экономической программы. Тяжело она нам далась, но в конце концов удалось прийти к варианту, который поддержали республики, готовность выполнять её положения выразили даже прибалты. Всё, что “сошлось” в июле 1991-го, явилось итогом длительных поисков и усилий на пути, начатом в апреле 1985-го. Складывались реальные предпосылки для того, чтобы вытащить страну из кризиса и масштабно продвинуть начатые демократические преобразования»[8]. 20 августа планировалось открыть Договор для подписания «государственными полномочными делегациями»[9].

Подготовкой договора Горбачёв занимался как одержимый, его силы были на пределе, но в его ближайшем окружении в те месяцы не сомневались, что ему удастся удержать власть, а все нити управления государством по-прежнему остаются у него в руках. Как вспоминал начальник личной охраны президента СССР В.Т. Медведев, «всё шло к тому, что всё будет нормально. Михаил Сергеевич работал чрезвычайно напряжённо, казалось, что ему обо всём удалось договориться. Никому и в голову не могло прийти, что может случиться что-то подобное ГКЧП»[10]. В итоге, «недооценив хрупкости достигнутых с Ельциным и Назарбаевым договорённостей, Горбачёв уехал в отпуск в Форос. Но их разговор был прослушан, записан и послужил “спусковым крючком” для запуска процесса, приведшего к созданию Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), кардинальным образом повлиявшем на процесс подготовки нового Союзного договора» (с. 508).

Путч девальвировал престиж Горбачёва как главы государства, а крах ГКЧП привёл к обрушению союзного центра. Российское руководство произвело «перехват» власти, лишив президента СССР и союзные структуры значительной части их полномочий[11]. Лидеры республик спешили дистанцироваться от Горбачёва, ставшего «заложником Ельцина»[12], и уже не демонстрировали заинтересованности в сохранении Союза.

Несмотря ни на что Горбачёв пытался реанимировать Ново-Огарёвский процесс, хотя в его действиях уже чувствовалась обречённость. Ведь, по словам Батурина, «Россия не была согласна на единое государство, а заниматься переговорами об эфемерной конфедерации смысла уже не было» (с. 549). В 2019 г. С.С. Шушкевич вспоминал: «У нас было ощущение, что у Горбачёва ничего не получается – решили, что больше к нему не поедем». При этом встречу в Вискулях он устраивал «вовсе не для того, чтобы разрушить страну, а из желания получить поддержку России по поводу энергетики – чтобы Беларусь не замёрзла». «Сейчас я понимаю, – рассказывал Станислав Станиславович, – что Ельцину надоел Горбачёв – он хотел от него избавиться. Видимо, Ельцин и Кравчук договорились о чём-то подобном раньше»[13].

В заключении своей работы Батурин напоминает о том, что подготовка нового Союзного договора началась в тяжелейших условиях фактически уже запущенного разрушения государства и «парада суверенитетов», ставившего не только СССР, но и РСФСР «на грань распада». «Нетрудно представить, – прибавляет автор, – что произошло бы с ней в случае, если входящие в её состав автономные республики стали бы союзными суверенными республиками с правом выхода из СССР... Можно себе представить, какой опасности подвергалась целостность России. Она могла бы перестать быть единым федеративным многонациональным государством, а стать ло-

скутным образованием с вырванными кусками, придя в состояние, близкое Древней Руси в период феодальной раздробленности с множеством удельных княжеств и тем же бессилием» (с. 555). Уже «к концу 1990 года стало ясно, что “парад суверенитетов” зашёл слишком далеко и начал прямо угрожать единству страны. Но поскольку Союзный центр не принял жёстких правовых мер в самом начале процесса и признал сам принцип суверенитета республик, ему ничего не оставалось, как идти по этому пути до конца. А это означало необходимость уйти от конфронтации органов государственной власти Союза и союзных республик, а затем и автономных республик, тем более, что в соответствии с действующим законодательством, президент СССР был неправомочен своими указами отменять или приостанавливать действие высших представительных органов государственной власти республик, особенно после утверждения ими своего государственного суверенитета. Отсюда и возникла тактика бесконечных переговоров, обсуждений, согласований, которая, в принципе, не имеет конца, потому что совершенствование – процесс бесконечный». Тем не менее Батурин допускает, что согласованный 23 июля 1991 г. «Союзный договор мог бы быть подписан несколькими республиками (например, РСФСР, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменией), причём Союз в усечённом составе продолжал бы самореформироваться (правда, с трудно прогнозируемым результатом). Но это уже область альтернативной истории» (с. 558–559).

Объясняя несколько парадоксальное название монографии «Союз не(возможный)», автор сказал в одном интервью: «Как в квантовой механике, когда один атом передаёт энергию возбуждения другому атому, их описывает общая волновая функция – “(не) возможен)”. В начале процесса Союз был реален, но спустя двухлетний период уже нет. Я видел этот процесс изнутри, а для внешнего наблюдателя всего населения огромной страны это должно было выглядеть как мысленный эксперимент типа “Кот Шрёдингера”. Кот в коробке (Союз) одновременно находится в двух состояниях – и жив, и мёртв, а действительный результат станет известен, когда коробку откроют. “Коробку” открыли в конце ноября 1991 года, когда завершились переговоры в Ново-Огарёво. С тех пор мы знаем результат»[14].

Написанная блестящим литературным языком книга Ю.М. Батурина имеет большое научное значение; выводы автора тщательно взвешены, осторожны и аргументированны. Её дополняют приложения, имеющие огромную самостоятельную ценность – десятки документов, среди которых различные проекты Союзного договора, замечания руководителей республиканских делегаций, постановления Верховного совета СССР и т.д. В основной части исследования также приводятся тексты писем Горбачёву учёных, партийных и государственных руководителей союзного и республиканского уровня. Публикация данного труда – заметный вклад в историографию Перестройки.

Примечания

[1] *Станкевич З.А.* Советский Союз. Обрыв истории. М., 2016.

[2] *Станкевич З.А.* О важности документирования, или что значит «дописать историю»? // История государства и права. 2022. № 7. С. 62.

[3] *Кравчук Л.М.* Мы с Ельциным предлагали Горбачёву перейти к конфедерации // Литературная газета. 2021. 31 марта – 6 апреля. № 13(6778). С. 4.

[4] ГА РФ, ф. 7522, оп. 13, д. 134, л. 6.

[5] Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. Демонтаж СССР: 1991 год. Материалы международной научной конференции. СПб., 2021. С. 172.

См. также: *Станкевич З.А.* О важности документирования... С. 63–64.

[6] Архив автора. Интервью с А.А. Акаевым. Москва. 26 ноября 2020 г.

[7] РГАНИ, ф. 84, оп. 1, д. 298, л. 16.

[8] *Горбачёв М.С.* Понять перестройку, отстоять новое мышление. М., 2022. С. 35.

[9] РГАНИ, ф. 84, оп. 1, д. 298, л. 16.

[10] Архив автора. Интервью с генералом В.Т. Медведевым. Москва. 16 сентября 2020 г.

[11] *Алексеев С.С.* Уроки. Тяжкий путь России к праву. М., 1997. С. 71.

[12] *Грачёв А.* Из Фороса Горбачёв вернулся заложником Ельцина // Собеседник. 2021. № 7. С. 3.

[13] Архив автора. Интервью с С.С. Шушкевичем. Минск. 30 августа 2019 г.

[14] *Батурин Ю.* Союз разрушимый // Поиск. Еженедельная газета научного сообщества. 2022. № 19–20. С. 13.

Александр Гущин, Ирина Ханова

Рец. на: Е.И. Пивовар. Пространство Большой Евразии XXI века. Интеграционные процессы: институты, направления, вызовы. СПб.: Алетейя, 2022. 468 с.

Aleksandr Gushchin, Irina Khanova
(both – Russian State University for the Humanities, Moscow)

Rec. ad op.: E.I. Pivovar. Prostranstvo Bol'shoy Evrazii XXI veka. Integratsionnye protsessy: instituty, napravleniya, vyzovy. Saint Petersburg, 2022

DOI: 10.31857/S0869568722060310, **EDN**: MPQIZD

Важным событием в изучении интеграции на евразийском пространстве и трансформации международных отношений во всём мире стало издание новой монографии академика РАН, доктора исторических наук профессора Е.И. Пивовара. В ней отразился большой опыт, накопленный автором в ходе исследований глобальных и региональных, социальных и историко-культурных процессов, протекавших в постсоветских государствах[1].

Книга состоит из введения, четырёх разделов и заключения. В её основе – широкий круг научной литературы и источников, среди которых правовые документы, выступления официальных лиц, статистические данные, материалы различных форумов, конференций, пресс-служб. Опираясь на них, автор анализирует динамику развития основных институтов интеграции (СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, ЕАЭС, Союзное государство России и Беларуси, «Каспийская пятёрка», Шанхайская организация сотрудничества), а также характеризует важнейшие направления экономического, социального, гуманитарного и военно-политического взаимодействия в Большой Евразии, отмечает достижения, противоречия и трудности на этом пути, в том числе в обеспечении безопасности стран региона.

Во введении говорится о формировании евразийского партнёрства с участием Евразийского экономического союза, Китая с его инициативой нескольких поясов возрождённого Шёлкового пути, Индии, Пакистана, Ирана (с. 9), показана важная роль в данном сообществе обновлённой ШОС. Пивовар размышляет о стратегическом потенциале основных интеграционных проектов в Евразии, о том, являются ли они конкурирующими или взаимодополняющими (с. 12). При этом он учитывает историю укрепления связей России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, который становится всё более динамично развивающимся и расширяющимся рынком

товаров и услуг, увеличивающим свою долю в мировом ВВП и заметно усиливающим свои позиции в технологической, образовательной и научной сферах (с. 8–10). Ещё в 1996 г. Российская Федерация вступила в АТЭС и уже почти 20 лет сотрудничает с АСЕАН.

В первом разделе монографии речь идёт об истории создания и эволюции Содружества независимых государств. Отмечая обоснованность подхода, согласно которому деятельность СНГ обеспечивала прежде всего «цивилизованный развод» бывших советских республик, Пивовар в то же время справедливо указывает на значимость СНГ для сохранения политического, отраслевого и социокультурного сотрудничества между образовавшимися на территории бывшего СССР государствами (с. 15). Об этом свидетельствуют и приведённые в книге статистические данные, в частности, о доле СНГ в мировом производстве (с. 36, 40, 41). Вместе с тем автор резонно констатирует, что три десятилетия существования СНГ были полны противоречивых тенденций и, хотя в рамках Содружества приняты документы, характерные для высоко интегрированных союзов, значительная их часть не работает в полном объёме (с. 57). Тем не менее СНГ остаётся важной площадкой взаимодействия постсоветских стран. Особую новизну исследованию придают параграфы о таких структурах, как Экономический совет СНГ, Ассоциация «Деловой Центр экономического развития СНГ», Международная Ассамблея столиц и крупных городов СНГ.

Следующий раздел посвящён анализу отношений России и Белоруссии. Союзное государство при всех его проблемах является примером наиболее глубокой интеграции на евразийском пространстве, и автор вполне обоснованно уделил значительное внимание его правовой базе. Прослеживая её становление, Пивовар показывает чередование периодов активности и торможения, которое достигло пика «прагматичного оптимизма» в начале 2006 г., и стремление России добиться определения чёткой перспективы двусторонних договорённостей, переведя их на рыночную основу. Одновременно наметился отказ от достижения быстрых «интеграционных прорывов» и поиска взаимных компромиссов по важнейшим стратегическим направлениям. Камнем преткновения на пути строительства Союзного государства стала «газовая проблема». Его модель, по мнению Пивовара, в значительной мере была реализована за счёт промышленной и технологической кооперации предприятий-смежников, быстро восстановивших хозяйственные связи советского времени, прерванные в начале 1990-х гг. Однако при достаточно слабой государственно-политической составляющей торгово-экономические и финансовые противоречия замедлили процесс сближения (с. 188). Тем не менее наблюдалось и существенное продвижение в информационной и гуманитарной сферах, органами власти, в том числе и союзными, учреждались СМИ наднационального уровня (с. 186).

События лета–осени 2020 г., связанные с президентскими выборами в Белоруссии и попытками Польши, Литвы, а также западных государств и структур повлиять на их результат и последствия, дали новый импульс контактам Москвы и Минска (с. 206). Интенсификация интеграционных процессов на фоне дальнейшего ухудшения отношений России и Запада выразилась, в частности, в принятии 4 ноября 2021 г. на заседании Высшего Государственного совета Союзного государства декрета «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы», в утверж-

дении 28 союзных отраслевых программ и новой военной доктрины (с. 226).

Заметное место в монографии Пивовара занимает Евразийский экономический союз. Автор подробно освещает предпосылки и обстоятельства его возникновения, а также организацию способствовавших этому структур, функционировавших ещё в 1990-е гг. (с. 231). При этом прослеживается развитие коммерческой и промышленной кооперации внутри ЕАЭС и образование зон свободной торговли со странами, не входящими в его состав. Не вызывает сомнения то, что присоединение к ЕАЭС новых членов в крайне неблагоприятных внешнеполитических условиях XXI в. имеет не только экономический, но и стратегический характер. Расширение союза – и положительный факт, и позитивная перспектива.

Проанализировав эволюцию (с. 376–380) и текущее состояние Организации Договора о коллективной безопасности, Пивовар констатирует, что в 2020–2022 гг. она столкнулась с политическими и военными вызовами в Белоруссии, в Нагорном Карабахе, где осенью 2020 г. в открытое вооружённое столкновение оказались вовлечены два государства-члена СНГ – Азербайджан и Армения, и в Казахстане, который в январе 2022 г. охватили массовые беспорядки (в разрешении этого кризиса роль ОДКБ проявилась наиболее отчётливо). Автор монографии считает, что для ОДКБ по-прежнему актуальны защита членов от внешнего вторжения, борьба с международным терроризмом и экстремизмом, пресечение наркотрафиков и предотвращение попыток пересечения границ экстремистскими отрядами с территории северного Афганистана (с. 391). Рассматривая историю, современное значение и перспективы Шанхайской организации сотрудничества, Пивовар полагает, что в наши дни она вступила в новый период своего развития, будучи открыта для присоединения заинтересованных стран и не предусматривая формирования военно-политического блока или экономической интеграции с наднациональными органами управления (с. 422). Особо следует выделить параграф, в котором раскрыта значимость для обеспечения региональной безопасности Конвенции о правовом статусе Каспийского моря (с. 423)[2].

Представленный в работе разнообразный фактический и аналитический материал свидетельствует о ключевой роли Российской Федерации в процессе евразийской интеграции в первые десятилетия XXI в. События 2022 г. только подтверждают наблюдения автора и важность реализации накопленного страной потенциала в рамках Большого евразийского партнёрства.

Монография Е.И. Пивовара носит междисциплинарный характер. В своём исследовании он активно использует институциональный подход, методы исторических, юридических и экономических наук. Помимо большой научной ценности работа Пивовара имеет не менее важный педагогический аспект. Она будет отличным подспорьем для преподавателей и студентов, изучающих регионоведение, внешнюю политику и экономику России. Удобная подача и систематизация материала позволит более глубоко и системно подойти к анализу международных отношений и интеграционных процессов в Евразии.

Примечания

[1] *Пивовар Е.И.* Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб., 2008; *Пивовар Е.И.* Евразийский интеграционный проект: предпосылки, становление, развитие: глобальные процессы на постсоветском пространстве. СПб., 2019.

[2] Пивовар является признанным знатоком данной проблематики и российско-азербайджанских связей. См.: *Пивовар Е.И.* Российско-азербайджанские отношения, конец XX – начало XXI века. М., 2012.

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Российская история» в 2022 г.

Мнение историка

Шевырёв А.П. – Оттепель 1855–1857 гг.: от николаевского времени к эпохе Великих реформ. № 4.

Воронин В.Е. – «Оттепель» или династический кризис? Александр II и великий князь Константин Николаевич в 1855 г. **№ 4.**

Мелентьев Ф.И. – Оттепель и воспитание наследника престола. **№ 4.**

Стафёрова Е.Л. – Пролог Великих реформ (штрихи к портрету бюрократов-реформаторов). **№ 4.**

Мамонов А.В. – Несостоявшийся идеолог оттепели М.П. Позен. **№ 4.**

Диалог о книге

В.В. Зверев. Опыт политической биографии Г.П. Сазонова. № 1.

Карнишин В.Ю. (Пенза) – Зигзаги судьбы одного из «удивительных людей».

Олейников Д.И. – Антигерой как герой, или Опыт биографии проходимца.

Полунов А.Ю. – Монархист-оппозиционер и националист-народник Г.П. Сазонов.

Блохин В.В. – Консервативное народничество – утопия или нет?

Андреев Д.А. – Георгий Сазонов и его высокопоставленные покровители и собеседники.

Репников А.В. – Размышления о Г.П. Сазонове и не только.

А.В. Островский. Россия. Самодержавие. Революция. № 4.

Лукоянов И.В. (Санкт-Петербург) – Революция 1905 г. в трактовке А.В. Островского.

Андреев Д.А. – Самодержавие перед поворотом к конституции.

Белоусова О.В. – Родственные отношения внутри элиты Российской империи – недооценённый фактор или ложный след?

Саломатина С.А. – История финансов и банков в современных дискуссиях о Российской империи.

Алмазов М.Г. – Действия московской власти в 1905 г. в интерпретации А.В. Островского

Стрекалов И.Н. – Новейшая попытка пересмотра истории Первой русской революции.

В.Н. Круглов. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. № 6.

Аманжолова Д.А. – Объёмная ретроспектива и полезный анализ сложной и противоречивой проблематики.

Тархов С.А. – Новейшее исследование истории административно-территориального деления России – взгляд географа.

Коновалов А.Б. (Кемерово) – О мотивах и механизмах принятия решений по «территориальному вопросу».

Болдовский К.А. (Санкт-Петербург) – О перспективах изучения административно-территориального деления России.

Пивоваров Н.Ю. – Как обустраивали Россию – между идеологией и реальностью.

Музафаров А.А. – Новый взгляд на незаслуженно недооцениваемую тему.

Статьи

Аверьянов А.В. (Ростов-на-Дону) – «Периферийный» тип советского национального строительства в 1920–1930-х гг. (по материалам Дона и Северного Кавказа). **№ 6.**

Агеева О.Г. – Пётр I и реформа Русской Церкви. **№ 2.**

Алонци Р. – Советско-итальянские отношения в 1939–1941 гг. **№ 5.**

Аманжолова Д.А. – «РСФСР является центральной страной»: проблемы федерализации России в 1920-е гг. **№ 6.**

Артёмов Е.Т. (Екатеринбург) – Несостоявшееся ускорение: военно-стратегический фактор в экономической политике Н.С. Хрущёва. **№ 4.**

Бахарев Д.С., Главацкая Е.М. (Екатеринбург) – Переписи русского позднеимперского города: история проведения, география, достоверность. **№ 6.**

Белоусов М.С. (Санкт-Петербург), **Абдуллаев Я.С.** (Беркли, США; Санкт-Петербург) – Греческая революция и мифологема заговора тайных обществ. **№ 5.**

Беляков А.В. – Когда в Московском государстве появились переводчики? К организации дипломатической службы в России в конце XV–XVI в. **№ 5.**

Богомолов И.К. – Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны. **№ 4.**

Болдовский К.А. (Санкт-Петербург) – Блокадный Ленинград: новые источники и исследования (2015–2021). **№ 3.**

Болокина Л.А. (Тверь) – Эвакуация населения из прифронтовой полосы на территории Калининской области в 1942 г. **№ 3.**

Булдаков В.П. – Первая мировая война: геополитика и массы. **№ 3.**

Бушкович П. (Нью-Хейвен, США) – Пётр Великий и западная культура. **№ 2.**

Вершинин А.А. (Москва, Екатеринбург) – В лабиринте коллективной безопасности: советская дипломатия и происхождение советско-французского пакта о взаимопомощи (1933–1935). **№ 5.**

Воропанов В.А. (Челябинск) – Развитие судебной системы в Сибири в XVIII – первой половине XIX в. **№ 6.**

Гагкуев Р.Г. – Главный знаток России. Карьера генерала М. Жанена до отправки с миссией в Россию в 1916 г. **№ 3.**

Гиппиус А.А., Дробышева М.В. – «Пришествие Святослава»: киевское граффито № 9 и его исторический контекст. **№ 5.**

Глушковский П. (Варшава, Польша) – Ежи В. Борейша и Россия. **№ 1.**

Голдин В.И. (Архангельск) – Гражданская война в России: проблемы современной историографии. **№ 3.**

Голикова С.В., Дашкевич Л.А. (Екатеринбург) – Введение всеобщего начального обучения в Пермской губернии: государственная политика и общественные инициативы. **№ 1.**

Голубинский А.А. – Девиантное поведение, леность, пьянство и наказание российского чиновника по материалам межевого делопроизводства второй половины XVIII в. **№ 1.**

Графова М.А. – «Правда жизни»: борьба с венерическими заболеваниями в СССР в 1920-е гг. в официальной пропаганде и массовых представлениях. **№ 2.**

Гуськов А.Г., Шамин С.М. – Молодой Пётр как стратег: планирование военной кампании 1695 г. **№ 2.**

Евдокимов Р.Н. – Яицкие казаки в период утверждения власти Михаила Романова (1613–1634). **№ 3.**

Егоров А.К. (Петрозаводск) – В поисках «отравителей»: пути распространения слухов в Центральной России летом 1831 г. **№ 2.**

Ефимов А.В. – Обвалился ли курс рубля после денежной реформы Петра I? **№ 2.**

Журавлёв С.В. – Перестройка как момент истины: к дискуссиям о природе и судьбе СССР. **№ 6.**

Замулин В.Н. (Курск) – Планы Красной армии в документах разведывательных структур Германии перед операцией «Цитадель». **№ 3.**

Затравкин С.Н., Вишленкова Е.А. – Медикаменты и революция: лекарственное обеспечение советских людей в 1920-е гг. **№ 2.**

Захаров В.Н. – Пётр I и современная историография: размышления к 350-летнему юбилею великого реформатора. **№ 2.**

Иванов В.А. (Санкт-Петербург) – Иностранцы в СССР: режимные ограничения и контроль от «венгерской осени» до «чехословацкой весны» (вторая половина 1950-х – 1960-е гг.). **№ 1.**

Карпенкина Я.В. – Трансформация социально-экономических норм в обществе

Западной Белоруссии, 1939–1941 гг.: попытка институционального анализа. **№ 1.**

Козлова Н.В. – «Сия духовная... учинена подлинно по воле и просьбе означенного... купца»: завещания иностранных негоциантов при Санкт-Петербургском порте начала 1770-х гг. **№ 5.**

Кометчиков И.В. (Калуга) – Тульское «рязанское дело»: руководство области в борьбе за «большое мясо» 1959–1960 гг. **№ 4.**

Копелев Д.Н. (Санкт-Петербург) – «Пираты приятнее примут протекцию его императорского величества»: колониальные проекты Петра Великого и якобитские заговоры 1718–1725 гг. **№ 2.**

Кравчук А.С. (Симферополь) – Кадровое обеспечение органов управления Таврической области в 1784–1796 гг. **№ 4.**

Крестьянников Е.А. (Тюмень) – Условия создания Новониколаевского окружного суда (конец XIX – первые десятилетия XX в.). **№ 6.**

Кротов П.А. (Санкт-Петербург) – Был ли Пётр Великий Романовым? **№ 2.**

Круглов В.Н. – Попытка включения Ненецкого национального округа в состав Коми АССР в 1957 г. **№ 6.**

Кружинов В.М., Сокова З.Н. (Тюмень) – Дискуссия о профсоюзах на Урале. **№ 4.**

Курдин Ю.А., **Панов А.Р.** (оба – Арзамас), **Ширинянц А.А.** – Поездка М.Г. Черняева по Европе после сербско-турецкой войны (конец 1876 – начало 1877 г.). **№ 5.**

Лаушкин А.В. – Устраивали ли «триумфы» русские князья домонгольского времени? **№ 3.**

Магадеев И.Э. – Г.В. Чичерин в оценках французских дипломатов и публицистов (1918–1924). **№ 5.**

Матвеев Г.Ф., Колихова К.И. – Ноябрьский кризис польско-советского мирного урегулирования 1920 г. **№ 5.**

Медведев Т.Д. (Санкт-Петербург) – Советские добровольческие формирования в Великой Отечественной войне: историография вопроса. **№ 3.**

Медяков А.С. – «Моральный барьер прусским насилиям». Политика России на завершающем этапе объединения Германии (1866–1870). **№ 5.**

Мельникова Л.В. – «Русский Афон» в Крыму архиепископа Иннокентия (Борисова): проблемы изучения. **№ 6.**

Накишова М.Т. (Екатеринбург) – Полицмейстерская канцелярия в системе управления Санкт-Петербургом в 1718–1727 гг. **№ 2.**

Пестерев В.В. (Курган) – «Большой чертёж»: возвращаясь к проблеме авторства и времени возникновения генеральной карты Московского государства. **№ 6.**

Петров А.Ю., Грузинов И.И. – Русско-китайские торговые отношения и развитие пушного промысла на севере Тихого океана, конец XVII – первая треть XVIII в. **№ 5.**

Пивоваров Н.Ю., Попов А.Д. (Симферополь), **Тихонов В.В.** – «Инфекции – надёжный заслон!»: советская медицина, власть и общество в борьбе с эпидемиями 1960–1970-х гг. **№ 2.**

Полунов А.Ю. – От Урмии до Урги: взаимоотношения с народами Востока в русском общественном сознании конца XIX – начала XX в. **№ 6.**

Полянская Е.Е. – В.А. Оппель на Кавказе в ноябре–декабре 1914 г.: организация работы РОКК и разработка принципа этапного лечения. **№ 2.**

Попов А.М. – Непрочитанный дневник А.А. Поливанова. **№ 3.**

Пугач И.В. (Вологда) – Города Русского Севера в первой половине XVII в.: социально-экономический рейтинг. **№ 1.**

Раздорский А.И. (Санкт-Петербург) – Таможенные книги XVI–XVIII вв. в отечественной и зарубежной историографии (обзор основных исследований и публикаций). **№ 1.**

Редин Д.А. (Екатеринбург) – Странная реформа: реорганизация государствен-

ного управления в России в 1700–1710-х гг. **№ 2.**

Ружицкая И.В. – «Великий реформатор» или «гениальный бюрократ»: М.М. Сперанский в общественном мнении начала 1860-х гг. **№ 4.**

Русаковский О.В. – Дневник переводчика Посольского приказа 1654–1664 гг. Новый источник о международных отношениях середины XVII в. **№ 5.**

Сергеев В.Н., Шиган Е.Е. – Пенсионное обеспечение медицинских работников по профессиональной инвалидности в СССР в 1920-е гг.: проекты, дискуссии, законодательство. **№ 2.**

Смирнова Т.М. – Актуальные вопросы изучения советской социальной политики 1917–1929 гг. **№ 1.**

Станков К.Н. – Георг Бенедикт Огильви: имперский фельдмаршал на службе Петра I (1704–1706). **№ 3.**

Степанов В.Л. – Финансисты и генералы: дискуссии о военных расходах в правящих кругах Российской империи (1860-е – начало 1890-х гг.). **№ 3.**

Стрекалов И.Н. – Георгий Хрусталёв-Носарь в эпоху революционных потрясений (1905–1917). **№ 1.**

Сулаев И.Х. (Махачкала) – Деятельность комиссий по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах в Дагестанской АССР (вторая половина 1960-х – 1980-е гг.). **№ 1.**

Томилин А.Р. – Англо-афганская война 1878–1880 гг. в донесениях русского военного агента в Лондоне А.П. Горлова. **№ 5.**

Томилин В.Н. (Липецк) – Была ли разорительна для колхозов реформа 1958 г.? **№ 4.**

Топычканов А.В. – «Починить против прежняго, без всякой отмены»: восстановление старых подмосковных дворцов в контексте мемориальной и династической политики Петра I. **№ 2.**

Трефилов Е.Н. – «Чтоб над нами Русь не владела»: отношение донских казаков – участников булавинского восстания к России и русским. **№ 2.**

Тряхов И.С. (Владимир) – Нарушения трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны: причины, правоприменение и динамика (на материалах городов Владимирской области). **№ 3.**

Усачёв А.С. – Епископат и военно-служилая знать в России XVI в. **№ 4.**

Устинова И.А. – «Ревнители церковного благолепия»: строительство архиерейских резиденций во второй половине XVII в. **№ 6.**

Фельдман М.А. (Екатеринбург) – Рождённый в годы нэпа. Первый пятилетний план: жизнь и судьба. **№ 4.**

Фёдоров Д.А. (Санкт-Петербург) – Правительственные субсидии газете «Киевлянин» в 1864–1882 гг. **№ 6.**

Хатанзейская Е.В. – «Социально-чуждые элементы» в советской системе труда по материалам Архангельска (1929–1939). **№ 1.**

Хлевнюк О.В. – Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. Исследования о характере и эволюции мобилизационной системы. **№ 3.**

Хорошева А.В. – «В здоровом теле – здоровый дух!». Концепция естественного оздоровления населения Н.А. Семашко и культурная революция. **№ 2.**

Хоруженко О.И. – Грамоты князей Волконских XVI в.: дипломатическое исследование. **№ 1.**

Чекмарёв С.А. – Особый артиллерийский запас и Босфорская экспедиция. **№ 5.**

Черников С.В. (Липецк) – Служебные назначения представителей правящей элиты России 1725–1762 гг. **№ 4.**

Чжан Гуансян (Чанчунь, КНР) – Аграрная политика самодержавия на рубеже XIX–XX вв. в советской и российской историографии 1960–2010-х гг. **№ 4.**

Чжуан Юй (Пекин, КНР) – Театральная цензура в Ленинграде в годы «оттепели». **№ 1.**

Шамина И.Н. – Структура и механизмы функционирования Монастырского приказа в период его формирования (1701–1703). **№ 6.**

Ястребов А.О. – Ещё раз о роли митрополита Филадельфийского Мелетия Типальда в пропаганде католичества среди русских в Италии в конце XVII в. **№ 5.**

Обзоры и рецензии

Айрапетов О.Р. – Он был хуже, чем хотел, но лучше, чем о нём думали. **№ 1.**

Айрапетов О.Р. – Первая биография А.А. Поливанова. **№ 3.**

Аксёнов В.Б., Журавлёв С.В. – Архивы между терапией «исторических травм» и «войнами памяти». **№ 2.**

Аракчеев В.А. – Б.Н. Флоря. Лекции по русской истории. **№ 6.**

Бирюкова Ю.А. (Ростов-на-Дону) – Русская церковная диаспора в 1960–1980-х гг. **№ 5.**

Богомолов И.К. – M. Rendle. The State versus the People: Revolutionary Justice in Russia's Civil War, 1917–1922. **№ 6.**

Большакова О.В. – П.А. Трибунский. Российское Зарубежье и становление россиеведения в Великобритании и США (конец XIX в. – 1920 г.). **№ 6.**

Булдаков В.П. – Ещё раз о судьбе «успешной» империи. **№ 1.**

Гайда Ф.А. – И.Н. Стрекалов. Народная тайна русской революции. 1905–1917 гг. **№ 1.**

Гайда Ф.А. – Ю.С. Дюшен. Дневник петроградского чиновника. 1917–1918 гг. **№ 4.**

Ганин А.В. – Фундаментальный труд о становлении Добровольческой армии. **№ 3.**

Гущин А.В., Ханова И.Е. – Е.И. Пивовар. Пространство Большой Евразии XXI века. Интеграционные процессы: институты, направления, вызовы. **№ 6.**

Дунаева А.Ю. – R.G. Robbins. Overtaken by the Night. One Russian's Journey through Peace, War, Revolution, & Terror. **№ 3.**

Ефимова В.В. (Петрозаводск) – А.И. Раздорский. Печатные всеподданнейшие отчёты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи, 1845–1916: сводный каталог. **№ 6.**

Ипатов А.М. (Воронеж) – Н.А. Власов. Россия глазами Бисмарка. **№ 5.**

Калиновский В.В. (Санкт-Петербург) – Во имя процветания Тавриды: новый взгляд на историю немецкой общины Крыма. **№ 6.**

Калиновский В.В., Самыловская Е.А. (Санкт-Петербург) – Во главе российского славянского движения. **№ 3.**

Коллманн Н.Ш. (Стэнфорд, США) – Очерки истории уголовно-исправительной системы. **№ 4.**

Комзолова А.А. – Как России «не повезло» в Литве. **№ 6.**

Кононенко А.А. (Тюмень) – Е.А. Осокина. Золото для индустриализации: Торгсин. **№ 4.**

Кострюков А.А. – И.В. Петров. Меж двух зол. Православное духовенство на временно оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг. **№ 3.**

Котов А.Э. (Санкт-Петербург) – Анатомия громовержца. **№ 6.**

Красильников С.А. (Новосибирск) – Дано иное? **№ 1.**

Кузьминых А.Л. (Вологда) – Испанская грусть: Голубая дивизия и поход в Россию, 1941–1942 гг.: воспоминания В.И. Ковалевского. **№ 3.**

Лобанов В.Б. (Санкт-Петербург) – Последнее дело генерала М.В. Алексеева. **№ 3.**

Мамонов А.В. – Первая русская биография графа К.В. Нессельроде. **№ 5.**

Марасанова В.М. (Ярославль) – Региональная власть в личном измерении*. **№ 4.**

* Материал подготовлен в рамках государственного задания на научно-исследовательскую работу № FENZ-2022-0002.

Марасинова Е.Н. – Война и мир русской культуры. **№ 5.**

Минаков А.С. – В.Ф. Романов. Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг.). **№ 4.**

Минаков А.С. – Российская революция и армия: продолжение разговора. **№ 3.**

Морохин А.В. (Нижний Новгород) – Арзамасский уезд в XVII веке. Источники по истории служилых землевладельцев: исследование и тексты. **№ 2.**

Мулина С.А., Суворова Н.Г. (Омск) – Каким мы видим старый сибирский базар, изучая современные «этнические» рынки. **№ 1.**

Никитин Н.И. – Служилые люди Сибири конца XVI – XVIII века: биобиблиографический словарь. **№ 4.**

Орлов И.Б. – Письма во власть в системе властных коммуникаций. **№ 1.**

Павлова И.П. (Красноярск) – H.-C. Petersen. An den Rändern der Stadt?: Soziale Räume der Armen in St. Petersburg (1850–1914). **№ 2.**

Плате А. (Екатеринбург) – Реинтерпретация истории колониальной Аляски? **№ 5.**

Полторак С.Н., Зотова А.В. (Санкт-Петербург) – Иконография жизни и творчества отечественных историков XVIII–XXI веков – первый опыт крупного обобщения. **№ 2.**

Пученков А.С. (Санкт-Петербург) – Ленин – великий сказочник? **№ 4.**

Пученков А.С. (Санкт-Петербург) – В поисках пути спасения страны. **№ 6.**

Селезнев Ф.А. (Нижний Новгород) – Советское руководство, Германия и Брестский мир: публикация новых документов. **№ 5.**

Сидорова Л.А. – Историографическая традиция в Советской России и Русском зарубежье 1920–1930-х гг. **№ 5.**

Смирнов Н.Н. (Санкт-Петербург) – Православное духовенство в годы Гражданской войны. **№ 6.**

Соловьёв К.А. – А.С. Туманова. Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг. **№ 1.**

Сомов В.А. (Нижний Новгород) – За столом у Сталина: традиция кремлёвских приёмов. **№ 1.**

Стрекалов И.Н. – Стачечное движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914 г. – февраль 1917 г. Хроника. **№ 3.**

Тихонов В.В. – Советская наука в действии. **№ 1.**

Тихонов В.В. – Историки права, Пётр I и прокурор Вышинский. **№ 2.**

Урушадзе А.Т. (Санкт-Петербург) – Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917). **№ 6.**

Филиппова Т.А. – «Враг, враг друга, друг врага». Российская сатирическая графика в период Балканского кризиса 1875–1878 гг. **№ 5.**

Эскин Ю.М. – А.Ю. Кабанов, Я.Н. Рабинович. «Прямые» и «кривые» Смутного времени в России. **№ 6.**

Юбилеи

Р.Г. Пихоя. **№ 1.**

В.В. Шелохаев. **№ 1.**

И.М. Пушкарёва. **№ 3.**

Pro memoria

В.Я. Гросул (1939–2022). **№ 2.**

А.В. Назаренко (1948–2022). **№ 2.**

Д. Схиммельпэннинк ван дер Ойе (1957–2022). **№ 2.**

Наши авторы

Аверьянов Антон Викторович, доктор исторических наук, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Аманжолова Дина Ахметжановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Аракчеев Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, директор Российского государственного архива древних актов, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Бахарев Дмитрий Сергеевич, научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

Богомолов Игорь Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Болдовский Кирилл Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Большакова Ольга Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Воропанов Виталий Александрович, доктор исторических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург)

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института постсоветских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета

Ефимова Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор Института экономики и права Петрозаводского государственного университета

Журавлёв Сергей Владимирович, доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН

Калиновский Владимир Витальевич, кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Комзолова Анна Альфредисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Коновалов Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор Кемеровского государственного университета

Котов Александр Эдуардович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Крестьянников Евгений Адольфович, доктор исторических наук, заведующий лабораторией исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета

Круглов Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Мельникова Любовь Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Музафаров Александр Азизович, руководитель образовательных и просветительских программ Фонда исторической перспективы, старший преподаватель Московского государственного института культуры

Пестерев Вячеслав Викторович, кандидат исторических наук, доцент Курганского государственного университета

Пивоваров Никита Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доцент Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет)

Полунов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Смирнов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий отделом Истории революций и общественного движения России Санкт-Петербургского института истории РАН

Тархов Сергей Анатольевич, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН

Урушадзе Амиран Тариелович, кандидат исторических наук, декан факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге

Устинова Ирина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН и Института российской истории РАН

Фёдоров Дмитрий Андреевич, аспирант, лаборант Санкт-Петербургского государственного университета

Ханова Ирина Евгеньевна, кандидат философских наук, доцент Института постсоветских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета

Шамина Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Эскин Юрий Моисеевич, заместитель директора Российского государственного архива древних актов

СОДЕРЖАНИЕ

История власти

С.В. Журавлёв
Перестройка как момент истины: к дискуссиям о природе и судьбе СССР 3

Д.А. Аманжолова
«РСФСР является центральной страной»: проблемы федерализации России в 1920-е гг. 15

А.В. Аверьянов
«Периферийный» тип советского национального строительства в 1920–1930-х гг. (по материалам Дона и Северного Кавказа) 28

В.Н. Круглов
Попытка включения Ненецкого национального округа в состав Коми АССР в 1957 г. 44

Диалог о книге

В.Н. Круглов. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты

Д.А. Аманжолова: Ретроспективный анализ сложной проблематики 59

С.А. Тархов: Новейшее исследование истории административно-территориального деления России – взгляд географа 65

А.Б. Коновалов: О мотивах и механизмах принятия решений по «территориальному вопросу» 71

К.А. Болдовский: О перспективах изучения административно-территориального деления России 75

Н.Ю. Пивоваров: Как обустраивали Россию – между идеологией и реальностью 80

А.А. Музафаров: Новый взгляд на незаслуженно недооцениваемую тему 84

Историк и источник

В.В. Пестерев
«Большой чертёж»: возвращаясь к проблеме авторства и времени возникновения генеральной карты Московского государства 87

Пути Русской Церкви

И.А. Устинова
«Ревнители церковного благолепия»: строительство архиерейских резиденций во второй половине XVII в. 101

И.Н. Шамина
Структура и механизмы функционирования Монастырского приказа в период его формирования (1701–1703) 115

Л.В. Мельникова
«Русский Афон» в Крыму архиепископа Иннокентия (Борисова): проблемы изучения 128

Институты и общности

Д.С. Бахарев, Е.М. Главацкая
Переписи русского позднеимперского города: история проведения, география, достоверность 150

Д.А. Фёдоров
Правительственные субсидии газете «Киевлянин» в 1864–1882 гг. 165

Судебные учреждения в Сибири

В.А. Воропанов
Развитие судебной системы в Сибири в XVIII – первой половине XIX в. 173
Е.А. Крестьянников
Условия создания Новониколаевского окружного суда (конец XIX – первые десятилетия XX в.) 186

Россия и мир

А.Ю. Полунов
От Урмии до Урги: взаимоотношения с народами Востока в русском общественном сознании конца XIX – начала XX в. 196

Обзоры и рецензии

В.А. Аракчеев – Б.Н. Флоря. Лекции по русской истории 208
Ю.М. Эскин – А.Ю. Кабанов, Я.Н. Рабинович. «Прямые» и «кривые» Смутного времени в России 215
А.Э. Котов – Анатомия громовержца 219
А.А. Комзолова – Как России «не повезло» в Литве 226
А.Т. Урушадзе – Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) 232
В.В. Ефимова – А.И. Раздорский. Печатные всеподданнейшие отчёты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи, 1845–1916: сводный каталог 237
В.В. Калиновский – Во имя процветания Тавриды: новый взгляд на историю немецкой общины Крыма 239
Н.Н. Смирнов – Православное духовенство в годы Гражданской войны 246
И.К. Богомолов – M. Rendle. The State versus the People: Revolutionary Justice in Russia's Civil War, 1917–1922 249
О.В. Большакова – П.А. Трибунский. Российское зарубежье и становление россиеведения в Великобритании и США (конец XIX в. – 1920 г.) 254
А.С. Пученков – В поисках пути спасения страны 258
А.В. Гущин, И.Е. Ханова – Е.И. Пивовар. Пространство Большой Евразии XXI века. Интеграционные процессы: институты, направления, вызовы 264

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Российская история» в 2022 г. 267

Наши авторы 273

CONTENTS

History of power

S.V. Zhuravlev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
Perestroika as a moment of truth: on discussions about the nature and fate of the USSR . . . 3

D.A. Amanzholova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
«The RSFSR is a central country»: problems of federalization of Russia in the 1920s . . . 15

A.V. Averyanov (Southern Federal University, Rostov on Don, Russia)
«Peripheral» type of Soviet nation-building in the 1920s–1930s (on the materials of the Don and the North Caucasus) . . . 28

V.N. Kruglov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
An attempt to transfer the Nenets National District to the Komi ASSR (1957) . . . 44

Discussing recent books

V.N. Kruglov. Organization of the territory of Russia in 1917–2007: ideas, practice, results

D.A. Amanzholova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): A retrospective analysis of a complex problem . . . 59

S.A. Tarkhov (Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow): The latest study of the history of the administrative-territorial division of Russia – a geographer's review . . . 65

A.B. Konovalov (Kemerovo State University, Russia): On the motives and mechanisms of decision-making regarding the «territorial question» . . . 71

K.A. Boldovsky (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences): On the prospects of studying the administrative-territorial division of Russia . . . 75

N. Yu. Pivovarov (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow; I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Russia): How the territorial structure of Russia was built – between ideology and reality . . . 80

A.A. Muzafarov (Moscow State Institute (University) of Culture, Russia; The Fundation for Historical Outlook, Moscow, Russia): A much-needed look at an undeservedly underestimated topic . . . 84

The historian and the source

V.V. Pesterev (Kurgan State University, Russia)
Bol'shoy chertezh: returning to the problem of authorship and dating of the general map of the Tsardom of Muscovy . . . 87

The Ways of the Russian Church

I.A. Ustinova (Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences)
«Zealots of church splendor»: the construction of bishops' residences in the second half of the 17th century . . . 101

I.N. Shamina (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
Structure and mechanisms of functioning of the Monastery Prikaz during its formation (1701–1703) . . . 115

L.V. Melnikova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
«Russian Athos» in the Crimea by Archbishop Innokenty (Borisov): problems of studying . . . 128

Institutions and communities

D.S. Bakharev (Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg), E.M. Glavatskaya (Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg)
Censuses of the Russian Late Imperial city: history, geography, reliability 150

D.A. Fedorov (Saint-Petersburg State University, Russia)
The government subsidies to the newspaper «Kievlyanin» in 1864–1882 165

Judicial institutions in Siberia

V.A. Voropanov (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch)
Development of the judicial system in Siberia in the 18th – first half of the 19th centuries. 173

E.A. Krestiannikov (Tyumen State University, Russia)
Conditions for the creation of the Novonikolaevsk district court (late 19th – first decades of the 20th century) 186

Russia and the world

A. Yu. Polunov (Lomonosov Moscow State University, Russia)
From Urmia to Urga: relations with the peoples of the East in the Russian Public Consciousness of the late 19th – early 20th centuries 196

Reviews

V.A. Arakcheev (Russian state archive of ancient acts; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
Rec. ad op.: B.N. Florya. Lektsii po russkoy istorii 208

Yu.M. Eskin (Russian state archive of ancient acts, Moscow)
Rec ad. op.: A.Yu. Kabanov, Ya.N. Rabinovich. «Pryamye» i «krivye» Smutnogo vremeni v Rossii 215

A.E. Kotov (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)
Anathomy of the Thunderer. 219

A.A. Komzolova (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)
How Russia was «unlucky» in Lithuania 226

A.T. Urushadze (European University at Saint Petersburg, Russia)
Rec. ad op.: Tsentr i regiony: ekonomicheskaya politika pravitel'stva na okrainakh Rossiyskoy imperii (1894–1917) 232

V.V. Efimova (Petrozavodsk State University, Russia)
Rec. ad op.: A.I. Razdorskiy. Pechatnye vsepoddanneyshie otchety namestnikov, general-gubernatorov, gubernatorov i gradonachal'nikov Rossiyskoy imperii, 1845–1916: svodnyi katalog 237

V.V. Kalinovsky (Saint Petersburg State University, Russia)
In the name of prosperity of Taurida: a new look at the history of the German community of Crimea 239

N.N. Smirnov (Saint Petersburg State University, Russia)
Orthodox clergy during the Civil War 246

I.K. Bogomolov (Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)
Rec. ad op.: M. Rendle. The State versus the People: Revolutionary Justice in Russia's Civil War, 1917–1922 249

O.V. Bolshakova (Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow)
Rec. ad. op.: P.A. Tribunskiy. Rossiyskoye Zarubezh'ye i stanovleniye rossiyevedeniya v Velikobritanii i SShA (konets XIX v. – 1920 g.) 254

A.S. Puchenkov (Saint Petersburg State University, Russia)
In search of a way to save the country 258

A.V. Gushchin, I.E. Khanova (both – Russian State University for the Humanities, Moscow)
Rec. ad op.: E.I. Pivovar. Prostranstvo Bol'shoy Evrazii XXI veka. Integratsionnye protsessy: instituty, napravleniya, vyzovy 264

Index of materials published in the journal in 2022. 267

Contributors to this issue 273

РЕДАКЦИЯ

Круглов В.Н., к.и.н. — Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.
Мамонов А.В., к.и.н. — Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н. — Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В. — Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н. — Литературный редактор
Мац А.Г. — Младший редактор

Замеченные опечатки

№	Стр.	Напечатано	Должно быть
2	57	*Paul Bushkovitch (Yale University, New Heaven, USA)*	*Paul Bushkovitch (Yale University, New Haven, USA)*
2	246	**Бушкович Пол (Bushkovitch Paul)**, профессор департамента истории Йельского университета (Великобритания)	**Бушкович Пол (Bushkovitch Paul)**, профессор департамента истории Йельского университета (Нью-Хейвен, США)
4	250	**Рец. на: Ю.С. Дюшен. Дневник петроградского чиновника. 1917–1918 гг. / Науч. ред. Г.К. Гагкуев. М.: Изд. центр «Воевода», 2020. 392 с.**	**Рец. на: Ю.С. Дюшен. Дневник петроградского чиновника. 1917–1918 гг. / Науч. ред. Р.Г. Гагкуев. М.: Изд. центр «Воевода», 2020. 392 с.**